

Русская литература

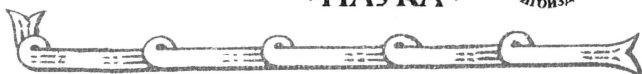
3

2008

3

2008

Санкт-Петербург
«НАУКА»

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2008

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. А. Горелов. Лев Толстой и народное слово	3
Н. В. Лоцинская. «Жизнь — без начала и конца...»: проблема «авторской воли» и практика академического издания лирики А. Блока	13
А. М. Подоксенов. Психоанализ Зигмунда Фрейда в жизни, мировоззрении и творчестве М. М. Пришвина	36

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

А. Г. Бобров. «Заколдованный круг» (о книге А. А. Зими́на «Слово о полку Игореве»)	65

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Т. Р. Руди. Из комментария к рассказу Н. С. Лескова «Александрит»	119
О. Л. Фетисенко. К. Леонтьев и Ив. Аксаков о двух типах христианства	129
Материалы к биографии И. А. Гончарова (вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Романовой)	140
Экспедиция А. В. Маркова на Зимний берег Белого моря 1899 года: письма из архива ученого (публикация Н. Г. Комелиной)	163
Ю. В. Розанов. «Северная химера» Алексея Ремизова: генезис и эволюция образа	174
Из переписки редакции «Журнала Содружества» (1933—1938) с В. П. Семеновым-Тянь-Шанским (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии А. Г. Тимофеева)	184

К. С. Корконосенко. А. А. Смирнов как теоретик художественного перевода (на материале статьи «О переводах „Дон Кихота”»)	211
«Бог дал мне встретиться с Вами...»: письма Г. А. Горышина к И. С. Соколову-Микитову (публикация А. Г. Гродецкой)	215
Л. Г. Фризман. М. Л. Гаспаров о «статистической литературометрии»	222

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П. Е. Бухаркин. Собеседник русской литературы	227
Р. Ю. Данилевский. Современность В. А. Жуковского (о сборнике работ к юбилею проф. Ф. З. Кануновой)	233
Т. Г. Иванова. Русский фольклор в странах Балтии	235

ХРОНИКА

М. Н. Нечаева. Семинар «Соцреализм сегодня: новые подходы к тоталитарной эстетике»	239
А. М. Любомудров. Первые Антониевские чтения (к 135-летию со дня кончины А. П. Бочкова).	245
В. Н. Запевалов. Научная конференция, посвященная юбилеям В. Белова, А. Вампилова и В. Распутина	248
С. А. Кибальник. Чтения, посвященные памяти Ю. В. Стенника	255

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *Н. Н. СКАТОВ*

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора),
А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ, И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции),
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ,
Ю. М. ПРОЗОРОВ, С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И НАРОДНОЕ СЛОВО

В «Исповеди» Льва Толстого есть слова: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь. Только подобие жизни...»

И далее следует утверждение и вместе откровение, что подлинность — «жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей».¹

Весь путь Толстого — начиная с первых повестей и рассказов, а того ранее — с истоков его работы над личным духовным развитием, документально засвидетельствованным дневниками, — есть путь последовательного отречения, а затем и разрыва с привилегированным сословием, к которому писатель принадлежал по рождению, воспитанию, образу жизни...

Далеко не прямолинейный, исполненный мук и трагедийности, путь Толстой символизирует, однако, бесповоротность прямого сближения всей русской литературы XIX столетия с естественными и решительными стремлениями народа.

Но сколько бы ни повторялась известная мысль Толстого о его классовом самоотречении, сколько бы ни тратилось пафоса на благородное признание героического характера его судьбы, мы не вправе забывать, что великое духовное движение Толстого (именно потому, что перед нами — гений словесной сферы культуры) вершилось в орбите слова, в многозначительном общении со стихией языка того самого простого русского народа, который художник считал основным творцом жизни, притом *единственно* живущим жизнью *настоящей*.

Начало толстовского общения с народом — в достаточно традиционном дворянском детстве, в достаточно типичной ранней биографии, в повседневных соприкосновениях формирующейся личности ребенка, юноши с миром «народа-крестьянина» (так писатель называет русский народ в незавершенном романе «Декабристы» — Т. 17. С. 30), который не мог быть вполне заслонен в яснополянском быту ни фигурой гувернера, ни собственно дворянским семейным и окрестным поместным окружением...

В трилогии о детстве, отрочестве и юности дворянского отпрыска, где нет нужды видеть точную копию биографии самого Толстого, тем не менее очерчены типические моменты взаимоотношений пробуждающейся юной души с народным словом, которое произвольно проникало и в детскую, и в кабинет барского дома, жило в людской, в сенях, на всем пространстве провинциальной усадьбы и на столичной улице.

Разноголосоца этой речи усвоена Толстым именно там, а не в кавказском или севастопольском станичном и воинском быту. Эту речь не надо было восстанавливать, реконструировать, стилизовать с тетрадкой выписок из пословичного сборника Снегирева или словаря Даля... Она вошла в ду-

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1957. Т. 23. С. 47. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

ховную плоть художника как сумма определенных стилей народной речи, присущих представителям разных внутринародных слоев-прослоек, как сложение и слияние особых типов высказывания, самообъяснения и самовыражения, свойственных носителям совершенно индивидуальной психологической, душевной человеческой конституции...

Безусловная правда биографии Толстого (и это его исходный художнический капитал!) заключается в том, чтобы признать: до Иртеньева именно Толстой внимал детским слухом характернейшей импровизированной молитве юродивого (в «Детстве» он назван Гришей), его «нескладным, но трогательным» словам: «Боже, прости врагам моим!.. (...) прости мя, Господи, научи мя что творить... научи мя, что творити, Господи!» (...) Да будет воля Твоя!» (Т. 1. С. 34, 35).

Ведь по поводу этого подслушанного страстного религиозного монолога, неотторжимого от образа странника-юродивого, Толстой под псевдонимом Иртеньева произнесет вероисповедное признание: «Впечатление, которое он произвел на меня, и чувство, которое возбудил, никогда не умрут в моей памяти» (Там же. С. 35).

Это Толстой ребенком слышал охотничью речь, которая вошла как авторское слово, передающее азартное переживание охоты тем же Никольской Иртеньевым: «Остров был голосистый, и гончие варили варом» (Там же. С. 25).²

И можно предполагать, что рассказы прислуги о смерти матери Толстого отложились в сознании будущего писателя, чтобы найти выход в исполненном истинности рассказе Натальи Савишны:

«— Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я ее еще нянчила, пеленала и она меня Нашей называла. Бывало, прибежит ко мне, обхватит ручонками и начнет целовать и приговаривать:

— Нашик мой, красавчик мой, индюшечка ты моя.

А я, бывало, пощучу — говорю:

— Неправда, матушка, вы меня не любите; вот дай только вырастете большие, выдете замуж и Нашу свою забудете. — Она, бывало, задумается. „Нет, говорит, я лучше замуж не пойду, если нельзя Нашу с собой взять; я Нашу никогда не покину“. А вот покинула же и не дождалась. И любила же она меня, покойница! Да кого она и не любила, правду сказать! Да, батюшка, вашу маменьку вам забывать нельзя; это не человек был, а ангел небесный. Когда ее душа будет в царствии небесном, она и там будет вас любить и там будет на вас радоваться» (Там же. С. 89, 90).

Все интонационно-синтаксические обороты этого рассказа, эпитеты, ласкательно-уменьшительные формы слов, свобода разговорных переходов с прошедшего глагольного времени на настоящее, эта смесь детского лексикона с речью прислуги — истинность живой, впитанной писателем специфически женской, народной речевой манеры, типичной для особой категории лиц, для бытовой ситуативности ее проявления, наконец, для тех специфических состояний самообнажения нравственных фондов особенной личности, суть которых Толстой определяет как «чистая, бескорыстная любовь и самоотвержение» (Там же. С. 95).

Из того, что Толстой стал писателем, разумеется, вовсе не следует, что в Никольнке Иртеньеве уже угадывается именно писатель. Перед нами ри-

² Разумеется, это неуместимо, как и всякое правдивое искусство, необходимым, но прохладно-точным, угавающим эмоции смыслообъясняющим комментарием ученого: «т.е. преследовали зверя с неумолкаемым залившимся лаем» (см.: Толстой Л. Н. Детство. Отрочество. Юность / Изд. подг. Л. Д. Опульская. М., 1978. С. 521).

суемый Толстым процесс стихийно-речевого созидания структуры личности.

Эти ранние, вскрывающиеся через картины детства героя, моменты общения будущего художника с народным словом — хотя бы и воскрешенные затем на более высокой и взвешивающей стадии его личностного развития — напоминают: обладающая тонкостью культура художнического слова воздвигается на основе сильных ранних впечатлений, связанных с интенсивностью, активностью жизни стихии языка, сращенной с многозначными для ребенка событиями, актами познания самоценного мира.

И запретное общение со странными людьми, юродивыми, и рассказ о смерти матери, и охота, продемонстрированные цитатными извлечениями из первой повести Толстого, — нечто неизгладимое и формирующее... Толстовское интуитивное первоощущение народного слова находится в связи с первопознанием национально-народных типов, первопознанием некоторых единожды взволновавших и далее уже неотступно увлекавших мысль и чувство сторон народного быта.

Слову этому предстояло играть в судьбе Толстого — литератора и человека роль постоянную, выдающуюся.

* * *

Переживание диссонанса, а затем и конфликта с окружающим дворянским миром, все острее, все более захватывая душу Толстого, будет вращаться в его биографию. На этой почве инстинктивное тяготение к миру труда станет все неутолимей, общение с народом — все более многосторонним и глубоким. И следствием непрерывно шедшего процесса явится становление того, что называется *искушенностью в слове*.

По мере созревания индивидуальных особенностей самопроявления личности в искусстве будет происходить обогащение словесной палитры человека, профессионально работающего словом, а далее обнаружится пронизанность всей системы его мышления народными языковыми ресурсами.

Некоторым из читателей Толстого — и в их числе редактору-издателю «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу — будет претить «мякинный язык» народных рассказов Льва Толстого, равно как язык его яснополянских учеников.³ Но именно этот язык даст многочисленные, изумляющие проникновенностью характеристики мира во всех разновидностях прозы Толстого, вплоть до непосредственного эпистолярного творчества.

В одном из писем Н. С. Лескову Толстой скажет о необходимости под конец жизни отличать «самое важное и нужное» от «всякого хлама», который под влиянием общественных похвал достают «из своего мешка» стареющие писатели: «...уверисься, что то, что люди хвалят в тебе, есть то самое, что нужно Богу, а это нужно Богу (т. е. «самое важное и нужное», по его определению. — А. Г.) так и останется и *созреет*» (здесь и далее курсив мой. — А. Г.).

Заурядно-обиходное простонародное слово «созреет» глубочайшим по точности образом выразит заботы писателя о том, чтобы у «старых людей» не пропали в безвестности необходимые людям сокровища духа (Т. 67. С. 121).

Мы знаем, что молодой Толстой слушает на Тереке песни старого казака Епишки и под обстрелом в Севастополе «с природы» записывает солдатский разговор. Он присутствует на сельских святках в Ясной Поляне и распакивает в свои 60 лет поле вдовы Анисьи Копыловой, и оттого, как никто из

³ Толстая С. А. Моя жизнь // Прометей. М., 1980. Т. 12. С. 186.

русских писателей, *слышит деревню, крестьянство* (от него нет мужицких секретов: он знает даже, у кого на деревне скрывается беглый каторжник...). А вдобавок — в 1870-е годы целые месяцы Толстой с записной книжкой проводит на пыльном тульском шоссе, по которому от зари до зари идет движение всероссийского простонародья. Можно назвать также этапные поездки Толстого на помощь голодающим крестьянам Самарской губернии, посещение московских ночлежек... Все это принадлежит биографии Толстого как *художника-словесника*.

В каждом известном нам подобном шаге и эпизоде жития Льва Толстого видится непрестанность целеустремленного познания родного народа через постоянство большой работы приобщения к живой жизни народного слова, за чем следовало его литературное *освоение*.

Сколь высокие художественные результаты приносило это, свидетельствуют бесчисленные страницы Толстого. Но все же напомним одну сцену из драмы «Живой труп», даже всего одну реплику Федора Протасова — реплику, впрочем, *незабываемую*.

Звучит цыганская песня «Кон'авэла».

Звучит и уносит, и зовет куда-то в огромную, непостижимую и притягательную жизнь...

Все несвершенные желания поднимаются в душе Протасова, и он самозабвенно, потерянно восклицает: «Это степь, это десятый век, это *не свобода, а воля*» (Т. 34. С. 22).

Противопоставление слова «*воля*» как безграничного мира слову «*свобода*», будто поблекшему, потускневшему в тесном мире буржуазных нормативных догматов правосознания, давящих и стискивающих героя, удивительно по контрастности традиционно синонимичных понятий.

Но где же источник этой разительной по своей художественной силе антонимизации синонимов? Источник этот — в особенном потоке народного слова, к которому биографически причастился писатель и которое определяется термином «*песенность*», а точнее или *уже* — «*казачья песня*», где образы степи, неба, воли образуют неразделимое целое, т. е. всего ближе и вероятнее здесь влияние именно *казачьей гребенской песни*.

Впрочем, о фольклорных и просторечных волнах культуры, омывавших толстовское творчество, существует солидная научная литература. Она демонстрирует фундаментальность народной базы словесного искусства Льва Толстого, хотя и далеко не исчерпывает богатств, заключенных в материалах Полного собрания сочинений писателя.

А у самого Толстого среди замечаний, размеченных по страницам его произведений, набросков, дневников, можно найти высокие определения достоинств народной речи, поднятые на теоретический уровень обобщения. Это как бы тезисы ненаписанного трактата о значении пребывания пишущих людей в державе народного слова.

Писатель признавался себе, что видит за словом массы роль *регулятора* точности описания вещно-предметного и духовного мира.

Заслуживают того, чтобы быть особо отмеченными в этой связи, по крайней мере два обстоятельства.

1) Уже 25-летний Толстой формулирует мысль о необходимости владения «простонародным языком» для общения с «необразованным человеком» и говорит, что это владение-умение есть вообще «пробный камень ясного понимания предмета» (Т. 46. С. 286).

2) Сознательная пытливость в отношении эстетической красоты народного слова, периодически перерастающая в явную ориентацию на народное слово, может быть прослежена шаг за шагом по всему творческому пути

Толстого. Достаточно упомянуть восхищенные строки (опять-таки 25-летнего) писателя о дивной вариативности интонационно тождественных стихов народной песни:

«Один из замечательнейших признаков гибкости русского языка» — «в из[ме]нении повторяемого стиха в песнях; <...> ни одн[ой] песни нет, особенно веселой, лихой», где «это[т] refrain не изменялся бы иногда 3, 4 манерами, например:

По горенке милый ходит,
Тяжело вздыхает (— тяжело вздыхает,
тяжко он вздыхает,
плачет вздыхает)»
(Там же. С. 278).

Можно сослаться на то, что в возрасте от 35 до 50 лет на Толстого очень большое впечатление производили народные былины (см. Т. 66. С. 68), можно выделять различные жанровые пристрастия художника, но это будет произвольным извлечением из цепочки практически не прерывавшихся свидетельств о его *универсальном и фронтальном интересе к фольклору* и иным явлениям культуры, запечатлевшим самородное слово низов нации, к тому, что выступало *духовно сердцевиным, образующим народно-национальным фактором*.

О некоторых классиках мы говорим, что в их произведениях возникает особая индивидуально-характерная *литературная версия просторечия*, версия речи народной. Это связано со вкусом и избирательностью художника, который правомочен отдавать предпочтение тем, а не иным стилистическим достоинствам ресурсного народного слова.

Накладным румянцем фольклора цветут, например, портреты персонажей Мельникова-Печерского, который столь сгущает устойчивые черты портретирующей песенной стилистики, что она творит красочный, как вятские игрушки, но в большой степени *условный* мир. Афористичность же ориентированного на пословичность языка героев ведет к тому, что речь персонажей, да и близкая к ней авторская речь образуют параллельное столь же своеобразно-условное течение речевой стихии.

Для Льва Толстого характерно стремление преодолеть односторонность восприятия и моноустремленность трактовки народной речи и ее носителей — трактовки, несущей непобедимое однообразие. Слог его психологической прозы (несколько менее — драматургии) характеризуется в целом раскрепощенностью, свободной пластичностью слова. Те его герои, кто мыслит и изъясняется пословичным диалектом, персонифицируют всего лишь одну из ипостасей народной речи, одну разновидность внутри безмерно более богатого, переливающегося естественными красками целого.

* * *

В толстовском творчестве наряду со знаковой фигурой Платона Каратаева — носителя специфической афористики есть другое знаковое явление — казак Ерощка. Как раз его, а не каратаевский речестрой, его речевой образ при такого рода сопоставленности и сравнении получает в полнообъемной целостности социально-психологической прозы Толстого ощутимый приоритет национального представительства.

Понятие индивидуальной художнической версии народного слова, довольно отчетливо определяемое для некоторых мастеров, не может быть без

сужающего и обедняющего насилия применено к искусству Толстого, хотя у него на одном из этапов жизни состоялась попытка утилитарно замкнуть свое творчество в границы одной словесно-стилистической манеры, одного «пошиба».

Интонация, близкая к той, что несла логически обнаженная структура книжной притчи XVIII века, интонация, лишь частично оживленная разговорностью фольклорного (сказочно-анекдотического) происхождения, становится своего рода стилистической доминантой, когда Лев Толстой создает «Новую азбуку», «Русские книги для чтения» и некоторые рассказы, легенды, сказки середины 1880-х годов, предназначенные для издательства «Посредник». Но аскетизированная манера, внеся конструктивную лепту в искусство позднего Толстого, не сузила его органических пристрастий к полифонии народного словаря. Толстой продолжал прикипать к разным источникам народного слова — изустным и книжным, отдавая явное предпочтение живой речи как таковой и строя свою оценку достоинств литераторов на степени их приближенности к органике народной словесной инструментовки.

Показателен его столь же справедливый, сколько многообъемлющий дифирамб 1908 года в адрес А. И. Эртеля как автора романа «Гарденины», а всего более — его языковой палитры: «Для того <...>, кто хочет узнать язык народный, не древний, которым уже никто не говорит, и не новый, которым, слава Богу, говорят еще немногие из народа, а тот настоящий, сильный, где нужно — нежный, трогательный, где нужно — строгий, серьезный, где нужно — страстный, где нужно — бойкий и живой язык народа, которым, слава Богу, еще говорит огромное большинство народа, особенно женщины, старые женщины, — тому надо не читать, а изучать народный язык Эртеля» (Т. 37. С. 244).

Этот пафос жил в Толстом всегда. Именно с этих позиций писатель публично вступал в полемику по вопросам языка, где нашли место и его предпочтения художника-реалиста, нередко повиновавшегося практике диалекта, русскому областному слову.

В статье «О народном образовании» (1874) Толстой готов был защищать местное значение слова «*косарь*» — лишь в смысле «орудия» или «продавца кос», но никак не того, кто косит, работает косой, — опираясь на особенности живого тульского диалекта как на правду действительности (Т. 17. С. 83). В своей опоре на живое знание слова художник стремился отрешиться от стерилизации языка за счет изгнания потребных искусству областных слов, ибо от того зашоривалось зрение писателей.

Его позиция иногда ощутимо сближалась со взглядом Даля-лексикатора.

В «Утре помещика» Нехлюдов идет к крестьянам Дутловым на «*осик*» (Т. 4. С. 157), т. е. пчельник, в «Метели» герой видит усиление низовой «*замети*» (Т. 3. С. 120) (поземки), хотя в обоих случаях использованные слова имеют очевидные литературные синонимические дублиеты (Толстой употребляет рядом с «*осиком*» и слово «*пчельник*»), правда — иной этимологической природы.

Толстой сохраняет во имя живой достоверности изображения разнообразные активы просторечия.

Если надо, это могут быть морфологические формы:

«А не любит Васин *бомбов*, ох, не любит!» (Т. 4. С. 106) — говорит один из солдат мортирной батареи в рассказе «Севастополь в августе 1855 года».

Документальная конкретность народного бытового самоизъяснения была столь дорога Толстому, что нередко им сохранялась даже в косвенной речи простонародность ее фонетического обличья:

«Один рассказывал, как скоро должно кончиться осадное положение [в] Севастополе, что ему верный флотский человек рассказывал, как Кистинтин, царев брат, с мериканским флотом идет нам на выручку...» (Там же. С. 107).

В «Казаках» просторечие и диалектизмы при изображении казачьей жизни так же естественны и необходимы, как газыри на казачьей черкеске. Но реалистическое письмо не следует натуре рабски, не превращается в экстракции диалекта (равно как просторечия). От впадений в натурализм охраняет гармонизирующее диалоги, монологи чувство меры.

Показателем разговор героев из «Казаков».

«— А что, дядя? Сказывали, у тебя разрыв-трава есть, — молвил он (Лукашка. — А. Г.), помолчав.

— Разрыва нет, а тебя научу, так и быть: малый хорош, старика не забываешь. Научить, что ль?

— Научи, дядя.

— Черепаху знаешь? Ведь она черт, черепаха-то.

— Как не знать!

— Найди ты ее гнездо и оплети плетешок кругом, чтоб ей пройти нельзя. Вот она придет, покружит и сейчас назад; найдет разрыв-траву, принесет, плетень разорит. Вот ты и поспевай на другое утро и смотри: где разломано, тут и разрыв-трава лежит. Бери и неси куда хочешь. Не будет тебе ни замка, ни закладки.

— Да ты пытал, что ль, дядя?

— Пытать не пытал, а сказывали хорошие люди. У меня только и заговора было, что прочту „здравствуитя“, как на коня садиться. Никто не убил.

— Какая такая „здравствуитя“, дядя?

— А ты не знаешь? Эх, народ! То-то, дядю спроси. Ну слухай, говори за мной:

Здравствуитя живучи в Сиони.

Се царь твой.

Мы сядем на кони.

Софоние вопие,

Захарие глаголе.

Отче Мандрыче

Человеко-веко-любче.

Веко-веко-любче, — повторил старик. — Знаешь? Ну, скажи!

Лукашка засмеялся» (Т. 6. С. 63).

В диалоге этом собственно диалектные формы исчерпываются словом «здравствуитя», просторечных слов и форм немного: «разрыв-трава», «малый», «штоль», «плетешок», «плетень разорит», «слухай», «пытать не пытал», «только и заговора было», а еще оттенок просторечия получает поэтическая, фонетически-ассоциативная рифменная игра в старославянских заговорных строчках-стихах: «в Сиони — на кони», «Мандрыче — человеко-веко-любче».

По смелости художественного использования запасов народного слова Толстой опережал даже таких мастеров, как Тургенев, но вместе с тем блюл меру литературной чистоты, не единожды равняясь в своем искусстве на прозу Пушкина. Не без некоторой осторожности воспринимал он позднее насыщенную лексико-стилистическими курьезами манеру Лескова. Примечательно, что оцененные Толстым как подлинные явления народного слова рассказы и повести Сергея Терентьевича Семёнова не обладают диалектной перегруженностью.

Нельзя, однако, забыть, что простонародное региональное слово, обладая иным, чем слово общераспространенное, семантическим сиянием, может иметь специфическое значение и для самого писательского творческого процесса, вызывая в воображении художника неожиданные озарения.

Об одном из них свидетельствует дневниковая запись Льва Толстого, рассказавшая про многозначительную встречу писателя с полевым репейником 18 июля 1896 года.

«Вчера иду по передвоенному черноземному пару. Пока глаз окинет, ничего, кроме черной земли, — ни одной зеленой травки. И вот на краю пыльной, серой дороги куст татарника (репья), три отростка: один сломан, и белый, загрязненный цветок висит; другой сломан и забрызган грязью, черный, стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли, но все еще жив и в серединке краснеется. Напомнил Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял ее».⁴

В записи Толстого отмечено не только сходство стойкости репейника с отчаянной борьбой Хаджи-Мурата за жизнь. Налицо и языковая форма ассоциаций, неизбежно воздействовавшая на ассоциируемое содержание: репей — «татарин» по-тульски. И «татарин» же — в русском народно-национальном восприятии всего населения Востока, Кавказа — аварец Хаджи-Мурат, мюриды которого будут в повести говорить «по-татарски» (гл. XII), равно как «по-татарски» же станет разговаривать с Хаджи-Муратом адъютант наместника Кавказа (гл. XI). Других диалектных названий репейника Лев Толстой не приводит, но не исключена возможность, что на воспоминание именно о Хаджи-Мурате его навела молниеносная цепная ассоциация: после диалектного «татарин» мелькнуло другое краевое название репья — «царь-мурат».⁵ В истории встречи Толстого с репейником-«татарином», т. е. и встречи с тульским диалектизмом, проявилось то, о чем сказал А. А. Потенба: «...многие мысли и многие образы, не лишённые общего значения, вовсе бы не родились без... провинциальных жаргонов».⁶

* * *

До сих пор рассмотрение вопроса об источниках народного слова у Толстого и о нормативных для писателя формах их авторской трансплантации в литературное искусство словно бы уклонялось от главного: от демонстрации смыслового наполнения, от функциональной характеристики народного языка в произведениях Толстого, т. е. от выявления его идейной акцентуации. А между тем это качество прямо выступает как носитель-выразитель ведущих мыслей художника.

Сфера народного слова — особый и дорогой Толстому мир народности. Он дорог писателю тем, что является средоточием нравственных идеалов, что носители простонародного языка — воплощение истинной в его глазах жизни и жизненной истины. И с этой точки зрения, сквозь призму народного слова, отчетливо просматривается этапность контактов дворянского персонажа с миром народным.

«— А мы этот транспорт сами *обо'удуем* [оборудуем]» (Т. 15. С. 107), — говорит в одной из черновых глав «Войны и мира» Денисов. И Толстой, показав новую характерность речи героя, пришедшую к нему на войне, добав-

⁴ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 20. С. 52—53. Ср. также статью Д. Старикова «Два слова: „...Человек был тоже татарин”» (Прометей. Т. 12. С. 404).

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 4. С. 92.

⁶ Потенба А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 230.

ляет: «⟨...⟩ сказал Денисов, привыкший теперь невольно употреблять мужицкие слова» (Там же).

Это всего лишь деталь, но их в «Войне и мире» — знаменательных деталей речевого извода — великое изобилие. И деталь эта в высшей степени симптоматична. Народная война — война 1812 года — ставит лучших представителей общества в гущу народно-национальной жизни, превращает офицера в партизана, и он сблизается с мужиком по языку, за чем Толстой усматривает составляющий важную эпоху развития социального сознания сдвиг в самом образе мышления явственно эволюционирующего дворянства...

Здесь же, в «Войне и мире», диалект петербургского салона и непонятный народу и презираемый народом, «ёрнический» (Т. 11. С. 339) язык воззваний и афишек Растопчина («я *приеду* назад к обеду и примемся за дело, сделаем, доделаем и злодеев *отделаем*») (Там же. С. 336), — язык Растопчина, думавшего обычно про себя, как и целый разряд дворянских персонажей эпопеи, по-французски, — противопоставлены языку России как стихии спланивающегося, консолидирующегося целого. Этот язык большинства живет в устах Денисова и Щербатого, Кутузова и Ростовых, и массы других героев.

Растопчинским речевым изобретениям противопоставлена разящая энергия авторского просторечья, вкрапления которого составляют один из художественных феноменов эпопеи, один из источников ее народного, национального звучания. Управление языковыми ресурсами — одна из художественных тайн эпопеи, где авторская мысль творит надперсонажный образ отечественной всенародности:

«...*дубина* народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и ⟨...⟩ *гвоздила* французов до тех пор, пока не погигло всё нашествие» (Т. 12. С. 120, 121).

В произведениях Толстого народное слово становится фактором маркирующим и — важнее того — *фактором разрешающим*.

Это концентрации смысла, обозначения идейных кульминаций произведения, точки высоты духовности главных героев, средоточия важнейших оценок.

Не цитированное ли народное слово «*гвоздила*» из «Войны и мира» передает весь характер русской войны против иноземного нашествия «двенадцати язык» как войны «отечественной»?.. Но и в других толстовских сочинениях народному слову то и дело отдается решающая роль.

В «Казаках» Оленин потерпел моральный крах, пытаясь пересоздать себя, слиться с казачьим миром, разорвать власть предьявляющей на него права бывшей московской светской жизни.

Народным приговором звучат — словно бы исходящие из недр заветной, всепостигающей казачьей мудрости — слова старого Ерощки, обращенные к покидающему станицу, исторгнутому ею барину: «Такой ты *горький*, всё один, всё один. *Нелюбимый* ты какой-то!» (Т. 6. С. 149).

Важнейшим концептуальным компонентом выступает крестьянское слово в «Анне Карениной».

Толстой впрямую, и даже не без прямолинейности, характеризует Константина Левина: «⟨...⟩ любить или не любить народ, как что-то особенное, он не мог, потому что не только жил с народом, не только все его интересы были связаны с народом, но он считал и самого себя частью народа, не видел в себе и народе никаких особенных качеств и недостатков, и не мог противопоставлять себя народу» (Т. 18. С. 252).

Многokrратно на протяжении романа автор доказывает, что это действительно так, что Левин действительно — всеми своими естественными чувст-

вами, охотой к мужицкому труду, мыслями, формирующимися с участием простонародной фразеологии, лексики, — неотделим от народа, хотя системно единые штрихи малоприметны, а то и едва уловимы.

Стиву Облонского Левин спрашивает о гостях: «У тебя много народа?» — И уточняет свой вопрос чисто мужицким его поворотом: «*Кто да кто?*» (Там же. С. 402).

А летней ночью на лугу Левин слышит «песни и (далее следует просторечная форма. — А. Г.) *смехи*» (Там же. С. 291).

И если бабья песня, приближающаяся к Левину, кажется ему «*тучей с громом веселья*» (Там же. С. 90), это — примета, знак простонародности мироощущения героя.

Сумма унисонных микродеталей повествования исподволь лепит фигуру человека, который всем строем сознания более близок к мужику, чем к единокровному брату Кознышеву, в свою очередь несомненно обладающему книжно-абстрактным знанием народа. Кознышев помнит, например, народную загадку, неизвестную Левину, да только он чужд народу личным эмоционально-психологическим складом, а значит — и образом поведения.

Помещику Левину ясно, что крестьяне никогда не победят в себе недоверия к барину, ибо цель его — по всосанному с молоком матери мнению крестьян — едва ли могла состоять в чем ином, кроме как «обобратить» мужиков, «сколько можно» (Там же. С. 359). Классовый антагонизм остается нерушимым. Однако народное толкование сложнейших жизненных, социально-этических материй, заключенное в слове мужика, приносит Левину — герою, ищущему преодоления исторической духовной дистанции между его сословием и народом, — ответ на главный, мучающий его вопрос о смысле человеческого существования.

Разрешающая сила народного слова дает Левину понимание хранимой трудовым народом и способной объединить всех людей правды, которая отличается в крестьянские слова: надо жить «для души», а «не для брюха» (Т. 19. С. 376, 377). Сколь бы осложненным ни было для любимого героя Толстого и, значит, для самого писателя, истолкование реплик подавальщика Фёдора, в них открывается истинность мнимо-элементарной, мнимо-наивной народной морали. Это получает центральный смысл не только для левинской линии «Анны Карениной», но и для замыкания «сводов» романа в целом.

Подобное идейно-функциональное применение народного слова встречаем в публицистике Льва Толстого и его драматургии, им в высокой степени отмечен роман «Воскресение».

В последнем звучат прокаленные болью, ненавистью и прямоотой откровения слова арестанта: «*И царь воды не удоржит*» (Т. 32. С. 385). Эта убежденность рождена на земле, где непрерывно вершатся преступления, где «*чивреют*» (так страшно определяет хвори детишек старуха Матрёна. — Там же. С. 215)⁷ и погибают дети, и это грозное предзнаменование общественных потрясений России, которые предощущал Толстой на рубеже XIX—XX столетий.

Преломление народного слова в творчестве величайшего художника России — неистощимая в своей учительной силе школа искусства, зовущая к литераторским раздумьям, и вместе неисчерпаемая в своих возможностях, благороднейшая область научных исследований.

⁷ Затонувшие в будничности деревенской речи, трафаретно-затрапезные «зачиврел», «сгас», звучащие из уст Матрёны, — переворачивающая душу трагическая участь сына Нехлюдова и Катюши Масловой. Это одна из эмоциональных кульминаций романа, выявляющая судьбоносный смысл темы детства в композиции «Воскресения».

«ЖИЗНЬ — БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА...»: ПРОБЛЕМА «АВТОРСКОЙ ВОЛИ» И ПРАКТИКА АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ЛИРИКИ А. БЛОКА

Академическое издание любого классика, тем более новаторское по сути текстологическое освоение наследия писателя-символиста, — неизбежно длительное научное предприятие, и надеяться тут на быстрый результат не придется.¹

Немногочисленные критические реплики, прозвучавшие после выхода в свет первых пяти томов Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока,² касаются в основном частных моментов и не затрагивают сложных спорных проблем блоковского издания. О них в сопутствующих изданию сборниках и трудах рассуждают по ходу его подготовки сами участники процесса.³ Предлагаемая статья тоже не итог, а скорее «взгляд изнутри», размышления одного из составителей на полях опубликованных и находящихся в стадии завершения томов лирики А. А. Блока. По поднятым в ней темам автору уже приходилось высказываться как в печати,⁴ так и на международных науч-

¹ См., в частности, высказывание А. В. Лаврова о фундаментальных академических изданиях: *Лавров А.* «Серебряный Век» и/или «пантеон современной пошлости» // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 244. Помимо трудоемкости исследовательских работ, на выпуск академических изданий влияют разные внешние обстоятельства. К примеру, первый том Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока по не зависящим от составителей и не объясненным им причинам был изъят в 1985 году из набора и начало печатания готовых томов оказалось отложено более чем на десятилетие.

² *Блок А. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 1—3; М.; СПб., 1999. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1897—1915); М., 1999. Т. 5. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

³ См., например: *Быстров В. Н.* К вопросу об основном тексте первого тома «лирической трилогии» Блока // Русский модернизм. Проблемы текстологии: Сб. статей. СПб., 2001. С. 60—72; *Грыкалова Н. Ю.* Символистский текст: модусы интерпретации (Из опыта работы над академическим Полным собранием сочинений и писем Александра Блока) // Проблемы текстологии и эдичионной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003. С. 112—128; *Кузнецова О. А.* Понятие «однострунность — многострунность» у Блока (к вопросу о формировании лирической «трилогии») // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1987. С. 69—78.

⁴ См.: *Лощинская Н. В.* 1) Вступительная заметка к разделу «Комментарии» (Т. 4. С. 378—394); 2) [О трудностях академического издания поэзии модернистов] Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века» // Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 2000. Т. III. № 3. С. 450—452; 3) О своеобразии текстологической проблематики академического издания лирики А. А. Блока (к постановке вопроса) // Русский модернизм. Проблемы текстологии. С. 73—91. В издательских портфелях находятся еще две работы текстологического характера: *Лощинская Н. В.* 1) «Ты так светла, как снег невинный...» Об одном черновом автографе А. А. Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Вып. 4; 2) Формирование корпуса незаконченных стихотворных текстов в составе академического издания ПССиП А. А. Блока // Статус незавершенного в художественной практике и культуре XX века: Материалы международного научного семинара, проходившего в Институте русской литературы РАН 15—17 мая 2006 г.

ных конференциях, в рамках «круглых столов», на текстологических семинарах. Их актуальность обусловлена в первую очередь насущными эдиционными задачами, стоящими перед исследователями при подготовке современных научных изданий стихотворных текстов писателей-модернистов (Ф. Сологуба, М. Волошина, А. Белого, М. Цветаевой и других поэтов Серебряного века). В частности, обозначенная в заглавии проблема соответствия публикуемых текстов авторской воле, достаточно прихотливой у Блока, как и у большинства символистов, сопряжена с необходимостью целостного осмысления блоковского лирического наследия в составе академического издания. Трудность такой задачи побуждает еще раз обратиться к рассмотрению причин неоднозначности принимаемых в издании решений.

Тезис об органическом единстве всей лирики Блока часто повторяется исследователями и издателями его творчества.⁵ Сравниться с ним по востребованности может лишь идея приоритетности «трилогии вочеловечения» — составленного самим поэтом трехтомного собрания стихотворений со своим внутренним сюжетом и единой композицией. Именно эта трилогия, которая создавалась в течение двух десятилетий, видоизменяясь от одной редакции к другой по мере развития общего замысла, обычно воспринимается как основной результат творческих усилий поэта. В последнее время в блоковедении все чаще раздаются также голоса в поддержку важности отдельных литературных «жестов» (термин Н. В. Котрелева), проявлявшихся публикацией поэтических циклов, сборников, книг. Они тоже признаются самодостаточными как выражение определенных этапов художественных исканий Блока.

Все эти ракурсы восприятия нельзя не учитывать при изучении его лирического наследия. Но если в иных изданиях можно в известной мере применять и чередовать разные подходы, то в Академическом полном собрании сочинений необходимо соблюдать строгую иерархию при группировке текстов и расположении их по томам. Основу такой систематики составляет степень выраженности авторской воли.

С этой точки зрения рассыпать в хронологическом построении (традиционном для академических изданий) тексты «лирической трилогии», являющей собой художественное целое, некий «роман в стихах», — значит не только разрушить уникальное жанровое образование, но и не соблюсти волю автора. А она в отношении этого, неделимого в рамках последней редакции, круга стихотворений, или, на языке Блока, «круга чувств и мыслей» (Т. 1. С. 179), была достаточно определенной. Поэтому, несмотря на некоторые несообразности и неясности в оформлении окончательной редакции трилогии, именно она была положена во главу угла при распределении текстов в Академическом собрании сочинений.

При таком подходе первые три тома Академического собрания сочинений воспроизводят трилогию, четвертый том вобрал в себя стихотворные тексты, не включенные Блоком в так называемое «основное собрание». В пятый — как следует из вступительной заметки к нему — вошли «поэтические произведения, над которыми поэт работал в 1917 г. и далее

⁵ Благодаря такому единству поэтическое наследие Блока представляет нескончаемый диалог — с самим собой, адресатами стихотворений, миром. «Органическая цельность» всех блоковских стихотворений была отмечена К. И. Чуковским в его книге «Александр Блок как человек и поэт» (Пг., 1924. С. 26—66). Это свойство поэзии Блока в разных аспектах исследовалось в целом ряде работ, в частности, в плане поэтики, — в книге Н. А. Кожевниковой «Словоупотребление в русской поэзии начала XX века» (М., 1986. С. 142—252). Там же (с. 142—143) дается отсылка к работам на эту тему В. М. Жирмунского, Д. Е. Максимова, Л. Я. Гинзбург, З. Г. Минц.

по 1921 г.» (Т. 5. С. 295), в том числе наброски, переписанные Блоком в дневник⁶ из более ранних записных книжек. Основная же масса незаконченных стихотворений и набросков после некоторых подвижек внутри издания оказалась отнесена в одиннадцатый том, составив его первый раздел.

Каждая из названных структурных частей блоковского лирического наследия, отличаясь по характеру и выраженности авторской воли, имеет и свою особую текстологическую проблематику.

В отношении первых трех томов, составляющих «лирическую трилогию», самой серьезной проблемой остается невозможность достоверно уяснить меру участия Блока в подготовке четвертой редакции трилогии, выпущенной уже после его смерти издательством «Алконост».⁷

В. Н. Орлов настаивал на «каноничности» сводной редакции трилогии, признавая «не подлежащими нарушению»⁸ последние прижизненные издания каждого из составляющего ее томов: пятое издание для первого тома, четвертое — для второго, третье — для третьего.⁹ Однако сам, публикуя стихотворения Блока, вносил поправки в тексты указанных изданий, нередко прибегая к контаминации разновременных слоев рукописных и печатных источников. Размещение стихотворений со спусками или без них, характер датировок, введение и расположение топографических помет, другие детали оформления текста — все это оставалось на усмотрение редактора, допускались вмешательства в авторский замысел без серьезных текстологических мотивировок. Отсюда возникал разнобой в чтении отдельных стихов, произвольно варьировались пунктуация, строфика, оформление датировок (в том числе их наличие или отсутствие, степень конкретизации даты) и другие важные для поэта особенности текста, в какой-то мере предопределявшие восприятие трилогии в целом. В. Н. Орлов, как, впрочем, и другие издатели Блока, в таких вмешательствах в авторский текст никакой несообразности не видел, полагая, что о первых трех томах в текстологическом плане «по существу говорить нечего».¹⁰

Впервые недоумение по поводу соединения «в „каноне” томов из разных изданий» было высказано в печати К. М. Азадовским и Н. В. Котрелевым в 1989 году.¹¹ Составители академического издания на практике столкнулись с этой проблемой в самом начале 1980-х. Оказалось, что оптимальное решение найти очень сложно. Приходилось идти на компромисс в отношении либо авторизованности и точности текста отдельных стихотворений, либо единства творческого замысла, предполагающего соблюдение всех особенностей авторского оформления.

Отмеченный названными исследователями факт, что «третьей полной редакции, подготовленной для издательства „Земля” по договору 1918 г.,

⁶ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 318; хронологические рамки этого дневника: «15.VIII.1917—13.VII.1919».

⁷ Блок А. 1) Собрание сочинений. Пб., 1922. Т. 1—2; 2) Собрание сочинений. Берлин, 1923. Т. 1—3. О перипетиях этого издания упоминается, в частности, в письмах С. М. Аланского из Берлина к Л. Д. Блок. См.: *Лощинская Н. В.* О своеобразии текстологической проблематики академического издания лирики А. А. Блока (к постановке вопроса). С. 86—87.

⁸ Орлов Вл. Литературное наследие Александра Блока // Лит. наследство. 1937. Т. 27/28. С. 506.

⁹ Блок А. 1) Собр. соч. Пб.: Алконост, 1922. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1. 1898—1904; 2) Стихотворения. Пб.: Земля, 1918. Кн. 2 (1904—1908); 3) Стихотворения. 3-е изд., доп. Пб.: Алконост, 1921. Кн. 3. (1907—1916).

¹⁰ Орлов Вл. Указ. соч. С. 551.

¹¹ Котрелев Н. В. Александр Блок в работе над томом избранных стихотворений («Изборник», 1918) // Блок А. Изборник. М., 1989. С. 186 (первый раздел статьи написан совместно с К. М. Азадовским).

противостоит незаконченная четвертая, с одним только первым томом, на-ново переработанным в 1918—1920 гг.»,¹² создает такую текстологически сложную, неоднозначную ситуацию. Она была бы вовсе неразрешима, если бы текст второго и третьего томов «алконостовского» издания Собрания сочинений Блока не опирался на выверенную самим поэтом редакцию 1918 года. Имеющиеся в издании «Алконоста» расхождения с текстом последнего прижизненного издания блоковеды обычно объясняют погрешностями набора и корректуры, хотя полностью исключить авторское происхождение разночтений нельзя.

Именно поэтому, как сказано в текстологической заметке ко второму тому Академического собрания, «разночтения посмертного „алконостовского“ издания второго тома зафиксированы в разделе „Другие редакции и варианты“ наряду с вариантами, содержащимися в рукописях и прижизненных изданиях стихотворений Блока».¹³ Возможно, когда-нибудь будет обнаружено документальное подтверждение реального участия Блока в подготовке второго и третьего томов «алконостовского» издания или скрупулезный анализ разночтений в сопоставлении с текстами прижизненных редакций выявит явные общие закономерности в развитии блоковского художественного замысла трилогии. В отношении сплошных датировок под текстами составляющих ее стихотворений такие попытки предпринимались в академическом издании при обосновании принципов датирования во втором томе собрания.¹⁴

Строго говоря, единство в оформлении может быть достигнуто только при последовательном воплощении текстологической гипотезы, охватывающей замысел Блока в целом. В предшествующих академическому изданиям, вышедших после смерти Блока, это оформление то приближалось к «алконостовскому», то отходило от него. Точнее всего особенности четвертой редакции трилогии воспроизводились в соответствующих томах двенадцатитомного Собрания сочинений (1932—1936), выпущенных Ивановым-Разумником. Стихотворения в них печатались без спусков, соблюдались сквозные датировки, топографические и иные пометы за малым исключением совпадали с «алконостовскими», были сохранены предусмотренные Блоком для каждого раздела шмуцтитутлы.

В первом томе Полного собрания стихотворений А. Блока в двух томах, подготовленного В. Н. Орловым в 1946 году, некоторые детали оформления (в частности, сплошная нумерация текстов) были продиктованы требованиями эдиционного единообразия Большой серии «Библиотеки поэта», в рамках которой это собрание вышло. Но зависимость от двенадцатитомного собрания, а следовательно, и «алконостовского» издания тут еще очевидна. Это проявилось в заметных блоковедам особенностях текста.

В Собрании сочинений в восьми томах, первые три тома которого были выпущены в 1960 году, В. Н. Орлов, видимо в соответствии с представлениями о потребностях массового издания, печатал стихотворения по одному на странице,¹⁵ а также предпринял уточнения датировок.

¹² Там же.

¹³ *Лавров А. В.* О втором томе лирики Блока (Т. 2. С. 533).

¹⁴ См.: Там же. С. 531—533.

¹⁵ Кстати, инерция такого отношения к тексту трилогии отразилась даже в первоначальной Инструкции по подготовке академического издания. В начале 1980-х годов, при передаче в Москву для обсуждения на заседании редакционной коллегии первого тома, подготовленного в Блоковской группе ИРЛИ, мне как автору внутренней рецензии на него пришлось особо аргументировать мнение группы о необходимости печатать тексты трех первых томов без спусков, чтобы не нарушать единый замысел Блока.

Сверка дат была ранее уже начата Ивановым-Разумником. Прodelать эту работу было необходимо из-за ряда ошибок и опечаток в датах «алконовского» издания, но не все исправления Иванова-Разумника можно признать удачными. Вообще, именно решение вопроса о принадлежности Блоку дат под стихотворениями второго и третьего томов, хотя и не является свидетельством аутентичности всего текста, может служить косвенным подтверждением существования у поэта единого замысла четвертой редакции трилогии. До сих пор сделать однозначные выводы в этом плане относительно обоих томов не представляется возможным из-за недостаточной разработки проблемы датирования у Блока. Этим отчасти объясняются разные принципы датирования во втором и третьем томах академического издания.

Отсутствие или наличие той или иной даты под текстом при включении стихотворения в некий контекст меняет и его собственное звучание. Значение этого для восприятия как идеи самого стихотворения, так и окружающих его текстов в составе композиционного целого (цикла, сборника, книги, трилогии) — существенный, почти не изученный аспект блоковской поэтики.

Теоретически текстологами давно признано, что авторские даты являются неотъемлемой частью текста.¹⁶ Практически же проблемы датирования сводятся к возможно более точному установлению даты, выяснению всех этапов создания произведения, привязке к определенному периоду творчества, той или иной исторической эпохе. Если произведения автора имеют злободневный характер, как например у Н. А. Некрасова, аргументированное уточнение дат при подготовке академического издания рассматривается текстологами в ряду «важных общих проблем»¹⁷ изучения творчества писателя. С. А. Рейсер выделяет вопросы, связанные с переходом даты в заглавие (у М. Ю. Лермонтова, например), а также рассматривает случаи, когда неточность датировки объясняется не ошибкой памяти, а намерением автора «замаскировать (...) биографические подробности, намеки на живых людей и т. д.»¹⁸ Ученый отмечает и те ситуации (в частности, в творчестве Некрасова), когда «формально неверная дата является для писателя своеобразным литературным приемом, создает определенный образ лирического героя».¹⁹ Применительно к изданию текстов начала XX века о датировках писала, в частности, Т. В. Мисникевич в связи с текстологическим осмыслением стихотворного наследия Ф. Сологуба. Она отмечала, что проблема выбора даты «для размещения текста в хронологическом ряду возникает в том случае, когда поэт использует при публикации стихотворения в авторском сборнике дату создания ранней редакции либо дату создания какого-либо промежуточного текста»,²⁰ напрямую связывая эту задачу как с проблемой сохранения «авторских композиционных единств», так и с «установлением основного текста стихотворения».²¹

В блоковской текстологии смысловой аспект, соотнесенность даты с художественным замыслом доминирует над остальными существенными про-

¹⁶ С. А. Рейсер, например, специально оговаривал необходимость воспроизведения авторской даты именно в составе текста, отмечая нецелесообразность и ненаглядность практикующегося в изданиях отнесения ее в примечания. См.: *Рейсер С. А. Основы текстологии*. 2-е изд. Л., 1978. С. 76—77. См. также: *Мицц З. Г. «Поэтика даты» и ранняя лирика Ал. Блока* // *Мицц З. Г. Поэтика Александра Блока*. СПб., 1999. С. 389.

¹⁷ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 1. С. 6.

¹⁸ *Рейсер С. А.* Указ. соч. С. 75.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Мисникевич Т. В.* Текстологические проблемы издания стихотворного наследия Федора Сологуба / Автореф. канд. дисс. СПб., 2007. С. 28.

²¹ Там же. С. 24, 26.

блемами датирования. Вот почему так сложно при отсутствии авторских указаний определить необходимость постановки под текстом известной нам даты его написания, которая согласовывалась бы с хронологическими концепциями томов трилогии, отличавшимися в разных ее редакциях.

Текстологическая проблематика соприкасается при этом с философской и художественной трактовкой понятия времени у Блока. Эта трактовка была связана прежде всего с эсхатологическими мотивами поэзии Вл. Соловьева (обозначенными в его стихотворении 1887 года — «Бедный друг, истомил тебя путь...»: «Смерть и Время царят на земле <...> // Все, кружась, исчезает во мгле // Неподвижно лишь солнце любви»), которые отразились в раннем творчестве Блока в самом названии первого отдела сб. «Стихи о Прекрасной Даме» (1904) — «Неподвижность». В темах и поэтике блоковской лирики запечатлено также прямое соотношение с временным потоком, что проявилось, например, в обращении лирического героя к уходящему прожитому году в стихотворении «31 декабря 1900 года» («И ты, мой юный, мой печальный...»), завершающем раздел «Ante Lucem» первого тома. В поэтических произведениях Блока преломилась идея «вечного возвращения»,²² повторяемости событий. Это ярко выражено в стихотворении «Все это было, было, было...» (1909) в центральном разделе третьего тома «Разные стихотворения». В них отразилось также поступательное движение времени, что было декларировано поэтом, в частности, в предисловии 1919 года к незаконченной поэме «Возмездие» (см.: Т. 5. С. 48—51).

Не углубляясь в эту достаточно сложную проблему, укажу лишь на то, что наличие или отсутствие (сокрытие) даты под текстом по сути почти всегда имеет у Блока сюжетный аспект, вплетая события общей и частной жизни не только в контекст мировой истории, но и в контекст Вечности.²³ Поэт подчеркивал также важность порой не столько конкретных указаний на месяц и число при тексте стихотворения, сколько «обобщенной» даты, фиксирующей только год. Недаром в «Автобиографии» 1915 года он отмечал: «Каждый год моей сознательной жизни разноокрашен для меня своей особенной краской».²⁴

Отношение к датам менялось у Блока в течение жизни. Переписывая стихотворения с отдельных листов и из записных книжек в тетради беловых автографов, поэт не всегда соблюдал строгое датирование текстов. Порой он датировал тексты в тетради лишь приблизительно, например: «весна <1898>»,²⁵ что совсем не обязательно совпадало с реальным временем года. Весну поэт мог символически чувствовать, начиная с января и до середины

²² О значении в творчестве Блока концепции «вечного возвращения», восходящей к восточной философии (Веды, Упанишады), библейскому тезису (Экклезиаст) о возвращении «на круги своя», учениям греческих философов (Гераклит, Эмпедокл), воззрениям А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и др., и о преломлении этих идей в поэзии символистов см.: *Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока.* Л., 1975. С. 74—87, 97—98, 110.

²³ Восприятие времени у Блока, с одной стороны, согласовывается с близким ему воззрением пифагорейцев о том, что «всё есть число», с другой — может быть выражено словами современного исследователя, который, определяя принципы средневекового сакрального календаря, отмечал, что через него не только раскрывается «божественная геометрия Вселенной», но и упорядочивается и освящается «время мира», а число при этом становится космотворческой силой, высветляя из Хаоса Космос, выводя человека в вечность, озаряя светом непроглядную ночь времен (см.: *Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря* // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 90—91, 135).

²⁴ *Блок А. Собр. соч.:* В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 15.

²⁵ См., например, помету в первой тетради стихотворных автографов при тексте стихотворения «Ты много жил. Я больше пел...»: «Петербург) весна». В «Хронологическом указателе» Блока это стихотворение, как сказано в текстологической справке, «датировано февралем—мартом 1898 г.» (Т. 1. С. 418).

лета. В «алконостовском» первом томе 1-й раздел «Стихов о Прекрасной Даме», помеченный на шмуцтитуле: «С. Петербург. Весна 1901 года», — открывается январскими и февральскими стихотворениями, а заканчивается майскими. Во втором и третьем изданиях трилогии аналогичный раздел включает к тому же стихотворение «За городом в полях весною воздух дышет...»,²⁶ написанное 12 июля 1901 года, но развивающее мистическую тему весенних «Видений».

Проводя уточнение датировок в тетрадах и «Хронологическом указателе» (последний, как отмечает Иванов-Разумник, Блок начал составлять с ноября 1913 года²⁷), поэт оставил исследователям немало загадок в виде несовпадения дат в черновых автографах, тетрадах, указателях и печатных текстах, а также текстологических проблем, связанных с наличием двойных датировок, изменением дат под текстом из-за переадресовки стихотворений и др. Какие даты следует признать наиболее точными, какие отнести к ошибкам памяти, какие рассматривать в качестве литературного приема, в том числе считать символически значимой частью текста, на эти и другие вопросы можно ответить лишь только после очень серьезного скрупулезного анализа.

На вопрос, «отражают ли сплошные датировки под текстами стихотворений, впервые появившиеся в посмертном издании 2-й книги, авторскую волю», редактор второго тома, автор вступительной заметки к нему А. В. Лавров отвечает, что в этом «сомневаться не приходится» (Т. 2. С. 531, 533). Отмечая, что предыдущие редакции трилогии были подготовлены Блоком в «соответствии с едиными эдиционными принципами» (Там же. С. 532), исследователь полагает, что тот же подход логично распространить и на «алконостовскую» версию. Тем более что, по его замечанию, «с годами автор придавал хронологической закреплённости конкретного поэтического текста в составе больших композиций (книги, раздела) все большее значение» (Там же).

Еще одним аргументом в пользу именно авторского происхождения уточненных дат под текстами стихотворений А. В. Лавров считает их совпадение с датами в «Хронологическом указателе» Блока. В качестве доказательства ученый приводит таблицу, где сравниваются более конкретные даты под рядом стихотворений в «алконостовском» тексте, опирающиеся на «Хронологический указатель», с датами в блоковской тетради беловых автографов. Ср.: «Она веселой невестой была...» («Июнь <1905>» — «3 июня 1905»); «Не мани меня, ты, воля...» («Лето <1905>» — «Июль 1905»); «Оставь меня в моей дали...» («Весна — осень 1905» — «Август 1905») и др. (подробнее см.: Т. 2. С. 532). Однако именно «Хронологический указатель» являлся наиболее доступным, не требующим дополнительных разысканий источником датировок для таких непрофессиональных текстологов, как Л. Д. Блок и С. М. Алянский. Причем произвести уточнение дат они могли, либо имея на это непосредственное указание поэта, либо распространив указанный Блоком в отношении первого тома «алконостовского» издания принцип сквозного датирования на два последующих тома.

Кстати, в последнем (пятом) издании первого тома со сплошными датировками, подготовленном Блоком именно для «алконостовского» собрания сочинений, он не всегда следует принципу конкретизации даты. Например,

²⁶ «дышет» — авторское написание Блока.

²⁷ Сводный «Хронологический указатель» стихотворений за 1904—1916 годы помещен Блоком в конце девятой тетради стихотворных автографов (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 99—121). Кроме того, отдельные указатели приложены и к другим тетрадам автографов.

стихотворение «Полный месяц встал над лугом...» (Т. 1. С. 14) датировано в этом издании «Июль 1898», так же как и следующее стихотворение «Моей матери» («Друг, посмотри, как в равнине небесной...»). При этом в тетради оно имеет точную дату и помету: «21 июля, Шахматово»; эта помета сохранена в «алконостовском» тексте, а дата дана более обобщенно. Казалось бы, одинаковость датировок, подчеркивающая связь со следующим текстом, предполагала повторение в целях единообразия и в нем пометы «Шахматово» при дате, тем более что в беловом автографе стихотворения «Моей матери» она имелась. Но в печатном тексте при этом стихотворении такой пометы нет. Это лишний раз доказывает, насколько трудно, а иногда практически невозможно угадать намерения поэта в плане оформления стихотворений, сопровождения их конкретными или более общими датами и пометами. Только важнейшие стихотворения во всех предшествующих пятому изданиях первого тома сопровождалась датой и пометой. Например, воспринятое окружением Блока «как своеобразный манифест „младших“ символистов» (Т. 1. С. 474) стихотворение «Предчувствую тебя. Года проходят мимо...» с датой и пометой «4 июня 1901. С. Шахматово».

Обращает на себя внимание, что в основном, когда во всех прижизненных публикациях поэтом были избраны для стихотворения одинаковые даты, эти же даты повторены и во втором томе «алконостовского» Собрания сочинений, а не уточняются по «Хронологическому указателю», как в случаях, когда датировок в публикациях не было или они менялись. Например, открывающее том стихотворение «Вступление» («Ты в поля отошла без возврата...») датировалось Блоком во всех без исключения изданиях трилогии в обобщенном виде: «1905. Страстная Суббота»,²⁸ — без указания месяца и числа (16 апреля), имеющих в автографах (в четвертой тетради и при письме к Андрею Белому от 2 октября 1905 года; см.: Т. 2. С. 551) и в «Хронологическом указателе». Поэма «Ночная фиалка» («Миновали случайные дни...») во втором и третьем издании трилогии имела дату «1905—1906». Та же дата дана в «алконостовском» тексте, хотя в «Хронологическом указателе» поэма помещена среди стихотворных текстов, относящихся к маю 1906 года.

Это соответствие датировок в «алконостовском» издании датам под текстом ряда стихотворений, неизменно присутствующим в предыдущих публикациях, могло свидетельствовать об участии в подготовке издания самого поэта. Но последовательности подтвержденную публикациями авторскую волю в отношении датирования таких стихотворений могли и те, кто издавал трилогию после его смерти. Тем более если они, как предполагает А. В. Лавров, «возможно (...) пользовались авторским рабочим экземпляром предыдущего издания» (Т. 2. С. 533). Ведь в этом экземпляре «постоянные» датировки уже наличествовали.

Технические трудности в прохождении «алконостовского» издания привели к появлению в датах второго тома ряда ошибок и опечаток. В первом же стихотворении «На перекрестке...» из открывающего том раздела «Пызыри земли» вместо правильной даты «5 мая 1904» под текстом указана

²⁸ Сложное смысловое соотношение дат и помет под текстом, указывающих на религиозные праздники, требует специального исследования. См., в частности, об этом: *Гужиева Н. В.* Церковный календарь в структуре лирической трилогии А. Блока // *Русская литература.* 2005. № 2. С. 81—93. Один из ракурсов этой темы освещался в докладе Т. В. Игошевой «„Стихи о Прекрасной Даме“ в церковно-календарном контексте». См.: *Грякалова Н. Ю., Колесникова Е. И.* Хроника Международной научно-практической конференции «Александр Блок. Современное прочтение, издание, изучение» (состоялась 21—23 ноября 2005 г.) // *Русская литература.* 2006. № 2. С. 227.

дата «5 апреля 1904». Эта ошибка могла произойти из-за возможности двусмысленного прочтения даты в «Хронологическом указателе», где стихотворение помещено в конце апрельских и чуть выше майских. Такую ошибку при наличии точной даты («5 мая» — в записной книжке № 8; «Май — Декабрь 1904» с добавлением числа «5» перед словом «Май» — в четвертой тетради беловых автографов) вряд ли мог допустить сам Блок, который, как правило, сверял даты «Хронологического указателя» со своими автографами.

Под стихотворением «На весеннем пути в теремок...», которое Блок не датировал в прижизненных публикациях, в «алконостовском» издании представлена дата «24 апреля 1905», как в «Хронологическом указателе». В автографе (в тетради) дана двойная датировка «12—24 апреля (1905)». Ту же дату Блок приписал в рабочем экземпляре второй книги (издание 1912 года), но, судя по вышедшему затем печатному тексту, отказался от датировки (см.: Т. 2. С. 570). Не было даты и в последнем прижизненном издании; свидетельства авторизации «алконостовской» одиночной даты как части печатного текста мы не имеем.

Неоднозначная ситуация возникает при датировании четырех стихотворений, три из которых в окончательном тексте вошли в раздел «Пузыри земли» («Полюби эту вечность болот...», «Белый конь чуть ступает усталой ногой...», «Болото — глубокая впадина...»), а четвертое — «Не строй жилищ у речных излучин...» — в раздел «Разные стихотворения». В «алконостовском» издании они датированы одинаково: «3 июня 1905», хотя эта датировка не подкреплена ни одним источником текста. В четвертой тетради беловых автографов эти стихотворения были объединены Блоком нумерацией римскими цифрами (I—IV) и пометой: «4 стихотворения, написанных летом 1905 и отделанных позже» (Т. 2. С. 572). В таком составе, но в другом порядке и без дат они публиковались в разделе «Нечаянная радость» второго тома «мусажетовского» издания. Позднее в его рабочем экземпляре при трех из них (за исключением вычеркнутого стихотворения «Белый конь чуть ступает усталой ногой...») были вписаны одинаковые даты: «лето — осень 1905», но в следующих прижизненных редакциях эти датировки учтены не были.

В «Хронологическом указателе» все четыре стихотворения помещены в разделе июньских без указания числа, причем расположены они после двух стихотворений — «Влюбленность» («Королевна жила на высокой горе...») и «Она веселой невестой была...», которые датированы 3 июня. Эта конкретная дата подтверждается только черновым автографом в записной книжке № 11 стихотворения «Влюбленность» (см.: Т. 2. С. 629). В четвертой тетради автографов, где его текст переписан рукой Л. Д. Блок, дата имеет более общий характер: «Июнь (1905)». Она же вписана в рабочем экземпляре второго тома, однако, как и в других случаях, в последующие издания дата не попала. В «алконостовском» тексте число в дате под стихотворением «Влюбленность» не пропечаталось, но должна была стоять, конечно, дата из «Хронологического указателя»; она же дана в академическом издании.

Хотя мы не имеем подтверждения, что так намеревался датировать это стихотворение Блок, саму дату написания стихотворения «Влюбленность» можно считать вполне достоверной, чего нельзя сказать о перечисленных выше четырех стихотворениях из «подборки». Возможно, тот, кто готовил «алконостовское» издание, распространил имеющуюся выше в «Хронологическом указателе» дату «3 июня» и на эти тексты. Обосновать правильность такой датировки довольно сложно. В записной книжке № 10 черновые автографы и наброски указанных четырех стихотворений соседствуют очень тес-

но (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 330. Л. 6 об.—14), но их расположение относительно других записей в этой книжке не позволяет судить о дате возникновения замысла. Датированный черновик стихотворения «Влюбленность» находится в записной книжке № 11 (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 7—9), которую Блок мог заполнять одновременно с предыдущей.

Таким образом, ни подтвердить, ни опровергнуть «алконовостовскую» датировку мы не можем. Но ее присутствие в основном тексте академического издания заставляет думать о существовании внутри раздела «Пузыри земли» некоего миницикла стихотворений на важную для этого раздела «болотную» тему.²⁹ Причем объединены они были как описанными в них впечатлениями от прогулок Блока в окрестностях Шахматова и Боблова на белом коне (стихотворение «Белый конь чуть ступает усталой ногой...» сопровождается пометой «Новоселки», указывающей на деревню на пути из села Тараканово³⁰ в имение Менделеевых Боблово), так и одинаковой датой под каждым из трех следующих друг за другом стихотворений.

Неизвестно, была ли эта дата авторизована и при этом реально биографически значима для поэта или использовалась им как прием для создания мистифицированного биографического контекста. В любом случае эти стихотворения с общей датой воспринимаются в составе раздела как «странички» из дневника или из записной книжки. Недаром над текстом черного автографа в записной книжке стихотворения «Белый конь чуть ступает усталой ногой...» Блок сделал потом биографическую помету: «Белый конь умер» (Т. 2. С. 572). Это тем более существенно, что стихотворение, как отмечено в комментарии к нему, «построенное на символах лирики Блока „первого тома“ и «мистически осмысляемых» деталях «бобловского пейзажа», «одновременно рисует ущербность, закат мира Прекрасной Дамы» (Т. 2. С. 572—573). Особенно интересен контраст между точной «биографической» датой и образом «Вечности» (ср.: «Это Вечность Сама снизошла...» — в стихотворении «Полюби эту вечность болот...»), сочетающим евангельские и пантеистические мотивы (см.: Т. 2. С. 572).³¹

Выделяя проблемные датировки, стоит отметить некоторое противоречие, наблюдающееся в датах стихотворения «Тяжко нам было под вьюгами...». В тексте академического издания это стихотворение, как и в «алконовостовском», датируется «5 ноября 1904» (см.: Т. 2. С. 44). Та же дата указана Блоком в «Хронологическом указателе». В четвертой тетради белых автографов стихотворение переписано Л. Д. Блок (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 39 об.). Даты при тексте нет, но дата «5 ноября» имеется в записанном ею же на следующем листе (Л. 40) стихотворении «Гроб невесты легкой тканью...». Оттуда дата «5 ноября» могла попасть в «Хронологический указатель», составленный Блоком много позже. При этом поэт не сопоставил вписанную им тогда дату с другим фактом, который, как сказано в текстологической справке, «позволяет датировать стихотворение не позднее

²⁹ «Поворотный» после «Стихов о Прекрасной Даме» характер этой темы сразу привлек внимание издателей и критиков. В частности, стихотворение «Полюби эту вечность болот...» было впервые опубликовано Блоком в «Понедельниках» газеты «Слово» (1906. № 18. 26 июня. С. 1) по просьбе П. Перцова дать стихи «о болотном» (см.: Т. 2. С. 572). О значении «болотной» темы для «мифологемы пути» у Блока см. во вступительной заметке Н. Ю. Грякаловой к разделу «Пузыри земли» (Т. 2. С. 554—559).

³⁰ В селе Тараканово находилась церковь, где в 1903 году поэт венчался с Л. Д. Менделеевой. Не воспоминание ли об этом навевало образы со свадебной символикой («Алой ленты Твоей надо мной полоса»), отмеченные в комментарии к стихотворению.

³¹ Подробнее о семантике цикла «Пузыри земли» см.: Грякалова Н. Ю. Природа и фольклор в цикле А. Блока «Пузыри земли» // Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник [8]. Тарту, 1988. С. 22—30. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 813.)

первой половины октября 1904 года» (Т. 2. С. 611). Ведь это стихотворение было послано Блоком 13 октября 1904 года В. А. Тернавцеву для так и не состоявшейся публикации в детском букваре. Отметив это обстоятельство, составители академического издания все же не сочли возможным учитывать его при постановке даты в основном тексте.

В некоторых случаях, например в стихотворении «Шли на приступ. Прямо в грудь...», «алконостовская» дата, воспроизводящая дату в «Хронологическом указателе» — «Январь 1905», расходится с более общими его датировками как в четвертой тетради автографов, где под текстом стоит дата «(Начало 1905 года)» (см. авторизованный список рукой Л. Д. Блок: Т. 2. С. 627), так и во второй книге «Собрания стихотворений» «мусагетовского» издания 1912 года, где оно публиковалось в общей годовой рубрике «1905». В данном контексте уточнение одновременно является и более явным указанием на революционные события в Петербурге в январе 1905 года, отраженные в стихотворении. Совпадало ли это с намерением Блока — неизвестно.

Иногда ошибочные датировки, встречающиеся во втором томе, изданном «Алконостом», исправить нетрудно. В частности, стихотворение «Я миновал закат багряный...» из цикла «Разные стихотворения» в «алконостовском» тексте датировано: «Январь 1908»; в основном тексте академического издания дата с опорой на авторитетные источники исправлена («Февраль 1908»). Сложнее, когда различия связаны со смысловым аспектом. Так, например, стихотворение «В октябре» («Открыл окно, какая хмурая...») датировано в «алконостовском» тексте: «Октябрь 1906». Та же дата дана в академическом издании, причем с мотивировкой в текстологической справке, опирающейся на семантику текста, а именно упоминание октября в заглавии стихотворения и в его второй строке (см.: Т. 2. С. 768). Однако в пятой тетради беловых автографов, а затем в рабочем экземпляре второго издания второй книги под стихотворением стоит дата: «Сентябрь 1906». В «Хронологическом указателе» оно тоже занесено в рубрику сентябрьских стихотворений. При этом стоит учесть, что даты под текстами блоковских стихотворений необязательно совпадают с их смыслом. Например, уже упоминавшееся стихотворение из первого тома «За городом в полях весною воздух дышет...», датированное 12 июля 1901 года, в третьем и четвертом изданиях тома находилось в разделе «весенних» и только в пятом, «алконостовском» издании было помещено по дате его написания во второй раздел «Стихов о Прекрасной Даме», имеющий подзаголовок «С. Шахматово. Лето и осень 1901 года». Другой пример можно привести из третьего тома трилогии. Стихотворение «На смерть младенца» («Когда под заступом холодным...») во всех прижизненных изданиях (а также в нынешнем академическом) было датировано: «Февраль 1909» — в память о новорожденном сыне Л. Д. Блок, который родился 2-го, а умер 10 февраля 1909 года. Однако в «алконостовском» третьем томе под текстом стихотворения стоит реальная дата его написания: «2 марта 1909»; подтверждения авторской воли в отношении такого датирования у нас нет.

Примеров несоответствия времени создания стихотворения с датой под текстом или же изменения Блоком датировки в сторону не уточнения, а обобщения даты немало. Это, как отмечено выше, связано с меняющимся с годами восприятием времени поэтом, что обусловило не только уже упоминавшийся сюжетный аспект датировок, но и другие особенности блоковской поэтики. Их детальное осмысление позволит не только глубже понять «движение» замысла «лирической трилогии» в целом, но и связь этих особенностей со звучанием составляющих ее томов, разделов, циклов, отдельных

стихотворений. Н. В. Котрелев, например, характеризуя первую и вторую редакции трилогии, отмечал: «Трехчленное деление „Собрания стихотворений” и „Стихотворений” 1916 г., закрепленное блоковским „каноном” (...) различало три этапа „пути” поэта, но границы между этапами были, как живая жизнь, подвижны, в пограничных областях (...) времена накладывались друг на друга».³²

В структуре третьего тома, по сравнению со вторым, временная последовательность еще менее выдержана. При этом нарушение хронологии происходит не только в первых и последних стихотворениях разделов, что, в частности, заметил тот же исследователь,³³ но и в компоновке входящих в разделы циклов («Пляски смерти», «Жизнь моего приятеля», «Черная кровь» — в разделе «Страшный мир»; «Венеция», «Флоренция» — в разделе «Итальянские стихи»; «Послания» — в разделе «Разные стихотворения» и др.). Из хронологического ряда выбиваются и некоторые отдельные стихотворения внутри разделов, например стихотворение «Вот девушка, едва развись...» (15 мая 1909) в разделе «Итальянские стихи». Своеобразные «перебои» происходят иногда из-за того, что, размещая стихотворения в разделах, поэт в одних случаях учитывает дату начального, в других — последнего оформления текста.

В основе сквозных датировок в третьем томе Собрания сочинений, изданном «Алконостом» в Берлине в 1923 году, — тот же «Хронологический указатель». Мера участия Блока в подготовке этого тома неизвестна. Непонятно, насколько вообще сам принцип сплошного датирования и следования датам «Хронологического указателя» соответствует блоковской концепции третьей книги. Ведь выбор даты, особенно при наличии двойных датировок, был связан у поэта со многими причинами. Недоверие к тексту берлинского издания усиливает целый ряд имеющихся в нем грубых ошибок. Например, стихотворение «Я сегодня не помню, что было вчера...» датировано: «3 декабря 1909» вместо: «3 февраля 1909», стихотворение «На островах» («Вновь оснеженные колонны...») — «22 ноября 1909» вместо: «22 декабря 1909», «За гробом» («Божья Матерь Утоли мои печали...») — «6 августа 1908» вместо: «6 июля 1908», «Друзьям» («Друг другу мы тайно враждебны...») — «24 августа 1908» вместо: «24 июля 1908», стихотворение «Сусальный ангел» («На разукрашенную елку...») — «25 декабря 1909» вместо: «25 ноября 1909». Этот список можно продолжить.

Насколько индивидуальным был подход Блока к датам в «алконостовском» издании 1921 года, можно судить, например, по датировке стихотворения «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...». В этом «каноническом» тексте оно было датировано 1911 годом по времени появления первого наброска в записной книжке № 33 и помещено в разделе «Разные стихотворения» между текстами 1910 и 1912 годов, хотя, судя по дате в тетради, было написано в основном 6 февраля 1914 года. Дата «1911», зафиксированная Блоком в «каноническом» издании, отсылает ко времени пребывания поэта с женой во Франции летом 1911 года, когда произошло описанное в стихотворении событие: «кильватерная колонна» — боевой строй военных кораблей — вошла в порт Аберврак на Бретонском побережье. Для поэта важна была и вторая дата, указанная в отдельном черновом автографе 1914 года и в беловом автографе в восьмой тетради. Именно она дается в «Хронологическом указателе», где стихотворение помещено среди целой группы текстов, написанных 6 февраля 1914 года и связанных (до момента их окончательно-

³² Котрелев Н. В. Указ. соч. С. 228.

³³ Там же. С. 229.

го выделения в самостоятельные стихотворения) с замыслом поэмы «Возмездие». Обе даты соединяются пометами. Сначала — в записной книжке № 33 за 1911 год ниже наброска указанной строфы: «Аберврак — из последних дней. Жду Любу на дороге к Мельпомене». Затем — на полях отдельного черного автографа из папки, озаглавленной Блоком «Черновые стихи» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 1—2): «Эта бумага куплена в Абервраке! летом 1911 г.» (на л. 1); «1914 вечером 6 фев(аля) жду Любу от Анны Ивановны (Менделеевой), вернувшейся из Рима» (на л. 2) (Т. 3. С. 786). «Бумага», купленная в Абервраке, как и «пылинка» «на ноже карманном» в тексте стихотворения, возможно, была реальным толчком, побудившим поэта в 1914 году к развитию замысла 1911 года. Тем более что приведенные пометы связывают не только две даты, но и обстоятельства написания текста. Даже упоминание Рима во второй записи может ассоциироваться с образом «дальних стран» из стихотворения. Обращение в стихотворении к жене («Ты помнишь?», «Нам, детям — и тебе и мне») и упоминание в обеих пометах: «Жду Любу» — связывает два момента во времени и пространстве. «Трепетная нежность» отношений с Блоком, о которой Л. Д. Блок вспоминала позднее,³⁴ отразилась в стихотворении в мотивах «новизны», «заманчивого», «закутанного в цветной туман» мира, воспринятого с детской непосредственностью поэтом и его женой.

Выбор Блоком конкретной или обобщенной даты для стихотворений третьего тома или же отказ от датирования касается не только истории и значения отдельного текста, но и связей с трилогией в целом. Исследование датировок теснейшим образом сопряжено с глобальными темами блоковского творчества. Яркий пример тому — выяснение мотивов, которые побудили поэта не указывать в печатном тексте сакральную для него дату «8 ноября», имевшуюся в черновом автографе стихотворения «Ты так светла, как снег невинный...», написанного в 1908 году.³⁵ По сути, рассмотрение дат блоковских стихотворений почти всегда перерастает в самостоятельные сюжеты. Это также свидетельствует о семантической нагруженности датировок у Блока.

Отступление от единообразия в оформлении «лирической трилогии» явилось в Академическом собрании сочинений вынужденным. Отсутствие сплошных датировок в третьем томе объясняется не только дефектами текста берлинского издания. Исходя из представления о неделимости авторской редакции трилогии на состав и текст и не имея возможности уяснить авторскую волю в отношении имеющихся в этом издании новаций, составители не могли вмешаться в этот текст самостоятельной постановкой дат, соединяя таким образом разновременные редакции стихотворений. Именно поэтому решение, принятое Ивановым-Разумником рассматривать текст сборника «Седое утро» (Пб., 1920), где Блок поставил даты под всеми 55 вошедшими в него стихотворениями, в качестве последней авторской воли, было для составителей Академического собрания сочинений неприемлемым. Мнение Иванова-Разумника, как сказано во вступительной заметке к третьему тому, было справедливым «в отношении этих стихотворений как отдельных — автономных — произведений (можно к этому добавить: как составляющих названный сборник. — Н. Л.). Но они являются неотъемлемой частью тома как неделимого целого. Лишь в контексте тома эти стихотворения выражают авторскую волю во всей ее полноте» (Т. 3. С. 571).

³⁴ См.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 187.

³⁵ Этому черновому автографу посвящена отдельная работа (см. прим. 4).

Как видим, вопрос о блоковских датировках требует дальнейшей всесторонней проработки с учетом огромной проделанной в академическом издании работы по своду всех источников текста. Имея подтверждение намерения Блока подготовить для четвертой, «алконостовской» редакции трилогии пятое издание не только первого, но и второго тома,³⁶ мы не знаем, насколько оно было им воплощено. В частности, удалось ли поэту последовательно применить принцип сквозного датирования, осуществленный им в первом томе³⁷ указанного издания, к более сложным по компоновке разделам второго и третьего томов. Ведь эти тома, в основе композиции которых лежит тематический принцип, существенным образом отличаются, по словам Блока, от «однострунности» построенного «в строго хронологическом порядке» первого тома (см.: Т. 1. С. 179). Этот факт признается всеми исследователями при характеристике развития замысла блоковской трилогии.³⁸

Надо также иметь в виду, что после выхода в свет первой «мусагетовской» редакции поэт вскоре начал подготовку следующей. Следы этой работы запечатлены на листах рабочего экземпляра этого издания трилогии 1911—1912 годов (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 2. Ед. хр. 1—3), где, помимо уточнения состава, композиции книг, перестановки и вычеркивания отдельных стихотворений, исправлений и переработки их текста, мы видим последовательную попытку поэта датировать многие стихотворения, опираясь в большинстве случаев на даты в тетради. См., например, текстологические справки к стихотворениям «Нежный! У ласковой речки...» (Т. 2. С. 608), «Гроб невесты легкой тканью...» (Т. 2. С. 610), «Ночь» («Маг, простерт над миром брений...» — Т. 2. С. 612), «Моей матери» («Помнишь думы? Они улетели...» — Т. 2. С. 625), «Балаганчик» («Вот открыт балаганчик...» — Т. 2. С. 633), «Поэт» («Сидят у окошка с папой...» — Т. 2. С. 635), «У моря» («Стоит полукруг зари...» — Т. 2. С. 636), «Моей матери» («Тихо. И будет все тише...» — Т. 2. С. 637), «Старость мертвая бродит вокруг...» (Т. 2. С. 638), «Осенняя воля» («Выхожу я путь, открытый взорам...» — Т. 2. С. 640), «Девушка пела в церковном хоре...» (Т. 2. С. 644) и мн. др. Видимо, именно трудность задачи, при которой должен был возникнуть художественный образ текста, объединенного не только тематически, но и датами под стихотворениями, входящими в разделы, заставила Блока отказаться от этой идеи. Во всяком случае, в текстах второй и третьей редакции трилогии результаты этой работы не отразились. Даты, как подчеркивал поэт, были поставлены им лишь при отдельных стихотворениях.

Известно, что в самый последний период жизни Блок, подготавливая новую редакцию трилогии, придавал большое значение принципу документализма,³⁹ историческому и психологическому обоснованию своего рода «визионерских» творческих проявлений⁴⁰ (особенно в «Стихах о Прекрасной Даме»), стремясь в то же время объективировать и то, что интуитивно

³⁶ См. запись в последней записной книжке Блока за 1921 год: «I т(ом) — 5-е изд(ание). II т(ом) — 5-е изд(ание)» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 366. Л. 32; книжка не нумерована).

³⁷ Это было подчеркнуто Блоком в сопроводительной записке при передаче С. М. Алянскому первого тома «алконостовского» Собрания сочинений: «Даты — слева внизу петит» (Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Л., 1932. Т. 1. С. 281).

³⁸ См., например: *Котрелев Н. В.* Указ. соч. С. 229.

³⁹ О значении этого принципа в творческой эволюции Блока см., в частности: *Заблочная А. Е.* «Автобиографический документ» в творчестве А. Блока 1918—1921 годов // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 179—187.

⁴⁰ О связи проявлений авторской воли писателей-модернистов с «медиумическим» характером их творчества и концепциями, лежащими в основе их эстетических установок, см.: *Лоцинская Н. В.* О своеобразии текстологической проблематики академического издания лирики А. А. Блока (к постановке вопроса). С. 74.

было воплощено в его более поздних поэтических произведениях. Причем задача объективации могла решаться как постановкой дат, так и их снятием. Проблема датировок была при этом в какой-то степени связана с ориентацией поэта на разную читательскую аудиторию при подготовке новых изданий книг.

О подобном подтексте изменения блоковских датировок Н. В. Котрелев, например, писал: «В ранних блоковских изданиях (...) датировки (...) создавали вокруг стихотворного текста биографическую среду: отсылок к опыту личности и истории, культурных переключек и заявленных подтекстов. В 1916 г. поэт убирает все, что звучит подчеркнуто лично (и по сути дела, невнятно (...) для анонимного читателя) (...) При подготовке „Изборника“ Блок (...) старается достигнуть еще большей „объективности“ текста, еще дальше увести его от проекции на конкретную человеческую биографию».⁴¹ Правда, когда исследователь добавляет, что принципы датирования, относящиеся к «эпохе второго „мусагетовского“ издания», Блок поменял, работая над последней прижизненной редакцией трилогии для издательства «Земля» и восстанавливая «не только „строфы и строки“, но и даты»,⁴² неясно, какие даты имеются в виду. В цитированной записи поэта от 22 июля 1918 года из записной книжки № 56⁴³ о датах не говорится.

Можно заметить, что отдельные даты, которые поэт все-таки внес в третью редакцию, «объективировали» текст «привязками» не только к общезначимым событиям, но и к личному опыту, который в контексте «трилогии воочеловечения» тоже становился частью истории. В свое время Л. Я. Гинзбург, указывая на тот факт, что «самосознание Блока (...) выходило за пределы собственной „частной“ личности», уточняла при этом: «...нельзя „сквозь магический кристалл“ (...) предугадать свою эмпирическую судьбу; но можно ее различать как судьбу эпохальную, судьбу современного человека».⁴⁴ «Драматическая последовательность жизни» (Т. 2. С. 216), о которой Блок писал в предисловии к сб. «Земля в снегу» (М., 1908), определяла не только реальное развитие замысла трилогии, влияя на композицию томов (особенно второго и третьего), на тематику и состав их разделов, хронологическую последовательность (а также отступления от нее), но и датировку входящих в них стихотворений.

Недаром завершающее третью книгу в первой «мусагетовской» редакции трилогии (1912) стихотворение «Благословляю все, что было...» имело там дату и помету «Январь 1912. С.-Петербург». В последней редакции, будучи помещено в середине центрального раздела тома («Разные стихотворения»), оно было помечено только годом («1912»). И, соответственно, уже не звучало как последнее слово поэта о своем пути, а провозглашало «приятие драматизма жизни, верность изначальным идеалам, открытость будущему» (Т. 3. С. 788). Стихотворение, которое в момент появления чернового наброска в записной книжке № 32 Блок сопроводил пометой «К „Исходу“ 1911», а в белом автографе в седьмой тетради обозначил точной датой «15 января 1912», ко времени создания третьей редакции трилогии (1918), куда поэт вносил исправления почти до самой смерти,⁴⁵ символизировало для него целый период

⁴¹ Котрелев Н. В. Указ. соч. С. 213.

⁴² Там же. С. 244.

⁴³ См.: Блок А. Записные книжки 1901—1920. М., 1965. С. 417.

⁴⁴ Гинзбург Л. О лирике. М.; Л., 1964. С. 271.

⁴⁵ Об этом, в частности, свидетельствует телефонный разговор Блока с К. И. Чуковским об исправлении текста третьего тома, зафиксированный Чуковским в дневниковой записи от 12 января 1921 года, где он приводит слова поэта «...ваши советы помню (...) Даты поставлю» (Чуковский К. Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 156). Стоит отметить, что речь, вероятно, идет

жизни, вбираемый обобщенной датой «1912». Эта дата одновременно была отсылкой к «тому „кругу чувств и мыслей”», которому поэт, по его словам, «„был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни” (Предисловие к «Собранию стихотворений», 1911)» (Там же).

В данной статье нет возможности остановиться на проблемах орфографии, пунктуации, строфики, в оформлении которых также четко прослеживается воля автора, а варьирование их определенным образом влияет на семантику поэтических текстов.⁴⁶ Причем по мере развития замысла трилогии от одной редакции к другой выявляются определенные закономерности в этой области.

Текстологическая проблематика четвертого тома существенно отличается от той, которая сопутствовала изданию первых трех. Это происходит потому, что четвертый том оказался очень разнородным и пестрым по составу и степень выраженности авторской воли в отношении вошедших в него текстов зависит в первую очередь от того, публиковались они автором или нет. Характерно также, что и в академическом издании оказалось невозможным отступить от традиции, принятой в блоковедении со времени двенадцатитомного собрания сочинений поэта, готовившегося Ивановым-Разумником в начале 1930-х годов, — помещать в двух первых разделах четвертого тома сборники юношеских стихотворений («Отроческие стихи» и «За гранью прошлых дней»), которые Блок составил в самом конце жизни. Это обстоятельство связано с важной текстологической проблемой, которая неоднократно затрагивалась в ходе «круглого стола» на международной конференции «Евгений Замятин и культура XX века». В частности, А. В. Лавров, говоря об издании модернистских стихотворных текстов, отмечал, что «в поэтической культуре XX века именно книга стихотворений — главная категория; это не случайная контаминация самостоятельных произведений, а сформированное автором единство, претендующее (...) на внутреннюю художественную цельность и структурную организованность».⁴⁷ О необходимости корректировки эдиционной практики высказывалась на той же конференции О. А. Кузнецова, предложившая принять «за единицу текстологического исследования и отдельный авторский сборник тоже».⁴⁸

Во вступительной заметке к четвертому тому рассматривается все, что связано с установлением воли автора в отношении завершенных стихотворных текстов, но вошедших в основное собрание. В ней классифицируются проблемы, связанные как с определением состава и структуры тома, так и с выбором основного текста входящих в него стихотворений.⁴⁹

Наиболее сложным в текстологическом отношении, особенно в плане уяснения авторской воли, является раздел «Незавершенные стихотворения и наброски», открывающий одиннадцатый том Академического собрания.

Корпус незаконченных стихотворных текстов Блока (а их около 260), на первый взгляд, вполне очерчен. Многие — пусть в усеченном, неточном

о достаточно обобщенных датировках, поставленных Блоком под текстом большинства стихотворений, входящих в раздел «Родина» в «каноническом» третьем издании третьего тома (Пб.: Алконост, 1921), которое хотя и вышло после смерти поэта, но было полностью им подготовлено. Подобной информацией в отношении более детализированных сплошных датировок в третьем томе Собрания сочинений (Берлин: Алконост, 1923) мы не располагаем.

⁴⁶ См., например: *Быстров В. Н.* К вопросу об основном тексте первого тома «лирической трилогии» Блока. С. 60—72. О некоторых особенностях блоковской пунктуации и орфографии см. также: *Лоцинская Н. В.* [О трудностях академического издания поэзии модернистов] Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века». С. 450—452.

⁴⁷ Международная научная конференция «Евгений Замятин и культура XX века». С. 444.

⁴⁸ Там же. С. 450.

⁴⁹ См.: *Лоцинская Н. В.* Вступительная заметка к разделу «Комментарии» (Т. 4. С. 378—394).

виде — публиковались ранее П. Н. Медведевым, Ивановым-Разумником, В. Н. Орловым.⁵⁰

В процессе подготовки академического издания выявление незаконченной части поэтического наследия Блока исподволь стало проводиться составителями при работе над томами лирики и записных книжек. Уже на тех стадиях было необходимо вычлнить среди обширных черновых материалов, что относится к завершенным замыслам, а что так и осталось в набросках. Результаты этих исследований в отношении вариантов законченных стихотворений представлены в разделах «Другие редакции и варианты» уже опубликованных первых четырех томов Академического собрания. Но принятые в них в целом мотивированные и оправданные решения не исключают возможность взглянуть на приведенные в этих разделах черновики под другим углом зрения и увидеть в некоторых из них потенциально самостоятельные незаконченные тексты. Ведь некоторые замыслы поэта иногда столь трансформировались, что некоторые черновики законченных текстов могут восприниматься как неразвитые лирические сюжеты. В пример можно привести посвященное Л. А. Дельмас стихотворение 1914 года «Я помню нежность ваших плеч...». Оно помещено в четвертом томе. Предварительный набросок к нему из блоковской записной книжки № 42:

Печален жизни длинный свиток,
 Все в душу мне глядится ночь.
 Дай красоты твоей избыток
 Мне, юга пламенная дочь
 (Т. 4. С. 368), —

столь отличается от окончательного текста, что может восприниматься как самостоятельный неразвитый сюжет, который перекликается с мотивами иных законченных стихотворений поэта.

Другой случай связан со стихотворением «Дали слезы, дни безгневны» 1904 года из первого тома. В его пространных черновиках Иванов-Разумник выделяет два наброска, которые можно расценить и как отдельные незаконченные тексты.⁵¹ Один — «И на башне колокольной // Вспоминай твои гаданья» — помещен в начале черновика в блоковской записной книжке № 7 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 327. Л. 26. См.: Т. 1. С. 368). Другой — «Исполни карлик тянет // Руки к лунному серпу» — в конце наброска в записной книжке поэта № 8 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 328. Л. 15. См.: Т. 1. С. 369). Оба могут быть отнесены к стихотворению «Дали слезы, дни безгневны» по близости расположения к его черновикам в обеих записных книжках поэта и по единству размера. Однако сюжетно-тематически они связаны с ним только предположительно.

Интересная текстологическая ситуация возникает в связи со стихотворением «На ржавых петлях открываю ставни» (1902). В записной книжке № 1 через 2 страницы после наброска и сформированного чернового автографа этого стихотворения в самом верху листа записано двустишие: «Для странных жребиев судьбы // Рожден задумчивый мечтатель»⁵² (ИРЛИ.

⁵⁰ См.: Блок А. Неизданные стихотворения. 1897—1919 / Ред. и примеч. П. Медведева. Л., 1926; Записные книжки Ал. Блока. 1901—1919 / Ред., предисл. и примеч. П. Медведева. Л., 1930; Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4 (том подготовлен Ивановым-Разумником); Блок А. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступ. ст., ред. и примеч. В. Орлова. М.; Л., 1946. Т. 2.

⁵¹ Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. С. 383.

⁵² Там же. С. 356 (см. один из десяти раритетных экземпляров 1-го тома с примечаниями Иванова-Разумника, хранящийся в настоящее время в библиотеке ИРЛИ).

Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 27 об.). Иванов-Разумник указывал на образно-тематическую перекличку этого двустихия с началом третьей строфы упомянутого чернового автографа: «Я буду бодр, задумчивый мечтатель, // У изголовья в тайной ворожке» (см.: Т. 1. С. 535). Но при этом сам Иванов-Разумник помещает двустихие в подготовленном им четвертом томе Собрания сочинений в двенадцати томах 1932 года в разделе незавершенных текстов. Такая вариативность интерпретации допустима и по отношению к ряду других черновых автографов.

Большая часть незаконченного поэтического наследия Блока в разделе «Незавершенные стихотворения и наброски» находится в составе записных книжек поэта и потому должна быть представлена в соответствующих томах академического издания. Но в них эти тексты имеют принципиально иной статус, нежели в разделе «Незавершенные стихотворения» в одиннадцатом томе. Ведь эдиционная проблематика записных книжек во многом обусловлена их жанровым своеобразием. Это — некий «пратекст» лирики, прозы и драматургии Блока, где видно, как зарождаются сюжеты, мотивы, образы и, перетекая из одного наброска в другой, образуют неповторимое органическое единство творчества Блока. Поэтому в записных книжках нет необходимости объяснять внутреннюю связь отдельных незаконченных набросков. Перекличка сюжетов, мотивов, образов, тем очевидна в них для внимательного читателя и так. Тексты приводятся в порядке расположения, как записывал и разделял их сам Блок — чертами, косыми крестиками, виньетками, рисунками. Незаконченные стихотворные тексты отделяют друг от друга также даты, топографические пометы, прозаические вкрапления, рефлексивные записи поэта по ходу набросков.

Приведу пример из блоковской записной книжки № 1 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 321), где на л. 34 в верхней части помещен незаконченный набросок: «Может быть и во сне уж не будет...». Под этой строкой находится отделенная скобкой запись, датированная 23 июля: «Пели мужики». Еще ниже сделана позднейшая приписка: «Вот это я и описал в 1921 г. в „Ни снах, ни яви“; С тех пор все прахом пошло». И читатель сам может разгадывать, есть ли связь между ранней верхней записью о сне и поздней нижней припиской. На развороте следующих листов (л. 34 об.—35) также имеется ряд перекликающихся между собой набросков. В верхней части листа строка: «Кто это понял и кто это знал». А ниже, после отчеркивания, трехстишие:

Бог знает, может быть, и ты не поняла
Бессонную игру блестящего крыла
На этой быстрине, на этой стали водной.

Судя по виньетке, помете и дате под текстом: «Иванов день. 24 июня», это трехстишие, возможно, и не предполагало продолжения. А на соседнем листе было набросано четверостишие:

Когда смыкаешь ты ресницы,
Твоя душа себе берет
Прекрасный образ белой птицы
И в нем взрезает глади вод.

В вариантах к этому четверостишию проходит образ белой чайки, который повторяется через несколько страниц в наброске: «Замерла береговая песня // В стоне чайки белоснежный зов». Все приведенные отрывки должны

войти в раздел «Незаконченные стихотворения и наброски» одиннадцатого тома. От того, какие из этих строчек будут выделены в качестве отдельных набросков, а какие связаны в общий замысел, зависит их перечень в оглавлении этого тома, а это, соответственно, может либо уменьшить, либо увеличить количество незаконченных текстов в составе академического издания. Это касается также набросков, извлеченных из дневников Блока. Например, в его дневнике 1901—1902 годов (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 311. Л. 41 об.) есть выразительный замысел триптиха:

Были *утренние сумерки
 Сегодня в *ночь железной полосой
 Уходишь ты...
 Был *вечер безначально ясный

Записи отделены друг от друга косыми крестами, и под последней из них дана внизу страницы общая дата: «22 мая <1902>». Слова «утренние», «ночь», «вечер» в этой зарисовке отмечены Блоком крестиками и подчеркнуты двумя чертами. Видимо, указанная таким образом Блоком соотносительность строк позволила Иванову-Разумнику в четвертом томе подготовленного им двенадцатитомного Собрания сочинений А. Блока дать в оглавлении раздела незаконченных стихотворений только первую строку. Этим исследователь подчеркнул единство замысла. Но не менее логично в этом случае внести в реестр набросков каждую из трех строк как заглавия задуманных, но не написанных стихотворений. При такой вариантности осмысления и возможности разных способов подачи незаконченных текстов становится ясно, почему даже при основательной проработке материала однозначности в составе раздела одиннадцатого тома «Незаконченные стихотворения и наброски» быть не может. Суть проблемы в самой природе мирозерцания Блока, идейно-эстетических особенностях его творчества.

«Жизнь без начала и конца», вопреки императивным установкам в прологе к поэме «Возмездие» («Но ты, художник, твердо веруй // В начала и концы. Ты знай, // Где стерегут нас ад и рай»), стихийно проявлялась и в незавершенности поэтических замыслов. Парадоксально — поэт, всю жизнь стремившийся к синтезу, к целостному символическому осмыслению пути, к итоговой выстроенности результатов своего труда, оставил нас, по его же словам, «перед грудой материала», в которой, как признавался, «терялся»⁵³ сам. Но если сложно установить волю Блока в отношении публиковавшихся им текстов, то для остальных это можно сделать порой только гипотетически.

Особенности модернистской эстетики и поэтики, характерная для Блока зашифрованность лирического текста, включение его в «сверхконтекст», переключки мотивов и тем, автоцитация, использование повторяющихся образных символов и «клише» и др. затрудняют интерпретацию и вычленение незавершенных авторских замыслов, осложняют выработку четких критериев законченности текста. С этим составители столкнулись и при подготовке четвертого тома академического издания, куда вошли стихотворения, не включенные Блоком в так называемое основное собрание. Некоторые тексты не только не публиковались самим поэтом, но и не были занесены им в тетради белых автографов, что затрудняет уяснение воли автора. В каждом таком случае вопрос о степени завершенности текста приходится ре-

⁵³ См.: Блок А. Предисловие (набросок) к предполагавшемуся новому изданию первого тома (Т. 1. С. 181).

шать индивидуально. Зыбкость критериев наглядно проявилась и в том, что автографы, содержащие связный, без пропусков, текст, имеющие лирический сюжет, рифмовку, тем или иным образом оформленные в единое целое, предыдущими публикаторами помещались то в разделе «Завершенное», то в разделе «Набросков».

В качестве примера приведу стихотворение «Мои грехи тяжеле бед...». Оно было записано Блоком в записной книжке № 6 (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 19—23 об.; см.: Т. 1. С. 368) в двух редакциях, датированных 17 и 18 июля 1903 года. Первая сопровождалась пометой «За месяц до свадьбы», вторая — «Post lucem» (см.: Т. 4. С. 580). Так помечал Блок стихотворения, написанные после свидания с Л. Д. Менделеевой. П. Н. Медведев помещает стихотворение среди незаконченных, а Иванов-Разумник первую редакцию дает в разделе «Разные стихотворения», а вторую редакцию, варианты к ней и позднейшую переработку 1905 года размещает в разных местах раздела «Незаконченное» по хронологии. Для того чтобы связать этот важный для Блока замысел воедино, соотнести обе редакции, дать все многочисленные варианты, составители академического издания, вслед за В. Н. Орловым, решили поместить стихотворение среди законченных текстов в четвертом томе (см.: Т. 4. С. 181; варианты — С. 332—335). Хотя позднейшая попытка Блока переработать две строфы в ином размере, сопроводив их в записной книжке № 11 пометой «старое» (см.: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 49 об.), может косвенно свидетельствовать о неудовлетворенности поэта предыдущими редакциями. И это отчасти объясняет, почему текст не был перебелен им в тетрадь.

А ведь именно занесение Блоком стихотворения в тетрадь беловых автографов является наиболее веским подтверждением его завершенности. Но это не препятствовало поэту делать позднее переработки текста, записывать на полях новые строфы. Например, в пятой тетради при тексте белового автографа стихотворения «Незнакомка» («По вечерам над ресторанами...») (апрель 1906) были вписаны незаконченные наброски с пометой: «варианты к „Незнакомке“». В дальнейшем Блок доработал их, отметив там же: «дописано в 1911 году — при составл(ении) II изд. „Неч(аянной) Радости“», и поместил во второй том лирики в качестве стихотворения «Там дамы щеголяют модами...», варьирующего мотивы «Незнакомки» (см.: Т. 2. С. 765). Но если бы этот набросок так и остался только на полях предыдущего текста, мы сами не могли бы выделить его в качестве самостоятельного замысла.

Для текстов, помещенных на отдельных листах и в записных книжках, определять степень законченности еще сложнее. Как уже было показано на примере записных книжек, реконструировать незавершенный блоковский замысел и разделить черновики на отдельные наброски можно только предположительно. Это трудно сделать даже в отношении законченных стихотворений, поскольку поэт мог объединять и разъединять подобные наброски в самых разнообразных комбинациях. В частности, в записной книжке № 14 (за сентябрь — октябрь 1906) имеется ряд набросков с датой «28 сентября», где развиваются те же темы, что и в «Незнакомке». Думается, однозначно связывать их вслед за Ивановым-Разумником (см. об этом в текстологической справке к стихотворению: Т. 2. С. 759) именно с этим стихотворением не стоит. Ведь строчки наброска — «Вот встала надо мной — и вижу», «Лицо густой вуалью скрыто // Шуршат медлительно шелка». «И чуть придерживая платье // Перчаткой стянута рука» — можно рассматривать в качестве разработки образов не только «Незнакомки», но и стихотворения «Там дамы щеголяют модами...». Можно также воспринять их как наброски еще одного стихотворения на ту же тему, тем более что тут на

мечаются мотивы не ресторанной, а уличной встречи («Она подходит ближе — ближе... // Как тускло светят фонари —», «Под фонарем сгустились тени»). В зависимости от интерпретации эти наброски будут включены или нет в состав раздела незавершенных стихотворений.

Возникающая из-за такой двойственности вариативность решений в целом ряде случаев делает очевидной некоторую условность «реестра» незаконченного в стихотворном наследии Блока как по количеству отрывков, так и по их названиям.

Проблемные аспекты в трактовке и подаче блоковских стихотворений не заслоняют того бесспорного, что есть в новаторском текстологическом осмыслении всего корпуса лирики. Результат этой работы воплотился в уже вышедших томах Полного собрания сочинений и писем А. А. Блока. Однако из частных до конца не изученных деталей текста, из общего «симфонического плана» «трилогии вчеловечения» (от «апофатического» предрассветного сумрака «Ante Lucem» до сквозящего «мирами иными» «ухода во тьму» в завершающем разделе «О чем поет ветер»⁵⁴), из поэтического «молчания» Блока в его последние годы, из нерасшифрованности по сути ряда стихотворных замыслов и набросков, из смысловых нюансов блоковской лирики складывается картина не разгаданного полностью творчества поэта, открытого и стихиям жизни, и вечности. Отразившись в структуре академического издания, эта картина побуждает к дальнейшей текстологической проработке материала, к прояснению насколько доступно воли автора в отношении спорных моментов при публикации его поэтического наследия. В конечном счете — к поиску того недостижимого «идеального текста» (при современном взгляде на проблему, — возможно, парадигмы текстов), который, по наблюдению С. А. Рейсера,⁵⁵ всегда остается мощным двигателем в развитии текстологической науки.

В этой науке важно все, что касается творческого наследия писателя. Незначительные, на первый взгляд, особенности построения издания, состав томов, расположение стихотворений влияют на целостное восприятие блоковской лирики. В частности, это касается даже того, где помещено, например, в издании стихотворение «Пушкинскому Дому» («Имя Пушкинского Дома...», 5 февраля 1921). Прозвучавшая в его концовке тема «ухода в ночную тьму» перекликается с финалом «лирической трилогии». По смыслу оно явилось своего рода «завещанием» потомкам, вбирая в себя некоторые ключевые темы его творчества.⁵⁶ В четвертом томе двенадцатитомного Собрания сочинений, подготовленном Ивановым-Разумником в 1932 году, этот текст завершает раздел законченных стихотворений и действительно звучит как завещание поэта. От места стихотворения в Академическом собрании сочинений зависит в какой-то мере представленная в издании концепция конечного периода блоковского творчества. В пятом томе оно предпоследнее в рубрике законченных стихотворений. Последним же в академической версии оказалось стихотворение «К. И. Чуковскому» («Как всегда, были смешаны чувства...», 15 марта 1921). Это восьмистишие было написано Блоком «на случай» в альбом по просьбе Чуковского, который таким образом хотел отвлечь поэта от «нудного доклада одного красноречивого»

⁵⁴ О семантике кольцевой композиции трилогии лирики см. во вступительной заметке А. В. Лаврова к разделу «О чем поет ветер» (1913): Т. 3. С. 970. Там же дается отсылка к трактовкам Д. Е. Максимова и З. Г. Минц (см.: *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза А. Блока. 2-е изд. Л., 1981. С. 142; *Минц З. Г.* Лирика Александра Блока. Тарту, 1975. Вып. 4. С. 164).

⁵⁵ См.: *Рейсер С. А.* Указ. соч. С. 13.

⁵⁶ Об этом см., в частности: *Лоцинская Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 25.

(Т. 5. С. 98, 498) на заседании коллегии издательства «Всемирная литература». Это обстоятельство определило шуточный характер стихотворения. Недаром в упомянутом выше четвертом томе Иванов-Разумник поместил его текст в рубрике «Шуточные стихотворения».

Этот стихотворный экспромт насыщен реалиями послереволюционной поры,⁵⁷ уподобляясь кратким заметкам в записной книжке или же представляя своего рода «окошко» в жизнь Петрограда в марте 1921 года. Но за иронической зарисовкой нового быта («среди приемной советской, // Где „все могут быть сожжены”») анахронизмом сквозят черты уходящей старорежимной России («Смех, и брови, и говор светский // Этой древней Рюриковны»). Ностальгические нотки, едва ощутимые в экспромте («Как всегда, были смешаны чувства»), несколько смягчают контраст между его шутивно-иронической интонацией и пафосным звучанием предыдущего стихотворения «Пушкинскому Дому», обращенного к «грядущим векам».

Существенно то, что Блок в экспромте не доходит до сарказма, оставаясь в рамках романтической иронии, столь характерной для символистского мироощущения. Этот факт, как и решение поэта печатать последнюю редакцию третьей книги «Стихотворений», завершающей «лирическую трилогию», только в «наиболее близком по духу к символической школе» (Т. 3. С. 568) издательстве «Алконост» (вопреки всем препонам со стороны Государственного издательства в лице руководившего им И. И. Ионова), тоже есть осознанный акт творческой воли писателя.

В пятом томе нынешнего издания в эпигло раздела «Стихотворения» вынесены немногие (более ранние) стихотворные наброски, которые Блок пытался доработать в дневнике 1917—1919 годов, но так и оставил незавершенными (см.: Т. 5. С. 99—101, 499—501). Такое построение раздела было связано с изначальным редакторским планом академического издания. В соответствии с ним пятый том, подготовку которого взяли на себя сотрудники Блоковской группы Института мировой литературы РАН, должен был включить поэмы и лирику Блока революционной поры, в том числе незаконченные стихотворения. В какой-то мере это делалось из конъюнктурных соображений, чтобы опровергнуть тезис, для советской идеологии неприемлемый, о поэтическом молчании Блока после поэм «Двенадцать» и «Скифы». Априорное, казалось бы, идеологически заданное решение в процессе текстологической и историко-литературной разработки материала было подкреплено реальными мотивировками, включающими, как сказано во вступительной заметке, «теоретико-текстологические, аксиологические и чисто эдичионные соображения» (Т. 5. С. 296).

В результате составители пришли к выводу: «Исходные <...> основания, которые позволяют поставить вопрос о выделении оригинальной поэзии Блока 1917—1921 гг., достаточно четки. <...> Блок и сам <...> считал началом новой и особой полосы своего творческого пути именно 1917 год <...> внутри созданного в 1917—1921 гг. автор не производил никакого отсева <...> В силу этого и издатель не имеет оснований для подобного решения: стихотворения этих лет не являются частью либо завершением „не вклю-

⁵⁷ Эти реалии точно определимы по датам и месту действия, что отмечено в комментариях к тексту (см.: Т. 5. С. 498—499). В них указано, что «Кронштадт палил» во время мятежа с 28 февраля по 18 марта 1921 года; на Дворцовую площадь Блок с Чуковским шли из «лавки Дома Искусства» в марте. Встреча с дочерью анархиста, князя П. А. Кропоткина («древней Рюриковной»), произошла, по свидетельству Чуковского, накануне написания стихотворения в альбом. Даже текст объявления на стене Приемного Управления Петроградского Губисполкома сохранился в архиве Чуковского. Известен точный адрес этого Управления (Дворцовая площадь, д. 6).

ченных в основное собрание”, ибо это „основное собрание” доходит лишь до 1916 г. Они составляют в наследии Блока совершенно особый раздел — и хронологически, и стадиально, и ценностно» (Т. 5. С. 295, 298).

В задачу статьи не входит детальное обсуждение избранных в пятом томе текстологических принципов и способов подачи материала. Отмечу только неоднозначность решения включить незаконченные стихотворения в основной текст тома, выделив при этом варианты к ним, которые помещены в разделе «Другие редакции и варианты». К тому же некоторые из приведенных в томе стихотворных набросков («На белой льдине — моржий клык...», «К стене приемного покоя // Носилки прислонил», «Ты не получишь ничего, // Но быть дала ты обещанье // Хозяйкой дома моего»), которые были извлечены из дневника революционной и послереволюционной поры, все-таки в первую очередь относятся к предыдущему периоду блоковского творчества, являясь частью тех более ранних записных книжек, откуда эти наброски были переписаны в дневник. Но такая в чем-то проблематичная подача материала в пятом томе Академического собрания сочинений Блока неожиданно оказалась в целом символична. Незавершенные, шуточные, альбомные стихотворения, вошедшие в этот том, своей недосказанностью, установкой на доработку, вместе с прилагаемыми тут же материалами к незавершенной поэме «Возмездие», создают некую двойственную профетическую перспективу,⁵⁸ разрывая сознательно замыкаемое Блоком в дореволюционной лирике кольцо смыслов,⁵⁹ всю мифопоэтическую утопическую конструкцию, каковую представляла из себя трилогия, в реальную, непредсказуемую «жизнь без начала и конца».

⁵⁸ О «профетическом характере» поэзии символистов (особенно Блока), чувствовавших, что с концом старой «должна возникнуть новая Россия, еще неизвестная», писал Н. А. Бердяев в книге «Русская идея» (см.: О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 247). Ср. мнение современного полемиста И. Чубарова о двойственности мировосприятия Блока в послереволюционный период. Со ссылкой на «Эстетические фрагменты» Г. Г. Шпета критик пишет о несоответствии «между профетизмом „Двенадцати” и иронией Блока над старым бытом и старой сущностью России, которую будто бы нельзя переплавить никакой революцией...» (Чубаров И. Образы революции у А. Белого и А. Блока. Символ, аффект и мазохизм // Новое литературное обозрение. 2004. № 65. С. 133). Между тем концепция самого Шпета побуждает к дискуссии, особенно в плане его трактовки смены культур. Гротескно заостряя проблему, Шпет утверждает, что не Блок, а Белый, перестав быть «символистом» и обратившись к реальности, смог воспроизвести революционную «новую действительность», и это явилось основой возрождения искусства и культуры. При этом философ упрощает не только позицию Блока, но и суть «старой» «иллюзионистской», по его мнению, христианской культуры, породившей, как он пишет, романтическую иронию у символистов (см.: Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 367—379). Однако для Блока в христианстве более всего была важна именно «наука трезвения», способность реально воспринимать духовную сущность явлений (см. об этом, в частности: Ильюнина Л. А. Круг чтения А. Блока 1910-х гг. (Блок и «Добролюбие») // Христианство и русская культура. СПб., 1996. Сб. 2. С. 334—343).

⁵⁹ Ср. реплику Блока в варианте Предисловия к Собранию стихотворений (М.: Мусагет, 1911—1912): «Круг сомкнут» (Т. 1. С. 381).

ПСИХОАНАЛИЗ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА В ЖИЗНИ, МИРОВОЗЗРЕНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. М. ПРИШВИНА*

О жизни и творчестве М. М. Пришвина сказано уже немало, но у его наследия, как и у всякого значительного культурного явления, есть удивительное свойство: сам ход времени и обновление исследовательских парадигм высвечивают все новые аспекты, порождают иные трактовки писательского таланта. Как отмечал М. Хайдеггер, «собственное „движение” наук развертывается в более или менее радикальной и прозрачной для себя самой ревизии основопонятий. Уровень науки определяется тем, насколько она способна на кризис своих основопонятий <...> Повсюду сегодня в различных дисциплинах пробудились тенденции переставить исследование на новые основания».¹ Одной из таких новых интерпретаций и является предлагаемый нами анализ влияния психоаналитического учения Зигмунда Фрейда на жизнь, мировоззрение и творчество Пришвина, которое в пришвиноведении до настоящего времени не исследовано.² Пожалуй, только в комментарии к 4-му тому пришвинского Дневника можно найти упоминание о роли Фрейда в системе взглядов писателя: «В дневниках 1923—1925 гг. осмысляются те принципиальные перемены, которые не без влияния Фрейда <...> происходят в его мировоззрении в течение всех послереволюционных лет».³

Однако авторы комментария весьма произвольно намечают тот ряд проблем, который, по их мнению, связан в творчестве Пришвина с фрейдизмом: «...во-первых, с признанием низких хтонических сил в человеческой природе («зверя в себе»), иными словами, своего бессознательного, которое требует к себе постоянного внимания («хозяйство со своим зверем»). А во-вторых, признание за природой безусловной духовной силы, питающей человека в беде и прежде принадлежавшей, скорее, культуре».⁴ Влияние Фрейда констатируется и в размышлениях писателя о «коллективном бессознательном народной души», которое, воздействуя на социальную и духовную жизнь общества, «определяет культурную и религиозную дифференциацию».⁵

Имплицитным центром рассуждений о фрейдистских мотивах пришвинского мировоззрения для авторов комментария выступает термин

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 07-03-73302а/Ц.

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. С. 25.

² Среди более чем 1400 источников в библиографическом указателе литературы о жизни и творчестве М. М. Пришвина за период с 1908-го по 2002 год не указано ни одной работы, посвященной теме «Фрейд и Пришвин». См.: Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954): Материалы для библиографического указателя / Сост. З. Я. Холодова. Иваново, 2002. 118 с. Нет ссылок на Фрейда в соответствующих статьях о М. М. Пришвине ни в энциклопедических изданиях, ни в учебниках по истории русской и советской литературы.

³ Гришина Я. З., Полтавцева Н. Г. Комментарий // Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. М., 1999. С. 373.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 374.

«бессознательное», но при этом не учитывается, что бессознательное является общей категорией для многих концепций физиологии, психологии, философии и ряда других наук. Сам же Фрейд роль бессознательного в своем учении четко ограничивал: «Понятие бессознательного мы (...) получаем из учения о вытеснении (...) Латентное бессознательное, являющееся бессознательным только в описательном, но не в динамическом смысле, называется нами *предсознательным*; термин „бессознательное“ мы применяем только к вытесненному динамическому бессознательному».⁶ Я. З. Гришина и Н. Г. Полтавцева приписывают фрейдизму то типично ницшеанское признание в природе человека низких хтонических низ («зверя в себе»), то пантеистическое «признание за природой безусловной духовной силы, питающей человека в беде и прежде принадлежавшей, скорее, культуре», то характерную для аналитической психологии К. Юнга мысль, что «коллективное бессознательное народной души определяет культурную и религиозную дифференциацию».⁷

Подобная аргументация вряд ли может служить основанием для заключения, что благодаря Фрейду «Пришвин действительно постепенно освобождается от целого комплекса идей и иллюзий современности».⁸ Однако даже эти непоследовательные попытки сопоставления пришвинского творчества с фрейдизмом в дальнейшем дезавуируются. «Эрос Пришвина связан с творчеством, но это не сублимация — он лично не задет, не заинтересован, он не переводит в поэзию свои комплексы, — заявляет в комментариях к Дневнику (1930—1931) Я. З. Гришина. — (...) Уникальность пришвинской ситуации состоит в том, что хотя пол и эрос в его практике отрицают друг друга, но комплекс, почти обязательно при этом возникающий, у него отсутствует».⁹

Преодолевая путаницу понятий и противоречия представлений о влиянии Фрейда на Пришвина, следует подчеркнуть, что многие моменты в жизни писателя, которые он сам считал поворотными в своей судьбе, можно понять, лишь применяя метод психоанализа, и аргументацией здесь служат как реальные события, неоднократно упоминаемые в Дневнике, так и целый ряд художественных произведений, но прежде всего автобиографический роман «Кащеева цепь» (1922—1954).¹⁰ Без преувеличения можно сказать, что здесь автор в полной мере использует психоанализ Фрейда для осмысления ключевых событий жизненного пути своего alter ego — Михаила Алпатова, показывая, как его несчастливая любовь приводит к вытеснению эротического желания в психическую болезнь и как затем невроз сублимируется в художественное творчество. Да и сам писатель в начальный период работы над «Кащеевой цепью» в ноябре 1923 года говорит о психоанализе как исследовательской парадигме, ставя перед собой задачу «анализа по Фрейду»¹¹ сложнейших и противоречивых проблем реальности.

Как известно, в 1910-х—начале 1930-х годов труды Фрейда активно издавались в России. Однако если в начале 1910-х годов психоанализ находил лишь спорадическое применение в практике земских врачей-психиатров, то уже в начале 1930-х фрейдизм был объявлен идейно враждебной советскому

⁶ Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. М.; Харьков, 2004. С. 843.

⁷ Гришина Я. З., Полтавцева Н. Г. Комментарий. С. 373—374.

⁸ Там же. С. 374.

⁹ Гришина Я. З. Комментарий // Пришвин М. М. Дневники. 1930—1931. Книга седьмая. СПб., 2006. С. 621, 622.

¹⁰ Начатый в декабре 1922 года роман «Кащеева цепь» претерпел несколько редакций, а последние изменения были внесены в 1954 году, незадолго до кончины писателя.

¹¹ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 44.

обществу «троцкистской контрабандой».¹² Поэтому достаточно плодотворным периодом развития психоанализа в отечественной психологии было лишь одно десятилетие — 20-е годы, когда теория Фрейда имела в России огромную популярность, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии в середине 1920-х, в том числе в журнале «Красная новь», где в те годы активно печатался Пришвин,¹³ и других периодических изданиях.¹⁴ До начала 1920-х годов писатель, кстати учившийся в Германии и свободно владевший немецким языком, с теорией психоанализа знаком еще не был, доказательством чего является ряд характерных эпизодов из его жизни. «Я зашел к какому-то доктору Розенбергу и просил его исследовать эту свою способность летать научно и потом возвестить миру», — пишет в Дневнике 1914 года Пришвин о своих попытках понять природу часто повторяющихся полетов во сне.¹⁵ То есть ему пока неизвестно, что еще в 1899 году научное объяснение этому уже дал Фрейд: сновидения о полетах «повторяют впечатления детства <...> Кто из родных не делал вид, будто ребенок летает, держа его на вытянутых руках и бегая с ним по комнате, или не играл с ним в „падение“, усаживая на колени и неожиданно раздвигая ноги <...> Затем, через много лет, они повторяют все это в сновидениях, но только здесь уже нет рук, которые их поддерживали, а потому они теперь свободно парят в воздухе и падают».¹⁶ Кроме того, одной из причин представлений об исчезновении силы тяжести во сне, считает автор книги «Толкование сновидений», в ряде случаев является ночная эрекция.¹⁷ Однако вплоть до 1922 года, как это свидетельствует дневниковый контекст, Михаил Михайлович продолжает считать, будто «тайна есть в каждом сне такая, что самому до нее не додуматься, и только со стороны ведунья еще может сказать, что это значит и что ожидает».¹⁸

По-видимому, активное мировоззренческое осмысление и применение психоанализа Пришвиным начинается только в 1923 году, когда появляются данные о том, что писатель познакомился с основными положениями учения Фрейда и стал деятельно использовать его принципы и терминологию для понимания и жизненных бытовых ситуаций, и проблем художественного творчества. Так короткая однострочная запись в Дневнике осенью 1923 года: «30-го Октября. Судьба имен»¹⁹ — через несколько дней обнаруживает свой смысл именно как психоаналитическая попытка восстановить в памяти забытое имя. Попытка эта осуществляется буквально в духе изданной еще в 1901 году фрейдовской работы «Психопатология обыденной жизни» (раздел «Забывание собственных имен»)²⁰

В использовании писателем положений психоанализа легко убедиться, если рассмотреть семантическое поле пришвинских суждений в контексте

¹² Таланкин А. Против меньшевистствующего идеализма в психологии // Психология. 1932. № 1. С. 38.

¹³ См., например: Воронский А. К. Фрейдизм и искусство // Красная новь. 1925. № 7. С. 241—262; Григорьев И. Психоанализ как метод исследования художественной литературы // Красная новь. 1925. № 7. С. 224—240.

¹⁴ См., например: Фриче В. М. Фрейдизм и искусство // Вестник Коммунистической Академии. 1925. Кн. 12. С. 236—250.

¹⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. Книга первая. М., 1991. С. 113.

¹⁶ Фрейд З. Толкование сновидений // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. М., 2005. Т. 2. С. 399.

¹⁷ Там же. С. 401.

¹⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922. Книга третья. М., 1995. С. 255.

¹⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 447.

²⁰ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., автор вступит. статьи М. Г. Ярошевский. М., 1990. С. 202—309.

ставших уже классическими основных идей учения Фрейда. «Высказывание в любой из возможных его форм, от проклятия до благословения, не будет осмысленным до тех пор, пока оно берется вне его определенности тем или иным деятельностным контекстом (...) сам статус высказывания они получают только в акте их понимания», — справедливо писал о каузальной роли контекста Г. Г. Гадамер.²¹

«2 ноября [1923]. Когда были убиты Шингарев и Кокошкин, я подумал, — вспоминает писатель о членах партии кадетов, убитых большевиками еще 5 лет назад, в январе 1918 года, — что Кокошкин — это богатый кадет, который ездил иногда на заседания Религиозно-философского общества и держался англичанином. Представляя себе так Кокошкина, я читал газеты с похвалами его личности и таким отправил я его в могилу. Но как-то в одном разговоре была названа фамилия кадета, посещавшего религиозно-философские собрания, и это был не Кокошкин, я понял, что убитого Кокошкина я никогда не видал».²² Напомним, что Пришвин посещал собрания Религиозно-философского общества в период с 1908 по 1915 год, т. е. задолго до 1918 года. Таким образом, он в своем анализе причин смещения имен приходит к тому же выводу, что и Фрейд: «...смещение это отнюдь не является актом психического произвола, (...) оно, напротив, совершается в рамках закономерных (...) как процесс вторжения предшествующей темы».²³ Далее Пришвин продолжает: «Спустя некоторое время я опять забыл имя кадета и мучительно вспоминал его и не мог вспомнить. Потом десятки раз я возвращался в разное время к воспоминанию и не мог вернуть утраченное памятью имя. Наконец за границей совершается покушение на Милокова, пуля попадает в этого кадета и убивает его. Казалось, что теперь уже имя навсегда останется в памяти. Но проходит некоторое время, и я опять, когда слышу — Кокошкин, думаю о том бритом английском лице и не могу вспомнить имя. Сегодня, когда Соболев встанет, спрошу его, кто был убит вместо Милокова, и оставляю строку, чтобы вписать это имя, совершенно измучившее меня своим исчезновением: Набоков». И с целью окончательно прояснить сказанное о мучительных попытках вспомнить забытое имя и оставить узелок на память, Пришвин так заканчивает приведенный текст: «Страница налево будет оставлена для анализа по Фрейду. Как бык у загороженного стога».²⁴

По сути, писатель ведет мысленный диалог, состоящий из ряда задаваемых вопросов и ответов, что подтверждает положение герменевтики о том, что «наша речь всегда мотивирована, что человек не высказывает суждения, а отвечает на вопросы. Но ответить на вопрос — значит, осознать его смысл и тем самым его мотивационную основу».²⁵ Сущностное содержание философской герменевтики заключается в ее вопросно-ответном диалогическом характере, целью которого выступает достижение понимания человеком мира и взаимопонимание людей посредством интерпретации вещей, событий и явлений действительности.

Для художественно-образного дискурса Пришвина обращение к фрейдизму мотивационно оправданно, так как психоанализ предстает в роли методологического средства постижения реальности, отделенной от сознания некоей преградой. Такой преградой являются внутренние механизмы пси-

²¹ Гадамер Г. Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 67.

²² Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 44.

²³ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. С. 203.

²⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 44.

²⁵ Гадамер Г. Г. Язык и понимание // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. С. 56.

хики, препятствующие доступу в сознание вытесненных в подсознание малозначимых или неприемлемых для личности стремлений, влечений, желаний. Ведь именно Фрейд открыл, что за покровом сознания скрыт глубинный, «кипящий» пласт неосознаваемых могущественных переживаний, которые могут серьезно отягощать жизнь человека и даже становиться причиной нервно-психических заболеваний.

Методологическое замечание писателя о важности психоанализа приобретает особую значимость в контексте его творчества начала 1920-х годов. Ведь всякое истинное творчество — это диалог со своей эпохой, попытка дать ответ на вопросы, поставленные самим временем. «Мы способны понять только то, что нам представляется ответом на вопрос, — подчеркивал Гадамер. — (...) Диалектика вопроса и ответа и состоит в том, что в действительности всякий вопрос сам по себе вновь является ответом, мотивирующим следующий вопрос. Таким образом, процесс обмена вопросно-ответными репликами обнаруживает структуру, лежащую в основе человеческого общения, фундаментальную структуру диалога. Этот феномен составляет суть человеческого понимания».²⁶ Смыслоустанавливающую роль вопроса отмечает и М. М. Бахтин: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла».²⁷

Действительно, писатель должен был прежде всего сам понять, что происходит в стране и обществе, чтобы затем своим творчеством объяснить бурные и трагические события послереволюционных лет. Именно это обстоятельство и обуславливает методологический поворот Пришвина к фрейдистской парадигме постижения мира. Художественно наглядно влияние этого мировоззренческого сдвига отражается в начатом в декабре 1922 года романе «Кащеева цепь», в котором автор совершает «прыжок в прошлое», рассказывая о детстве, отрочестве и юности Михаила Алпатова, автобиографического героя только что завершённой повести «Мирская чаша» (1922).

В своих работах Фрейд показал, сколь важно, прослеживая становление личности человека, обратить внимание на его детство, отношения в семье и первые эротические чувства, от совокупности которых зависит структура, динамика и особенности развития характера, его мотивационной сферы. Такая же оценка детства свойственна и писателю: «При неразрешимых вопросах я всегда обращаюсь к первоисточнику своему — к тому, каким я родился, к своему детству».²⁸ Как и Фрейд, Пришвин признавал детство и раннюю любовь теми судьбоносными факторами, которые будут оказывать влияние на все дальнейшее течение жизни: «Что еще хочется мне написать? А вот желание описать детство и любовь (...) Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел. Никакая наука не может открыть той тайны, которая вскрывается от воспоминания детства и любви».²⁹

Не только большинство ключевых образов, проходящих через все творчество Пришвина, но и мировоззренческие взгляды на мир, самого себя и свое место в обществе рождаются из детских воспоминаний: «На этих впечатлениях детства я и строю свое поведение в отношении того материала души, который называю талантом (...) это поведение состоит в поисках выхода из неизбежного страдания».³⁰

²⁶ Гадамер Г. Г. Философия и литература // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. С. 130.

²⁷ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 369.

²⁸ Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой: Дневник любви. СПб., 2003. С. 78.

²⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 24.

³⁰ Пришвин М. М. Кащеева цепь // Там же. Т. 2. С. 458.

С юных лет духовный мир будущего писателя кроме матери формируют его двоюродные сестры, о которых он в 1918 году скажет: «Двоюродная сестра Дуничка учит любить человека (Некрасовым), двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)». ³¹ Впрочем, о Маше в «Кащеевой цепи» он напишет, что «Венера в Лувре в сравнении с той, моей детской, *живой* Венерой показалась немножечко *идолом...*». ³² Как и мать, обе сестры станут героинями «Кащеевой цепи» и символическими образами всего творчества Пришвина. Именно от детской влюбленности в «прельщающую неземным» Машу рождается у художника образ Марьи Моревны, который на всю жизнь станет символом «неоскорбляемой женственности», определит основы его отношений к любви, к женщине, к смыслу и тайне жизни. «Очень хорошо пришлось воспоминание о Марье Моревне: он (Миша Алпатов. — А. П.) был такой маленький, что не только не задавался вопросом, отчего рождаются дети, но даже не понимал, каких женщин и за что называют красивыми. Явилась Марья Моревна, и вдруг он понял, что она красивая. А после того как он стал все понимать, *он чувствует в каждой женщине Марью Моревну* (курсив мой. — А. П.), и если этого нет в ней, значит, как будто и невозможно с ней сойтись». ³³

Эту ключевую для всей жизни роль детских эротических впечатлений в работе «Леонардо да Винчи» особо отмечает Фрейд: «...многие, быть может, даже большинство, и, во всяком случае, наиболее одаренные дети, приблизительно с третьего года жизни переживают период, который можно назвать периодом инфантильного сексуального исследования. Любознательность (...) направляется на вопрос, откуда появляются дети» — и далее основатель психоанализа подчеркивает, что «воспоминания детства и на них построенные фантазии всегда заключают самое существенное в духовном развитии человека». ³⁴

Да и сам Пришвин уже на пороге семидесятилетия в начале 1940-х годов признается, что именно та детская любовь повлияла на весь его жизненный путь: «Это было в детстве. Я — мальчик и она — прекрасная молодая девушка, моя тетка, приехавшая из сказочной страны Италии. Она пробудила во мне впервые чувство всеохватывающее, чистейшее, я не понимал еще тогда, что это — любовь. Потом она уехала в свою Италию. Шли годы.

Давно это было, но могу я теперь найти начала и причин раздвоенности моего чувства — этот стыд от женщины, с которой сошелся на час, и страх перед большой любовью.

И вот Маша опять вернулась в Россию. Однажды я, взрослый мужчина, решил признаться Маше в этом мучительном раздвоении. Загадочно и лукаво улыбаясь, она ответила:

— А ты соедини.

— Но как же это соединить?

Еще загадочнее улыбаясь, она мне ответила:

— Но в этом же и есть вся трудность жизни, чтобы вернуть себе детство, когда это все было одно.

Тут ничего не может прийти со стороны, в этом же и есть твое личное дело, — соедини, и создашь *любовь настоящую, без стыда и без страха* (курсив мой. — А. П.). ³⁵

³¹ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. Книга вторая. М., 1994. С. 365.

³² Пришвин М. М. Кащеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 257.

³³ Там же. С. 335—336.

³⁴ Фрейд З. Леонардо да Винчи. Этюда по теории психосексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. С. 265, 275.

³⁵ Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой: Дневник любви. С. 52.

Можно без преувеличения сказать, что поиски такого единства эротической и духовной любви продолжались у Пришвина почти всю жизнь, и лишь когда ему было уже около семидесяти, наконец-то встретила женщина, целостность чувства к которой позволили, вспоминая ту детскую любовь к Маше, заключить: «...мне удалось выполнить ее завет-поручение, и совесть моя стала спокойна».³⁶

Писатель считал любовь к женщине всеопределяющим началом жизни. «Женский вопрос я понимаю как свой собственный мужской вопрос. (...) Женский вопрос — это вопрос о пробуждении нашего сознания. *Я рождаюсь в женщине*, — пишет художник в Дневнике 1912 года. — Женщина меня родила, но это не значит, что она моя или я ее, напротив, я есть только я. Женщина (Маруха) такой же знак, как бесконечность, с помощью этой мнимой величины мы решаем уравнения жизни со многими неизвестными».³⁷

Подоплека размышлений Пришвина о решающей роли любви в его жизни проявляется и в той вызвавшей замешательство собеседников фразе, которую в «Кащеевой цепи» юный Алпатов как-то обронил в семейном кругу: «...мне кажется, что когда-нибудь я все пойму сразу, и не по книгам, а через женщину...».³⁸ Реплика эта не только не случайна, но идентична по смыслу как только что приведенной дневниковой записи 1912 года о женском начале в жизни, так и более поздней записи 1940 года: «...только через любовь можно найти себя самого как личность, и только личностью можно войти в мир любви человеческой».³⁹ Да и само построение «Кащеевой цепи», особенно во второй книге, таково, что борьба и взаимодействие мужского и женского начал регулируют направление повествования о герое, история любви которого становится биографией личности, поскольку писатель убежден, что именно любовь пробуждает личность в человеке. «Искание начала всех начал: огонь, вода у древних, или личность; у наших марксистов экономическая необходимость, и вдруг переворот: все под влиянием любви, начало всех начал есть я — личность. „Я — маленький“ есть скрупулезная работа разрушения оболочки своего „я“, вплоть до настоящего „я“, которое есть Я общее, мировое, народное; начинается слияние: разрушены перегородки общественности, логика маленьких целей, начинается странничество — мой собственный путь, земля родная встречает, дает силу и начинает „я“ рядиться в новые одежды (литературные), переродиться?»⁴⁰

Так в 1914 году в мировоззрении писателя обозначится переход от пан-экономизма марксистского учения к концепции, в которой любовь-эрос понимается как движущая сила духовного становления и развития человеческой личности. Само же освобождение от революционно-социалистического мировоззрения, вспоминал Пришвин в 1918 году, началось еще во время учебы в 1900—1902 годах в Германии, где «марксизм я увидел в форме того мещанства, которое так ненавидел Ленин», и завершилось именно под влиянием эроса: «...окончательный поворот: сумасшедшая любовь и поворот мира с умственности на психологичность (...) Внимание к человеческой душе».⁴¹

Жизнь Пришвина сложилась так, что его детство было омрачено смертью отца, поэтому воспитывали его главным образом женщины, что оказало влияние на те черты мировосприятия, которые сам писатель называл жен-

³⁶ Там же.

³⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 69.

³⁸ Пришвин М. М. Кащеева цепь // Там же. Т. 2. С. 181.

³⁹ Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Там же. Т. 8. С. 374.

⁴⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. Книга первая. С. 56.

⁴¹ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. Книга вторая. С. 74—75.

ственными сторонами своей души: «...бывает, хочется взять себе ребенка чужого и вложить свою жизнь на его воспитание. Хочется какого-то подвига, но всегда так, чтобы „отдать себя” на что-то: что-то будет жить, а я тому служить буду, я исчезну. Вообще отдаться, а не взять. Эти моменты и есть *женственные стороны моей души* (курсив мой. — А. П.), настолько женственные, что когда я читаю записки женщин, то ничего нового для себя не нахожу: я совершенно отдельно от своего мужского чувствую в себе женщину».⁴² Свидетельство писателя о моментах женственности его души трудно переоценить, поскольку сама онтологическая противоположность мужского и женского характеров гораздо более, чем что-либо иное, оказывает влияние на весь склад жизни человека. Впоследствии эти идущие из детства женственные аспекты мировосприятия уже во взрослой жизни судьбоносным образом отразятся и на его отношениях с прекрасным полом и сыграют решающую роль в отношениях политических, влияющих на мировоззренческий выбор.

Вообще атмосфера семейного воспитания есть документальное свидетельство об особенностях закладываемого психического состояния и умонастроения в период детства, что значительно облегчает понимание многих характерных качеств мировоззрения писателя, поскольку, как подчеркивал еще в 1925 году Л. Выготский, развивая плехановские идеи о доминантной роли психологии по отношению к идеологии, «психика общественного человека рассматривается как общая подпочва всех идеологий данной эпохи, в том числе и искусства».⁴³ О важности учета эмоционального контекста для изучения явлений искусства также писал Бахтин, особо отмечая, что внетекстовые глубинные пласты воздействия на автора выступают «как диалогизирующий фон его восприятия. К этому в известной степени сводится проблема *социальной* (внесловесной) обусловленности произведения».⁴⁴ Для современной эпистемологии непреложным условием познавательного процесса является то, что «пониманию подлежит уже не только дословный текст и его объективный смысл, но также индивидуальность говорящего или пишущего {...} только обращение к генезису мыслей позволяет понять их по-настоящему».⁴⁵ Очевидно, что для научного исследования творчества Пришвина весьма значим и герменевтический анализ его текстов, и анализ внетекстовых влияний. Поэтому, в частности, так существенны сведения о роли женщин в воспитании будущего писателя, что позволит правильно интерпретировать предопределенные таким воспитанием последующие события в жизни художника.

Безусловно, поистине роковой, как свидетельствует сам Пришвин, оказалась женственность его характера в кульминационные эротические мгновения первого юношеского романа в Париже в 1902 году, когда возлюбленная «лежала с закрытыми глазами, сгорающая...» от желания отдаться эросу, но решающий миг, к сожалению, был упущен: «...смущенный, отступил я, *стыдясь в себе „зверя”* (курсив мой. — А. П.) и страдая, предоставил свободу маленькой женщине...».⁴⁶ Позже писатель неоднократно вспоминал, что причиной неудавшейся любви был «душевный состав мой {...} тайный невыраженный романтизм, страдание оттого, что не могу быть, как все (осо-

⁴² Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. Книга первая. С. 44.

⁴³ Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968. С. 25.

⁴⁴ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 369.

⁴⁵ Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 234. Автор здесь ссылается на аналогичное мнение Шлейермахера.

⁴⁶ Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 383.

бенно в половой сфере), черты полной дикости (чрезвычайная робость, застенчивость в отношении к женщине)». ⁴⁷ И в самом деле, влюбленный юноша вел себя в соответствии со стереотипами женского воспитания, преобладавшего в детстве. «Врожденные мужские и женские свойства хорошо заметны уже в детском возрасте, — отмечал Фрейд роль воспитания в формировании гендерных особенностей поведения, — развитие сексуальных задержек (стыда, отвращения, сострадания и т. д.) наступает у девочки раньше (...) там, где проявляются частичные влечения сексуальности, они предпочитают пассивную форму». ⁴⁸

Именно пассивной стороной и, следовательно, инициатором разрыва выступил герой, своим отказом по сути оскорбивший девушку, поскольку «она явно предлагала мне девство, — я не взял». ⁴⁹ Обусловленная воспитанием «сексуальная задержка» фатальным образом разрушила юношеский роман. «Мне не хотелось, я не мог унижить ее животным чувством, — вспоминал Пришвин в 1907 году, через пять лет после любовной катастрофы. — Я хотел найти в ней то высшее, себя, в чем бы я мог возвратиться к себе первоначальному». ⁵⁰ Эту черту своего мировосприятия Михаил Михайлович вновь отметит, когда шагнет уже за полувековой юбилей: «У меня, как у невинной девушки, есть до сих пор в душе отталкивание от чувственной любви, если приходит та, которая мне очень нравится». ⁵¹ И об этом же запись в 1927 году: «Застенчивость. Ослепительная красота женщины может создать такое состояние в душе, когда эротический ток от страха своей грубости вдруг переделывается в ток женственной дружбы, снежный, исключаящий возможность даже мысли о соитии... Замороженный пол». ⁵²

Порой психологическая неуверенность, ведущая к «сексуальным задержкам» именно в тот момент, когда писателя охватывало чувство настоящей любви, даже приводила к мысли о собственной неполноценности: «Я вспомнил свое бездушное чувство обыкновенной любви и тоску свою постоянную о том, что лишен был удовлетворения в любви какой-то настоящей, в которой та животная любовь проходит как-то само собой, где-то сзади. Мне думалось, что, может быть, это у меня от разделенности моего существа, что, может быть, я вроде душевного гермафродита, и та любовь, поверхностно чувственная, есть вообще мужская любовь, а другая моя неудовлетворенная голубая любовь — есть обыкновенное чувство женщины». ⁵³ Здесь следует отметить ту немаловажную деталь, что для начала XX века словосочетание «голубая любовь» отнюдь не имело современного смыслового значения однополых сексуальных связей. Для Пришвина, как художника слова, любившего использовать в своих произведениях цветовую символику, понятие «голубая любовь» означало возвышенно-идеальное, небесное, не от мира сего мечтательное чувство, которое так свойственно женскому характеру.

Женственные моменты души писателя сыграют свою роль и в выборе политических предпочтений. Вспоминая в 1928 году о причинах, побудивших его в юности «отдаться идее» марксизма, Пришвин отмечает, что вера в марксизм рождалась из потребности найти старшего на роль умершего отца и инфантильного желания идеальной женской любви. «Не имея от-

⁴⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. Книга вторая. С. 74.

⁴⁸ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. С. 616.

⁴⁹ Пришвин М. М. Из дневников последних лет // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1957. Т. 6. С. 543.

⁵⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 31.

⁵¹ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 82.

⁵² Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. Книга пятая. М., 2003. С. 182.

⁵³ Пришвин М. М. Дневники. 1928—1929. Книга шестая. М., 2004. С. 478.

да-учителя, я нашел это в Марксе, а женщина будущего у Бебеля заменила мне мою Галатею», и, кроме того, в революционном кружке марксистов он обрел «товарищей, которые заменили мне вполне то естественное счастье, которое дает хорошо организованная *большая семья* (курсив мой. — А. П.)». ⁵⁴ В марксизме юношу более всего привлекало решение проблемы униженного положения женщины, как ему тогда казалось, главного зла жизни. «Меня срезало в проповеди марксизма именно то, что время зла пройдет, и нам самим, своими руками можно сделать для всех счастливую жизнь. Самое же зло жизни в глубине души, не отдавая себе отчета, я видел в недостойности порядочного человека буржуазной любви. В этом смысле я и понимал книгу Бебеля о женщине прошлого, настоящего и будущего: так было, так есть, и мы сделаем время торжества женщины как алтаря любви. Никакой поэзии не было в книге „Фрау унд Социализмус“, но для меня книга пела как флейта о женщине будущего... Да, это, конечно, было: в тайне души своей я стал проповедовать марксизм, имея в виду грядущее царство будущей женщины». ⁵⁵

Психологическое, с уклоном к сексуальным аспектам, истолкование будущим писателем марксизма порождало соответствующее мировоззренческое отношение к действительности, т. е. ту герменевтическую ситуацию, о которой пишет Хайдеггер: «У всякого толкования есть свое предвзятие, свое предусмотрение и свое предрешение. Становясь как интерпретация специальной задачей исследования, целое этих „предпосылок“, именуемое нами *герменевтической ситуацией*, требует предварительного уяснения и обеспечения из и внутри основоопыта размыкаемого „предмета“ {...} Предвзятие и предусмотрение предразмечают потом и концептуальность (предрешение)». ⁵⁶ Таким образом, становится понятно, почему студенческая пропаганда марксизма среди рабочих Риги, в которой усердно участвовал и Михаил Пришвин, закончилась не чем иным, как определенной попыткой решения именно женского вопроса — разгромом всех публичных домов в Риге.

Романтическое соединение теории с практикой жизни чрезвычайно воодушевляло молодежь, отмечал Пришвин, и в 1915 году этот присутствующий в марксизме мотив борьбы за права женщин писатель захочет сделать одной из сюжетных линий задуманной им повести о революционном движении в России начала XX века: «То, что я задумал изобразить в „Марксистах“, очень значительно: пол, источник жизни, подорван, и отсюда является необходимость в „женщинах будущего“. Радикальная развязка с семейным несчастьем и бытом. Особенность этого явления — „безликий романтизм“. Не замечательная женщина с данными чертами возводится в идеал, но вообще женщина. Этот романтизм есть действительно „абстракция полового чувства“». ⁵⁷

Зафиксированный в дневниковой записи этот творческий замысел является убедительным свидетельством того, что независимо от Фрейда, еще не будучи знаком с теорией психоанализа, писатель ставит творческую задачу раскрытия весьма важного аспекта общественно-политического движения. В марксизме, как видел Пришвин, обнаружилась не менее значимая, чем революционное переустройство экономического базиса и идеологической надстройки, проблема необходимости переделки сексуальных отношений в процессе общения людей. И об этом еще раз он скажет в 1922 году: «Вспомни-

⁵⁴ Там же. С. 302.

⁵⁵ Цит. по: Пришвина В. Д. Путь к Слову. М., 1984. С. 58.

⁵⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 265.

⁵⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. Книга первая. С. 179.

наю, разбираю и думаю, что, значит, в этом видимом на поверхности интеллектуализме „Капитала” были и сексуальные проблемы внутри с культом женщины будущего». ⁵⁸ Так правда жизни, одинаковая как для ученого, так и для писателя, требовала своего выражения.

Любовная парижская неудача привела в 1902 году Пришвина к тяжелой нервной болезни. Писатель откровенно говорил в «Кашеевой цепи», что причина крушения любви обусловлена детскими сексуальными переживаниями героя: ведь у Алпатова была реальная возможность добиться взаимности, когда он догадался, что Инна бежала от него «наполовину с мечтой о женской свободе, как все живое бежит от самца, и наполовину с желанием, чтобы я догнал ее и овладел». ⁵⁹ Но ему помешал тот комплекс «сексуальной задержки», который возник во время неудачной попытки еще гимназистом познать физическую любовь в елецком публичном доме. Алпатов позже расскажет об этом случайному попутчику в поезде: «Меня, видите, мальчиком в публичный дом привели, и я там напугался на всю жизнь». ⁶⁰ Так воспринятые в детстве социальные запреты, вытесняющие неприемлемое для общества открытое проявление эротических желаний, определяют, как это показал Фрейд, направление развития личности: «Эти сдерживающие сексуальное развитие силы — отвращение, стыд, мораль — необходимо, с другой стороны, рассматривать как исторический осадок внешних задержек, которые испытало сексуальное влечение в психогенезе человечества. Можно наблюдать, как в развитии отдельного человека они появляются в свое время сами по себе, следуя намекам воспитания и стороннего влияния». ⁶¹

Положение усугублялось тем, что без духовной близости Пришвин не мог обрести сексуального удовлетворения и «безумно страдал при каждом акте с проституткой, а без акта, на монашеском положении — пробовал, но физически не мог вынести и доходил до психиатра». ⁶² Совершенно очевидно, что это была симптоматика так называемой «психической импотенции», которую Фрейд определял как «неслияние нежного и чувственного течения в любовной жизни», вызванное «влиянием детских фиксаций и более поздним запретом при промежуточном возникновении инцестуозного запрета», при этом данный недуг является «общим страданием культурного человечества, а не болезнью отдельных лиц». ⁶³ После наступления половой зрелости детская склонность к родителям или братьям и сестрам подсознательно переносится на объект любви. В Эдиповом комплексе, объясняет Фрейд, «завершается инфантильная сексуальность, оказывающая решающее влияние своим действием на сексуальность взрослых. Каждому новорожденному предстоит задача преодолеть Эдипов комплекс; кто не в состоянии это сделать, заболевает неврозом». ⁶⁴ В справедливости этих заключений основателя психоанализа можно убедиться, если проанализировать реальные факты и события жизни Пришвина.

Предрасположенность писателя к сексуальной перверзии была обусловлена его детской влюбленностью в двоюродную сестру, «прекрасную, как мне казалось в детстве, высшую, неземную женщину. Этот образ остался со

⁵⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922. Книга третья. С. 289—290.

⁵⁹ Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 383.

⁶⁰ Там же. С. 430.

⁶¹ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 142.

⁶² Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922. Книга третья. С. 248.

⁶³ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. С. 682.

⁶⁴ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 188.

мной на всю жизнь, и, когда я встречал какую-нибудь девушку, которой начинал увлекаться, я говорил себе: „Это, кажется, настоящая?“, и это значило, что она соответствует тому образу (курсив мой. — А. П.), который был воспринят мною от двоюродной сестры Маши, как Марья Моревна». ⁶⁵ Поэтому инфантильная склонность к инцестуозному объекту или его заместителю всю жизнь была непреодолимым подсознательным искушением Пришвина, всякий раз приводя к психическим патологиям при реализации сексуального желания, если половой партнер не соответствовал идущему из детства образу идеала эротической любви. «Психоанализ легко может доказать, что такие лица в обычном смысле слова *влюблены* в своих кровных родственников, скрывая при помощи симптомов и других проявлений болезни их бессознательные мысли и не переводя их в сознание, — писал Фрейд о связи сексуальных перверзий взрослого возраста с инцестуозными фиксациями детства. — Даже в тех случаях, когда человек, бывший прежде здоровым, заболел после несчастной любви, можно с несомненностью открыть, что механизм этого заболевания состоит в возвращении его либидо ⁶⁶ к предпочитаемым в детстве лицам». ⁶⁷

Вернувшись в Россию, Пришвин в 1903 году «сошелся», как он пишет, с Ефросиньей Павловной Смогалева, урожденной Бадыкиной, первой же попавшейся ему женщиной, крестьянкой по происхождению, которая привлекала не только тем, что «была доверчива и роскошно одарена естественными богатствами», но и тем, что через нее, простую «деревенскую женщину я входил в природу, в народ, в русский родной язык, в слово». ⁶⁸ Правда, писатель первое время считал эту связь ни к чему не обязывающей и думал, что «если придет другая, настоящая, то я уйду к настоящей...». ⁶⁹ Действительно, брак этот казался нелепой фантазией как родным, которым в силу разности образа жизни и духовных интересов было трудно общаться с простолюдинкой, так и друзьям и знакомым. Михаил Михайлович вспоминал, как в 1909 году супружеская чета Розановых изумлялась его женитьбе на женщине из лопарей: ⁷⁰ «Вы женаты?

— Да...

— А где же кольцо?.. На лопке? На крестьянке?» и просили привести ее в общество, вероятно ожидая увидеть совсем уж нечто пикантное. ⁷¹

Самому же Пришвину мезальянс в то кризисное для него время казался наилучшим выходом: «Замечательно то, что все образованные развитые женщины мне почему-то неприятны... Чем выше духовный мир женщины, тем сильнее это отталкивание во мне. Лучше Фроси я никого не знаю», — свидетельствует дневниковая запись в мае 1907 года. ⁷² В супружеской жизни с женщиной, стоящей много ниже его по социальному положению и умственному развитию, писатель чувствовал себя внутренне раскрепощенным:

⁶⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. Книга пятая. С. 146.

⁶⁶ «Факт половой потребности у человека и животного выражают в биологии тем, что у них предполагается „половое влечение“. При этом допускают аналогию с влечением к принятию пищи, голодом. Соответствующего слову „голод“ обозначения не имеется в народном языке; наука пользуется словом „либидо“» (Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. С. 535).

⁶⁷ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 189.

⁶⁸ Цит. по: Пришвина В. Д. Путь к Слову. С. 103.

⁶⁹ Там же. С. 104.

⁷⁰ Малочисленный народ финского племени.

⁷¹ Пришвин М. О Розанове // Контекст—1990: Литературно-теоретические исследования. М., 1990. С. 194.

⁷² Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 31.

«Ефросинья Павловна была настолько умна и необразованна, что вовсе и не касалась моего духовного мира».⁷³ Это позволяло избавиться от комплекса психической импотенции, проявлять свою половую силу и испытывать полное эротическое удовлетворение, даже если при этом в мечтах «всю жизнь желал другую, и это желанное отдавал в печать: ее я обманывал».⁷⁴

Подобный выход из сексуальной импотенции, по мнению Фрейда, был типичным для многих представителей высших общественных классов, для которых склонность «выбирать себе любовницу или даже законную супругу из женщин низкого сословия является только следствием потребности в униженном половом объекте, с которым психологически связана возможность полного удовлетворения».⁷⁵ Правда, Фрося, ощущая неискренность супружеских отношений, очень скоро превращается «в злейшую Ксантипу»⁷⁶ и все чаще и чаще устраивает скандалы. Однако в семейных ссорах Михаил Михайлович винит прежде всего самого себя, поскольку женился «с досады» из-за неудачи в первой любви и желания обрести в браке лишь удовлетворение собственных сексуальных потребностей. «Дело во мне самом, потому что я был по отношению к жене зверем (курсив мой. — А. П.), может быть, хорошим, добрым, но только зверем, я никогда не испытывал чувства радости служения любимому человеку, что любить значит служить любимому», — напишет Пришвин в 1918 году, подводя итог 15-летней совместной жизни.⁷⁷ И через четыре года еще раз скажет: «...вина основная во мне, что я эгоист и заварил брак в похоти, в состоянии двойственности, в грубейшем действии соединить уже во мне разъединенное: плоть и дух, в самообмане...».⁷⁸

Если юношеская влюбленность завершилась психологической катастрофой, то теперь Пришвин признается, что выход из невроза, вызванного сексуальной импотенцией, был найден им путем перевода полового влечения с инцестуозного детского идеала любви на социально приниженного полового партнера. Студентку Сорбонны Вареньку Измалкову, прототип Инны Ростовцевой в «Кашеевой цепи», от которой в решающий эротический момент отступил, «стыдясь в себе „зверя“» (курсив мой. — А. П.),⁷⁹ автобиографический герой, сменила простая крестьянка Фрося, в супружестве с которой «упрощенное природное отношение к женщине-самке давало, освобождало во мне силу любования украшенной поверхностью земли, и „человечина“ меня не цепляла», позволяя ощущать себя «хорошим, добрым, но только зверем (курсив мой. — А. П.)».⁸⁰

Дневниковые записи, в которых Пришвин описывает сексуально-психологические проблемы своей жизни, носят отчетливо выраженный психоаналитический характер, удивительным образом совпадая с теоретическими положениями Фрейда. Но речь не идет о прямом заимствовании Пришвиным идей фрейдизма для применения их к анализу своей жизни, поскольку многие выводы писателя были сделаны до появления соответствующих работ Фрейда по психологии сексуальности. Дело в том, что наука и искусство, обладая разными познавательными средствами, способны постигать правду жизни вполне самостоятельно, в независимых друг от друга понятия-

⁷³ Цит. по: Пришвина В. Д. Путь к Слову. С. 103.

⁷⁴ Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922. Книга третья. С. 248.

⁷⁵ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. С. 683.

⁷⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. Книга первая. С. 86.

⁷⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. Книга вторая. С. 150.

⁷⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922. Книга третья. С. 248.

⁷⁹ Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 383.

⁸⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. Книга вторая. С. 148, 150.

ях теории и художественных образах. Поэтому возможно сходство и даже совпадение интуитивно постигаемых художником причин и закономерностей объективных психических явлений с экспериментально получаемыми наукой результатами. Хотя талант и интуиция во все эпохи позволяли художникам самостоятельно проникать в тайну душевных явлений, великой заслугой Фрейда стало создание целостной методологии анализа психических процессов.

Исходя из сопоставления дневниковых записей и художественных произведений Пришвина, можно с достаточной степенью обоснованности заключить, что знакомство с теорией Фрейда, освоение и использование психоанализа как творческой парадигмы начинается, как уже было сказано, лишь в 1923 году, что подтверждается как собственным свидетельством писателя, так и появлением в его словаре характерной терминологии и специфической фрейдистской интерпретацией сексуальных аспектов психической жизни людей. Одно из таких явных герменевтических указателей влияния психоанализа на писателя можно обнаружить при сравнении текста пришвинского Дневника с выдержкой из вышедшей в 1923 году 4-м изданием книги «Очерки по психологии сексуальности». Рассматривая психическую импотенцию, Фрейд приходит к выводу: главной причиной является то, что «*нежное и чувственное* течения только у очень немногих интеллигентных мужчин в достаточной степени спаяны; мужчина почти всегда чувствует себя стесненным в проявлении своей половой жизни благодаря чувству уважения к женщине и проявляет свою полную потенцию только тогда, когда имеет дело с *низким половым объектом* (курсив мой. — А. П.)».⁸¹ Аналогичное мнение, используя близкие по смыслу понятия, высказывает и Пришвин в Дневнике 1925 года, говоря об эротическом чувстве «к женщине как к *нежному* товарищу: я это чувство имею, и, если замечаю самым отдаленным образом в таком товарище движение пола, — он меня отталкивает. Налет культурности в женщине, образ жизни ее — с книгами... отталкивает мое половое чувство: я могу совокупиться только с женщиной-самкой, лучше всего, если это будет *самая простая баба* (курсив мой. — А. П.)».⁸²

Однако знакомство Пришвина с основными идеями психоанализа, конечно же, не означало, что он, не будучи врачом-психиатром, захочет прочесть все теоретические работы Фрейда. В своем творчестве писатель выражал прежде всего неповторимость собственного жизненного опыта, а применяемые им методологические установки были призваны лишь полнее раскрыть, подчеркнуть и оттенить своеобразие первичного экзистенциального материала. Поэтому можно с уверенностью сказать, что многие психологические сюжеты художественного бытия героев пришвинских произведений основаны не на спекулятивно-абстрактном применении фрейдизма в творчестве, а на экзистенциальном опыте его собственной жизни, которую в принципе невозможно задним числом подогнать под ту или иную теоретическую концепцию.

Рассматривая проблему влияния учения Фрейда на Пришвина, по нашему мнению, необходимо исследовать не только особенности применения им психоанализа в творческом процессе, но и оценки фрейдизма самим писателем. Поэтому нашей задачей является попытка выяснить влияние идей фрейдизма на мировоззрение и творчество Пришвина, сопоставляя при этом психоаналитический анализ событий жизни писателя с его собственной их

⁸¹ Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. С. 683.

⁸² Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 336.

оценкой, а изложенные в дневниковых записях мировоззренческие взгляды на теорию Фрейда — с их художественной подцензурной интерпретацией. Основная трудность установления психоаналитических аспектов в творчестве Пришвина заключается в разделении того, что здесь шло от жизненного опыта писателя, а что от теории. Но поскольку феномены реальности являются одними и теми же и для ученого, и для художника, значит, возможно и самостоятельное существование интуитивного психоаналитического взгляда на мир Пришвина, и гармоничное его сочетание с научной методологией Фрейда.

Так, размышления писателя в декабре 1920 года о сюжете будущей автобиографической книги свидетельствуют, что все отмечаемые им поворотные моменты своей жизни: «1) бегство в Америку, 2) марксизм, 3) Париж, 4) литература»,⁸³ хотя и совпадают с проблематикой психоанализа (влияние исходных импульсов детских переживаний, борьба мужского и женского начал, вытеснение эроса в психоневроз или фантазии, проблемы сублимации сексуальных переживаний в художественное творчество), выделены самостоятельно. «Когда вдумаешься, почему я не стал, как Пржевальский, то помехой всюду является „она“, т. е. трепетное стремление к женщине несуществующей. Это непростое отношение к действительности и заграждало путь к действительности (неврастения)»,⁸⁴ — за два года до знакомства с учением Фрейда говорит писатель о вытеснении своей неудачной любви в нервную болезнь.

Если *мужское начало* своей личности Пришвину видится в таких решительных действиях, как побег от постылой гимназии в неизведанную страну Америку или не менее радикальный выход из катастрофической любви в литературу, то противоположное — это *«Париж и марксизм — жертвенность, женское начало, способность отдаться»* (курсив мой. — А. П.).⁸⁵ При этом глубинные психологические интенции такого мироотношения, по его мнению, идут именно из детства: «Я родился одаренным мальчиком, но в окружающей меня среде я не находил ответа на свои вопросы и переносил решение их в мир ненастоящий, нездешний (куда-то в «Америку», или в «государство будущего», или к недоступной даме, живущей в Париже). Литература дала мне возможность быть в такой стране...».⁸⁶

Важно, что речь здесь идет не только о вытеснении эротических переживаний в неврастению, но и о различных формах сублимации, отмечаемых Фрейдом, когда «энергия инфантильных желаний не устраняется, а применяется для других высших, уже не сексуальных целей. Как раз компоненты сексуального влечения отличаются способностью сублимации, т. е. замещения своей сексуальной цели другой, более отдаленной и более ценной в социальном отношении. Этим прибавкам энергии со стороны сексуального влечения в нашей душевной деятельности мы обязаны, по всей вероятности, нашими высшими культурными достижениями».⁸⁷

Вместе с тем в отличие от Фрейда любовь к женщине Пришвин не рассматривал исключительно как эрос, поэтому и само его творчество не было налагаемой на реальность калькой психоанализа. Для него любовь всегда противоречива, поскольку возникает в пространстве соприкосновения противоположностей: телесного и духовного, индивидуального и общественно-

⁸³ Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922. Книга третья. С. 111.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 380.

го, интимного и универсально значимого. Экзистенциальное разделение в жизни социума женского и мужского начал как семейно-бытового, так и коллективно-общественного характера, зачастую выступающих в форме столкновения личного желания любви с социальными запретами, у писателя найдет художественное осмысление как противоречие индивидуального «хочется» и общественного «надо».

В «Кащеевой цепи» Михаил Алпатов и Инна Ростовцева после романтического объяснения в любви в прекраснейшем парижском Люксембургском саду внезапно просыпаются ночью от одной и той же мысли: как соединить личное желание счастья с требованиями общества. Если, мечтая о совместной жизни с Инной, Михаил в согласии с логикой мужчины сразу же хочет приобщить ее к высоким общественным идеям революционного дела и предлагает возлюбленной вступить в политический кружок: «...ты к нам переходи, будь с нами...»,⁸⁸ то женская логика подсказывает Инне, что родители не примут жениха без «положения», не способного обеспечить семью: «Какая это любовь, если чувствую, не пойду против мамы».⁸⁹ Конечно же, автор не стал укорять Инну за ее естественно-природный женский эгоизм, ставящий условием любви «положение» в обществе, т. е. материальный достаток. Так в романе находит свою художественную интерпретацию фрейдистский тезис о вечном противостоянии личных желаний человека и регулирующих их культурных норм общества.

Да и сам выход из этой трудной ситуации к Алпатову приходит в «коротком утреннем сне», и для Пришвина не случайно, что решения многих проблем являются по-фрейдистски, в осуществляющем желания сне. «Это не любовь, если она боится своей ужасной матери и соглашается подвергнуть его унижению службы для нее в департаменте», прозревает во сне Михаил и решает «ее оторвать от себя и заменить это стыдное положение делом (...) дело взамен Инны...».⁹⁰ Именно в эти дни у Алпатова впервые мелькает мысль о возможности расстаться с такой любовью, сублимировать ее в нечто другое, «заменить любовь к недоступной невесте любовью к женщине-матери и сладостную боль израсходовать в благословенном труде».⁹¹ Но если рассуждения автора о мужской и женской логике принятия решений или о приносящем избавление сне вполне закономерно могут являться художественно-образным выражением собственного жизненного опыта, то в ряде других эпизодов романа отчетливо обнаруживаются чисто фрейдистские реминисценции.

Вернувшись из Германии в Россию, Алпатов, несмотря на идущие еще от революционной юности марксистские убеждения о перевесе общественного интереса над личным, все же попытается добиться «положения» и тем самым заслужить невесту. С целью сделать карьеру Михаил приезжает в Петербург, и тут выясняется, что судимому за революционную деятельность в России добиться «положения» почти невозможно, это открывается ему в разговоре с жандармом в охранном отделении. Так в очередной раз герой оказывается в жизненном тупике, и у него вновь развивается невротический страх: «Кащеева цепь», сформировавшийся в детстве универсальный образ социального зла, из внешней становится внутренней: «Когда-то Алпатов, чутьем угадывая это состояние у других, глубоко его презирал, называл „самоковырянием“ и думал — каждый, если захочет, может выйти из тако-

⁸⁸ Пришвин М. М. Кащеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 372.

⁸⁹ Там же. С. 375.

⁹⁰ Там же. С. 375—376.

⁹¹ Там же. С. 373.

го порочного круга усилием собственной воли. Теперь он сам был в плену. Раньше Кащеева цепь, ему казалось, была в мире внешнем, огромная цепь, теперь не цепь, а цепочка закручивалась вокруг своего „я”, и эта цепочка оказалась сильнее, чем вся великая цепь. Мало-помалу, ничего не видя вокруг себя, он заметил в ужасе, что мысли его, и боль, и даже все внешнее, что попадалось в глаза, и особое новое чувство своей вины, протекая кругом, начиналось, как танец от печки, и эта неподвижная печка была *положение*, а конец — по больному месту острые слова: „я” — маленький⁹².

При наложении на семантическое поле данного текста соответствующих идей психоанализа можно удостовериться, что нервная болезнь Алпатова была обусловлена бессилием удовлетворить желание любви, условием которой поставлено достижение материального благополучия. Именно эта невозможность добиться «положения» стала центральным пунктом психических переживаний с наслаивающимися, вовлекаемыми в круг болезни образами всей жизни, начиная с детства. «Мы видим, что люди заболевают, если им нельзя *реально* удовлетворить свою эротическую потребность вследствие внешних препятствий или вследствие внутреннего недостатка в приспособляемости, — пишет о причинах невроза Фрейд. — Мы видим, что тогда они *бегут в болезнь*, чтобы с ее помощью найти замещение недостающего удовлетворения. Мы узнали, что в симптомах болезни проявляется часть сексуальной деятельности больного или же вся его сексуальная жизнь».⁹³

Еще одним подтверждением использования автором учения Фрейда является описание в романе того, как почти интуитивно Алпатов пытается найти выход из круга порочного невротического самоковырания: он смутно догадывается, что нужна замена, перевод невроза в какое-либо действие: попробовать, чтобы «избавиться от проклятого самоверчения, рассказать об этом искренно другу в письме (...) когда он выскажет все совершенно, то непременно и сбросит с себя эту новую маленькую, но еще более страшную цепь».⁹⁴ Здесь писатель применяет известный психотерапевтический прием, подсказывая герою, что выплеснуть из себя боль можно, если изложить свои мучительные переживания на бумаге. Однако, пытаясь изжить невротические страхи путем высказывания их в письмах к Инне, Михаил «забывает, что если другому прочесть написанное им, то как раз это и будет изложение самоверчения, начиная от печки *положение* и кончая осью всего порочного круга: „я” — маленький».⁹⁵ Только отправив письмо с психоаналитическим анализом своих переживаний, он осознает, что расписывается перед невестой в полной своей беспомощности, что лишь надеется ее разжалобить: «Это письмо, он теперь понимал так ясно, было бредом, в котором он бормотал о своем великом „я”, назначенном разбить Кащееву цепь, и что это великое „я”, встретив на пути своем *положение*, обернулось в сидящее на цепочке „я” — маленькое».⁹⁶

О том, что автор повествует о типичном процессе углубления «невроза навязчивых состояний», свидетельствует подмена его центрального пункта: уже не само по себе «положение» становится причиной разрыва, а претендующее на величие собственное «маленькое „я”» отвергнутого жениха. Алпатов лихорадочно пытается вернуть письмо, но что-либо исправить уже поздно. Сублимация невроза явно пошла по пути усиления болезни, а не ос-

⁹² Там же. С. 398.

⁹³ Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 376.

⁹⁴ Пришвин М. М. Кащеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 398.

⁹⁵ Там же. С. 398.

⁹⁶ Там же. С. 399.

вобождения от нее; возможность подобного отклонения Фрейд объяснял так: «В зависимости от того, полная ли или неполная эта сублимация, анализ характера высокоодаренных, особенно имеющих способности к художественному творчеству лиц откроет различную смесь работоспособности, перверзии и невроза. Особым видом сублимации является подавление посредством *реактивного образования...*».⁹⁷ То есть подавленное влечение у Алпатова трансформируется в отвращение к любым проявлениям эротичности, и жених уходит от проблем реализации любовного чувства в отвлеченные рассуждения об образе всеобщего социального зла — «Кащеевой цепи». А потому и попытка высказать свои душевные переживания, чтобы через сочувствие невесты преодолеть болезнь, не удается. Своими странно-беспомощными, пугающими невротическими откровениями в письмах к Инне Алпатов лишь выдал собственное бессилие. Разумеется, ответ Инны, ждущей от жениха известий о «подвигах» во имя любви, а не невротических жалоб на тяжелую жизнь и невозможность составить «положение», был похож на приговор: «Слишком уважаю, чтобы отдаваться жалости. Прошу, не пишите больше. Я теперь все разглядела, все поняла: мы говорим на разных языках, нам не по пути. В этот раз твердо и решительно говорю: нет».⁹⁸

Так и не сумевший сделать карьеру в Петербурге из-за запрета принимать на государственную службу всех, кто когда-либо участвовал в революционной деятельности, Алпатов был выслан под надзор полиции в материнское имение под Ельцом. Оттуда он втайне едет на свидание к невесте, нарушая запрещение на въезд в столицу. Однако и в поезде оказывается следивший за ним агент, которому сам же Михаил, приняв его за случайного попутчика, что называется, раскрывает душу. В итоге, Алпатов, сбежав от филера, оказывается на захолустной станции, покинув которую, он уходит в ночную темную неизвестность.

Было начало ранней весны и, заблудившись среди бескрайнего болотного бездорожья, герой очутился на лесной поляне, где решает окончательно разорвать с прошлым и на костре сжигает все, напоминающее о любви: «Горят бумаги, и сухие розы, и роскошная белая шелковая, шитая гладью шаль...

— Гори все!

Долго не может оторваться от карточки и разглядывает ее, прислонясь к кусту можжевельника, при свете костра. Сколько раз казалось ему это лицо двойным, скрывающим ведьму. Какая это ведьма, просто милая девушка, счастье...

И бросает счастье в огонь».⁹⁹

Вместе с освобождением от болезненной памяти о прошлом ему кажется, что начнется новая жизнь. Животворящая сила природы приносит Алпатову умиротворяющее понимание, что личная его любовная неудача и страдания — это всего лишь ничтожная часть ежесекундно происходящей драмы жизни, в которой участвует все живое. Вместе с охотником-аборигеном он становится свидетелем токующих глухарей, бьющихся за серую курочку так, как бьются мужчины за свою Прекрасную Даму: «Я не один! Вот оно откуда пошло!

Она просит жизни, а они обагрят свой брачный наряд. В бою за недостижимое, вечное — готовы найти свой конец. А ей бы сесть на яйцо и сохранить на земле жизнь тетеревиного рода.

⁹⁷ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 196.

⁹⁸ Пришвин М. М. Кащеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 416.

⁹⁹ Там же. С. 435.

— Это и у нас было так! — удивляется неожиданной догадке Михаил. — <...> Я вовсе не маленький, я пропустил свое маленькое из-за большого». ¹⁰⁰

Так для Алпатова катастрофическая его любовь разряжается катарсическим возвращением в природу, открывающим загадку фрейдистской основы его страданий из-за неудовлетворенности эротических желаний. Заканчивается роман описанием ледохода, когда грязные льдины уплывают, как звенья разбитой Кащеевой цепи, символизируя избавление героя от несчастий и приход новой жизни, новой весны.

В 1953 году Пришвин, переработав «Кащееву цепь» и стремясь «утопить эту книгу в автобиографии», в заключительных звеньях романа «Искусство как поведение» и «Как я стал писателем» уже более подробно говорит о психоанализе, применяемом им в своем творчестве. Здесь он, насколько это было возможно по цензурным соображениям, подводит итоги поставленной еще в 1923 году задачи «анализа по Фрейду» своего жизненного пути, частично нашедшего отражение в его художественной версии — романе о Михаиле Алпатове.

В главе «Игла профессора» писатель вспоминает, как, работая после возвращения из Германии земским агрономом в городе Клин Московской губернии, он оказался в совершенном одиночестве: «Я погас и заболел непонятной мне душевной болезнью. Корни этой болезни, несомненно, питались моей мучительной и неудавшейся любовью к исчезнувшей невесте». ¹⁰¹ Пришвин твердо, хотя и не называя имен, ставит диагноз, считая неудовлетворенную любовь причиной своей психической болезни и прямо следуя в этом за Фрейдом, отмечавшим, что «именно сексуальный компонент конфликта создает возможность заболевания, лишая душевные процессы возможности нормального протекания», ¹⁰² поскольку «сексуальность — движущая сила невроза», а сам невроз — это болезнь воспоминаний, в которые погружается личность, так как для нее «невроз заменяет в наше время монастырь, в который обычно удалялись все те, которые разочаровывались в жизни или которые чувствовали себя слишком слабыми для жизни». ¹⁰³

Пришвин рассказывает, что всячески пытался скрыть свою душевную болезнь, чувствуя себя гусем, который, чтобы его не заклевали, напрягает в полете последние силенки, лишь бы утаить от спутников свою слабость. «Да, я был очень болен и в сто раз свою болезнь увеличивал тем, что боялся открыться больным среди здоровых людей <...> Тайна моей болезни, — догадывается писатель о психических корнях своего недуга, характерного «невроза боязни», — была в том, что я стал с некоторого времени бояться острых предметов: кос, ножей, плужных отвалов и всего такого, чем я торговал ежедневно в земском складе. Каждый раз, как я видел острый предмет, меня тянуло схватить его и пустить в ход, и мне казалось, что я могу наделать ужасной непоправимой беды. <...> Я почувствовал необходимость немедленно, кому-то старшему, мудрому, авторитетному человеку выложить все, что есть у меня на душе, и просить помощи. Я вспомнил имя одного в то время очень известного психиатра, всеми уважаемого человека, и принялся писать ему покаянное письмо». ¹⁰⁴

Как мы помним, в романе Алпатов тоже пытался рассказать о своих переживаниях невесте в надежде на ее сочувствие и помощь. Художественную

¹⁰⁰ Там же. С. 442—443.

¹⁰¹ Там же. С. 465.

¹⁰² Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 144.

¹⁰³ Фрейд З. О психоанализе // Там же. С. 378.

¹⁰⁴ Пришвин М. М. Кащеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 465—466.

версию жизнеописания своего alter ego Пришвин дополняет не вошедшим в первую редакцию романа изложением событий собственной жизни, описывая прием у московского психиатра профессора Мержеевского. В исповеди врачу, рассказывает писатель, самым трудным было объяснить, почему же ощущение «„я” — маленький» так мучает его: «Любовь в существе своем есть рождение личности любящего, сказать же другому о своей личности можно только делами необыкновенными и небывалыми. Но раз я не могу свидетельствовать делами, значит, нет во мне личности».¹⁰⁵

Для понимания объективных причин заведомой безрезультатности обращения писателя к одному из «светил» психиатрической науки того времени следует привлечь историко-герменевтический контекст, отметив, что этот визит Пришвина к известному психиатру относится к 1903 году, когда врач И. П. Мержеевский (1838—1908), хотя и был в 1877—1893 годах директором Московской клиники душевных болезней, в описываемое время не использовал в своей практике психоанализ, поскольку русские психологи и психиатры начала XX века просто игнорировали фрейдовское учение: так с 1907 по 1913 год, т. е. за 6 лет работы научного «Психологического семинария» Г. И. Челпанова, лишь однажды было заслушано сообщение, специально посвященное учению Фрейда.¹⁰⁶ Таким образом, из исторического контекста столь важного для писателя события совершенно ясно, что профессор Мержеевский просто-напросто не знал, что недомогание было не физиологического характера, а поэтому прописанные им прохладные ванны мало помогли бы больному. Более того, профессор нанес еще одну душевную травму, небрежно насадив письмо-исповедь пациента на длинную иглу для приколки поступающих бумаг, и тогда «меня как будто иглой пронзило насквозь с такой болью, что я ее и сейчас, через много лет, чувствую», спустя полвека вспоминал Пришвин.¹⁰⁷

Спасла писателя от невроза случайность. После безрезультатного посещения профессора у Пришвина во время очередной поездки в Москву из Клина вновь случается приступ истерии при виде прохожего, несущего кухонный нож. Как отмечал Фрейд, в бессознательном идет постоянная борьба Эроса (инстинктов сексуальности и самосохранения) и Танатоса (инстинктов смерти и агрессии), которые используют механизм либидо. Создатель психоанализа приводит примеры разрушительной злобы и ненависти как регрессивного поведения, когда бессознательные импульсы находят разрядку в примитивном способе выхода из невроза. Таким регрессом и было желание писателя броситься на прохожего, чтобы отнять нож и пустить его в дело. Опомившись, он увидел себя возле дома с множеством дощечек, на которых значились врачи всех родов, от зубных и до невропатологов. Выбрав себе невропатолога, Михаил Михайлович изложил ему все свои невротические страхи и наконец-то получил квалифицированную помощь. Врач-невропатолог внушил Пришвину, что у него нет никакой болезни: «Вы просто перегружены разными теоретическими знаниями. Вам надо теперь разгрузиться от них в практической работе».¹⁰⁸ А для того чтобы вытеснить из души фобии страха острых предметов, дал пилюли, которые, обещал он, через месяц окончательно излечат писателя. Все вышло точно так, как сказал этот врач, и невроз боязни острых предметов прошел.

¹⁰⁵ Там же. С. 467.

¹⁰⁶ Пружинина А. А., Пружинин Б. И. Из истории отечественного психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 90.

¹⁰⁷ Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 467.

¹⁰⁸ Там же. С. 469.

О том, что эта история имеет фрейдистский подтекст, свидетельствует ее парадоксальная концовка. Однажды Пришвин, проезжая на извозчике мимо дома, где жил невропатолог, решает немедленно зайти к нему — поблагодарить — и с изумлением узнает, что его спаситель вовсе не врач. Более того, пилюли были простой сахарной пудрой, и спаситель пояснил, что невропатолог «живет лестницей выше, вы ошиблись этажом, молодой человек. Я же шлифую стекла для оптического магазина: я оптик».¹⁰⁹ Как сказал бы Фрейд, в этом-то и заключается тонкая ирония психоанализа: так как невроз Пришвина был обусловлен искаженностью его отношения к жизни, то кто же иной, как не оптик, смог бы помочь пациенту взглянуть на мир в другом ракурсе. Шлифовщик стекол поступил как опытный психоаналитик, помогающий больному вывести причины невроза из сферы бессознательного, когда совместный «анализ замещает автоматический и экспрессивный процесс вытеснения планомерной и целесообразной переработкой при помощи высших духовных инстанций. Одним словом, он замещает вытеснение осуждением».¹¹⁰ Таким образом, писателю удалось блестяще соблюсти не только художественную, но и научную правду, наглядно в ходе развития сюжета освободив героя от психической болезни, т. е. придя к тому же результату, которого достигает врач путем психоаналитических процедур. Задача же исследователя творчества Пришвина — обнаружить эти психологические находки писателя и соотнести их с теорией Фрейда.

Герменевтический анализ литературных произведений позволяет через интерпретацию текста раскрыть особенности духовного мира автора, понять мировоззренческие принципы, с которыми он подходит к художественному постижению действительности. Вместе с тем совершенно ясно, что применение писателем идей Фрейда не является только буквальным следованием традиции психоанализа — это одновременно и его собственная интерпретация, выступающая своего рода «посттворчеством, которое, однако, — как отмечал Гадамер, — не следует процессуально за актом творчества, но относится к облику сотворенного произведения и имеет целью воплотить его с индивидуальным осмыслением».¹¹¹ Действительно, бытие духовных явлений всегда актуализировано современностью, т. е. всегда открыто для новой интерпретации понимания их существенных смыслов в зависимости от изменяющихся социокультурных потребностей и обстоятельств текущего времени. «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом), — подчеркивал Бахтин. — Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу (...) За этим контактом контакт личностей...»¹¹²

Хотя благодаря счастливому случаю Пришвин сумел избавиться от невроза боязни острых предметов, однако от неудачной любовной истории у него все же оставалась фобия страха одиночества, что еще раз подтверждает справедливость наблюдения Фрейда о детском следе вытесненного эротического желания: «Дитя ведет себя при этом как взрослый, превращая свое либидо в страх, когда не в состоянии найти удовлетворение, а взрослый зато, став благодаря неудовлетворенному либидо невротичным, ведет себя в своем страхе как ребенок, начинает бояться, оставаясь один, т. е. без лица, в

¹⁰⁹ Там же. С. 471.

¹¹⁰ Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Фрейд З. Психология бессознательно: Сб. произведений. С. 120.

¹¹¹ Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. С. 166.

¹¹² Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 365.

любви которого он уверен, и этот свой страх старается успокоить детскими мерами». ¹¹³ То есть, когда желания ребенка отвергались, в ответ следовали определенные бессознательно задаваемые формы поведения, которые при их закреплении могли превратиться в черты характера. Затем имевшиеся в детстве фиксации становились образцами, по которым совершается вытеснение у взрослого человека, бессознательно защищающегося от импульсов так же, как он это делал ребенком. Здесь излечение Пришвин интуитивно нашел уже сам и чисто психоаналитически — путем сублимации «неудовлетворенного либидо», ставшего причиной нервной болезни, в художественное творчество.

В статье «О психоанализе» Фрейд, говоря о формах сублимации неврозов, отмечал: «...мы, люди с высокими требованиями нашей культуры и находящиеся под давлением наших внутренних вытеснений, находим действительность вообще неудовлетворительной и потому ведем жизнь в мире фантазий, в котором мы стараемся сгладить недостатки реального мира, воображая себе исполнение наших желаний. В этих фантазиях воплощается много настоящих конституциональных свойств личности и много вытесненных стремлений. Энергичный и пользующийся успехом человек — это тот, которому удается благодаря работе воплощать свои фантазии-желания в действительность». ¹¹⁴ Поэтому психоаналитика рассматривает художественное творчество как сублимированное символическое выражение сексуальных и инфантильных в своей основе психических желаний и влечений, находящих свое компенсаторное удовлетворение в области фантазии.

Для Пришвина открытие пути к сублимации невротических переживаний в творчество произошло в 1903 году, ¹¹⁵ во время поездки из Москвы на родину в Елец, на каком-то захолустном полустанке, где поезда ждали по двенадцать часов и где, как вспоминал писатель, «душа моя не имела против этой мертвящей скуки в аду одиночества никакой защиты». Спасением стало решение излить душевную тоску на бумаге, записать какие-то волнующие воспоминания детства. Так «совершилось величайшее открытие в моей жизни — мне теперь нечего бояться себя и своего одиночества, — рассказывает писатель в главке «На полустанке» звена двенадцатого «Как я стал писателем». — Раньше меня охватывал страх остаться наедине с самим собой. Теперь я только и ждал, когда закончатся дела, чтобы остаться наедине, затвориться и, в себе самом разгораясь, выходить из своего одиночества в широкий мир (...) Целебный источник выбился в душу мою из каких-то темных, неведомых недр, и с этого разу я стал независимым». ¹¹⁶ Творчество для Пришвина явилось не просто освобождением от гнетущих душевных сил, но и радостью излучать из себя опыт жизни. Об этой способности искусства — примирять художника с миром реальности — говорит и Фрейд, отмечая, что, если «личность обладает психологически еще загадочным для нас художественным дарованием, она может выражать свои фантазии не симптомами болезни, а художественными творениями, из-

¹¹³ Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 187.

¹¹⁴ Фрейд З. О психоанализе // Там же. С. 377.

¹¹⁵ Эту дату можно определить по контексту событий. Пришвин рассказывает, что незадолго до открытия в себе писательского таланта, избавившего его от фобии страха оставаться наедине с собой, он случайно попадает к спасителю-невропатологу, оказавшемуся оптиком, а о том, что этот визит был в 1903 году мы уже знаем (см.: Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 470—471).

¹¹⁶ Там же. С. 470—471.

бегая этим невроза и возвращаясь таким обходным путем к действительности». ¹¹⁷

Психоаналитический подход Пришвина к истории своей первой влюбленности, неудачный исход которой через нервную болезнь сублимировался в творчество, с гораздо большей откровенностью раскрывается в Дневнике, одним из важнейших достоинств которого является отсутствие искажающего цензурного влияния на мировоззренческую и художественную позиции писателя. В начале 1923 года, размышляя над вариантами сюжетной линии жизни Алпатова в «Кашеевой цепи», писатель решает, что это будет автобиографический роман: «Как будто бесконечно долгое время рылся в запутанном клубке и вдруг нашел конец, и конец этот — Я: с этого времени Алпатов весь клубок вновь на себя перематывает». ¹¹⁸ Теперь главной становится проблема раскрытия процесса становления собственной личности в романном повествовании о жизни и судьбе героя. И вслед за Фрейдом решающим фактором здесь Пришвин считает влияние «центростремительной силы эроса», где особенно значим «момент встречи с проблемой пола. С этого момента начинается зачатие личности, при ярком внезапном свете (любовь) жизнь человека вступает во второе полукружие, рожденная личность (второе рождение), стремясь не быть как все, направляется к центру (эрос), но силой общественного мнения, центробежной, отвлекается в сторону, и так слагается движение домой, к своей самости». ¹¹⁹

Указанием на то, что психоанализ Фрейда для Пришвина действительно был важной составной частью его мировоззрения и творчества, является сформулированная в Дневнике 1927 года основная идея «Кашеевой цепи»: «Неудовлетворенное половое чувство (вернее, отсеченное, превращенное) разрешается чисто „духовным” состоянием человека и общением с Прекрасной Дамой в творчестве. Половое чувство начинается душевным движением, которое в зародыше содержит всего человека. Так, у Алпатова сразу встали с первым движением полового чувства: 1) половое удовлетворение (быть, как все живое); 2) иметь жену, значит, быть самостоятельным, т. е. быть, как все люди; 3) быть творцом». ¹²⁰

Из этих трех возможных сюжетных вариантов жизни Алпатова писатель выбирает автобиографический, самый интересный для романа — «воздержание от брака для творчества», ставя перед собой задачу интерпретации сюжета в рамках психоанализа: «В романе должен быть изображен священный акт рождения человека, и это будет акт „половой”, а не тот суррогат его, который называется „духовным” актом, „духовным рождением”». ¹²¹

Если в романе видимой причиной любовной неудачи являются социальные обстоятельства — невозможность достичь необходимого для родителей невесты «положения» в обществе, то в пришвинских дневниковых записях, являющихся достоверным герменевтическим контекстом, акцент сделан на психологической стороне любовной истории. Закончившаяся нервной болезнью любовь делает для Пришвина невозможным дальнейшее спокойное существование: «Я ее так полюбил, навсегда, что потом, не видя ее, не имея писем о ней, четыре года болел ею и моментами был безумным совершенно, и удивляюсь, как не попал в сумасшедший дом. Я помню, что раз даже при-

¹¹⁷ Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 377—378.

¹¹⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 10.

¹¹⁹ Там же. С. 11.

¹²⁰ Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. Книга пятая. С. 461.

¹²¹ Там же. С. 466.

ходил к психиатру и говорил ему, что я за себя не ручаюсь». ¹²² Но, несмотря на тяжесть пережитого, художник все же хочет разобраться в причинах своей любовной неудачи и попытаться переломить судьбу. Кроме тягостных воспоминаний его также мучает неопределенность жизненного пути, болезненная душевная неустроенность и главное — тайные психические причины раздвоения собственного сознания. Ведь именно постоянные метания и сомнения юноши казались его невесте неискренними и более чем странной выглядела его болезненная двойственность.

Надеясь избавиться от того, что раздирало его душу на части, Пришвин тщетно пытался заняться хозяйством в надежде, что через дело «личное перейдет в общее. А ведь в этом и смысл всякой жизни, чтобы личное перешло в общее». ¹²³ Затем начал пробовать писать рассказы, издал несколько книг по сельскому хозяйству, стал работать корреспондентом в ряде центральных газет. Но окончательного освобождения от невроза, полной сублимации гнетущих душу воспоминаний о любовной неудаче в творчество все-таки не было, как позже догадался сам художник, по той причине, что «в описании своей жизни, которую я изобразил в разных повестях и рассказах, я пропустил все, что было в дневнике, обегал этого...». ¹²⁴

И все же, несмотря на все переживания, поставившие его на грань сумасшествия, Пришвин был благодарен своей любви за то, что она пробудила в нем писателя: «Главное, я стал писать о себе, после неудачи о себе, все о себе и потому, что неудача попала в самое сердце <...> и отсюда-то и пошло все: как сухой клоп, я высыхал [от] этого самоанализа <...> Падение несомненное и в то же время спасение, как это может быть? Спасение в унижении, смирении и страдании: счастье в несчастье...». ¹²⁵ Мысль Пришвина в Дневнике 1914 года, к которой он приходит самостоятельно, о перенесенных испытаниях как условия творчества совпадает с мнением Фрейда, что «осадки прежних любовных (в широком смысле слова) переживаний могут быть растворены только при высокой температуре переживаний перенесения и тогда только переведены в другие психические продукты». ¹²⁶

Вывод о творчестве как сублимации невроза писатель повторит и в начале 1928 года, незадолго до окончания «очерка своей жизни» — романа «Кашеева цепь»: «Да, как ни вертись, а искусство, должно быть, всегда паразитирует на развалинах личной жизни. Но в этом и есть особенность подвига художника, что он побеждает личное несчастье». ¹²⁷ И спустя почти 20 лет, размышляя о психологии творчества, в Дневнике 1945 года Пришвин вновь коснется своего опыта сублимации неудовлетворенного эроса в творчество: «Я хочу сказать, что в психологический состав сложного чувства первой любви у поэта входит чувство недоступности объекта любви. У меня это было два раза: первый раз в Риге с Анной Харлампиевной Голиковой. Она хотела завоевать меня себе как мужа, но это мне было почему-то нельзя. А когда она решила взять себе в мужья Кютнера и тем сделалась недоступной, я ей сделал формальное предложение быть моей женой. С плачем она мне отказала, и это-то мне и нужно было: я взлетел! Второй раз было через

¹²² Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 10.

¹²³ Там же. С. 32.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. Книга первая. С. 116.

¹²⁶ Фрейд З. О психоанализе // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 378.

¹²⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 189.

пять лет в Париже. Я тоже постарался сделать девушку недоступной и страстно питал в себе это чувство (десятки лет, почти всю жизнь), стал писать, сам изумляясь тому, как это чувство превращается в сказку, деньги и славу...»¹²⁸

Видимо, закономерности становления творческой личности таковы, что интуитивный голос подсознания ведет художника своим путем, не давая хода соблазну удовлетвориться простым эротическим чувством, свойственным обыкновенным людям. При этом личность творца формируется, только пройдя через страдания любви, и неудовлетворенность эроса является одним из условий пробуждения дремлющего таланта. Отмечая психоаналитический аспект своего творчества, Пришвин пишет, что «тема о женщине, сознающей, что поэты любят не ее, а свою мечту» для него стала постоянной с тех пор, как в Париже он «влюбился в призрак и потом, стремясь достигнуть этот призрак, стал делать к нему себе путь», а «выйдя в люди», свою первую повесть послал, конечно же, «призраку» в Лондон. «Самое интересное в этом романе было то, — отмечает писатель типично фрейдистский вариант своей истории любви, — что даже в момент разгара моей безумной страсти я сознавал, что простое обладание женщиной, брак и т. п. невозможен и не удовлетворяет меня, что эта женщина — только повод к моему полету».¹²⁹ И уже подводя итог жизни в пожилом возрасте, вновь признается: «Чем больше, и дальше, и глубже прохожу свою жизнь, тем становится все яснее, что Инна мне необходима была только в ее недоступности: необходима была для раскрытия и движения моего духа, недоступная женщина, как мнимая величина».¹³⁰

О том, что именно сублимация чувства любви, этой «центростремительной силы эроса», в творчество подсознательно была для природы писателя в тот период становления его как личности важнее собственно любви самой Вареньки (т. е. Инны из «Кашеевой цепи»), свидетельствует один случай поистине из классики психоанализа. Спустя несколько лет, когда он уже был женат на Фросе и у них родился ребенок, от Варвары Измалковой неожиданно приходит письмо, в котором она сообщает о своем приезде в Петербург и назначает свидание. Откуда-то Пришвин уже знал, что она собиралась выйти замуж за какого-то профессора, но в последний момент передумала и не явилась к венцу. Вся жизнь теперь могла перевернуться, тем более что однажды в непосланном письме к Измалковой он признавался: «За эти 12 лет, как мы с Вами расстались, я, конечно, создавал себе обыкновенную жизнь, подобную другим... Но все это время я чувствовал, что если бы Вы, эта самая таинственная Маруха, одним только пальчиком поманила меня, я все создаваемое во всякий час и минуту бросил бы...».¹³¹ Но по причине, более чем банальной, встреча не состоялась: влюбленный по рассеянности перепутал день и пропустил свидание. Конечно же, Варенька расценила эту небрежность бывшего жениха совершенно правильно и тотчас уехала за границу.

Однако вряд ли можно считать, что судьбе было неуютно их свидание или, как думал Пришвин, встреча «только случайно не состоялась (я перепутал число «завтра» и опоздал, она обиделась и уехала)».¹³² Исследуя психические механизмы забывчивости, Фрейд обоснованно приходил к выводу,

¹²⁸ Цит. по: Пришвина В. Д. Путь к Слову. С. 85.

¹²⁹ Пришвин М. М. Глаза земли // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 158—179.

¹³⁰ Там же. С. 113.

¹³¹ Цит. по: Пришвина В. Д. Путь к Слову. С. 123.

¹³² Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 333.

что «во всех случаях в основе забывания лежит мотив неохоты». ¹³³ Конечно же, Пришвин мог искать и находить какие угодно оправдания, но, как справедливо заключал создатель психоанализа, в таком забывании проявляются неосознаваемые мотивы, и дама, обвиняя любовника, «полагает только, и не без основания, что из ненамеренного забвения можно сделать тот же вывод об известном нежелании, как и из сознательного уклонения (...) забвение допустимо при неважных вещах; при вещах важных оно служит знаком того, что к ним относятся легко, стало быть, не признают их важности. И в самом деле, наличность психической оценки здесь не может быть отрицаема. Ни один человек не забудет выполнить действия, представляющиеся ему самому важными, не навлекая на себя подозрения в душевном расстройстве». ¹³⁴

Поэтому не просто память подвела Пришвина, видимо, голос подсознания убеждал, что от любви к Вареньке он уже взял если уж не все, то самое лучшее — окрыляющую поэта Музу, свою творческую мечту. Об этом же не раз говорила писателю Измалкова: «Ты взял все мое лучшее», а самоанализ подсказывал ему, что разделение женской личности (невеста) на идеальное (Варенька) и обыденное (Варвара Петровна) есть факт проявления жизненной реальности, что «двойственность женщин есть в действительности и что „Варя“ — это и есть Прекрасная Дама, на которой нельзя жениться. Варвара Петровна потому и сердится, что Алпатов избрал в ней Варю, так что ей, Варваре Петровне, нельзя за него выйти замуж». ¹³⁵ Так у художника рождался вывод, что его «презрение к мецанской жизни и есть презрение к Варваре Петровне, и, вероятно, даже избрание Ефросиньи Павловны в жены и эта моя семья — есть от Вари (помню: «Варя с народным лицом») и чувство природы — все от нее». ¹³⁶

В таком философском понимании любви как чувства далеко выходящего за пределы природно-биологической сексуальности проявляется мировоззренческое отличие Пришвина от Фрейда. «Любовь — это борьба за личность (и вечность)», ¹³⁷ — утверждает писатель, считая недопустимым упрощением разговоры о вдохновляющей поэта Прекрасной Даме как только об абстракции полового чувства, ибо его личный жизненный опыт говорил о том, что любовь нельзя ни вызвать принудительно, ни преодолеть: она возникает как самое свободное и непредсказуемое выражение глубин личности. Любовь для писателя была намного больше сексуальности, «любовь была именно задержкой половому чувству (на Прекрасной Даме нельзя жениться!)». ¹³⁸ Признавая, что его приход в искусство во многом определялся любовной неудачей, Пришвин тем не менее не во всем согласен с пансексуализмом Фрейда, постоянно ощущая себя в творчестве между Прекрасной Дамой и женой: «Так же и было всегда у меня в двух мирах, в двух полюсах, а посередине деятельность формирования (искусство) как выход из противоречия». ¹³⁹ Все это — свидетельство сложности и диалектичности мировоззрения художника, для которого творческий процесс, с одной стороны, питается любовью-эросом, а с другой — творит свой идеал — Прекрасную Даму, свою Музу. «Духовный, творческий процесс, реализацией которого

¹³³ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. С. 249.

¹³⁴ Там же. С. 258—259.

¹³⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 351.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Пришвин М. М. Дневники. 1918—1919. Книга вторая. С. 156.

¹³⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 351.

¹³⁹ Там же. С. 81.

является Прекрасная Дама, сходится с моментом наибольшего напряжения полового чувства», — заключает писатель.¹⁴⁰

Несчастливая любовь, причинив Пришвину неимоверные страдания, разбудила в нем художника, став его проклятием и благословлением одновременно, и в этом еще одна из причин вечной его раздвоенности и противоречивости и такого же вечного стремления к цельности. И в конце концов, любовь между мужчиной и женщиной для писателя предстает уже не просто как спор или противостояние различных начал, но и как гармония отношений двух личностей. Поэтому Пришвин развивает и дополняет духовную сторону понимания любви — доминантного для становления личности ценностного отношения к другому человеку как к такой же личности: «Любовь и поэзия — это одно и то же. Размножение без любви — это как у животных, а если к этому поэзия — вот и любовь».¹⁴¹ Вместе с тем писатель считает, что невозможно творить, не испытывая реального, страстного чувства любви, которая не обманывает, так как «страсть — это сама правда, обман выходит из подмены страсти физической ее духовным эквивалентом, от чего любовь распадается на животную (презренную) и человеческую (возвышенную), между тем как истинная любовь как борьба за личность человека одна».¹⁴²

Диалектичность мировоззрения Пришвина наглядно проявляется в отчасти критическом отношении к психоанализу, в установлении четких пределов его применимости, за гранью которых фрейдизм превращается в пошлость, если все высшие духовные чувства человека сводить только к эротическим желанием. Если же в любви будет преобладать лишь чувственность, то для влюбленного поэзия исчезает, считает писатель, и в качестве примера низведения любви до сексуальности приводит хлыстовство: «„Богородица“ — да, вот пример-то для меня: хлысты! вот где творческий процесс осознан до конца и вот где „грехопадение“ наблюдается: когда пророки и христы доходят до плотского греха со своей звездой».¹⁴³ Соглашаясь с Фрейдом в признании эроса одним из источников творчества, Пришвин тем не менее выходит за пределы пансексуализма классического психоанализа с его натуралистической интерпретацией любви. Хлыстовство неприемлемо для него именно опошлением любви, доведением фрейдизма до его логического конца, когда предстает «в чистом своем виде (...) плотского греха со своей звездой» — Прекрасной Дамой, творческой Музой.¹⁴⁴ Главным пороком хлыстовства Пришвин считает похотливое извращение духовного смысла религии: «Хлысты (...) являются как бы оживителями христианского учения. *Беспольные мысли они возвращают в их половую утробу* (курсив мой. — А. П.)», в результате чего возникают «хлыстовские подпольные царства мирового культурного зла», в которых сектантские пророки и христы вульгарно-пошло проповедуют Евангелие посредством плотского греха.¹⁴⁵

В заключение вернемся к затронутой в начале статьи проблеме сновидений, как и многих художников интересовавшей Пришвина. В дневнике писатель рассказывает о своем знакомстве с семилетней девочкой Варей. И как затем ему снится сон, будто бы он с конфеткой в зубах преодолевает огромную каменную стену, отделяющую его от этой девочки, вдруг превращающейся в его невесту Варвару Петровну, которая ему сердито выговаривает:

¹⁴⁰ Там же. С. 351.

¹⁴¹ Пришвин М. М., Пришвина В. Д. Мы с тобой: Дневник любви. С. 21.

¹⁴² Цит. по: Пришвина В. Д. Путь к Слову. С. 87.

¹⁴³ Пришвин М. М. Дневники. 1923—1925. Книга четвертая. С. 352.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Пришвин М. М. Дневники. 1920—1922. Книга третья. С. 129.

«„Годы, пропасть, Михаил Михайлович, я теперь не девочка, а женщина с седеющими волосами”. Так сердито, так искренно сказала, что я — хоп! и съел конфетку и говорю: „Мисс! лучшее со мною, привет Вам от Вашего лучшего!”».¹⁴⁶ Следует подчеркнуть, что здесь Пришвин, символически-художественно излагая свое сокровенное желание преодолеть все отделяющие от любви преграды, в 1912 году *самостоятельно* приходит к тому же выводу, что и Фрейд, который в своей книге «Толкование сновидений» (глава «Сновидение есть исполнение желания») заключал: предлогом, вызывающим сновидение, является довольно часто то, «что занимает нас днем, владеет нашими мыслями и в сновидении, и нам снятся во сне только такие материи, которые дали нам днем повод к размышлению».¹⁴⁷

В последующем именно учение Фрейда даст Пришвину понимание природы сновидения. И если в 1922 году писатель еще сетовал на неподдающиеся разгадке тайны сна, то уже в 1923 году, после знакомства с фрейдизмом, он начинает применять к истолкованию сновидений принципы психоанализа, свидетельством чего выступает одна из дневниковых записей 1926 года, появившаяся в самый напряженный период работы над «Кашеевой цепью»: «Мои сны часто бывают поэтически-символической переработкой пережитого, и я почти всегда догадываюсь, откуда что взялось. А иногда бывает в полусне видится действительность, почти воспоминание пережитого, и так закладывается, как бы грубое, каменное основание самому дальнейшему сну, второму легкому художественному этажу, в котором дается поэтически социально-моральное истолкование грубой жизни нижнего этажа».¹⁴⁸

Активно используя психоанализ Фрейда в своем творчестве, мировоззренчески Пришвин в конце концов фрейдизм преодолевает, возвращаясь к платоновскому одухотворенному пониманию любви как лестницы, по которой влекомый эросом достигает божественного идеала. Если у Платона в «Пире» подняться до царства нетленных образцов-идей можно, только последовательно переходя от единичного прекрасного тела к прекрасным телам вообще, затем от красоты души поднимаясь к красоте наук и далее двигаясь по лестнице совершенства «до самого прекрасного вверх»,¹⁴⁹ то у Фрейда любовь в своей биологической сущности — лишь «обряжаемое» в бразы искусства и «подавляемое» общественной моралью половое влечение «либидо»). Для Пришвина пансексуализм Фрейда в понимании любви предстает так же ущербно односторонним, как и фанатический христианский аскетизм, противопоставляющий чувственную любовь как низшую, емную и порочную — добродетельной, небесной и возвышенной любви к Господу. Для писателя важнее всего целостность понимания любви как одухотворенного эроса, когда любовь ведет индивида к становлению личности, обретению собственной сущности и цели. Размышления Пришвина о том, что целостность личности зависит от целостности его любви, совпадают с мыслью Гегеля, который в свое время сказал, что «истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом я и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать самим собою».¹⁵⁰

¹⁴⁶ Пришвин М. М. Дневники. 1905—1954 // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 68.

¹⁴⁷ Фрейд З. Толкование сновидений // Фрейд З. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. С. 190.

¹⁴⁸ Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. Книга пятая. С. 110.

¹⁴⁹ Платон. Пир // Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 121.

¹⁵⁰ Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике. Книга вторая // Гегель Г. В. Ф. Соч.: В 14 т. М., 1901. Т. 13. С. 107.

Но в своих философских размышлениях о подлинной сущности любви Пришвин идет еще дальше, приходя к выводу о том, что следующая ступень совершенствования человека в делах любви — соединение со всем миром через родственное внимание любящих природу людей, которых художник именует «берендеями». Таков задуманный писателем в «Кащеевой цепи» путь подлинно человеческого развития: «удовлетворение половое: самка; удовлетворение социальное: жена; удовлетворение духовное (у берендеев): жена становится матерью, и человек через это вступает в родство со всем миром».¹⁵¹

¹⁵¹ Пришвин М. М. Дневники. 1926—1927. Книга пятая. С. 461.

© А. Г. БОБРОВ

«ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ»

(О КНИГЕ А. А. ЗИМИНА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)¹

Предварительные замечания

Загадочным образом найденная старинная рукопись, вскоре после публикации сгоревшая во время нашествия Наполеона, и последующие многолетние попытки ученых ответить на вопрос, подлинный то был манускрипт или нет, — такова увлекательная канва истории изучения «Слова о полку Игореве». Проблему аутентичности этого литературного произведения можно признать одной из важнейших для славистики в целом. История тесно связанных между собой, но не тождественных вопросов о времени создания и о подлинности «Слова о полку Игореве» (далее — Слово) насчитывает сотни наименований работ. Сомнения в древности Слова появились вскоре после его первого издания в 1800 году, когда представители «скептической» школы в русской историографии подвергали сомнению подлинность многих древнерусских памятников.² Открытие и публикация в 1852 году посвященной Куликовской битве Задонщины³ позволили сторонникам подлинности и «скептикам» по-новому определить ключевой вопрос спора. В фокусе внимания исследователей оказалось взаимоотношение Слова и этого произведения, схожего с ним композицией, а также целым рядом образов, слов, выражений и даже отрывков текста. Хотя доминирующим в научной традиции было предствление о первичности Слова, некоторые исследователи предлагали смотреть на него как на произведение, вторичное по отношению к Задонщине и, следовательно, являющееся поздней подделкой или стилизацией под древний памятник.⁴

¹ *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. 516 с. Далее страницы этого издания указываются в тексте. Пользуюсь случаем выразить благодарность О. В. Творогову и О. В. Панченко за ценные замечания по данной статье.

² Подделкой Нового времени считали Слово Ц. Гюдебский, М. Т. Каченовский, С. П. Румянцев, О. И. Сенковский, И. Беликов, сомнения в его подлинности и древности высказывали Евгений Болховитинов, В. Г. Анастасевич, С. М. Строев, И. И. Давыдов, О. М. Бодянский, Н. Стрелалов, М. Н. Катков, К. С. Аксаков и другие авторы. См. обзор основных точек зрения «ранних скептиков»: *Иконников В.* Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871; *Барсов Е. В.* Критический очерк литературы «Слова о полку Игореве» // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Сентябрь. С. 1—45; Октябрь. С. 109—132; *Дмитриев Л. А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 246—251; *Творогов О. В.* Скептический взгляд на «Слово» // Там же. Т. 4. С. 306—307.

³ Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю // Вестник Общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 14. Отд. 2: «Материалы». С. 1—14 (1-я pag.), 1—8 (2-я pag.).

⁴ Эта точка зрения была изложена в работах Л. Леже, А. Мазона, Я. Фрчека, И. Свенцицкого, А. Вайана, Р. Кисаки, А. А. Зимина, О. Кралика, А. Данти, Э. Кинана и др. Обзор взглядов «поздних скептиков» и библиографию см.: *Дмитриева Р. П.* Задонщина // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 202—211; *Творогов О. В.* Скептический взгляд на «Слово». С. 307—311.

Среди работ, опубликованных за последние годы, монография А. А. Зимина занимает особое место. Как справедливо сказано в издательской аннотации, исследователя следует рассматривать как «несомненно самого основательного из числа „скептиков”» (с. 2). Блестящий 43-летний московский историк А. А. Зимин, воспитанный на текстологических трудах школы академика А. А. Шахматова, 27 февраля 1963 года прочитал длившийся (вместе с обсуждением) почти три часа доклад на заседании Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома под названием «К изучению „Слова о полку Игореве”», в котором подвергалась ревизии принятая в отечественной науке датировка этого произведения. Дальнейшие события, подробно проанализированные в работах Л. В. Соколовой,⁵ привели к появлению ограниченным тиражом (101 экз.) ротапrintного издания трехтомника А. А. Зимина о Слове,⁶ предназначенного для обсуждения в Отделении истории АН СССР 4—6 мая 1964 года.⁷ Ротапrintное издание явилось как бы первой (краткой) редакцией опубликованной теперь монографии.⁸

Несмотря на ограниченную доступность издания 1964 года,⁹ точка зрения и основная аргументация А. А. Зимина, представленная полутора десятком публикаций,¹⁰ уже с середины 1960-х годов была достаточно хорошо

⁵ К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публикация Л. В. Соколовой // Русская литература. 1994. № 3. С. 214—240; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: История одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) / Подг. текстов, вступ. статья и комм. Л. В. Соколовой // ТОДРЛ. 2004. Т. 56. С. 385—422; *Соколова Л. В.* Новые мифы о старом: (По поводу интервью на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» в связи с выходом книги А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // *Studia Slavica et Balkanica Petropolitana*. СПб., 2007. Вып. 1/2. С. 23—38. Отметим, в дополнение к материалам Л. В. Соколовой, что единодушие в рядах сотрудников Д. С. Лихачева не было. По словам учеников В. И. Малышева, этот крупнейший археограф XX века был скептиком в отношении древности Слова. Когда кто-либо предлагал найти список «Слова о полку Игореве» в археографической экспедиции, он отвечал: «За чем? У нас и так хватает памятников XVIII века». По свидетельству Л. Н. Назаровой, «Владимира Ивановича (Малышева. — А. Б.) интересовали работы Мазона о „Слове о полку Игореве”: у них были близкие взгляды на этот памятник древнерусской литературы»; основатель Древлехранилища организовал с помощью коллег домашний прием в честь этого классика скептического направления (*Назарова Л. Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 180).

⁶ *Зимин А. А.* «Слово о полку Игореве»: Источники. Время написания. Автор. М., 1963. Т. 1—3.

⁷ См.: Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1964. № 9. С. 121—140.

⁸ Объем ротапrintного издания составлял 22 а. л., а современного — 54,5 уч.-изд. л.

⁹ Экземпляры трехтомника были выданы ученым для обсуждения при условии их возвращения, но, как минимум, шесть экземпляров были сохранены (не сдали свои книги А. А. Зимин, Д. С. Лихачев, В. В. Виноградов, А. Н. Робинсон, В. Б. Кобрин; *Соколова Л. В.* Новые мифы о старом. С. 27). Кроме того, сохранил свой экземпляр П. Н. Берков (им пользовалась Н. С. Демкова, устное сообщение). По свидетельству В. А. Кошелева, машинописные копии ротапrintного издания распространялись в советское время в Самиздате.

¹⁰ *Зимин А. А.* 1) Две редакции «Задонщины» // Труды Московского гос. историко-архивного института. М., 1966. Т. 24. Вопросы источниковедения истории СССР. Вып. 2. С. 17—54; 2) К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве» (опыт исторического анализа) // Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Вып. 31. С. 138—155; 3) Приписка к Псковскому Апостолу 1307 г. и «Слово о полку Игореве» // Русская литература. 1966. № 2. С. 60—74; 4) Задонщина (Опыт реконструкции текста Пространной редакции) // Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Вып. 36 (История, этнография, социология). С. 216—239; 5) Когда было написано «Слово»? // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 135—152; 6) Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1. С. 84—104; 7) Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43—64; 8) «Слово о полку Игореве» и восточнославянский фольклор // Русский фольклор. Л., 1968. Т. 11. С. 212—224; 9) Сказание о Мамаевом побоище и «Задонщина» // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 41—58; 10) Текстология Пространной Задонщины // Учен. зап. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 91—111; 11) Из текстологии Кирилло-Белозерского списка «Задонщины» // Вспомогатель-

известна научному сообществу. Было опубликовано значительное количество работ, в которых содержалась полемика с высказанными историком положениями.¹¹ Именно появление новых исследований после обсуждения 1964 года заставило А. А. Зимина «значительно развить аргументацию и ответить на возражения и доводы оппонентов. В результате объем монографии увеличился вдвое...» (с. 13). Хотя книга, над которой автор работал почти до самой смерти 25 февраля 1980 года (последние по времени использованные публикации датируются 1979 годом), издана только теперь, она остается в высшей степени актуальной.¹² Автор предисловия и редактор монографии О. В. Творогов, тщательно выполнивший свою работу, справедливо отметил, что «А. А. Зимин по основательности аргументации, по обширности используемого материала, по скрупулезности текстологического анализа, да и по мастерству ведения научной полемики намного превосходит всех своих единомышленников», и призвал не оставлять без обсуждения «те слабые места в аргументации сторонников древности „Слова“, на которые указал А. А. Зимин».¹³ По мнению О. В. Творогова, книга А. А. Зимина — это «наиболее полный свод возражений защитникам древности „Слова“ и без ответа на все доводы и сомнения А. А. Зимина нельзя <...> в дальнейшем беспрепятственно рассуждать о времени создания памятника».¹⁴

Монография А. А. Зимина имеет, на первый взгляд, инвертированную структуру: историография находится в самом конце (Глава VIII. «Судьба Слова о полку Игореве в научной литературе XIX—XX вв.»: с. 386—431), а о находке Слова речь идет в предпоследней главе (Глава VII. «А. И. Мусин-Пушкин и Слово о полку Игореве»: с. 339—385). В научном исследовании традиционной структуры эти главы должны были бы оказаться соответственно первой и второй, но их «перетянула» в конец шестая глава, посвященная предполагаемому автору Слова — Иоилу Быковскому (Глава VI.

ные исторические дисциплины. Л., 1970. [Сб.] 3. С. 233—249; 12) О статье Ю. Лотмана «Об оппозиции честь—слава в светских текстах Киевского периода» (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1967. Вып. 198. Труды по знаковым системам. Т. 3) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 284. Труды по знаковым системам. Т. 5. С. 464—468; 13) Задонщина. Древнерусская песня. Повесть о Куликовской битве / Выбор, подг. и комм. А. А. Зимина. Тула, 1980; 14) Обретение свободы // Родина: Российский исторический журнал. М., 1990. № 8. С. 88—89; 15) «Слово о полку Игореве» [фрагменты книги] / Вступит. статья А. А. Формозова // Вопросы истории. 1992. № 6—7. С. 96—115.

¹¹ Обсуждение одной концепции... С. 121—140; *Лихачев Д. С.* Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 132—160; *Адрианова-Перетц В. П.* Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века? // Русская литература. 1965. № 2. С. 149—153; *Кузьмина В. Д.* Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве»? // Изв. ОЛЯ. 1966. Т. 25. Вып. 3. С. 197—207; *Прийма Ф. Я.* 1) О гипотезе А. А. Зимина // Русская литература. 1966. № 2. С. 75—89; 2) «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 46—72; *Дмитриева Р. П., Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // Русская литература. 1967. № 1. С. 105—121; *Рыбаков Б., Кузьмина В., Филлин Ф.* Старые мысли, устаревшие методы: (Ответ А. А. Зимину) // Вопросы литературы. 1967. № 3. С. 153—176; *Кузьмин А. Г.* Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве»: (По поводу статьи А. А. Зимина) // История СССР. 1968. № 6. С. 64—86; *Югов А. К.* Полно! // Слово о полку Игореве / Пер., комм. и статьи А. Югова. М., 1975. С. 269—271; *Лотман Ю. М.* 1) Об оппозиции честь—слава в светских текстах Киевского периода // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1967. Вып. 198. Труды по знаковым системам. Т. 3. С. 100—112; 2) Еще раз о понятии «слава» и «честь» в текстах Киевского периода // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 284. Труды по знаковым системам. Т. 5. С. 469—474; *Дмитриева Р. П.* Некоторые вопросы текстологии «Задонщины»: (В связи с вопросом о подлинности «Слова о полку Игореве») // Русская литература. 1976. № 2. С. 89—91.

¹² Об этом говорит и широкий общественный интерес к публикации монографии. См.: *Сokolova Л. В.* Новые мифы о старом. С. 23—38.

¹³ *Творогов О. В.* О книге А. А. Зимина // *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. С. 5.

¹⁴ Там же. С. 7.

«В поисках автора Слова о полку Игореве»: с. 302—338), который передал рукопись А. И. Мусину-Пушкину, а последний, в свою очередь, стоял у истоков историографической традиции. Пятая глава монографии А. А. Зимина посвящена особенностям языка и «темным местам» «Слова о полку Игореве» (с. 256—301), что представляет собой особую тему. Убедительные возражения на многие положения «скептиков» (в том числе и приведенные А. А. Зиминным) можно обнаружить в недавней книге А. А. Зализняка,¹⁵ поэтому в данной статье мы принципиально не будем затрагивать лингвистические аспекты изучения Слова, отсылая читателей к упомянутой монографии.

Во введении (раздел «От автора», с. 8—13) А. А. Зимин отметил важнейшие, ключевые проблемы изучения Слова, среди которых выделил сопоставление памятника с дошедшими до нас древнерусскими источниками, в первую очередь с летописями, Задонщиной и Сказанием о Мамаевом побоище (далее — СМП). Исследователь, характеризуя структуру своей монографии, подчеркнул, что «в первых четырех главах настоящей работы (с. 14—255. — А. Б.) делается попытка определить текстологические взаимоотношения между «Словом о полку Игореве» и связанными с ним памятниками древнерусской литературы и фольклора» (с. 11). Именно эти базовые для концепции А. А. Зимина «текстологические главы»¹⁶ находятся в центре нашего внимания.

Текстологические главы

Полемизируя со своими оппонентами, А. А. Зимин писал: «Они попадают в заколдованный круг (курсив мой. — А. Б.), ибо вынуждены... объяснять факт через предположение, которое само по себе требует доказательства» (с. 148). Текстологический «заколдованный круг» образовался в результате того, что совпадения со Словом есть во всех списках Задонщины, а также в разных версиях СМП, причем в их распределении не прослеживается никакой ясной системы. Но дело не только в сложности соотношения чтений списков анализируемых памятников. Опасность «заколдованного круга» характерна для любого текстологического исследования. Еще во время обсуждения 1964 года Д. С. Лихачев упрекнул А. А. Зимина в том, что при сопоставлении текстов он «пользуется не реальными списками, а им же самим созданными реконструкциями, ...опираясь на них при анализе тех текстов, на которых эти реконструкции основываются, ...как бы сам создает тексты, а затем сличает эти тексты и торжествует победу своей концепции».¹⁷ Этот упрек, думается, в какой-то степени справедлив по отношению к любому текстологу, поскольку, изучая литературную историю того или иного произведения, он неизбежно предполагает существование неких умозрительных этапов его истории, начиная с предполагаемого протографа двух или более списков и вплоть до общего архетипа, к которому восходят тексты разных протографов. Выделение редакций в таком случае оказывается достаточно субъективным процессом, зависящим от мысленного моделирования и общих представлений того или иного ученого о движении тек-

¹⁵ См.: Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004 (2-е изд., доп.: М., 2007; особенно с. 153—174).

¹⁶ Неразрывно связаны с текстологическими главами приложения: реконструкции текстов Краткой и Пространной Задонщины, «Слова о полку Игореве» и подробные комментарии к ним (с. 435—461, 484—497).

¹⁷ Обсуждение одной концепции... С. 122.

ста в истории, при этом неизбежно одна гипотеза базируется на другой. Вырваться из этого «заколдованного круга», который А. А. Зализняк назвал «дурной бесконечностью»,¹⁸ исследователям помогают своеобразные «вешки» — текстологические приметы: дублировки (не обусловленные художественными задачами повторы), необратимые изменения текста, необычная календарная, географическая и ономастическая информация, «неизвестно-откуда-взятые известия» (термин Г. М. Прохорова).

Главное доказательство позднего происхождения Слова А. А. Зимин видел в его текстуальной зависимости от Задонщины. История этого памятника, по А. А. Зимину, такова: в конце XIV века возникла устная Задонщина Софония Рязанца, затем в 70-х годах XV века в Кирилло-Белозерском монастыре старец Ефросин ее записал, при этом существовало по крайней мере два ефросиновских списка. Первый из них (не дошедший до нас протограф Краткой редакции, он же архетип Задонщины) имел незначительные отличия от второго, сохранившегося Кирилло-Белозерского списка. В конце XV века на основе Задонщины Краткой редакции возникает СМП, а уже на его основе создается протограф Пространной редакции. Один из списков Синодального извода этой вторичной редакции позже лег в основу Слова. Поскольку вся концепция А. А. Зимина строится на текстологическом основании, именно эти разделы исследования будут находиться в фокусе нашего внимания.

В предисловии к монографии А. А. Зимина О. В. Творогов отметил: «Особенно основательна первая глава книги „Краткая и Пространная редакции Задонщины“, в которой автор учел наблюдения своих единомышленников — А. Вайяна и О. Кралика,¹⁹ а главное — развернул обстоятельную полемику с основными оппонентами — Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитриевым, Р. П. Дмитриевой, Р. О. Якобсоном, А. В. Соловьевым и О. В. Твороговым, в ряде случаев убедительно показав, что соотношение памятников Куликовского цикла было более сложным, чем представлялось до настоящего времени».²⁰ Обстоятельность текстологического анализа А. А. Зимина вызвала положительную оценку у некоторых исследователей еще во время обсуждения концепции 1964 года: С. Н. Азбелев заявил, что все «основные доводы А. А. Зимина представляются вполне обоснованными текстологически», а Я. С. Лурье отозвался о текстологических наблюдениях А. А. Зимина как о наиболее интересных.²¹

Прежде чем приступить к анализу текстологических глав А. А. Зимина, необходимо напомнить, что единственный список «Слова о полку Игореве»,

¹⁸ Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2007. С. 28.

¹⁹ Следует отметить, что А. А. Зимин не использовал в своем исследовании текстологические работы Анджели Данти (*Danti* А. 1). *Criteri e metodi nella edizione della «Zadonščina» // Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università degli Studi di Perugia. 1968—1969. Roma, 1970. Vol. 6. P. 187—220; 2) Per l'edizione della «Zadonščina» // Annali dell' Istituto Orientale di Napoli. Napoli, 1977. (Sezione Slava. [Т.] 18—19. P. 163—176)*), лишь упомянув первую из них в своем предисловии как приводящую «новые данные в пользу более раннего сравнительно со Словом происхождения Краткой Задонщины» (с. 11).

²⁰ Творогов О. В. О книге А. А. Зимина. С. 6.

²¹ Обсуждение одной концепции... С. 122. Я. С. Лурье сам назвал себя «скептиком»: в разгар споров о подлинности «Слова» он и О. В. Творогов подарили В. И. Малышеву совместно подготовленное ими издание «Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века» (М.; Л., 1965) с автографом: «Дорогому Владимиру Ивановичу от скептика и оптимиста Я. Лурье и нескептика, но пессимиста О. В. Творогова. 7. 6. 65 г.» (Древлехранилище им. В. И. Малышева. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Подручная библиотека. № 3/3; выделенное курсивом написано Я. С. Лурье, а остальная часть — О. В. Твороговым). См. также: Из писем Я. С. Лурье к А. А. Зимину по поводу датировки «Слова о полку Игореве» / Подг. текста Е. И. Ванеевой; вступ. заметка О. В. Творогова // Звезда. 2006. № 2. С. 89—104.

Мусин-Пушкинский, как известно, сгорел в московском пожаре 1812 года. Задонщина известна в 6 списках XV—XVII веков; все они были опубликованы Р. П. Дмитриевой в 1966 году.²² Перечислим их в хронологическом порядке, указывая принятые в науке их условные наименования.

1) **Кирилло-Белозерский список** — РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 9/1096. Л. 123—129 об. Середина 70-х годов XV века. — сокр. К—Б.

2) **Исторический второй список** (отрывок) — ГИМ. Музейское собр. № 3045. Л. 70—73 об. Начало XVI века. — сокр. И-2.

3) **Исторический первый список** (начало утрачено) — ГИМ. Музейское собр. № 2060. Л. 213—224. Конец XVI—начало XVII века. — сокр. И-1.

4) **Синодальный список** — ГИМ. Синодальное собр. № 790. Л. 36 об.—42 об. XVII век. — сокр. С.

5) **Список Ундольского** — РНБ. собр. Ундольского. № 632. Л. 169 об.—193 об. Середина XVII века. — сокр. У.

6) **Ждановский список** (отрывок) — БАН. 1.4.1. Л. 30 об.—31. Вторая половина XVII века. — сокр. Ж.

Наиболее древний список Задонщины К—Б, переписанный священником Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином, скорее всего, в начале сентября 1474 года,²³ содержит текст особой Краткой редакции. Точка зрения А. А. Зимина основана на представлении о первичности текста Краткой редакции и почти полной тождественности ее списку Ефросина, который рассматривается как первоначальная запись Задонщины (он «близок к фольклорному протооригиналу памятника» — с. 15), затем расширенная в Пространной редакции (остальные списки). Поскольку в Пространной редакции есть многочисленные совпадения со «Словом о полку Игореве», отсутствующие в Краткой редакции, делается вывод о том, что песнь о походе Игоря восходит ко вторичной версии Задонщины. Защитники подлинности и древности Слова, напротив, считают, что Краткая редакция является не первоначальной версией текста, а лишь сокращением оригинала (архетипа) Задонщины, в котором читались схожие со Словом места в полном объеме.

А. А. Зимин начинает свой анализ не с проблемы соотношения Задонщины и Слова и даже не с проблемы соотношения вариантов Задонщины, а с, казалось бы, довольно частного вопроса: он рассматривает взаимоотноше-

²² Тексты «Задонщины» / Подг. к печати Р. П. Дмитриевой // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 535—556. Далее — *Дмитриева*. Тексты; в сопоставительных материалах использование этого издания специально не оговаривается, в скобках отмечаются листы рукописей. Цитаты передаются в упрощенной орфографии.

²³ Список К—Б написан на бумаге с водяным знаком «Петух» (л. 51—143); «идентичного не найдено, типа Лихачев. Вод. зн. № 2646, в сочетании с короной датируется 70-ми гг. XV в.» (*Каган М. Д., Поньырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. 1980. Т. 35. С. 106). М. А. Шибяев заметил, что этот тип водяного знака «встречается крайне редко» (*Шибяев М. А.* К вопросу о бумаге Толстовского списка Софийской I летописи и сборников Ефросина // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология.* СПб., 1999. С. 200); он находится также в двух других Ефросиновских рукописях — РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 108, 113, 114, и ГИМ, собр. Уварова, № 338, л. 4, 5, 8, 30, 39, 40, 49, 50, 52, 54, 55, 57, 59, 63—66, 71, 73, 78—100, 345, 348, 613, 614 (*Каган М. Д., Поньырко Н. В., Рождественская М. В.* Указ. соч. С. 7, 215). Рукопись собр. Уварова, № 338 датируется на основании записей книжника 1473—1477 годами, а в сборнике К—Б на листах с филигранью «Петух» имеется помета Ефросина: «В лето 6984 сеп(тября) 18 в нед(елю) пичах писати» (К—Б, л. 138). «Сентябрьский» 6984 год для указанной даты соответствовал бы 1475 году, но в этом году воскресенье было 17 сентября, зато в предыдущем 1474 году воскресный день выпадал как раз на 18 сентября. В это время Ефросин уже начал переписывать «Хождение игумена Даниила» (К—Б, л. 130 об. и далее), а незадолго до того закончил писать Задонщину.

ние текстов Задонщины и СМП. Помещая этот раздел во главу угла (с. 21—37, ср. с. 214—219), исследователь подчеркивает его ключевое значение для решения всей текстологической проблемы соотношения памятников. Действительно, если Краткая редакция, как полагает А. А. Зимин, повлияла на СМП, а последнее, в свою очередь, использовалось при создании Пространной Задонщины, то вторичность ее чтений, в том числе совпадающих со Словом, не вызывает сомнений. Аргументировано это положение четырнадцатью примерами (с. 28—35), из которых можно заключить только одно: в отдельных чтениях текст Основной и Летописной редакций СМП совпадает то с Краткой, то с Пространной редакцией Задонщины. Далее следует уже интерпретация этого текстологического факта. По мнению А. А. Зимина, совпадения СМП с Краткой Задонщиной относятся главным образом к устно-поэтическим фрагментам текста. Это обстоятельство позволяет ему выделить первоначальный пласт заимствований из Краткой Задонщины в СМП, которые выглядят в нем «инородным телом». Другой ряд близких или совпадающих чтений СМП и Пространной Задонщины содержит «кроме лиро-эпических конкретные места и чтения, естественно входящие в ткань повествования воинской повести о Мамаевом побоище». Это наблюдение в достаточной мере субъективно, поскольку Краткая Задонщина сама уже имеет большую насыщенность устно-поэтическими образами, чем Пространная. А. А. Зимин из неоднозначного текстологического материала и небесспорной его интерпретации делает категорический вывод: «Сказание явилось источником Пространной Задонщины» (с. 36). Для того чтобы этот вывод был основательным, автору следовало бы аргументированно рассмотреть и отвергнуть иные способы объяснения родства между СМП, Краткой и Пространной Задонщиной, например влияния на СМП недошедшей редакции «Задонщины», совмещавшей чтения обеих сохранившихся версий,²⁴ или влияния на СМП одновременно или в разное время двух версий Задонщины. Исследователь отводит последнее предположение следующим образом: «Как же объяснить близость Сказания (о Мамаевом побоище. — А. Б.) к К—Б? Тем, что на Сказание влияли две Задонщины? Случай невероятный» (с. 139). В отличие от А. А. Зимина, ничего невероятного в таком предположении мы не видим. Исследователь сам понимал слабость своей доказательной базы, отмечая: «Конечно, текстологического материала для окончательного вывода о взаимосвязи Сказания с обеими редакциями Задонщины в распоряжении исследователя очень мало. Поэтому сделанный вывод носит предварительный характер» (с. 36). Но на этом зыбком фундаменте исследователь строит всю текстологическую конструкцию, считая в дальнейшем, что им уже «выяснено отношение Сказания о Мамаевом побоище к обеим редакциям Задонщины» (с. 37). Это недоказанное положение об использовании СМП при создании Пространной Задонщины существенно влияет на последующие выводы А. А. Зимина.

Переходя к сопоставлению редакций Задонщины (с. 37—89), исследователь ставит перед собой задачу восстановления архетипа и выяснения «причин, характера и источников его позднейших изменений». Здесь следует

²⁴ Существование такой версии текста может быть обосновано чтениями цитат из памятника в Псковской летописи под 1514 годом (*Салмина М. А.* Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». С. 524—525) и на чистом листе декабрьской Минеи служебной из Кирилло-Белозерского монастыря (*Дмитриева.* Тексты. С. 556), в которых совмещаются специфические особенности обеих ранних редакций Задонщины. А. А. Зимин также признает возможность существования протографа Пространной редакции с элементами Краткой и выделяет некоторые его признаки (с. 25, 440—441).

оговорить, что выделение А. А. Зиминым, вслед за многими другими исследователями, Краткой и Пространной редакций Задонщины не является общепринятым. Пытаясь найти текстологические доказательства вторичности Краткой редакции, Р. О. Якобсон выдвинул гипотезу о том, что список К—Б, имеющий ряд близких чтений со списком С, восходит к общему с ним протографу.²⁵ Таким образом, было обосновано существование двух изводов Задонщины — Синодального (представленного списками К—Б и С) и Ундольского (представленного списками И-2, И-1, У и Ж). Эта гипотеза была поддержана рядом исследователей.²⁶

По мнению А. А. Зимины, список С также содержит текст особого Синодального извода, но в понимании исследователя это версия текста, дошедшая до нас только в списке С, в отличие от Р. О. Якобсона, О. В. Творогова и Р. П. Дмитриевой, объединявших в этом изводе списки К—Б и С. Синодальный извод А. А. Зимин относил наряду с изводом Ундольского к Пространной редакции, но при этом исследователь признавал наличие в нем несомненных черт сходства с К—Б и осторожно говорил о наличии в тексте «целого ряда наслоений, являющихся результатом творчества его составителя (или одного из его предшественников)» (с. 138). Существование двух изводов в понимании Р. О. Якобсона было подвергнуто критике А. Данти и М. А. Шибяевым, утверждавшими, что версия текста списка С возникла в результате контаминации (сведения) чтений Краткой редакции, известной нам по списку К—Б, и Пространной редакции (или «извода Ундольского»), представленной списками И-2, И-1, У и Ж.²⁷ Наличие контаминации текста в списке С делает предположение о существовании Синодального извода ненужным, поскольку все совпадающие или близкие чтения К—Б и С в таком случае объясняются не их общим происхождением, а прямым заимствованием текста, и тогда ничто не мешает возвести текст Краткой редакции непосредственно к архетипу «Задонщины» без каких-либо промежуточных звеньев (с. 142).

Поскольку вопрос о происхождении текста Синодального извода (представленного только списком С либо К—Б и С вместе) настолько важен, что рассматривался в полемике как «главный аргумент скептиков»,²⁸ остановимся на нем подробнее. В приведенных ниже сопоставительных материалах (Табл. 1—19) рассмотрены наиболее показательные варианты Задонщины в тех фрагментах, где сопоставимы различия текстов Краткой редак-

²⁵ См.: *Jakobson R. Selected Writings*. Paris, 1966. Vol. 4: *Slavic Epic Studies*. P. 544—546.

²⁶ *Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины»... // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». С. 210—224; Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // Там же. С. 293—297. А. Л. Никитин, напротив, говорит о несостоятельности разделения списков «Задонщины» на изводы (*Никитин А. Л. Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной традиции «Задонщины» // Герменевтика древнерусской литературы*. М., 2000. Сб. 10. С. 231—241).*

²⁷ *Danti A. Criteri e metodi nella edizione della «Zadonščina»*. P. 219—220; *Данти А. О «Задонщине» и о филологии: Ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980. С. 72; *Шибяев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России*. М., 2003. Вып. 7. С. 29—40. Впервые возможность контаминации текста в списке С была рассмотрена в работе: *Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины»... С. 218, 222—224, 232—246. А. Данти и Р. П. Дмитриева по разным причинам пришли к выводу, что контаминация в списке С маловероятна.*

²⁸ Д. С. Лихачев утверждал, что текст списка К—Б «никак не может рассматриваться как древнейший. Это редакция, созданная Ефросином в составе извода Син. Тем самым отпадает главный аргумент скептиков (курсив мой. — А. Б.), считавших, что „Слово о полку Игореве“ создано на основе „Задонщины“ в сравнительно позднее время» (*Лихачев Д. С. Методика изучения истории текста и проблема взаимоотношения списков и редакций «Задонщины»*: (Об исследовании Анджело Данти) // *Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени*. Л., 1978. С. 278—295).

дии по списку К—Б, Пространной редакции по «наиболее старому и исправному из числа полных списков — И-1» (с. 438) с корректировкой по другим спискам, представляющим «извод Ундольского» (в нашем понимании — Пространную редакцию), и версии списка С.²⁹ Чтения С, восходящие к Краткой редакции (по списку К—Б), выделены полужирным шрифтом, восходящие к Пространной редакции (по списку И-1) — курсивом, а совпадающие чтения К—Б и И-1, возводимые к архетипу Задонщины, когда они отличны от С, отмечены подчеркиванием. Собственные дополнения составителя версии текста С заключены в квадратные скобки.

Таблица 1

Заглавие Задонщины

К—Б	С	И-1
Писание Софония старца рязанца , благослови отче. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича (л. 122).	Сказание Сафона резанца , [исписана руским князем] <i>похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу</i> (л. 36 об.).	<i>Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичу</i> , внегда победиша пособьем Божиим поганого Мамаа съ всеми его силами (л. 213).

Создатель версии текста С использовал чтение К—Б «Писание Софония... рязанца» (= «Сказание Сафона резанца»),³⁰ соединив его при помощи дополнения «исписана руским князем» с чтением И-1: «Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю (в С это слово сокращено в связи с вышеупомянутым дополнением, а в У также читается. — А. Б.) Владимиру Ондреевичу». Такой принцип «сложения» воедино чтений двух источников создателем версии С прослеживается также на других примерах (см. Табл. 5, 10, 16, 19).

Таблица 2

Фрагмент № 2

К—Б	С	И-1
первому князю Рюрику , Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю (л. 122 об.).	первому князю [рускому на земли] Киевской Рюрику , великому князю Володимеру Светославычу , великому князю Ерославу Володимеровичю (л. 37).	первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю , 2 — великому князю Владимиру Святославычу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимеровичю (л. 215 об.—216).

²⁹ Схожие сопоставления были опубликованы нами в виде таблицы без пояснений: Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. 2005. Т. 22. Р. 250—253. В настоящей статье был дополнен и уточнен объем сопоставляемых текстов, изменен порядок следования эпизодов (дан в соответствии с их последовательностью в списке К—Б); номера фрагментов текста даны в соответствии с их нумерацией в книге А. А. Зимина (с. 38—89); в комментариях учтены соображения этого и других исследователей.

³⁰ По целому ряду причин Софония вряд ли можно считать автором Краткой Задонщины как литературного произведения (Дмитриева Р. П. Был ли Софоний рязанец автором Задонщины? // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 18—25; Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»... С. 248—249), в том числе и потому, что в наиболее ранней цитате из памятника в приписке второй половины XV века говорится, что «Сее слово съставлено именемъ Софониа резанца»

В У отчества первых двух князей явно искажены: «первому князю киевскому Игорю Бяриковичю, и великому князю Владимиру Всеславьевичю Киевскому, и великому князю Ярославу Володимировичю» (л. 172—172 об.). Чтение И-1 «славу» (вместо «князю») вторично, поскольку иначе надо предполагать независимое друг от друга исправление текста в К—Б и У. В С использовано, с одной стороны, упоминание Рюрика из К—Б, а с другой — чтение И-1 «великому князю Владимиру Святославичю ... великому князю Ярославу Володимировичю». Имя Игоря Рюриковича несомненно читалось в архетипном тексте, поскольку оно сохранилось в независимых друг от друга списках — как в К—Б, так и в списках Пространной редакции (И-1, У).³¹ А. А. Зимин, на наш взгляд, справедливо возражает Р. П. Дмитриевой, которая считала, что создатель Синодального извода (списков К—Б и С, по ее представлению) добавил имя Рюрика, решив «уточнить сведения о князьях».³² Наличие в списке У чтения «первому князю» безусловно доказывает, что по крайней мере в протографе Пространной редакции («извода Ундольского», по А. А. Зимину) речь уже шла о Рюрике и пропуск его имени в списках этой версии вторичен (с. 46, сн. 203). Ошибочное представление контаминатора о том, что Рюрик был первым князем в Киеве («первому князю рускому на земли Киевской»), явилось следствием неудачного соединения двух утверждений — «первому князю Рюрику» (К—Б) и «первому князю киевскому Игорю» (У). Сократив упоминание Игоря Рюриковича, создатель версии С неудачно «переселил» в Киев севернорусского князя Рюрика.

Специфичным для К—Б является чтение «Святославу Ярославичю». А. А. Зимин в соответствии с научной традицией исправляет его на «Владимира Святославича», как читается в других списках (с. 45—46).³³ Если следующего в перечне князя Ярослава Владимировича отождествлять с Ярославом Мудрым, то исследователь прав, считая упоминание перед ним Святослава Ярославича (его сына) «весьма странным» (с. 45), но возможно, что в версии К—Б произошла ошибочная перестановка двух последних князей; тогда первой паре (Рюрик — Игорь Рюрикович) соответствовала бы вторая пара (Ярослав Мудрый — Святослав Ярославич). Другой вариант интерпретации текста, не требующий никаких перестановок и исправлений, заключается в предположении, что речь в Краткой Задонщине идет не о Ярославе Мудром, а об одном из персонажей Слова Ярославе Владимировиче Галицком («Осмомысле»). Утверждение, что легендарный сказитель мог воспевать именно этих князей песнями и «гуслеными буиными словесы», представляется вполне осмысленным: следы фольклорных произведений о Рю-

(ГИМ. Синодальное собр. № 836), т. е. оно лишь составлено от его имени, написано его именем. Так же считает А. А. Зимин, по мнению которого в Кирилло-Белозерском монастыре около 70-х годов XV века «большой знаток и любитель светской литературы и фольклора старец Ефросин записывает и обрабатывает» созданную в конце XIV века устную Задонщину Софония Рязанца (с. 92, 94, 451—452). Исследователь допускает, что в архетипе Задонщины читался заголовок «Писание составлено именем Софония...» (с. 452).

³¹ Упоминание Игоря скорее могло быть сокращено, чем добавлено, и потому, что этот языческий князь не относился к числу почитаемых. Близкий к версии Краткой редакции текст читается в начале Краткого летописца Ефросина Белозерского: «Первыи князь в Руси Рюрик, Рюрикович — Игорь...» (РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 22/1099. Л. 14 об.; на нижнем поле того же листа запись, отличная от чтений известных летописей: «Перуна бога по улице влач[...]; см.: Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Указ. соч. С. 11).

³² Дмитриева Р. П. Взаимоотношения списков «Задонщины»... С. 215.

³³ Б. М. Клосс без какого-либо обоснования считает, что вместо «Святославу Ярославичю» следует читать «Святославу Игоревичю» ([Клосс Б. М.] Краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку. Текстологический комментарий // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 92—93).

рике и Игоре Рюриковиче³⁴ находятся в Повести временных лет, а покровитель книжности и Киево-Печерского монастыря великий князь Святослав Ярославич, взявший в плен деда Кончака Шарукана,³⁵ был весьма подходящим персонажем для эпических сказаний. Наконец, отзвуки устно-поэтических произведений, посвященных Ярославу Галицкому, обнаруживаются в Слове («Высоко седиши на своемъ златокованномъ столе, подперъ горы ...стреляеши съ отня злата стола салтани за землями»). При таком понимании текст списка К—Б не нуждается в исправлении, а хронологический порядок упоминания князей строго выдерживается. Таким образом, мнение А. А. Зимина о том, что чтение К—Б «Святославу Ярославичу» — это механическая описка (с. 160), можно оспорить. Есть основания полагать, что список К—Б в данном фрагменте текста точнее отражает архетип Задонщины, чем другие списки.

Таблица 3

Фрагмент № 5

К—Б	С	И-1
Поменуше прадеда князя Володимера Киевского , царя русскаго (л. 123).	Поменовыша прадида своего [великого] князя Володимера Киевского (л. 37).	Помянуша прадеда своего князя Владимера Ондреевича Киевского (л. 216).

Автор контаминации берет чтение «князя Володимера Киевского» из К—Б, а «своего» — из И-1, дополняя текст чтением «великого», вторичность которого аргументируется отсутствием его как в К—Б, так и в И-1 (впрочем, в У читается «великого князя», так что приходится выбирать между дополнением текста в У/С и его сокращением в К—Б/И-1; первое предположение вероятнее). Отчество князя «Ондреевича» в И-1 ошибочно и, безусловно, вторично, что подтверждается его отсутствием в У. Наконец, упомянутый в К—Б царский титул применительно к русским князьям встречается уже в заглавии «Слова о житъи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго», а также, как отметил А. А. Зимин, в публицистике второй половины XV века (с. 49). И в данном случае текст К—Б может рассматриваться как весьма близкий к архетипному.

Таблица 4

Фрагмент № 7

К—Б	С	И-1
Кони ржуть на Москве, бубны бьють на Коломне , трубы трубят в Серпухове ,	Кони ирзуть но Москве, трубы трубят у Серпугове, бубны бубнят но Коламе,	На Москве кони ржуть, звенит слава руская по всей земли Руской, трубы тру-

³⁴ По мнению Н. И. Гаген-Торн, Боян «должен был сложить песнь о родоначальнике династии» и автор Задонщины, «возможно, знал саму песнь об Игоре Рюриковиче» (Гаген-Торн Н. И. О филологическом и историческом анализе «Слова о полку Игореве» // Советская археология. 1970. № 3. С. 286).

³⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 190. Пление Шарукана, согласно Б. А. Рыбакову, нашло отражение в былинах (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 85, 89—93), а летописная запись 1068 года об этом событии «отдает дружинным эпосом»; она «могла быть отголоском, летописной фиксацией песен Святослава песнотворца Бояна» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 446 (прим. 73)).

звенить слава по всей
земли Русьской, чудно
стязи стоять у Дону вели-
кого (л. 123 об.).

звинит слава по всей земли
Руской, чудно стези стояти
у великого Дону на берези
(л. 37 об.).

бят на Коломне, в бубны
бьют в Серпухове, стоят
стязи у Дону у великого на
берези (л. 216 об.).

Почти весь фрагмент в С заимствован из К—Б, но по Пространной редакции добавлено «на берези» и трубы в соответствии с ней упомянуты прежде бубнов.³⁶ «Бубнящие» бубны версии С, безусловно, вторичны, поскольку в них «бьют» в независимых друг от друга версиях К—Б и И-1/У. Чтение архетипа отражает и последовательность упоминания городов в К—Б и И-1/У; так же считает и А. А. Зимин (этот ряд «как бы расходитя кругами от центра Русского государства, где собиралось в поход воинство: сначала упоминается Москва, затем Коломна и Серпухов»; войска из Москвы двинулись к Коломне, откуда повернули к Серпухову — с. 50—51). Фраза К—Б «звенить слава по всей земли Русьской», близкая к тексту Пространной редакции (особенно к У: «звинит слава по всей земли Руской», л. 173 об.), находится в первой версии до, а во второй — после упоминания Коломны и Серпухова. Поскольку чтение С представляется вторичным по отношению к Краткой редакции, оно не может учитываться при реконструкции архетипа Задонщины.

По мнению М. А. Шибаева, первичным является чтение Пространной редакции («извода Ундольского»), а версии К—Б и С возникли независимо друг от друга в результате редактуры, поскольку более логично, когда сначала перечисляются отдельные города, а уже затем называется вся Русская земля.³⁷ С мнением о вторичности в данном случае версий К—Б и С можно согласиться, хотя предполагать маловероятное случайное совпадение в перестановке фразы двумя редакторами нет необходимости: этот фрагмент текста в версии С был позаимствован из версии К—Б, включая, скорее всего, добавленное при редактировании текста создателем Краткой редакции слово «чудно» (в списках Пространной редакции оно не встречается ни разу). В перестановке фразы о славе можно увидеть не столько небрежность книжника, сколько его определенный умысел: слава, с точки зрения Ефросина Белозерского, звенит по всей Русской земле не только от ржания московских коней, но и от звучания коломенских бубнов и серпуховских труб. В данном случае, по всей видимости, последовательность чтений в архетипе Задонщины лучше передана в версии Пространной редакции и находит строгое соответствие в «Слове о полку Игореве» («Комони ржуть за Сулюю, звенить слава в Кыеве, трубы трубятъ въ Новеграде, стоять стязи въ Путивле»).

Таблица 5

Фрагмент № 8

К—Б	С	И-1
...укупим землямъ диво (л. 124).	...искупим животом славы, [учинить] имам диво (л. 37 об.).	...укупим животу сла- ву (л. 217).

³⁶ В У текст весьма сходный с И-1, кроме именованя Дона Дунаем (Дмитриева. Тексты. С. 536).

³⁷ Шибаев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь. С. 32—33.

Создатель контаминации из версии К—Б использовал чтение «землямь диво» (= «имам диво»), а из версии И-1 — «животу славу»³⁸ (= «животом славы»), при этом из одного глагола «укупим» он сделал два: «искупим» и «учинить».

Таблица 6

К—Б	С	И-1
царя русскаго (л. 123). Гнездо есмя были едино князя <u>великаго</u> Ивана Данильевича (л. 124—124 об.).	Гнездо есмо князя <u>Володимера Киевского русскаго</u> царя (л. 37 об.).	Гнездо есмя <u>великаго</u> князя <u>Владимеры Киевскаго</u> (л. 217).

Автор контаминации берет чтение «царя русскаго» (= «русского царя») из версии К—Б, а «князя Володимера Киевского» — из версии И-1 (так же в У). Первичность чтения К—Б «царя русскаго» (Табл. 3, см. выше) косвенно подкрепляется, таким образом, данным чтением С, поскольку оно присутствовало в списке Краткой редакции Задонщины, использованном контаминатором.

Таблица 7

К—Б	С	И-1
Гнездо есмя были едино князя <u>великаго</u> Ивана Данильевича (л. 124—124 об.).	<i>Брате [милы], сами есмо собе два браты, сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча [Каметы, а внучата есмо великаго князя Даниля Александровича]. А воеводы в нас воставлены (л. 39).</i>	<i>Брате князь Владимире Ондреевич, сами себе есмя два брата, воеводы у нас уставлены (л. 219).</i>

В результате контаминации в версии списка С возникла дублировка: князя оказываются потомками как Владимира Киевского (Табл. 6), так и Ивана Калиты (Табл. 7). Очевидно, что контаминатор опирался на текст, близкий дошедшему до нас в списке К—Б, поскольку использует его указание на потомство («гнездо» = «сынове») великаго князя Ивана Данильевича, а из версии И-1 заимствует фразы «Брате ...сами себе есмя два брата» и «воеводы у нас уставлены». А. А. Зимин считает так же: «первоначально стояло, очевидно, как в К—Б, „гнездо ...Ивана Данильевича“, позднее переделанное...» Действительно, Иван Данилович Калита — дед (а не отец, как ошибочно следует из С) Дмитрия Донского, а поскольку литовские князья упоминают своего деда Гедимина, то «и московский князь должен был говорить о своем деде» (с. 55). Чтения, заключенные нами в таблицах в квадратные скобки («милы ...Каметы, а внучата есмо великаго князя Даниля Александровича»), безусловно, вторичны (их нет и в У: «Брате Владимиръ Андреевичъ, сами есми, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго, а воеводы у нас уставлены», л. 179 об.).

³⁸ В У читается схоже с небольшим дополнением: «укупим животу своему славы» (Дмитриева. Тексты. С. 536).

Таблица 8
Фрагмент № 9

К—Б	С	И-1
Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, <u>Андрея</u> Половетцаго, <u>Дмитрия</u> Бряньскаго. Ти бо бяше строжевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, <u>под шеломы възлелеаны</u>, <u>конець копия вскормлены</u>, с востраго меча поены в Литовьской земли (л. 124 об.).	А соловеи, <i>летняя птица</i>, [красных дней втеха], што жъ бы еси выщекотали из земли Залеское <i>двух брат Алгиродивичовы</i>, [князя] <i>Дмитрия Волынского</i>, а [князя] Ондрея Бранского. Тые ж бо есть <i>сынове храбрии</i>, <i>родишась в ратное време</i>, под трубами нечистых кочаны, <i>конеи вскормлены</i>, с коленых стрел воспоены в Литивской земли (л. 37 об.—38).	О соловеи, <i>летняя птица</i>, что бы ты, соловеи, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всеи <i>дву братьев Олгердовичев</i>, <u>Ондреи</u> да брат его <u>Дмитреи</u> Олгердовичев, да <i>Дмитреи Волынскыи</i>. Те бо суть <i>сынове храбрии</i>, кречати <i>в ратномъ времени</i>, ведоми полководцы, под трубами и <u>под шеломы возлелияны</u> в Литовьской земли (л. 217).

В версиях К—Б и И-1/У совпадает архетипный порядок перечисления братьев, о котором можно судить по летописной повести о Куликовской битве, где сначала упомянут Андрей, а потом Дмитрий.³⁹ В версии С получилось наоборот, причем Дмитрий из Брянского князя стал Волынским, а Андрей из Полоцкого (у Ефросина описка «Половетцаго») стал Брянским. Каким мог быть механизм таких изменений? Третий персонаж появился в конце перечня Пространной редакции (И-1: «да Дмитрею Волынскыи»; У: «да Дмитрею Волынскому»; см. подробнее ниже, комм. к Табл. 18), а в сводной версии он переставляется на первое место. Под влиянием Краткой редакции контаминатор признает, что литовских князей было всего двое, а не трое, в результате чего «лишний» Дмитрий исчезает, а Андрей получает его Брянское княжение. Из версии К—Б контаминатор взял чтения «рожены [= родишась]... конець [= коней]... вскормлены [= вскормлены]... поены [= воспоены]», а из версии И-1 использовал чтения «летняя птица... из земли... дву братьев Олгердовичев... Дмитреи Волынскыи... сынове храбрии... в ратномъ времени». Отсутствующее в С чтение «под шеломы възлелеаны» первоначально принадлежало архетипу Задонщины, поскольку подтверждается как К—Б, так и И-1 (в У находится в искаженном виде: «под шеломы злаченными», л. 176); следовательно, пропуск в версии текста С — это признак ее вторичности. Дополнения контаминированной версии («красных дней втеха» и дважды «князя») также вторичны, поскольку их нет ни в К—Б, ни в И-1/У. Слова «красных дней втеха» дополнены при создании сводной версии на основании предшествующего текста К—Б (из обращения к жаворонку: «въ красныя дни утеха», л. 123). Наличие в протографе Пространной редакции чтения «ведоми полководцы» подтверждается его наличием в У («ведомы полеводцы», л. 176), но контаминатор его не использовал.

³⁹ ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. С. 140.

Таблица 9
Фрагмент № 10

К—Б	С	И-1
<u>Молвяше</u> Андреи к своему брату Дмитрею: «Сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, <u>правнучата Сколдимеровы</u>. Сядемь, брате, на <u>свои</u> борзи комони, <u>испиемь</u>, брате, <u>шеломомь</u> своимь воды быстрого Дону, испытаеть мечи свои булатныя (л. 124 об.—125).	<i>И рече [князь] Ондrei Брянский брату своему [князю] Дмитрею [Волинскому: «Княже Дмитрею], сами есмо себе два брата, сынов есмо Алгордовы, а внучата есмо Гедымонтавы.</i> <i>Соберем себе милую дружину <u>храбрих панов</u>, а сильных <u>удальцах</u>, а сами усядем на борздыя кони, <u>посмотрим</u> бистрого Дону, <u>соиём шеломом воды</u>, испытаеть мечов <u>своих литовских</u>, а <u>шоломов татарских</u>, <u>солиц немецких</u>, а <u>бонадов бесумерских</u> (л. 38).</i>	<i>И <u>молвяше</u> Ондrei Олгердович брату своему Дмитрею: «Сами есми себе два брата, (сынове Олгердовы — У), а внуку есмя Едимантовы, (а <u>правнуки</u> есми <u>Сколомендовы</u> — У).</i> <i>...изберем братью милую пановеи удалыи Литвы, <u>храбрых удалцевъ</u>, и сами сядем на борздыя <u>свои</u> комони, <u>посмотримъ</u> быстрого Дону, <u>изобьем шоломы мечи</u>, испытаеть <u>мечевъ своих литовъских</u> о <u>шеломы татарскыя</u>, <u>сулицъ немецкых</u> <u>баиданы бесерменскыя</u> (л. 217—217 об.).</i>

Большую часть текста, за исключением собственных дополнений («князь... князю... Волинскому: „Княже Дмитрею”»), контаминатор позаимствовал из Пространной редакции. Как отметил А. А. Зимин, речь Андрея Брянского в К—Б имеет первоначальный характер, поскольку в ней сохранена трехчленная структура («сядемь ...испиемь ...испытаеть»), «соответствующая и поэтическому строю Задонщины, и логике похода». Избыточные чтения версий С и списков Пространной редакции (И-1, л. 217 об.: «изберем братью милую пановеи удалыи Литвы, храбрых удалцевъ, и сами ... посмотримъ ... литовъских о шеломы татарскыя, сулицъ немецкых баиданы бесерменскыя»; У, л. 176—176 об.: «Зберем, брате, милые пановя удалыя Литвы, храбрых удалцов, а сами ...посмотрим ...литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские») исследователь считал добавлениями «позднейшего характера», поскольку они повторяют (дублируют) уже известные Задонщине мотивы (с. 57). Чтение «...пиемь ... шеломомь ...воды» создатель сводного текста С позаимствовал из К—Б, причем его принадлежность архетипу Задонщины подтверждается искаженным отражением в И-1 («изобьем шоломы мечи»; в У — пропуск). А. А. Зимин включил этот пример в список доказательств связи Слова («испити шеломомь Дону») со списком С (с. 144—145), но К—Б здесь бесспорно ближе к произведению о походе Игоря, чем С. Возводя чтение Слова к версии «Синодального извода» (с. 164), А. А. Зимин не объяснил, почему в Слове и в К—Б из Дона пьют, в Пространной Задонщине на него смотрят, а в С на него сначала смотрят, а потом пьют. Чтения «молвяше», «свои» и упоминание прадеда литовских князей Сколдимера⁴⁰ также должны возводиться к архетипу Задонщины, поскольку они не могли быть внесены в Краткую и Пространную редакции независимо друг от друга. Упоминание Сколдимера-Сколоменда, как заметил М. А. Шибаев, было со-

⁴⁰ Сколдимер-Сколоменд, возможно, являлся историческим, а не только легендарным персонажем (Охманский Е. Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. М., 1974. С. 358—364).

крашено в списке И-1, вероятно, независимо от С, потому что там отсутствует также и чтение «сынове Олгердовы», известное другим спискам.⁴¹

Таблица 10
Фрагмент № 11

К—Б	С	И-1
...гремять удалци <u>золочеными</u> шеломы, черлеными щиты (л. 125).	...гремят <i>руская</i> удалцы золотыми <i>доспехи</i> и <u>шеломы</u> и черлеными считы (л. 38).	...гремят удалцы <i>руския</i> <u>золочеными</u> <i>доспехы</i> , черлеными щиты (л. 217 об.).

Из К—Б в контаминированной версии использовано чтение «шеломы», а из И-1/У — «руския ...доспехы». В данном случае чтение К—Б «золочеными шеломы» может рассматриваться как наиболее близкое к архетипу Задонщины. Далее в Пространной редакции «золоченые шеломы» были заменены на «золоченые доспехы» (такое же чтение обнаруживается в Основной редакции СМП; см. в книге А. А. Зимина, с. 28), а контаминатор объединил оба варианта ранних редакций Задонщины («доспехи и шеломы»), поменяв при этом прилагательное «золочеными» на вторичное чтение «золотыми».

Таблица 11
Фрагмент № 14

К—Б	С	И-1
Тогда же соколи и <u>кречати</u> , белозерские ястреби позвонять своими <u>злачеными</u> колоколци (л. 126).	То ти уж бо ястреби и соколи и белозерстии <u>кречеты</u> <i>отривахуся от златых и колодицы ис камени грады Москвы</i> , [обрываху шевковья опутины], <i>возвиваючися под синия небеса</i> , <u>звонечи</u> золотыми колоколы над <i>быстрым Доном</i> (л. 38 об.).	А уже соколы, белозерския ястребы <i>рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы</i> , <i>возлетеша под синии небеса</i> , <u>возгремеша золочеными</u> <i>колоколы на быстром Дону</i> (л. 218 об.).

Чтения списка У подтверждают, что в протографе Пространной Задонщины не было упоминания кречетов и охотничьи птицы не звенели своими колокольчиками, а гремели колоколами («возгремеша ...колоколы», л. 178 об.—179). Создатель версии текста С использовал из Пространной редакции середину и конец фразы («колоколы над быстрым Доном»), а из Краткой взял кречетов и «звонечи» (ср. «позвонять» в К—Б). Проблемой для сторонников древности Слова (где в речи бояр говорится, что князей-соколов «опуташа въ путины железны») является наличие в С чтения «обрываху шевковья опутины», отсутствующее в других списках Задонщины. А. А. Зимин считал, что «фольклорные „шевковья опутины“ превращаются в полукнижные „путины железны“» (с. 127), т. е. версия текста С повлияла на Слово. Р. О. Якобсон предложил два варианта объяснения происхождения этого фрагмента: дополнительная правка версии С по Слово⁴² и

⁴¹ Шубаев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь. С. 35.

⁴² Jakobson R. Op. cit. P. 551—552.

пропуск соответствующего текста в К—Б.⁴³ Первое объяснение мы не можем принять, поскольку нет других следов использования текста Слова создателем версии С, а представить себе, что он произвел правку ради одного дополнения, затруднительно. Второе объяснение представляется более убедительным. В подтверждение этой гипотезы Р. О. Якобсона следует отметить, что фраза С «отрывахуся от златых и колодицы ис камени грады Москвы, обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса» соответствует предполагаемой лакуне К—Б, причем непосредственно перед ней и сразу после нее обнаруживаются совпадения текста С именно с К—Б («кречеты... звонечи»), а не с Пространной редакцией. Таким образом, можно считать, что в данном случае текст протографа Краткой редакции, близкий архетипу Задонщины, оказался пропущенным в списке К—Б. То, что версия С отражает текст не Пространной редакции, а гипотетического протографа Краткой, подтверждается также наличием в ней чтения «возвиваючися» вместо «возлетеша» (И-1 и У), аналогичного чтению «звонече» вместо «возгремеша». Существенно, что создатель контаминации, в соответствии с нашим пониманием истории текста, использовал не сам список К—Б, а его протограф.

Таблица 12

К—Б	С	И-1
...а вои наши <u>отнимають</u> (л. 126 об.).	...а хоробруя нашу дружину побивают (л. 39).	... <u>отнимають</u> отчину нашу (л. 218 об.).

Схожее с И-1 чтение «и вотчину отнимают» находится также в У (л. 179 об.), из чего А. А. Зимин заключает, что в протографе извода Ундольского речь шла не о войнах, а о вотчинах, но в протографе Пространной редакции и в архетипе Задонщины стояло чтение, сходное с К—Б («вои наши отнимають»), ибо оно близко к С. Впрочем, для исследователя «вопрос не вполне ясен» (с. 457). В данном случае чтение К—Б нельзя признать первичным, поскольку «вои» получились из «вотчины»⁴⁴ (ср. в К—Б выше на л. 125: «...а вотчину нашу у нас отнимають»), а при контаминации в версии С был использован ошибочный текст К—Б, на основе которого возникло уже «третичное» чтение. Не из «вотчины», а только из «воев» могла появиться храбрая дружина (которую теперь уже не «отнимають», а «побивают»). Важно, что глагол «отнимать» восходит к архетипу Задонщины, поскольку зафиксирован как К—Б, так и списками И-1 и У.

Таблица 13

К—Б	С	И-1
Солнце ему на востоце семтября 8 в среду на Рождество пресвятыя Богородица ясно светить, путь ему поведает (л. 126 об.).	<i>Солнцо ему ясная сияет на востак</i> , путь поведает (л. 39).	<i>Солнце ему ясно на востоцы сияетъ</i> (л. 218 об.).

⁴³ Ibid. P. 688—689.

⁴⁴ Так считает Б. М. Клосс: «В тексте искажение, вместо „вои“ в списке У правильно читается „вотчину“». ([Клосс Б. М.] Краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку. С. 93).

И билися из утра до полудня в субботу на Рожество святыя Богородица [месяца] сентебра во 8 день (л. 40).

Из утра билися до полудни в субботу на Рожество святии Богородицы (л. 219 об.—220).

Дата 8 сентября (кроме ошибочного дня недели: среда вместо субботы) заимствована сводчиком из К—Б, а весь остальной текст — из И-1. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, та же ошибка в дне недели обнаруживается у Ефросина Белозерского: «В лето 6888 сентября 8 в среду был бои за Доном. В лето 6988 сентября 8 ино тому прешло лет 100» (К—Б, л. 263 об.). Фраза «путь поведает» может быть возведена в равной степени и к Краткой, и к Пространной редакции, поскольку она встречается также в списке У (л. 179) и, следовательно, находилась в протографе Пространной Задонщины.

Таблица 14

Фрагмент № 16

К—Б	С	И-1
Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби <u>борзо за Донъ перелетеша, уда-риша</u> ся на гуси и на лебеди (л. 127).	<i>Уже бо ястреби и соколи, и белоозерстии и кречеты прилетеша и удариша на многия стада сосильныя и на лебединыя.</i> <i>То ти [быша ни соколи, ни крчеть, то то уже] ихъ ехалися [удальныя люди] князи руския... (л. 39 об.).</i>	<i>Уже бо те соколе и кречеты за Донъ перевезлися, и наехали рустии сынове... (л. 219).</i>

В протографе Пространной редакции текст был близок не к сокращенному в данном фрагменте списку И-1, а к списку У («Уже бо те соколы и кречаты за Дон борзо перелетели и ударилися о многие стада лебединыя. То ти наехали русские князи...», л. 180 об.—181), который подтверждает наличие в архетипе Задонщины чтения «борзо» и сочетания глаголов «перелетети» и «ударити». Контаминатор, очевидно, позаимствовал из Краткой редакции упоминание «белозерских ястребов», которых не было в протографе Пространной Задонщины (вопреки А. А. Зимину, который ошибочно относил упоминание «ястребов» к протографу Пространной редакции — с. 145), а также глагольные формы «прилетеша» и «удариша» и, возможно, в искаженном виде — упоминание гусей («сосильныя» вместо «гусиныя»). В остальном создатель сводной версии ориентировался на Пространную Задонщину («Уже бо... многие стада... лебединыя. То ти... ехали... князи руския»), дополнив ее вторичными чтениями «быша ни соколи, ни крчеть, то то уже... удалныя люди».

Таблица 15

Фрагмент № 17

К—Б	С	И-1
И рече <u>Ослебья брату своему Пересвету</u> : «Уже, брате, вижу раны на сердци твоємъ тяжки. Уже твоєи	Говорит Услабо <u>чернец брату своему Пересвету</u> [чернцу]: «Брате [Якове], <u>вижу на теле твоєм</u> [мно-	И молвяше брат его <u>Ослабе чернецу</u> : «Брате Пересвет, <u>вижу на тели твоєм раны</u> , уже голове твоєи ле-

главе **пасти** на сырую землю, на белую ковылу **моему** чаду Иякову (л. 127 об.).

гия] **раны, пасти** главе твоеи на траву ковылу, [брате] чадо Якове, но зелену ковылу за землю Рускую и за обиду великого князя Дмитрея [и за брата его князя Володимера Ондреевича] (л. 40 об.).

тети на траву ковыль, а чаду **моему** Якову на ковыли земли не лежати на поли Куликове за веру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича (л. 220—220 об.).

По мнению Р. П. Дмитриевой, из-за отсутствия глагола «лежати» в К—Б и С их текст «оказался нечетким по содержанию», что и привело к фактической ошибке в С.⁴⁵ Исследовательнице казалось «маловероятным», чтобы создатель версии С мог заменять «четкий текст речи о сыне Осляби, читающийся в изводе Унд, ...отрывочным текстом извода Син (близким списку К—Б. — А. Б.), где недостает одного глагола, а затем снова возвращаться к своему основному оригиналу, т. е. изводу Унд., и из него брать окончание предложения. Нет никаких оснований, чтобы предполагать такой запутанный и смыслом текста необъяснимый путь работы над „Задонщиной” писца списка С».⁴⁶ Особое значение придавал этому фрагменту Д. С. Лихачев, который писал о теоретической стороне рассуждений Р. П. Дмитриевой: «Ошибки текста могут передаваться только из основного протографа, но дополнительный текст не может влиять на основной текст своими ошибками, особенно теми, которые обесмысливают текст, делают его непонятным... ибо перенос из дополнительного источника — всегда более или менее сознательное явление».⁴⁷ Эти общие соображения, следует признать, не имеют универсального характера. Выше (Табл. 12) мы видели, что К—Б повлиял на С именно ошибочным чтением «вои»; и в данном случае контаминация очевидна: составитель версии С взял из К—Б чтения «брату своему Пересвету» и «пасти» (в У, как и в И-1, — «летети»), а большую часть остального текста позаимствовал из Пространной редакции. Вторичность чтений сводной версии текста («чернцу ...Якове ...многия ...брате ...и за брата его князя Володимера Ондреевича») определяется их отсутствием как в К—Б, так и в И-1/У. Пытаясь осмыслить различия между версиями текста Краткой и Пространной редакций, контаминатор ошибочно отождествил Пересвета и сына Осляби — Якова Ослебятина, который упоминается в СМП в числе сторожевых людей, отправленных на разведку.⁴⁸ Разница между Краткой редакцией, где говорится о гибели обоих воинов, и Пространной редакцией, где погибает только Пересвет, не может прояснить соотношение версий, поскольку, как отметил А. А. Зимин, в других источниках нет данных о том, остался ли в живых Яков Ослебятин после Куликовской битвы (с. 73). Только в тексте Краткой редакций сын Осляби упоминается далее среди погибших на Куликовом поле (К—Б, л. 128).

Особое значение А. А. Зимин придавал тому обстоятельству, что в Слове имеется чтение «на Канину зелену», что соответствует варианту С «зелену ковылу», в то время как в К—Б — «белую ковылу» (с. 145), однако наличие

⁴⁵ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины»... С. 213.

⁴⁶ Там же. С. 223.

⁴⁷ В связи с текстологическими наблюдениями А. А. Зимина, А. Данти и Р. П. Дмитриевой Д. С. Лихачев писал: «Правка одного текста по другому — довольно частое явление в древнерусской письменности... Это всегда исправления, осмысливающие текст, или дополнения, или, в крайнем случае, замена одного осмысленного текста другим осмысленным... Это положение принципиально важно, но, к сожалению, я не отметил его в моей книге „Текстология”» (Лихачев Д. С. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»: (Исследование Анджело Данти) // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 173 (сн. 23)).

⁴⁸ [Клосс Б. М.] Краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку. С. 94.

в У чтения «на зелене ковыле» позволяет возводить его к протографу Пространной Задонщины. Историку казалось невероятным, чтобы автор конца XV века исправил ковыль на «белую», «ибо откуда-то узнал свойства этой травы» становиться светлой, сесть к сентябрю (с. 73). В данном случае А. А. Зимин, думается, безосновательно недооценивает эрудицию Ефросина Белозерского,⁴⁹ который мог знать свойства ковыля.

Таблица 16
Фрагмент № 18

К—Б	С	И-1
...толко часто ворони грають (л. 127 об.).	...но только часто вороны играют (л. 40 об.).	...но одне вороне грають (л. 220 об.).

Из К—Б было взято чтение «толко часто», а из И-1 — чтение «но» (в У схоже: «но едины вороны грают», л. 184). В результате в контаминированной версии получилась дублировка — двойное противопоставление («но» + «только»).

Таблица 17
Фрагмент № 19

К—Б	С	И-1
Не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганыхъ князи великих и боярьъ сановных (л. 128).	Не турове [рано] возрули на поли Куликове, возрули воеводы [сильныя], бояре великаго князя [Дмитрея Ивановича, вои] и князя белозерстии, [побитыи и] посеченыи от паганых татар (л. 40).	...не тури возгремили на поле Куликове, побежени у Дону великого. То ти не туры побежени, посечены князи рускыя и воеводы великого князя, и князи белозерстии, посечени от паганых татар (л. 220).

Из К—Б контаминатор использовал синтаксическую конструкцию — повторение глагола с приставкой «воз-/вз-» (из «возрыкають..., взопаша» получилось «возрули... возрули») и упоминание бояр, а весь конец фрагмента приведен по Пространной редакции. Дополнения сводной версии («рано... сильныя... Дмитрея Ивановича, вои... побитыи и») вторичны, поскольку их не знают списки К—Б и И-1/У.

Таблица 18
Фрагмент № 20

К—Б	С	И-1
Тогда же восплакашася горко жены боярыни по своих осподарехъ въ красне	Воспели птицы жалосными песнями, восплакали кнегини и боярыни избиен-	Въспели бяше птицы жалостные песни, вси възплакалися кнегини ⁵⁰ и

⁴⁹ Я. С. Лурье отметил, что «интерес к описанию природы и животного мира» — это «характерная черта всех ефросиновских сборников» (Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 147).

⁵⁰ В ркл. «кне»; испр. по У («княгини»).

граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово (л. 128).

ных [мужей]. Микулина жена Марья рано плакаше у Москве града но заборолех, а рекучы так (л. 40 об.).

боярыни избьенныхъ, воеводины жены. Микулина жена Васильевича, да Марья Дмитриева рано плакашася у Москвы у берега на забралах, а ркучи (л. 220 об.).

Чтения сводной версии текста «Воспели птицы жалосными песнями, восплакали кнегини и боярыни избьенных... рано плакаше... но заборолех» восходят к Пространной редакции. Чтения «града» и «так» в С восходят к версии К—Б («граде... таково»). Упоминание жены Микулиной Марии, также позаимствованное в С из К—Б, является исторически верным, поскольку сын московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова Микула Васильевич был женат на дочери суздальского князя Дмитрия Константиновича Марии,⁵¹ в то время как в списках У и И-2 Пространной редакции речь идет о двух женах (в У, л. 184 об. — «Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья», а в И-2, л. 70 — «Федосья Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева жена Волынского»). Поскольку в дальнейшем просьба к Дону «прилелеять» мужа относится к одному Микуле Васильевичу, «раздвоение» Марии Дмитриевны, реальной жены Микулы Васильевича, является безусловно ошибочным и вторичным. Вновь под пером создателя Пространной редакции появляются дополнительные персонажи: к князьям Андрею и Дмитрию добавляется третий — («да Дмитриеи Волынский», см. Табл. 8), а «Микулина жена» превращается в двух героинь (см. Табл. 18). Из примера с «женами» очевидно, что в протографе Пространной редакции речь шла об одном человеке — жене тысяцкого Микулы Васильевича Вельяминова по имени Мария Дмитриевна (так можно понимать текст И-1: «Микулина жена Васильевича, да Марья Дмитриева»). По всей видимости, князь Дмитрий в протографе Пространной редакции тоже был один, но о нем, как и о Марии Дмитриевне, было сказано в фольклорной манере (читался текст с эпическим повтором типа «брат его Дмитриеи, да Дмитриеи Олгердовичев»; ср. в былине: «Что тут вставал наш Василей нынь, / Да Василей Касимирович»⁵²). Вероятно, в результате осмысления такого чтения в протографе Пространной редакции была осуществлена перестановка, потребовавшая уточнения, кем же был второй Дмитрий: «брат его Дмитриеи Олгердовичев, да Дмитриеи (Волынский)». Последующим переписчикам это было непонятно, и они стали воспринимать Марью Дмитриеву и Дмитрия Волынского как самостоятельных персонажей, что привело к дальнейшим изменениям текста (например, в И-2 и У появляется имя «Микулиной жены Васильевича» — Федосья, а в списке У, л. 184 об. для устранения противоречия далее добавлено: «А Марья про съвоего господина то же рекла»; см. также выше комм. к Табл. 8).

Таблица 19

Фрагмент № 21

К—Б	С	И-1
...за православную веру... (л. 128 об.).	...за православную веру христианскую... (л. 40 об.).	...за веру хрестьянскую... (л. 224 об.).

⁵¹ [Клосс Б. М.] Краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку. С. 94.

⁵² Свод русского фольклора: В 25 т. СПб.; М., 2001. Т. 1: Былины Печоры. С. 205.

Чтение «православъную» в версии текста С взято из аналогичного контекста Краткой редакции, а к Пространной восходит чтение «христианскую» (в У схоже: «...за веру крестьянскую», л. 193 об.).

Итак, пословный анализ соотношения вариантов Задонщины в тех фрагментах, где сопоставимы разночтения Краткой редакции (по списку К—Б), Пространной редакции (по списку И-1 с корректировкой по другим спискам) и версии списка С, показывает, что объяснить характерные особенности последней можно контаминацией (сведением) чтений Краткой и Пространной редакций. Обратное движение текста (от версии С к версиям К—Б и И-1) допустить невозможно, поскольку в целом ряде случаев имеются одинаковые пропуски и совпадающие или весьма близкие между собой архаичные чтения К—Б и И-1, противопоставленные С («Игорю Рюриковичю»; «бють»; последовательности перечисления городов Коломна — Серпухов и князей Андрей — Дмитрий; «укупим»; «под шеломы възлелеаны»; «молвяше», «Сколдимеровы», «свой»; «золочеными»; «отнимають»; «борзо»; «Ослебя»; «моему»; «грають»). Допустить, что версии К—Б и И-1 независимо друг от друга многократно изменяли текст одинаковым образом, совершенно невозможно, из чего следует, что во всех этих фрагментах вторичной является версия С.

Таким образом, сомнения Р. П. Дмитриевой в возможности контаминации («отдельные мелкие изменения в одно-два слова, не вносящие по существу в содержание ничего нового, едва ли какой-нибудь редактор стал бы вносить и менять по другому списку»⁵³) могут быть развеяны. Как мы видим, именно «отдельные мелкие изменения в одно-два слова» определяли характер заимствования в текст С как из Краткой, так и из Пространной редакций. Специфика заимствований текста контаминатором такова, что можно говорить о почти равномерном чередовании источников. В одних случаях в С преобладают чтения, взятые из Краткой редакции, в других — из Пространной; иногда контаминатор ставит заимствование из К—Б в начало фрагмента, а иногда — в конец. Наиболее показательны те случаи, когда создатель сводной версии текста органично объединяет чтения обеих ранних редакций в единых синтаксических конструкциях.

Сопоставление текстов позволяет отказаться от представления, что у средневекового книжника при работе с двумя или более оригиналами непременно были «основной» и «дополнительный» источник; очевидно, следует различать сверку основного текста по дополнительному источнику и контаминацию, при которой оба источника могут рассматриваться как «основные».⁵⁴

Дополнения, сделанные создателем текста С, в значительной степени касаются упоминания князей («исписана руским князем»; (князю) «рускому на земли»; «великого» (князя); «Каметы, а внучата есмо великого князя Даниля Александровича»; «князя» (трижды); «князь»; «Волынскому: «Княже Дмитрею»; «и за брата его князя Володимера Одреевича»; «Дмитрея Ивановича, вои»; «и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича»). Другой слой добавочных чтений имеет стилистический характер («мильи»; «красных днел втеха»; «рано»; «многия»; «сильныя»; «побитыи»). Думается, для внесения в текст этих и

⁵³ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины»... С. 223.

⁵⁴ На необходимость большего внимания к проблеме контаминации обратил внимание Р. Поп (Поп Р. Некоторые мысли по поводу издания средневековых славянских текстов // ТОДРЛ. 1997. Т. 50. С. 242—251); см. также: Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве»... С. 253—255.

других отмеченных выше дополнений никакие новые письменные источники не привлекались, но в целом изменения текста, обусловленные контаминацией и появлением новых чтений, имеют редакционный характер.

Признание наличия контаминации в версии списка С, восходящей к двум разным редакциям текста (представленной списком К—Б, с одной стороны, и четырьмя списками — с другой), делает излишней гипотезу Р. О. Якобсона о двух izvodaх текста Задонщины — Синодальном и Ундольского. Все особенности текста С, сближающие его с К—Б, могут быть теперь удовлетворительно объяснены непосредственным использованием текста лежащего перед глазами источника — списка Краткой редакции (близкого, но не тождественного сохранившемуся списку К—Б), а представление о некоей общности К—Б и С на уровне «извода» лишается текстологического фундамента и не может быть доказано. По сути дела, мы должны вернуться к старой гипотезе о существовании Краткой и Пространной редакций, к которым следует добавить третью — Сводную (Контаминированную), представленную единственным списком С.⁵⁵ Для реконструкции архетипа Задонщины выявление и доказательство контаминации имеют существенное значение. Понятно, что схожие чтения К—Б и С теперь не могут автоматически возводиться к архетипу памятника, поскольку объясняются не их общим происхождением, а непосредственным влиянием К—Б на С, и не могут использоваться при реконструкции текста протографа Пространной Задонщины, а индивидуальные чтения списка С как вторичного не могут учитываться при реконструкции протографов как Краткой, так и Пространной редакций.⁵⁶

Установление такого соотношения текстов Задонщины на первый взгляд существенно усложняет задачу сторонникам древности Слова, поскольку именно в Сводной редакции (т. е. в списке С) обнаруживается наибольшее число параллелей к песне о походе Игоря Святославича. Не случайно А. А. Зимин уделил столько внимания попытке доказать вторичность Пространной Задонщины по отношению к СМП — именно на этом основании базировался его взгляд на чтения «Синодального izvoda» (списка С) как безусловно вторичные. Естественно, признание наличия контаминации в равной степени приводит к выводу о вторичности текста Сводной редакции (списка С). Примеров, когда Сводная редакция сохранила бы явно первичные чтения, не обнаружено (кроме «опутин» — см. Табл. 11), но в ряде случаев, напротив, можно определенно говорить о первичности текста либо совпадающего в Краткой и Пространной редакциях, либо сохранившегося в одной из них. Другим путем мы пришли к тому же выводу, который сделал А. А. Зимин, о вторичном происхождении версии Задонщины, представленной списком С, после чего «бестрепетно рассуждать» о времени создания Слова действительно не просто.

Мы переходим к проблеме соотношения Слова и обеих ранних редакций Задонщины, занимающей центральное место в текстологической аргументации А. А. Зимина. Вторую главу монографии, посвященную этой проблеме,

⁵⁵ Существование третьей редакции Задонщины, представленной списком С, было впервые аргументировано А. Данги (*Danti A. Per l'edizione della «Zadonscina»*. P. 163—176) и позже независимо от него М. А. Шибаевым (*Шибаев М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве»* и Кирилло-Белозерский монастырь. С. 30—40).

⁵⁶ В подготовленной А. А. Зиминым реконструкции Задонщины Пространной редакции в таком случае следует признать необоснованными многочисленные исправления и восполнения ее текста по списку С (С. 444, сн. 34, 40, 44, 51-51, 53, 57-57; С. 445, сн. 62-62, 67-67, 70-70, 72, 74-74, 75-75, 76, 77-77, 82-82, 87-87, 90-90, 93-93; С. 446, сн. 95; II, 3, 13, 18-18, 23, 24-24, 30-30, 34, 36, 37; С. 447, сн. 41, 49-49, 72-72, 76; С. 448, сн. 79-79, 81, 84, 85-85, 86-86, 87-87, 90-90, 91-91, 92, 97, 98; III, 15-15, 17-17, 18, 19, 25; С. 449, сн. 30-30, 32-32; С. 450, сн. 69).

исследователь строит по принципу последовательного, от начала до конца, сопоставления текстов Слова и Задонщины (с. 104—180). По мнению А. А. Зимина, Пространная Задонщина возникла на основе Краткой Задонщины, Никоновской летописи и СМП (с. 104), но позже Б. М. Клосс установил вторичность Никоновской летописи по отношению к варианту Ундольского СМП.⁵⁷ Важно также уточнить, что варианты Пространной редакции не всегда вторичны по отношению к Краткой (особенно в этом смысле характерно чтение «вотчину», Табл. 12), поэтому можно говорить, что они независимо друг от друга восходят к архетипу Задонщины, лучше сохранившемуся в версии К—Б.

По мнению А. А. Зимина, объяснить текстологическую связь версий Задонщины со Словом можно «лишь двумя путями»: или тем, что «к Слову обрацались дважды (т. е. составители Краткой и Пространной редакций), или тем, что Задонщина Пространной редакции явилась источником Слова» (с. 101). А. А. Зимин утверждает, что Слово обнаруживает наиболее разительное сходство со списком С Пространной редакции Задонщины, а так как Пространная редакция «целиком выводится» из названных им выше источников «(с учетом редакционной работы ее составителей) и не имеет среди источников Слова (курсив мой. — А. Б.), то отсюда естествен вывод о вторичном по сравнению с ней происхождении Слова о полку Игореве» (с. 104). Суждение о том, что Пространная Задонщина не имеет среди своих источников «Слова о полку Игореве», принимается А. А. Зиминим как аксиома, но оно требует всесторонней проверки. Сам А. А. Зимин считает возможность влияния Слова на Пространную Задонщину «допустимой чисто логически», но сразу отменяет ее, говоря, что нет «никаких следов» того, чтобы чтения, отличающие протограф Пространной редакции от Краткой, могли восходить к Слову (с. 101). Позже исследователь вновь вернулся к рассмотрению возможности того, «что Слово влияло дважды» — на Краткую и на Пространную редакции, но отверг такое построение одной фразой: «Все это маловероятно» (с. 169).

Предположение об использовании песни о походе Игоря при создании как Краткой, так и Пространной Задонщины выдвинул еще Е. В. Барсов. Дополнение Пространной Задонщины по Слову исследователь выводил из того факта, что в ней имеются схожие со Словом чтения, отсутствующие в К—Б.⁵⁸ Догадка о правке Пространной редакции Задонщины по Слову высказывалась также в незавершенной работе М. Н. Сперанского.⁵⁹ Вторичное использование Слова при создании Пространной редакции Задонщины предполагал и Р. О. Якобсон, говоривший о «диптихе» — следующих в сборниках один за другим списках Слова и Задонщины, поскольку только существование такого сочетания произведений способно объяснить то, что в разных списках Задонщины имеются различные заимствования из Слова: писцы переставляли чтения из первой части диптиха во вторую.⁶⁰ Таким вторичным заимствованием Р. О. Якобсон объяснял появление ряда индивидуальных чтений, родственных Слову: в списке С — «обриваху шевковыя опутины», в списке К—Б — «пробил еси» и «зогзици кокують», а также в

⁵⁷ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 43—51.

⁵⁸ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 438—439.

⁵⁹ РГАЛИ (фонд М. П. Сперанского). Оп. 1. № 270. Л. 6—6 об.; сведения А. А. Зимина; по мнению историка, «Сперанский как бы подошел к решению загадки Слова о полку Игореве» (с. 412).

⁶⁰ Jakobson R. Op. cit. P. 519, 550—551.

ряде версий СМП и, что для нас особенно важно, в Пространной Задонщине («путь им знаем» и «сведомо», «черному ворону»)⁶¹.

Гипотеза Е. В. Барсова и Р. О. Якобсона о правке Пространной Задонщины по Слову не была принята во внимание А. А. Зиминим. Проверим, не являются ли чтения Пространной редакции, схожие с сочинением о походе Игоря, результатом использования ее создателем, наряду с Краткой Задонщиной, самого Слова. Если такая контаминация была осуществлена, то должны были бы остаться ее текстологические приметы, подобные тем, которые обнаруживаются при анализе Сводной редакции. В Пространной редакции по сравнению с Краткой Задонщиной добавлено значительное число близких к тексту Слова эпизодов, из которых большая часть — это новые фрагменты, неизвестные Краткой редакции, и лишь несколько — это повтор или вариация уже известных по Краткой редакции чтений. В этих сопоставимых пределах, на наш взгляд, имеется четыре случая, когда обнаруживаются свидетельства повторного обращения к Слову при создании Пространной Задонщины (см. Табл. 20—24). Чтения Пространной редакции по списку И-1, восходящие, по нашему мнению, к Слову, выделены полужирным шрифтом, а восходящие к Краткой редакции по списку К—Б — курсивом, наконец, совпадающие чтения Слова и К—Б, когда они отличны от И-1, отмечены подчеркиванием. Восполнения пропусков списка И-1 по другим спискам Пространной редакции в тех случаях, когда это существенно для текстологического анализа, заключены в квадратные скобки.

Таблица 20

1. «Сведоми... пути имь... знаеми»

Слово	И-1	К—Б
А мои <u>ти</u> курыне сведоми кьмети: подь трубами <u>повити</u> , подь шеломы възлелеяны, <u>конець копия въскормлени</u> ; пути имь ведоми, яругы имь <u>знаеми</u> ...	сынове храбрии, кречати в рагномь времени, <u>ведомы</u> полковидцы, <i>под трубами и под шеломы възлелеяны</i> (л. 217). дружина нам сведома, имеемь под собою борзьыя комони, а на себе золоченыя доспехы, а шеломы черкаские, а <i>щиты московские</i> , а сулицы ординские, а чары франьския, <i>мечи булатныя</i> . И молвяше: поганы <u>путь имь знаемь</u> вельми, а перевозки имь изготовлены, но еще хотят... (л. 219).	То <u>ти</u> бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, <i>под трубами <u>поють</u>, под шеломы възлелеяны, <u>конець копия въскормлены</u></i> , с востраго меча поены... (л. 124 об.). <i>Мечи булатныя</i> , топоры легкие, <i>щиты московския</i> , шеломы немецкие, боданы бесерменския (л. 127).

В соответствующих фрагментах текст списка У (л. 176, 180) несколько отличается от И-1: «полеводцы» вместо «полковидцы», «сведана» вместо «сведома», «немецкие» вместо «ординские», «кинжалы фряские» вместо «чары франьския», а весь фрагмент «И молвяше: поганы путь имь им знаемь вельми, а перевозки имь изготовлены» пропущен. При анализе Табл. 20 важно отметить, что Краткая редакция вообще не знает слов «ведомы» или «сведомы» и «знаемь», поэтому эти чтения либо попали из Пространной За-

⁶¹ Ibid. P. 551—554. Правка версии С по Слову представляется маловероятной (см. выше Табл. 11), а чтения К—Б могут возводиться непосредственно к архетипу Задонщины.

донщины в Слово, как считает А. А. Зимин, либо, наоборот, заимствованы ею из Слова (так думал Р. О. Якобсон). В пользу первичности Слова бесспорно свидетельствует наличие в нем чтений «...ти... повити... конец копия въскормлени». Если вслед за «скептиками» предположить, что данный фрагмент Слова основан на Пространной Задонщине, то его совпадение с чтениями К—Б «...ти... поють... конец копия вскормлены» необъяснимо. Вторичная правка К—Б по Слову менее вероятна, поскольку в Пространной Задонщине есть признак вторичности: заимствование продублировано — из «сведоми къмети» получились два чтения: «ведомы полковидцы» и «дружина нам сведома».

Кроме того, при сравнении текста Слова «пути имь ведоми, яругы имь знаеми» и Пространной Задонщины «путь имь знаеми» обнаруживается, что во втором случае отсутствует слово «яругы», которое является южнорусским заимствованием из тюркских языков⁶² и употреблено в Слове трижды. Как в нашем случае, так и в двух других параллельных местах Задонщины это редкое слово не встречается (вместо «притопта хлми и яругы» — «притопташа холми и луги»; вместо «вльци грозу въсрожать по яругамъ» — «волцы грозно воют» или «волци грозно воюють»⁶³). Скорее всего, создатель Задонщины не понимал значения слова «яругы» и во всех случаях сокращал или изменял его. Таким образом, мысль Е. В. Барсова и Р. О. Якобсона о вторичной правке Пространной Задонщины по Слову в данном случае находит подтверждение.

Таблица 21

2. «Не... в обиде порождено... чръныи воронъ»

Слово	И-1 [У, л. 175—175 об.]	К—Б
Не было оно в обиде порождено ни <u>соколу</u> , ни кречету, ни тебе, <u>чръныи воронъ</u> , поганыйи половчине.	Ни в обиде есмь были [«по рожению ни ястребу» ни кречету, ни черному ворону , ни поганому [«се-му»]] Момаю (л. 217).	Досюды есмь были, брате, никуды не избижены , ни <u>соколу</u> , ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю (л. 124 об.).

Это один из самых трудных для текстологической интерпретации и дискуссионных фрагментов Слова и Задонщины. Сторонники древности Слова отстаивали здесь вторичность Краткой редакции, а «скептики» — ее близость к архетипу. Р. П. Дмитриева считала, что вторичность текста К—Б по сравнению со списками Пространной редакции определяется грамматической несогласованностью частей предложения: «Сказуемое, выраженное страдательным причастием „не избижены“, должно бы требовать или творительного падежа, или родительного с предлогом „от“; вместо этого стоит дательный падеж — остаток прежней конструкции».⁶⁴ По мнению А. А. Зимина, «дательный падеж в подобной позиции — особенность составителя Краткой Задонщины», поскольку у него встречается схожее по грамматической конструкции чтение «поостриша сердца свои мужеству» (К—Б, л. 123), а версия Пространной Задонщины появилась в результате попытки исправить грамматическое согласование (с. 54—55). А. А. Зимин считает

⁶² Мелиоранский М. П. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. 1902. Т. 7. Кн. 2. С. 301—302.

⁶³ Бобров А. Г. Яруга // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 297—299.

⁶⁴ Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины»... С. 211.

невозможным случайный пропуск в И-1 слов «по рождению», поскольку их нет также в С и К—Б. Исследователь утверждает, что единственный довод, которым могут воспользоваться его оппоненты, «чтобы доказать первичность чтения У, — наличие текста, близкого к У, в Слове. Но тогда они попадают в *заколдованный круг* (курсив мой. — А. Б.), ибо вынуждены будут объяснять факт через предположение, которое само по себе требует доказательства» (с. 148). На наш взгляд, дело обстоит не столь безнадежно. В первую очередь для реконструкции Пространной Задонщины необходимо учесть чтения списка У, которые позволяют уточнить, что в ее протографе текст был более полным, чем в И-1: после слова «были» пропущено «по рождению ни ястребу»; кроме того, в У присутствует относящееся к Мамаю указательное местоимение «сему». Если возведение к архетипу упоминания ястреба и какого-то указательного местоимения подтверждается вариантами К—Б/С, то «по рождению» — это индивидуальное чтение У, имеющее, однако, соответствие в Слове: «порождено». Границы лакуны в И-1 не совпадают с К—Б/С, поэтому ясно, что пропуски в обеих версиях произошли независимо друг от друга. Протограф Пространной Задонщины в данном случае полнее сохранился в списке У, поэтому в Табл. 21 мы дополняем дефектный текст списка И-1, в том числе чтением «по рождению ни ястребу».

По предположению Р. О. Якобсона, версия списков И-1/У ввела «черного ворона» под влиянием Слова, первой части диптиха;⁶⁵ напротив, А. А. Зимин считал, что Слово позаимствовало из Пространной Задонщины чтение «по рождению». Оба варианта — «черный ворон» и «по рождению» — роднят Пространную Задонщину со Словом; кроме того, их объединяет еще одно чтение — «не в обиде» вместо неуклюжего «досюды... никуды» Краткой редакции. Поставим вопрос шире: Слово ли обусловило появление в Пространной редакции чтений «Ни в обиде... по рождению... черному ворону», или же Пространная Задонщина повлияла на чтения Слова «Не... в обиде порождено... чръный воронъ»? Рассмотрим перечни охотничьих птиц, которые встречаются в Задонщине, помимо анализируемого фрагмента, еще дважды (Табл. 22).

Таблица 22
Птицы в Слове и в Задонщине

Слово	И-1 [У]	К—Б
сокол кречет черный ворон	[ястреб] кречет черный ворон	сокол ястреб бел кречет
—	сокол белозерский ястреб	сокол кречет белозерский ястреб
—	сокол кречет	сокол кречет белозерский ястреб

В Краткой редакции всегда упоминаются три птицы, причем последняя — с эпитетом, указывающим на цвет или происхождение («бел» или

⁶⁵ «...Probably reintroduced the black raven under the influence of the Slovo part of the diptych» (Jakobson R. Op. cit. P. 554).

«белозерский»; Р. О. Якобсон назвал этот случай формулой «three-bird, third with-color»).⁶⁶ В списках Пространной Задонщины, напротив, присутствует формула «two-bird», за одним исключением — первым примером в списке У.⁶⁷ Это нарушение формулы, скорее всего, следует рассматривать как вторичное явление, поскольку появление чтения «черный ворон» в списке У нарушает постоянную формулу Пространной редакции «two-bird» — он оказывается «третьим лишним». Этот вывод, в свою очередь, приводит к заключению, что чтение «по рожению» также является вторичным, что и доказывал А. А. Зимин.⁶⁸ Но если вслед за исследователем признать здесь первичность Пространной Задонщины по отношению к Слову, то остается загадкой, на основании чего создатель Слова мог добавить в свой текст сокола, поскольку в данном контексте Пространной редакции о нем не говорится, причем считать пропуск сокола в списках И-1 и У случайным и допускать его наличие в протографе Пространной редакции невозможно — эта версия текста в других случаях упоминает лишь по две птицы.

С другой стороны, затруднительным оказывается возведение к архетипу Задонщины всех совпадений со Словом, так как в Слове упоминаются и **кречет**, известный всем версиям текста, и **сокол**, который есть в К—Б, и **черный ворон**, который есть в полных списках, а упоминание **ястреба** в К—Б и У приводит к выводу, что и он должен был находиться в архетипе Задонщины. Предположение о наличии в нем упоминания всех птиц (сокола, ястреба, кречета, черного ворона) нарушает не только «формулу Якобсона» «three-bird, third with-color», но и более общий характерный для фольклора и средневековой литературы принцип троичности. Исключение из предполагаемого архетипа Задонщины какой-либо из четырех птиц неизбежно приводит или к предположению о маловероятных случайных совпадениях текста в разных версиях (либо создатель К—Б независимо от Слова добавил сокола, либо создатель Пространной Задонщины независимо от Слова добавил черного ворона, либо обе редакции независимо друг от друга добавили ястреба), или к выводу о вторичном дополнении одной из версий Задонщины по Слову.

Скорее всего, дополнена была версия именно Пространной Задонщины, поскольку в ней имеется своеобразная дублировка. В Слове говорится только об одном «враге» («ни тебе, чръный воронъ, поганыи половчине»), также об одном «враге» идет речь и в Краткой Задонщине («ни тому псу поганому Мамаю»), а в Пространной редакции противник «удваивается» («ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю»), что является, на наш взгляд, признаком вторичности текста. В таком случае кажется наиболее вероятным, что создатель Пространной редакции добавил черного ворона и вынужден был сократить первого в списке Краткой Задонщины сокола, чтобы сохранить троичность упоминания птиц (формулу «three-bird, third with-color»).⁶⁹ Если наши рассуждения верны, то чтения Пространной редакции «по рожению» и «ни в обиде» также вторичны и возникли в результате

⁶⁶ Jakobson R. Op. cit. P. 554.

⁶⁷ В списке И-1 Пространной редакции «черный ворон» не дополнил, а вытеснил вторую птицу (ястреба).

⁶⁸ «По У получается, что русские князья „по рожению” не были „в обиде” на татар. Это более чем странно, ибо над Русью к 1380 г. татары властвовали уже около 150 лет» (с. 148).

⁶⁹ Различие между Краткой и Пространной редакциями Задонщины находит любопытное соответствие в Псковской летописи под 1460 годом, где князь Александр Васильевич Чарторийский говорит псковичам: «Не слуга де яз великому князю, и не буди целование ваше на мене, а мое на вас. Коли не учнуть псковичи соколом вороны имать, ино тогда де и мене Черторискаго воспыанете» (Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 58).

правки по Слову. Таким образом, вслед за Е. В. Барсовым и Р. О. Якобсоном мы приходим к выводу, что «черный ворон» вместе с сопровождавшими его чтениями «ни в обиде... по рождению», скорее всего, появился в Пространной редакции Задонщины в результате вторичной правки текста по Слову.

Таблица 23

3. «Кликкомъ... златымъ шеломомъ посвечивая... лежат»

Слово	И-1	К—Б
Дети бесови кликомъ поля <u>прегородища</u>Камо, туръ, поскачеши, <u>своимъ златымъ шеломомъ посвечивая</u> , тамо лежат поганья...	Тако бо <i>Пересвет</i> <i>поскакивает</i> на борзе кони, а <u>злаченным доспехом посвечиваше</u> . А иные лежат посечени (л. 220). Князь Владимиръ... скакше ... <u>златым шеломом посвечиваше</u> (л. 221 об.). Рускии сынове поля [широкии] <u>кликком огородища</u> (л. 222).	Хоробрыи <i>Пересвет</i> <i>поскакивает</i> на <u>своемъ</u> вещемъ сивце, свистомъ поля <u>перегороди</u> (л. 127 об.).

А. А. Зимин пишет: «Если Краткая Задонщина дает первоначальный текст о свисте Пересвета по сравнению с „кликком“ русских сыновей Пространной редакции, то вариант Слова с „кликком“ половцев будет еще более поздний» (с. 121). Принять эту точку зрения невозможно по той причине, что Слово не могло случайным образом *трижды* совпасть с К—Б: сократить эпитет «широкии», исправить глагол «огородища» на «прегородища» и добавить местоимение «своимъ». О. В. Творогов допускает возможность двух вариантов: либо архетипное чтение «поля перегороди» было заменено в полных списках на фразу «А иные лежат...», либо создатель краткой версии вместо нее ввел чтение «свистомъ поля перегороди».⁷⁰ Исследователь отмечает: «В обоих вариантах истории текста этого эпизода совершенно обязательным условием является знакомство писцов „Задонщины“ с текстом „Слова“».⁷¹ Возвести оба отражения Слова к архетипу произведения о Куликовской битве невозможно, поскольку в версиях Задонщины происходит замена одной цитаты из Слова на другую, а также сближение в одном эпизоде К—Б чтений, соседствующих в Слове, но разобщенных в других списках Задонщины («прегородища» и «поскачеши»). Невозможность как возведения всех совпадений со Словом непосредственно к архетипу, так и влияния на Слово Пространной Задонщины оставляет для рассмотрения только две возможности: сверка по Слову Краткой Задонщины (которую считает более вероятной О. В. Творогов) либо сверка по Слову Пространной Задонщины, в результате чего в Краткой редакции более точно переданы глагол («перегородити») и местоимение («своимъ»), а в Пространной — целый ряд чтений («кликком»,⁷² «лежат», «златым шеломом посвечиваше»). Скорее всего, Пространная редакция использует как Слово («златымъ [=злаченным] шеломомъ [=доспехом] посвечивая [=посвечиваше]»), так и Краткую Задонщину («Пе-

⁷⁰ Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». С. 303—312.

⁷¹ Там же. С. 305.

⁷² В К—Б глаголы от корня «клик» отсутствуют и в двух других связанных со Словом контекстах («диво кличет» пропущено, а вместо «кликнуло диво» читается «воды возпиша»), хотя имеется связанное со Словом чтение «пастуси не кличуть» (л. 127 об.) (ср.: «ретко ратаеве кикахуть»).

решет поскакивает на...»), причем во втором фрагменте текст Слова был передан еще точнее («златым шеломом посвечиваше»).⁷³ То обстоятельство, что златым шеломом «посвечивают» как Пересвет, так и князь Владимир, представляется своего рода дублировкой, свидетельствующей о вторичности текста Пространной редакции.

Таблица 24

4. «Чърна земля подь копыты»

Слово	И-1	К—Б
Чърна земля подь копыты костью была посеяна, а кровию поляна.	Черна земля под копыты, костью [татарскими] поля насеяша, а кровию земля полита (л. 219 об.).	Тогда поля костью насеяны, кровью полиано (л. 127).

А. А. Зимин отметил, что добавление в Пространной редакции чтения «черна земля под копыты» (так же в У) изменило фразу и внесло в нее лишнее подлежащее (с. 69), но не обратил внимания на то, что это явилось следствием контаминации. Действительно, весьма затруднительно возводить к архетипу Задонщины предложение с двумя подлежащими «земля» (как в И-1). Поскольку упоминание «полей» должно быть возведено к архетипу Задонщины, а Краткая редакция сохраняет те же формы, что и Слово («насеяны», «полияно»), отказываясь от предположения о правке в Пространной Задонщине, мы получаем в предполагаемом архетипе или странную грамматическую конструкцию с двумя подлежащими, или два предложения, первое из которых — назывное (*«Черна земля под копыты, костью поля насеяны, а кровию полиано»), что представляется крайне маловероятным. Скорее всего, чтение «черна земля под копыты» в Пространной Задонщине появилось в результате вторичного обращения к Слово, приведшего в результате слияния двух текстов к своеобразной синтаксической и смысловой дублировке.

Итак, наиболее вероятным объяснением появления в Пространной Задонщине чтений «ведомы... сведома... путь им знаемъ», «не в обиде... по рождению... ни черному ворону», «кликом... лежат... златым шеломом посвечиваше», «черна земля под копыты» мы считаем вторичную правку текста этой редакции по Слово. Мы видим во всех этих случаях своеобразные дублировки, возникшие в результате повторного обращения создателя Пространной редакции к Слово.⁷⁴

В один ряд с рассмотренными известиями в будущих исследованиях могут быть поставлены и другие дополнительные по отношению к Краткой Задонщине соответствия Пространной редакции и Слова. Для такого рода сопоставлений может оказаться бесполезным анализ распределения по тек-

⁷³ Глагол «посвечивати» неизвестен Краткой редакции Задонщины; вообще в древнерусских источниках он зафиксирован только по Слово и Пространной Задонщине (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. С. 156—157).

⁷⁴ Ср. раздел «Использование дублировок» в книге: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII веков. СПб., 2001. 3-е изд., перераб. и доп. С. 383—388. По сравнению с пониманием дублировок Д. С. Лихачевым («повторные изложения одних и тех же событий» — там же, с. 383), мы трактуем их шире, включая в это понятие также лексические повторы. Вызванные повторным обращением к тому же источнику дублировки Задонщины отличаются нами от мотивированных художественными задачами повторов Слова (см.: Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. статей. СПб., 1997. С. 18—33).

сту «избыточных» фрагментов Пространной редакции Задонщины, которые отсутствуют в Краткой редакции (Табл. 25). Полуужирным шрифтом в таблице выделены дублировки (по отношению к Краткой редакции или внутри самой Пространной редакции); курсивом обозначены фрагменты, находящиеся в Пространной редакции после окончания параллельного с Краткой редакцией текста (эта граница проходит после плача коломенских жен («жен боярынь» в К—Б) и перед новым, повторным описанием Куликовской битвы).⁷⁵

Таблица 25

Содержание фрагмента	Слово	Простр. 3.
Кричат телеги	9	11
Сами себе есве два брата	7	16 = 7
Пути ведомы, дороги знаемы, себе чести, князю славе	7	17
Сильные полки притопта холми, иссуши потоки	16	19
Тучи-молнии-гром великий; быти стуку	11	21 = 10
Гремлиши о шеломах мечи харалужными	12	22 = 38 = 40
[слава] на суд приведе	13	24
Два солнца померкоста	18	32
Кличет под саблями, а богатыри под ранами	19	33
Можеши Волгу раскропити, а Дон шелома выльяти	20	35
Загородите ворота	21	36
<i>Скакаше, златым шеломах посвечивая</i>	<i>12</i>	<i>37 = 26</i>
<i>Гремлиши о шеломах мечи харалужными</i>	<i>12</i>	<i>38 = 22 = 40</i>
<i>Стару помолодити</i>	<i>19</i>	<i>39 = 27</i>
<i>Гремлиши о шеломах мечи харалужными</i>	<i>12</i>	<i>40 = 22 = 38</i>
<i>Стязи глаголютъ... Кликом поля огородиша...</i>	<i>12</i>	<i>41</i>
<i>стоиши на борони</i>		
<i>Кликом/свистом/щитами поля прегородиша</i>	<i>12</i>	<i>41a = 41</i>
<i>Земля костьми посеяна, а кровью поляна</i>	<i>14</i>	<i>42 = 18</i>
<i>Тут разлучились</i>	<i>14</i>	<i>43</i>
<i>Неготовыми дорогами побежаша</i>	<i>9</i>	<i>44</i>
<i>Аркучи: уже не... въстона... тугою</i>	<i>15</i>	<i>45 = 34</i>
<i>Уныша... Веселье пониче</i>	<i>17</i>	<i>46 = 31</i>
<i>въсплескаша... златом. ...по Руской земли прострошася... снесся хула на хвалу... врьжеса дивъ на землю</i>	<i>18</i>	<i>47</i>
<i>Грозы по землям текут... стреляй... за землю Рускую</i>	<i>20</i>	<i>48</i>
<i>Оружие свое повергоша... главы поклониша под мечи</i>	<i>20</i>	<i>49</i>
<i>Унылы голоси... трубы [не] трубятъ</i>	<i>21</i>	<i>50</i>
<i>Скочи влъкомъ до... Скочи влъкомъ... потече к...</i>	<i>21</i>	<i>51a—b</i>
<i>А древо с тугою к земли преклонилось</i>	<i>14</i>	<i>29</i>

В распределении совпадающих между Словом и Пространной Задонщины фрагментов текста наблюдается определенная закономерность, которая частично была впервые отмечена А. А. Горским. Исследователь, тщательно сравнивший последовательность эпизодов по обеим ранним редакциям Задонщины и Слову, заметил: «Важно..., что эпизоды, послужившие основой для заимствований с 44 по 51, последнее, в „Слове“ расположены в том же

⁷⁵ Нумерация фрагментов Слова дана в соответствии с их обозначением в книге А. А. Зимины (с. 105—135), а Пространной Задонщины — в соответствии с их обозначением в изд.: Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992. С. 32—75.

порядке, что и в „Задонщине” (курсив мой. — А. Б.), хотя и на значительном удалении друг от друга: создается впечатление, что автор, производивший заимствования, описывая окончательную победу русских, последний раз „прошел” по тексту „Слова”, от начальной его части (44 — «А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону Великому») до описания побега Игоря (51 — «и скочи съ него босымъ влькомъ, и потече къ лугу Донца»). Особенности манеры заимствований в этих фрагментах те же, что и в предшествующем тексте: есть повторы (фр. 45 и 46), использование для описания боя фрагмента, в „Слове” не связанного со сражением (фр. 44).⁷⁶ Сделав этот принципиальный вывод, исследователь уже на следующей странице своей книги, в противоположность сказанному выше, утверждает следующее: «Последовательность заимствований и в К—Б, и в заключительной части „Задонщины” одинаково не зависит от последовательности исходных фрагментов в „Слове” (курсив мой. — А. Б.)».

Действительно, если это утверждение верно, то справедлив и следующий вывод А. А. Горского: «Все это позволяет полагать, что „Слово о полку Игореве” привлекалось однажды — при работе над авторским текстом „Задонщины”».⁷⁷ Но автор выше утверждал строго противоположное, а именно, что в заключительной части Пространной Задонщины последовательность заимствованных фрагментов совпадает с их последовательностью в Слове. В таком случае и вывод должен быть обратным: Слово привлекалось не однажды, а дважды: при работе над авторским текстом Задонщины и при создании заключительной части Пространной редакции (как минимум). Если вслед за А. А. Зиминым предположить, что, наоборот, автор Слова заимствовал текст из Пространной Задонщины, то получается совершенно невероятная картина: материал из первой части источника использовался совершенно бессистемно, без какого-либо порядка, а начиная приблизительно с середины текста манера заимствования радикально изменилась: автор Слова стал брать материал Пространной редакции не вразброс, а последовательно, но сумел распределить его от начала до конца по всему тексту произведения. Вероятность такого рода изменения характера заимствования посреди текста представляется нам существенно меньшей, чем следование книжниками определенным различным манерам работы с источниками.

Последовательность заимствованных эпизодов второй части Пространной Задонщины коррелирует с порядком эпизодов в Слове (см. Табл. 26). Нарушается эта закономерность двумя дублировками: известный Краткой Задонщине мотив «стару помолодети» (фрагмент 19 Слова) и фраза «а древо с тугою к земли преклонилось» (фрагмент 14 Слова) повторяются в Пространной редакции вне существующей последовательности. Третий «нарушитель порядка» — это фраза «побегши неуготованными дорогами в Лукоморье» (составлена из фрагментов 9 и 16 Слова). За исключением этих трех небольших вкраплений, получаем следующую последовательность эпизодов:

Таблица 26

Слово	12	12	12	12	12	14	14	15	17	18	20	20	21	21
ПЗ ч. 2	37	38	40	41	41a	42	43	45	46	47	48	49	50	51

Не вызывает сомнения, что подобная корреляция могла возникнуть только при заимствовании текста создателем Пространной Задонщины из

⁷⁶ Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»... С. 99.

⁷⁷ Там же. С. 100.

письменного источника, а не при изложении по памяти. Характерна ли такая корреляция только для второй, «избыточной» (по отношению к Краткой редакции) части Пространной Задонщины? Оказывается, в первой части Задонщины (там, где мы имеем тексты Краткой и Пространной редакций) также прослеживается определенная закономерность в расположении параллельных текстов. Нарушается она знакомыми нам фрагментами: фразой «Уже бо въскрипели телегы меж Доном и Непром», которая в Слове непосредственно имеет соответствие во фразе «Крычатъ телегы полунощы» (ей непосредственно предшествует бегство «неготовыми дорогами»; фрагмент 9 Слова), а также гиперболическим описанием последствий похода («Сильные полки притопта холми, иссуши потоки», что соответствует в Слове фрагменту 16 со словом «Лукуморя»). В остальном последовательность выглядит следующим образом:

Таблица 27

Слово	7	7	11	12	13	14	14	18	19	20	21
ПЗ ч. 1	16	17	21	22	24	29	29а	32	33	35	36

Таким образом, в распределении параллельных со Словом фрагментов текста в целом по Пространной Задонщине обнаруживаются два ряда последовательностей. Первая последовательность прослеживается от 7 фрагмента (Обращение Всеволода к Игорю) и почти до конца текста Слова (вплоть до плача Ярославны; фрагменты с 7 по 21 Слова, с 16 по 36 Пространной Задонщины). Второй ряд последовательности начинается там, где оканчивается текст, соотносимый с Краткой Задонщиной (фрагменты с 12 по 21 Слова, с 37 по 51 Пространной Задонщины). Этот текстологический факт требует объяснения.

Если заимствования из Слова в Краткой редакции сделаны книжником без опоры на письменный текст и оставляют впечатление беспорядочности, что может объясняться знанием Ефросином текста Слова наизусть, то для создателя Пространной редакции характерна «работа по тексту». Это наводит на мысль, что автор Пространной редакции не может быть отождествлен с автором Краткой редакции. Возможно, он был его учеником либо, как минимум, находился с ним в одном и том же книжном центре, поскольку использовал одновременно списки Краткой Задонщины и Слова. Впрочем, поскольку создание двух ранних редакций произведения может быть разделено несколькими десятилетиями, манера заимствования текста у одного и того же книжника могла несколько измениться.

Создатель Пространной Задонщины дал образную характеристику собственной работы по соединению двух источников — Слова и Краткой Задонщины: «составим слово к слову».⁷⁸ В результате родственные произведению о походе Игоря чтения в его творении сплелись и перемешались, вводя в заблуждение многих тщательных исследователей, в том числе А. А. Зими́на. «Замкнутый круг», на наш взгляд, возникал не только при попытках распутать текстологический «клубок», но и при стилистическом сопоставлении Слова и связанных с ним произведений Куликовского цикла. Согласно концепции А. А. Зими́на, в основании письменной традиции лежит Краткая Задонщина Ефросина; следующим этапом движения текста исследователь счи-

⁷⁸ Это чтение есть в списках Пространной редакции (И-1, л. 215 об.; У, л. 171; Ж, л. 31), откуда было позаимствовано Сводной редакцией (С, л. 36 об.).

тает СМП, где устно-поэтические образы в значительной степени затухают и представляют собой единичные вкрапления в канву традиционной воинской повести. Далее под влиянием СМП создается вновь более «фольклорная» Пространная Задонщина, после чего художественной вершины достигает памятник конца XVIII века. По мнению А. А. Зимина, «очень много народных образов начисто отсутствует в Задонщине. Если бы Задонщина составлялась по образцу Слова, их „вычленение” выглядело бы весьма странным» (с. 244). Нам же более естественной представляется первоначальность фольклорной записи, художественный импульс которой постепенно затухает по мере обработки текста монастырскими книжниками, т. е. первичность Слова, затем появление Краткой Задонщины и далее — Пространной. Такая логичная последовательность возникновения текстов ранее отвергалась сторонниками древности Слова, поскольку представлялась невозможной текстологически: если первична Краткая редакция, то дополнения Пространной Задонщины вторичны, в том числе и совпадения со Словом.

Думается, уязвимым местом в позиции сторонников древности Слова было желание непременно обнаружить в реконструируемом архетипе Задонщины все общие чтения с произведением о походе Игоря, что приводило к подчеркиванию близости к архетипу чтений Пространной редакции и к попыткам «обесценить» (термин А. Данти) список К—Б. Для преодоления текстологических препятствий была выдвинута гипотеза об общем происхождении К—Б и С, но А. А. Зимин и другие авторы показали ее уязвимость. Следует признать, что выдвинутые А. А. Зиминим аргументы в пользу вторичности текста Задонщины версии списка С весьма убедительны, но историк заблуждался, когда утверждал, что среди источников Пространной Задонщины не могло быть Слова. Мы приходим к определенному выводу, что в Пространной редакции есть текстологические следы повторного обращения к этому произведению о походе Игоря. Не только отдельные характерные чтения Пространной редакции, но и общая последовательность параллельных со Словом «избыточных» по отношению к К—Б фрагментов Пространной Задонщины являются аргументами в пользу того, что ее создатель вторично обратился к Слову за материалом для своего произведения. В результате параллельные со Словом фрагменты разного происхождения в Пространной Задонщине перемешались, словно вложенные одна в другую колоды карт, причем нижняя часть колоды (вторая часть Пространной Задонщины) сохранила первоначальный порядок следования заимствованных фрагментов. Последовательность дополнительных заимствований из Слова в Пространной Задонщине такова, что можно предположить осуществление заимствования в два приема: сначала автор Пространной редакции сличал Слово и Краткую Задонщину, потом второй источник кончился, и он, продолжая работу над второй частью своего произведения, снова обратился к Слову с самого начала текста.

Объяснением использования Слова при создании Пространной редакции Задонщины может быть упомянутая выше гипотеза Р. О. Якобсона о наличии своеобразного «диптиха» — следующих в рукописной традиции один за другим, по соседству друг с другом этих памятников литературы⁷⁹ (в нашем понимании — Слова и Краткой Задонщины). Во всяком случае, весьма вероятным становится признание происхождения обеих ранних редакций «Задонщины» из одного книжного центра, где их создатель или создатели могли пользоваться списком Слова в равной мере. Применительно к Крат-

⁷⁹ Jakobson R. Op. cit. P. 519, 551—554.

кой Задонщине мы знаем название этого книжного центра — Кирилло-Белозерский монастырь.

Традиции книгописания в Кирилло-Белозерском монастыре, где бережно хранились рукописи его основателя — преподобного Кирилла, восходят к началу XV века.⁸⁰ В конце того же столетия здесь была создана древнейшая русская книжная опись, в перечневой части упоминающая 212 кодексов,⁸¹ но эта опись была неполна, поскольку она не включала келейные книги иноков. Мы можем судить об этом, поскольку сохранившиеся до наших дней три наиболее интересных по содержанию энциклопедических сборника Ефросина Белозерского в нее не вошли. Видимо, именно за счет келейных «четых» сборников библиотека Кирилло-Белозерского монастыря в XV веке содержала наибольший по сравнению с другими обителями процент рукописей со статьями светского содержания.⁸² Здесь не только хранились списки многих летописей, но и велось, судя по всему, собственное независимое летописание.

Созданный буквально в то же время, что и Краткая Задонщина, Кирилло-Белозерский свод 1472 года (он отразился в Ермолинской летописи и в Сокращенных сводах конца XV века⁸³), по словам Я. С. Лурье, «многими чертами перекликается с литературной деятельностью» Ефросина и текстологически связан с его Кратким летописцем. Свод 1472 года исследователь считал «замечательным литературным памятником», содержащим «резкую и яркую критику» действий великого князя и его приближенных,⁸⁴ для него характерно включение неизвестных другим летописям подробностей феодальной войны XV века, особый интерес к сведениям о Юрии Галицком и его сыновьях Василии Косом и Дмитрие Шемяке, выпады против великого князя, его бояр и воевод. Краткий летописец Ефросина, дошедший до нас в его автографе, является не конспектом Кирилло-Белозерского свода 1472 года, как думал Я. С. Лурье,⁸⁵ а прямым источником, «заготовкой», первичной по отношению к этому памятнику и созданной еще в первой половине 1460-х годов.⁸⁶ Как Краткий летописец Ефросина Белозерского, так и Кирилло-Белозерский свод 1472 года, связанный с его деятельностью, в равной степени демонстрируют особый интерес к ветви князей «Юрьевичей» — потомков Юрия Галицкого, и тем самым антивеликокняжескую позицию.

Как показал Я. С. Лурье, Кирилло-Белозерскому своду 1472 года восходит, наряду с Ермолинской летописью, Сокращенный летописный свод конца XV века.⁸⁷ Он, в отличие от Ермолинской летописи, сохранил изначально присущие Кирилло-Белозерскому своду 1472 года рассказы об участии в битве на Липице богатырей Добрыни Золотого пояса и Александра Поповича, о гибели последнего в битве на Калке, о начале деятельности

⁸⁰ Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 50—70; Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // Там же. С. 353—378.

⁸¹ Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897 (ОЛДП; Вып. 113).

⁸² Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 147.

⁸³ См. реконструированную Я. С. Лурье заключительную часть текста Свода 1472 года: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 318—347; о связи этого памятника с Ефросином см.: Там же. С. 531.

⁸⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 530—531.

⁸⁵ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 204—209.

⁸⁶ См. подробнее: Бобров А. Г. Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 134—144.

⁸⁷ Лурье Я. С. Летописный свод Сокращенный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. 2. Ч. 2. С. 35. В статье Я. С. Лурье опечатка: вместо «1472» напечатано «1492».

легендарного новгородского ушкуйника Анфала. Наиболее ранний вид Сокращенного летописного свода — Соловецкий (он представлен списком 70-х—начала 80-х годов XV века и текст в нем доведен до 1472 года, а не до 90-х годов XV века, как в других версиях), можно полагать, восходил непосредственно к Кирилло-Белозерскому протографу. Единственный список этого вида Сокращенного летописного свода в Соловецком сборнике (РНБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 922/1032⁸⁸) содержит многочисленные генеалогические уточнения, касающиеся рода Рюриковичей, характерные для манеры Ефросина Белозерского, интересовавшегося княжескими родословиями и переписывавшего их в свои сборники.⁸⁹

Приведенные материалы об отношении Ефросина Белозерского к фольклору и к русской истории подтверждают мысль А. А. Зимина, что в нем можно видеть создателя письменной Задонщины, «автора, который записал устный текст и создал на основе его самостоятельное произведение» (с. 96). Верными представляются и выводы исследователя о вторичности дополнений Пространной Задонщины и о позднем происхождении текста в списке С. Одно лишь отвергнутое А. А. Зиминим предположение о правке Пространной редакции Задонщины по Слову существенно меняет всю текстологическую картину: аргументы в пользу вторичности произведения о походе Игоря теряют силу. Мысль ученого в дальнейшем пошла по неверному направлению, поскольку ошибочным оказался промежуточный вывод. Дальнейшие изыскания А. А. Зимина о вторичности Слова по отношению к летописям (Глава III. Русские летописи и Слово о полку Игореве — с. 181—224) весьма интересны, хотя и не бесспорны. Влияние Ипатьевской летописи на Слово обосновал еще А. И. Лященко⁹⁰ и подтвердили некоторые другие исследователи,⁹¹ но этот вывод, даже если он верен, не приводит к отрицанию древности Слова. Достаточно убедительным представляется и сближение А. А. Зиминим текста Слова с отдельными небольшими по объему чтениями Кенигсбергской=Радзивилловской летописи (с. 219—224), однако возводить эти заимствования к изданию 1767 года нет достаточных оснований. Существенным представляется замечание исследователя, что «мотивы Кенигсбергской летописи использованы (в Слове. — А. Б.) как дополнительные, не нарушающие общей конструкции рассказа» (с. 223). Этот вывод должен быть поставлен в определенную связь с чтением Кенигсбергской=Радзивилловской летописи «сиде у нас (курсив мой. — А. Б.) на Белозере» в рассказе о призвании варяжских князей, что свидетельствует о том, что белозерские книжники XV века знали и даже редактировали этот летописный текст.⁹² М. В. Кукушкина отметила, что в сборниках Ефросина имеются, хотя и в других редакциях, два сочинения, объединенные под од-

⁸⁸ Зиборов В. К., Лурье Я. С. Соловецкий вид «Сокращенного свода» последней трети XV в. // Летописи и хроники: 1980 г.: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 147—152. Возможно, этот список фиксируется Описью 1514 года как «Летописец в полдесть» (Описи Соловецкого монастыря XVI в. Комментированное издание / Отв. ред. М. И. Мильчик. СПб., 2003. С. 35). Хотя рукопись имеет формат «в восьмерку», но автор Описи 1514 года мог в понятие «полдесть» включать как «полдесть большую», так и «полдесть малую». Ср. наблюдение Е. В. Крушельницкой о вариативности обозначения формата Соловецких рукописей в разных описях XVI века (Там же. С. 288).

⁸⁹ Бобров А. Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2005. Т. 22. Р. 271—272.

⁹⁰ Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве» // ИОРЯС. 1926. Т. 31. С. 137—158.

⁹¹ Fennell J. The Slovo o polku Iogreve: The Textological Triangle // Oxford Slavonic Papers. 1968. Vol. 1. P. 126—137; Pritsak O. The Igor' Tale as a Historical Document // The Annals of the Ukrainian Academy. 1972. Vol. 12. № 1—2 (33—34). P. 59.

⁹² См.: Кукушкина М. В. К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в. // ТОДРЛ. 1997. Т. 50. С. 374—383.

ним переплетом с Радзивилловской летописью (отрывки из Хождения игумена Даниила и «Слово святого Епифания, сказание о пророках и пророчествах»). По мнению исследовательницы, здесь отразился репертуар рукописной книжности библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Кроме того, М. В. Кукушкина указала на наблюдение, сделанное М. В. Рождественской, что «Слово о крещении земли Рускыя» в сборнике Ефросина (РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 53/1130. Л. 122—129) ближе к тексту Радзивилловской, чем Лаврентьевской летописи.⁹³ Весьма вероятное знакомство Ефросина с текстом Радзивилловской летописи может быть объяснением включения в текст Слова отдельных чтений этого памятника.⁹⁴

Сопоставления, представленные А. А. Зиминим в четвертой главе монографии («Слово о полку Игореве и литературное наследие XI—XVII вв.», с. 225—255), также демонстрируют родство текста Слова с некоторыми произведениями, встречающимися в сборниках Ефросина Белозерского (см. об этом ниже). Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют в пользу того предположения, что именно в келье священноинока Ефросина в Кирилловой обители во второй половине XV века хранился список Слова, использованный при создании обеих ранних версий текста Задонщины. Судьба списка (или списков) Слова на протяжении XVI, XVII и большей части XVIII века неизвестна. Новый этап истории текста наступил в 1790-х годах.

Открытие Слова

Знаменитый Мусин-Пушкинский сборник (далее — МП), сгоревший в московском пожаре 1812 года, несмотря на десятки посвященных ему исследований, остается предметом во многом загадочным. Судьба Слова в конце XVIII века рассмотрена А. А. Зиминим в разделах книги, посвященных Иоиллю Быковскому и А. И. Мусину-Пушкину (главы VI—VII, с. 302—385). А. А. Зимин считал, что «к рукописи Слова о полку Игореве, насколько нам известно, имели непосредственное отношение только пять человек. Это — три издателя (А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский), Н. М. Карамзин и архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль, у которого А. И. Мусин-Пушкин приобрел рукопись» (с. 303). Сам А. И. Мусин-Пушкин в письме К. Ф. Калайдовичу утверждал, что приобрел рукопись у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоила Быковского, отстраненного от должности в 1787 году. Представления А. А. Зимина об истории обнаружения МП базируются на словах самого владельца сборника МП: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль... По уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено „Слово о полку Игореве“».⁹⁵ Это свидетельство А. И. Мусина-Пушкина послужило основой версии о получении графом

⁹³ Там же. С. 380. См.: Казан М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Указ. соч. С. 201.

⁹⁴ В этой связи следует упомянуть гипотезу Б. А. Рыбакова о влиянии текста Слова на некоторые сюжеты миниатюр Радзивилловской летописи (Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1972. С. 18—21).

⁹⁵ Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Зап. и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 36.

сборника МП от Иоила Быковского, которую принял на веру А. А. Зимин. Достоверность приведенного известия о происхождении МП давно вызывала сомнения исследователей, а в свете последних изысканий она, на наш взгляд, должна быть отвергнута.

Гипотеза о происхождении списка МП из библиотеки Спасо-Ярославского монастыря была детально обоснована Г. Н. Моисеевой.⁹⁶ Действительно, в Описи Спасо-Ярославского монастыря 1787 года против № 285 «Хронограф в десть» обнаружено стертое слово, читаемое как «отданъ», а в Описи следующего 1788 года эта же рукопись была отмечена как уничтоженная «за ветхостию и согнитием». Таким образом, Г. Н. Моисеева пришла к выводу, что Хронограф со Словом был около 1787—1788 года отдан А. И. Мусину-Пушкину, для сокрытия чего была сделана запись о его уничтожении. Казалось, проблема происхождения МП была решена окончательно, но позже Е. В. Сеницына обнаружила, что якобы «отданный» или «уничтоженный» Хронограф вернулся в Ярославль, благополучно хранится поныне в собрании Ярославского музея под № 15443, и никаких прибавлений, в том числе Слова, в нем нет.⁹⁷ «Слово о полку Игореве» не могло находиться и в других Хронографах из Спасо-Ярославского монастыря, поскольку они были присланы в Синод только 12 августа 1792 года, а первое известие о находке произведения датируется более ранним временем (см. об этом подробнее ниже). «Таким образом, гипотеза Моисеевой не может быть принята. (...) История приобретения сборника Мусиным-Пушкиным по-прежнему остается невыясненной», — заключает в итоговой энциклопедической статье О. В. Творогов.⁹⁸

Так был ли на самом деле Мусин-Пушкинский сборник? Если он существовал, то где хранился до поступления в библиотеку А. И. Мусина-Пушкина, когда и при каких обстоятельствах был обнаружен? Эти вопросы на протяжении уже двухсот лет вызывают в научной литературе оживленные споры. Долгое время датой открытия «Слова о полку Игореве» было принято считать 1795 год, что следовало из текста заметки Н. М. Карамзина (октябрь 1797 года), где утверждалось, что отрывок из поэмы под названием «Песнь воинам Игоря» был обнаружен в наших архивах «два года назад». Лишь в середине прошлого века появились работы П. Н. Беркова и Л. А. Дмитриева, в которых высказывались предположения о знакомстве со Словом уже в 1792 году. П. Н. Берков обратил внимание на текст в февральском номере журнала «Зритель», издававшегося П. А. Плавильщиковым, в котором говорилось: «Даже во дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его»; и далее, что «существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной».⁹⁹ Сведения о «Слове» здесь приведены «в очень неотчетливой форме» (П. Н. Берков) и могут быть признаны свидетельством знакомства П. А. Плавильщикова с памятником не по рукописи, а по слухам или же «по рассказам его толкователей» (В. А. Кучкин).¹⁰⁰ Биография

⁹⁶ Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1984. 2-е изд., доп. и перераб. (1-е изд. — Л., 1976).

⁹⁷ Сеницына Е. В. К истории открытия рукописи со «Словом о полку Игореве» // Русская литература. 1992. № 1. С. 85—87.

⁹⁸ Творогов О. В. История открытия «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 319.

⁹⁹ Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1947. Т. 5. С. 135—136.

¹⁰⁰ Сомнения в том, что П. А. Плавильщиков имел в виду именно «Слово о полку Игореве» (Кузьмина В. Д. [Рец. на сб. «Слово о полку Игореве»] // ИЮЛЯ. 1950. Т. 9. Вып. 6. С. 301; Кучкин В. А. Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Аль-

П. А. Плавильщикова показывает, что это предположение весьма правдоподобно: он был выдающимся актером Петербургского придворного театра, занимался также режиссерской деятельностью, преподаванием и драматургией. Нет никаких сомнений в том, что он прекрасно знал старшего друга А. И. Мусина-Пушкина И. П. Елагина, который был страстным театралом и на протяжении многих лет курировал деятельность Петербургского придворного театра и его труппы.¹⁰¹ Именно от него П. А. Плавильщиков и мог услышать о появлении рукописи «Слова о полку Игореве» в книгохранилище одного из «охотников до редкостей древности отечественной». В таком случае это произошло не позднее 25 февраля 1792 года, когда было получено цензурное разрешение на печатание журнала.

Другое предположение о знакомстве со Словом уже в 1792 году принадлежит Л. А. Дмитриеву, который указал, что по своему содержанию ряд комментариев к тексту Екатерининской копии памятника может принадлежать перу старшего сподвижника А. И. Мусина-Пушкина И. Н. Болтина, умершего 6 октября 1792 года. Это предположение подкрепляется некоторыми поздними свидетельствами об участии И. Н. Болтина в работе над памятником.¹⁰² Таким образом, в работах П. Н. Беркова и Л. А. Дмитриева обретение Слова отодвигалось с 1795 года по крайней мере на три года назад — к 1792 году. Позже В. П. Козлов обнаружил, что Слово было прямо процитировано И. П. Елагиным в неопубликованном труде «Опыт повествования о России». Поскольку И. П. Елагин скончался 22 сентября 1793 года, ясно, что памятник был открыт не позже этой даты, но В. П. Козлов, посвятивший своему открытию цикл работ,¹⁰³ а позже и В. А. Кучкин¹⁰⁴ выдвинули ряд аргументов в пользу более раннего знакомства И. П. Елагина с древнерусской поэмой.

Как установил В. П. Козлов, в первоначальной версии текста «Опыта повествования о России» И. П. Елагина упоминания «Слова о полку Игореве» не было. Вставка появляется на полях рукописи (РНБ. F.IV.651/3. Л. 206—207 — список А), она сделана самим И. П. Елагиным красными чернилами, как и вся заключительная авторская правка в этом томе. Для датировки появления правки красными чернилами важно рассмотреть ее в контексте всей работы историка над своим сочинением. Основные этапы работы И. П. Елагина были детально установлены в исследовании В. П. Козлова, мы же лишь изложим их здесь схематически (см. Табл. 28). Историк начал работу над «Опытом повествования о России» с описания эпохи Ивана III, но, дойдя до середины царствования Ивана Грозного (1564 год), остановился и решил начать свое повествование с библейских времен. Дове-

манах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 63; Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слова о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 150), не были поддержаны ни О. В. Твороговым, считающим приведенную цитату «безусловно отзвуком зачина» произведения (Творогов О. В. История открытия «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. С. 318), ни А. А. Зиминим (с. 373).

¹⁰¹ Степанов В. П. Елагин Иван Перфильевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 306—307.

¹⁰² Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960. С. 308—310.

¹⁰³ Козлов В. П. 1) «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 23—31; 2) К истории «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 159—171; 3) Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 85—97; 4) Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слова о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988.

¹⁰⁴ Кучкин В. А. Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 62—73.

сти свой труд он успел только до 1450 года, всего двенадцатью годами не соединившись с уже написанной частью.

Таблица 28

«Опыт повествования о России» И. П. Елагина

	Начало работы	Окончание работы
Часть 7 (1—2): 1462—1506 гг.	Неизвестно	6.1.1788
Часть 8 (3): 1506—1534 гг.	7.1.1788	24.3.1789
Часть 9 (4): 1534—1564 гг.	25.3.1789	Начало мая 1790
Часть 1: 0—1015 гг.	9.5.1790	Начало октября 1790
Часть 2: 1015—1139 гг.	10.10.1790	Февраль 1791
Часть 3: 1139—1157 гг.	Февраль 1791	Июнь/Июль 1791
Часть 4: 1157—1224 гг.	4.7.1791	1.1.1792
Часть 5: 1224—1425 гг.	2.1.1792	Октябрь 1792
Часть 6: 1425—1450 гг.	22.10.1792	+22.9.1793

Вставка с цитатой из Слова появилась в томе, посвященном эпохе Ивана III. Основную работу над этим томом русской истории, охватывающим 1462—1506 годы, И. П. Елагин завершил в начале января 1788 года, что определяет нижнюю хронологическую границу появления вставки. В дальнейшем была создана писцовая копия авторского списка А — список Б (РНБ. F.IV.651/4), в котором вставка была уже внесена в основной текст. Далее И. П. Елагин внес дополнительную правку, после чего была изготовлена вторичная писарская копия — список В (РНБ. F.IV.34/5).

В. П. Козлов выдвинул три аргумента в пользу появления правки, упоминающей «Слово о полку Игореве», в достаточно ранний период, еще в конце 1780-х годов. Рассмотрим эти аргументы подробнее.

1) Писцовая копия с рукописи И. П. Елагина, в которой правка уже внесена в основной текст (список Б), была написана на бумаге с такими же филигранями, что и авторский оригинал (список А). В то же время вторичная писарская копия этой и других частей «Опыта» (список В) написана на другой бумаге. По мнению В. П. Козлова, перед нами «показатель относительной одновременности составления списков А и Б».¹⁰⁵ Этот аргумент не представляется убедительным, поскольку И. П. Елагин мог дать своему писцу достаточный запас бумаги в самом начале работы, в 1788 году, но тот использовал эту бумагу только тогда, когда автор передавал ему для переписки очередной правленный том. Между передачей заказчиком бумаги писцу и ее использованием вполне могло пройти несколько лет.

2) Во-вторых, по мнению В. П. Козлова, «списки А и Б имеют еще первоначальную нумерацию частей „Опыта“. Это значит, что они созданы до изменения замысла Елагина начать свое повествование с библейских времен, т. е. до начала мая 1790 года».¹⁰⁶ По мнению исследователя, после мая 1790 года И. П. Елагин неизбежно должен был учесть изменение нумерации частей «Опыта». Это суждение является ошибочным, поскольку сам исследователь приходит к выводу, что И. П. Елагин перенумеровал части только после того, как в октябре 1792 года им была начата шестая часть.¹⁰⁷ До этого момента он еще не мог знать, сколько частей будет содержать его сочинение,

¹⁰⁵ Козлов В. П. К истории «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. С. 168.

¹⁰⁶ Козлов В. П. Доказательство «Словом» И. П. Елагина. С. 96.

¹⁰⁷ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»... С. 56.

и, соответственно, не мог перенумеровать части. Таким образом, первоначальная нумерация книг «Опыта» не может являться свидетельством ранней датировки цитаты из Слова: она сохранялась до осени 1792 года.

3) Наконец, В. П. Козлов утверждает, что в седьмой части «Опыта» нет ссылок на историческую литературу, вышедшую после 1790 года. Если речь идет об основном авторском тексте, то это вполне естественно: он был завершён ещё в январе 1788 года. Что же касается правки красными чернилами, то это неверно, как мы увидим далее.

Совершенно другой аргумент в пользу ранней датировки вставки с цитатой из «Слова» предложил В. А. Кучкин. По его мнению, правка красными чернилами датируется фразой, упоминающей русскую золотую монету, хранящуюся «в собрании церемониймейстера Алексея Ивановича Пушкина» (РНБ. F.IV.651/3. Л. 236). Исследователь пишет: «Обращает на себя внимание указанная в приведенной цитате И. П. Елагиным *должность* (курсив мой. — А. Б.) А. И. Мусина-Пушкина — церемониймейстер. Эту должность А. И. Мусин-Пушкин получил в 1775 году и исполнял до своего назначения обер-прокурором Синода 26 июля 1791 г.».¹⁰⁸ Исследователь приходит к выводу, что правка красными чернилами и цитирование «Слова» датируются временем до лета 1791 года. Но историк не учел, что церемониймейстер — это не *должность*, а придворный *чин*. Это принципиально важно, поскольку, в отличие от должностей, придворные чины не теряются даже с отставкой. И. П. Елагин, сам принадлежа ко двору (обер-гофмейстер — один из первых чинов двора), вполне мог назвать придворный *чин* А. И. Мусина-Пушкина — церемониймейстер — и после того, как тот был назначен на *должность* обер-прокурора Синода.

Таким образом, все предложенные В. П. Козловым и В. А. Кучкиным аргументы в пользу ранней датировки цитации Слова И. П. Елагиным не являются доказательными. Более существенными представляются два других обстоятельства.

1) События второй половины XII—начала XIII века И. П. Елагин описывал в 1791 году, до 1 января 1792 года, но никакого упоминания о Слове эти части его работы не содержат (см. Табл. 28). Если бы Слово было известно И. П. Елагину ко времени работы над текстом, посвященным XII веку, он несомненно включил хотя бы упоминание об этом памятнике в свой «Опыт». Следовательно, можно полагать, что знакомство историка с древнерусской поэмой произошло не ранее 1 января 1792 года.

2) Правка красными чернилами содержит ссылки на печатные издания: шестую часть Никоновской летописи, вышедшую в 1790 году, а также на издание «Русской правды», подготовленное ближайшими друзьями и членами «кружка» И. П. Елагина — И. Н. Болтиным и А. И. Мусиным-Пушкиным. Это издание появилось на свет только в апреле 1792 года, следовательно, правка красными чернилами не могла быть сделана ранее этого времени.

Таким образом, самые ранние упоминания «Слова о полку Игореве», прямые или косвенные (включая сюда И. П. Елагина, И. Н. Болтина и П. А. Плавильщикова, а также возможное знакомство с памятником Йозефа Добровского во время его пребывания в Петербурге между 17 августа и 15 октября 1792 года), могут быть отнесены только к 1792 году, при этом самая ранняя предполагаемая дата упоминания Слова — это 25 февраля 1792 года, когда прошел цензуру журнал «Зритель» со статьей П. А. Плавильщикова. Эта дата имеет принципиальное значение, поскольку 26 июля

¹⁰⁸ Кучкин В. А. Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве». С. 67.

1791 года А. И. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Синода, а 11 августа 1791 года появился указ Екатерины II о собирании в Синоде относящихся к российской истории рукописей. Если «Слово» было обнаружено ранее этого времени, то, как четко сформулировал В. А. Кучкин, «снимаются всякие подозрения относительно того, что А. И. Мусин-Пушкин прямо или косвенно использовал свое служебное положение главы духовного ведомства для незаконного присвоения рукописи со „Словом” из библиотеки какого-либо монастыря или епархии».¹⁰⁹ Если же рукопись была обнаружена после лета 1791 года, то, учитывая туманность и противоречивость объяснений А. И. Мусина-Пушкина о происхождении манускрипта, версия о незаконном получении его из какого-то церковного собрания становится более чем вероятной. К февралю 1792 года прошло уже полгода, как А. И. Мусин-Пушкин начал интенсивно собирать рукописи из епархиальных, монастырских и церковных хранилищ в Синод. Известно, что после смерти Екатерины II в 1797 году А. И. Мусину-Пушкину был предъявлен Реестр рукописей, поступивших в его распоряжение и пропавших (РГИА. Ф. 796. Оп. 72. № 280. Л. 72—72 об.), и затребован отчет об их судьбе. Граф отвечал своим обвинителям, что разыскиваемые рукописные книги могли быть отданы им покойной императрице, однако во дворце они так и не были обнаружены. В нескольких случаях выяснилось, что манускрипты числились исчезнувшими по недоразумению — они были обнаружены в разных хранилищах, но все же, согласно исследованию В. П. Козлова, «по меньшей мере девять рукописей были изъяты Мусиным-Пушкиным в процессе реализации указа 1791 г.».¹¹⁰

Среди этих девяти пропавших рукописей находится одна весьма нас интересующая — *Хронограф в лист с прибавлениями*,¹¹¹ причем В. П. Козлов отмечает: «Ее мы должны признать в числе изъятых Мусиным-Пушкиным».¹¹² Впрочем, возможность отождествления этой рукописи и сборника со *Словом* исследователем даже не рассматривалась, поскольку он был убежден, что А. И. Мусин-Пушкин приобрел «Хронограф в десть» еще в конце 1780-х годов, до того, как стал обер-прокурором Синода. Пересмотрев вывод В. П. Козлова о ранних упоминаниях Слова в источниках конца XVIII века, мы должны теперь более внимательно присмотреться к этой рукописи, изъятая А. И. Мусиным-Пушкиным для своей коллекции. Что же о ней известно?

Оказывается, она происходит из Кирилло-Белозерского монастыря. В Реестре Кирилловской книгохранильницы (далее — Реестр¹¹³) она описана в разделе рукописей форматом в лист под номером 3 (624) следующим образом: «В лист. Историческая. Гранографъ, история церковная Ветхаго

¹⁰⁹ Там же. С. 68.

¹¹⁰ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»... С. 90, 105, 110.

¹¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 78. № 750. Л. 62 (Козлов В. П. Новые материалы о рукописях, приланных в конце XVIII в. в Синод // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 92, прим. 43).

¹¹² Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»... С. 105.

¹¹³ Реестр сохранился в копии (РГБ. Ф. 256. Собр. Н. П. Румянцева. № 222. Л. 18—20) в составе документа под названием «Ведомость рукописным Кирилловской книгохранильницы до российской истории относящимся книгам, с показанием №, под коими в книгохранильнице состоят» (см. описание: Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. М., 1842. С. 279—280). Рукопись на 24 л. folio, на бумаге с белой датой «1815» (л. 2, 23). В. П. Козлов отметил, что копии были сделаны библиотекарем новгородского Софийского собора протоиереем З. Скородумовым в 1816 году для графа Н. П. Румянцева (Козлов В. П. Новые материалы о рукописях... С. 92, прим. 41).

и Нового Завета, и гражданская, *съ частымъ баснословныхъ повестей прибавлениемъ* (курсив мой. — А. Б.), по 1687-й годъ». Тут же, под номером 1 (592), находим еще одну рукопись, которую присвоил А. И. Мусин-Пушкин: «Палея, история о создании мира, о древних патриархах, въ листъ, о Моисеи и прочихъ ветхозаконных, *съ разными баснословными примешанными повестями* (курсив мой. — А. Б.); въ той же книге Повесть о разделении латинъ отъ грековъ, такожде царские на письменное от папскаго посланника представление ответы»¹¹⁴ (современное местонахождение обеих рукописей неизвестно).

В Реестре по рукописи Румянцевского собрания находится раздел «Изъ Кирилова Белозерскаго монастыря», в котором упомянуто 26 рукописей (F — 3, Q — 18, O — 5), высланных из монастыря в Новгород, очевидно, осенью 1791 года, поскольку уже 3 декабря 1791 года митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил (Петров)¹¹⁵ представил в Святейший Правительствующий Синод «при реестре разные рукописи, найденные... в Кирилло-Белозерском монастыре (26 книг)».¹¹⁶ Это была первая часть кирилловских рукописей, отправленных в Новгород. Всего через семь с половиной недель была описана и отправлена из обители в Новгород вторая партия рукописей. 25 января 1792 года архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря Иакинф Карпинский прислал митрополиту Гавриилу рапорт, в котором говорится: «в Кирилловской книгохранительнице много нашел таковых (относящихся к истории. — А. Б.) книг: в лист — 52, в четверть — 127, в осмуху и менее — 37 (итого 216. — А. Б.); всех с прежде отправленными 243. <...> все вышеписанные манускрипты, чрез семинарского расходчика Казанской церкви, дьякона Иоанна Григорьева, на двух нанятых подводах отправлены. О чем Вашему высокопреосвященству благопочтеннейше репортую».¹¹⁷ Интересующие нас 26 рукописных книг, описанные в Реестре, Иакинф Карпинский в рапорте от 25 января 1792 года назвал «прежде отправленными».¹¹⁸

Итак, не позже 3 декабря 1791 года епархиальным архиереем из Новгорода была отправлена в Санкт-Петербург первая партия — 26 рукописных книг, происходящих из Кирилло-Белозерского монастыря, а вскоре поступила и вторая (216 рукописных книг), крупнейшая среди посланных духовенством во исполнение указа от 11 августа 1791 года.¹¹⁹ Можно утверждать, что количество рукописных книг, описанных при поступлении из

¹¹⁴ РГБ. Ф. 256. № 222. Л. 18. Если принять тождество Мусин-Пушкинского Хронографа со «Словом о полку Игореве» и упомянутого в Реестре 1791 года Хронографа с прибавлением «баснословных повестей», то следует считать, что «по 1687 годъ» были доведены добавления к тексту Хронографа 1617 года или приписки к этой рукописи.

¹¹⁵ Гавриил (Петров) родился 18 мая 1730 года, умер 26 января 1801 года. Как отмечал биограф митрополита В. Шереметевский, «в век варварского отношения к памятникам старины Гавриил заболтался о сохранении их в своих епархиях: он собрал с Новгородской епархии в Софийский собор для лучшей сохранности древние рукописи и книги» (*Шереметевский В. Гавриил // Русский биографический словарь. М., 1914. Вып. «Гааг — Гербель». С. 46*). Очевидно, речь здесь идет как раз о собирании манускриптов из разных монастырей в 1791—1792 годах.

¹¹⁶ *Поленов Д. О летописях, изданных от Св. Синода. СПб., 1864. С. 25.*

¹¹⁷ Там же. С. 25—26.

¹¹⁸ Судя по подсчетам Иакинфа Карпинского, в первой партии книг, отправленных из монастыря в центр епархии, было 27 рукописных книг (243 — 216 = 27), но митрополит Гавриил представил в Синод только 26 из них; судьба одной рукописной книги остается неизвестной.

¹¹⁹ Текст реестра, упоминающего 216 кирилло-белозерских по происхождению рукописей, был опубликован с сокращениями и ошибками в 1842 году И. Сахаровым (*Сахаров И. Каталог рукописям, находящимся в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря // Русский вестник. № 11—12 (ноябрь и декабрь). С. 1—40 (3-я pag.)*), который ошибочно считал, что издаваемый им каталог отражает часть современного ему состава библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (Там же. С. 2).

Кирилло-Белозерского монастыря в Новгород в конце XVIII века, было для своего времени весьма значительным. Достаточно напомнить, что всего при воплощении в жизнь указа Екатерины II «в течение восьми лет в хранилищах, подчиненных духовному ведомству, а также у частных владельцев было выявлено и описано с разной степенью подробности около 600 рукописей».¹²⁰ На этом фоне почти две с половиной сотни рукописных книг, происходящих из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, составляют существенную часть (около 40 %) всех находок археографов конца XVIII века.

Итак, Хронограф и Палея, согласно Реестру 1791 года, поступили в Синод от митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила, а ему были присланы из Кирилло-Белозерского монастыря в составе целого комплекса рукописных книг.¹²¹ Особо стоит подчеркнуть, что уже первая партия из 26 монастырских книг до такой степени заинтересовала обер-прокурора Синода, что он в очень скором времени затребовал представить вторую, значительно более полную выборку рукописей из кирилловской библиотеки. Что же именно могло так заинтересовать А. И. Мусина-Пушкина среди присланных в Синод в декабре 1791 года кирилло-белозерских рукописей? Существенно, что обе изъятые графом рукописи имели описанные схожим образом прибавления (Хронограф «съ частымъ баснословныхъ повестей прибавлениемъ» и Палея «съ разными баснословными примешанными повестями»)¹²² Скорее всего, именно дополнительные «баснословные повести» так заинтересовали графа, что он решился на изъятие этих рукописных книг для личной коллекции.

В конце XVIII—начале XIX века «баснословные повести» понимались как сочинения на мифологические сюжеты. Для нас особенно существенно использование выражения «баснословные повести» Н. М. Карамзиным, поскольку есть веские основания утверждать, что он видел сборник МП.¹²³

¹²⁰ Козлов В. П. Новые материалы о рукописях... С. 98.

¹²¹ Впоследствии эти рукописи поступили в собрание Новгородского Софийского собора (выявление полного корпуса кирилло-белозерских рукописей в составе Софийского собрания РНБ является задачей отдельной работы). Р. П. Дмитриева, исследуя состав монастырских библиотек XV—XVI веков, обнаружила из числа рукописей этих веков в Софийском собрании 65 книг, происходящих из Кирилло-Белозерского монастыря, и привела краткие сведения о каждой из них (Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек... С. 148—156). Очевидно, что упомянутые выше Хронограф и Палея, в отличие от большинства других кирилло-белозерских манускриптов, в Софийское собрание не попали.

¹²² «Баснословными повестями» в составе сборника первой половины XVI века (РНБ. Софийское собр. № 1471), согласно Реестру (№ 448 Q), назывались Повесть о царице Динаре и отрывок Троянской истории. В Великих Минеях четьих митрополита Макария встречается выражение «басньские повести» (Великие Минеи-Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. М., 1911. Ч. 1. Тетр. 2: [Ноябрь]. Дни 16—17. Слб. 2655), а спустя век стольник Иван Бегичев упрекал стольника Стрешнева в том, что он ничего не читал, кроме «баснословных повестей» — Повести о Бове королевиче и Сказания о куре и лисице (Яцимирский А. И. Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божиим. По рукописи XVII века собрания А. И. Яцимирского // ЧОИДР. 1898. Кн. 2. Отд. 2. С. 4).

¹²³ Историограф отмечал, что Слово напечатано первыми издателями «со всею точностью против подлинника, выключая слов вѣчи Трояни, вместо которых в подлиннике стоит сѣчи Трояни». Также Н. М. Карамзин отметил, что поставленное первыми издателями в скобках уточнение к упоминанию одного из князей (Олега) «учинено для большей ясности речи», т. е. в самой рукописи это чтение отсутствует. Определить это Н. М. Карамзин мог только путем сличения Первого издания с рукописью (см.: Дмитриев Л. А. Карамзин Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. С. 14—18 (здесь же библиография)). Н. М. Карамзин был первым, кто уже в 1801 году указал в печати, что рукопись со Словом обнаружена в монастырском собрании («в одной монастырской Архиве» — см.: Пантеон российских авторов. М., 1801. Ч. 1. С. [II]), что могло свидетельствовать либо о его знакомстве с версией А. И. Мусина-Пушкина (тогда в изъятии рукописи из монастырского собрания обвинялся архимандрит Иоиль), либо о том, что он знал о Кирилло-Белозерском происхождении кодекса (тогда к изъятию рукописи причастен умерший в том же 1801 году митрополит Гавриил).

Проведенный Л. А. Дмитриевым текстологический анализ цитат Н. М. Карамзина из Слова в «Истории государства Российского» показал, что в 13 случаях его выписки «могут более точно воспроизводить древнерусский оригинал Слова».¹²⁴ Кроме того, Н. М. Карамзин делал выписки из других произведений, находившихся в сборнике МП. В примечании 272 к третьему тому своего труда историограф писал: «В той же книге, в коей находится Слово о полку Игореве (в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще две повести: Синагрип, царь Адоров, и Деяние прежних времен храбрых человек». Назвав их «достойными замечания по древности слога», Н. М. Карамзин приводит обширные выписки из них, а также из третьего сопровождавшего Слово памятника (Сказания об Индийском царстве), которые, безусловно, сделаны по самой рукописи. Описывая состояние России «от нашествия татар до Иоанна III» (1237—1462 годы), Н. М. Карамзин заметил: «Кроме церковных или душеспасительных книг, мы имели от Греков всемирные летописи и разные исторические, нравственные, баснословные повести; на пример: *о храбрости Александра Македонского*, перевод Арриана — *о Синагриппе, Царе Адоров* — *о витязях древности* — *о богатствах Индии*, и проч.».¹²⁵ Историограф называл «баснословными повестями» следующие сочинения: «о храбрости Александра Македонского» (т. е. Александрия); «о Синагриппе, царе Адоров» (т. е. «Повесть об Акире Премудром»); «о витязях древности»; «о богатствах Индии» (т. е. «Сказание об Индийском царстве»), что, безусловно, очень близко напоминает литературное окружение («конвой») Слова в сборнике МП.

Весьма вероятно, что А. И. Мусин-Пушкин изъезжал Хронограф и Палею с «баснословными повестями» для своей коллекции, поскольку в Реестре при описании обеих рукописей имеются пометы на полях, полностью соответствующие разъяснениям А. И. Мусина-Пушкина о судьбе разыскиваемых книг: в первом случае — «остались во дворце», во втором — «во дворце». Тогда оказываются правы К. Калайдович, который в письме от 28 февраля 1814 года высказал мнение, что А. И. Мусин-Пушкин «и другие подобные, незаконно стяжавшие свои ученые сокровища, предали их на жертву пламени»,¹²⁶ и граф С. С. Уваров, в 1837 году утверждавший, что «летописи, собранные в 1791 году, как известно (курсив мой. — А. Б.), поступили в библиотеку покойного графа А. И. Мусина-Пушкина и сгорели с нею вместе».¹²⁷ Современные исследования показали, что действительно целый ряд рукописей был присвоен собирателем. А. И. Мусин-Пушкин неоднократно утверждал, что подаренный им Александру I древнейший датированный список русской летописи — Лаврентьевская летопись 1377 года — происходит из коллекции умершего в 1763 году П. Н. Крекшина.¹²⁸ Д. С. Лихачев подверг сомнению эту версию происхождения Лаврентьевской летописи, поскольку ей противоречило существование копии с этого кодекса, сделанной в 1765 году учениками Новгородской семинарии.¹²⁹ Теперь, благодаря работам Г. Н. Моисеевой и Г. М. Прохорова, стало окончательно ясно, что Лаврентьевская летопись поступила в собрание А. И. Мусина-Пушкина из биб-

¹²⁴ Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 41—44.

¹²⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 220.

¹²⁶ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»... С. 89.

¹²⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 313.

¹²⁸ Моисеева Г. Н. О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1983. М., 1984. С. 17.

¹²⁹ Лихачев Д. С. Археографический комментарий // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 354. Современный шифр копии: БАН. 34.2.32.

лиотеки Новгородского Софийского собора, где числилась под № 38.¹³⁰ Видимо, и эту рукопись граф получил при содействии митрополита Гавриила.

Итак, мы полагаем, что в конце 1791 года рукопись со Словом была привезена в Новгород и владыка Гавриил передал ее, наряду с Палеей и Лаврентьевской летописью, А. И. Мусину-Пушкину. Уже на протяжении первого года после открытия о ней поведал в печати П. А. Плавильщиков, использовал для правки своего сочинения И. П. Елагин, а также, возможно, комментировал И. Н. Болтин и держал в своих руках Йозеф Добровский. Самое главное, сборник МП происходил, по всей вероятности, из книжного собрания Кирилло-Белозерского монастыря.

Состав Мусин-Пушкинского сборника

А. А. Зимин считал, что «текст Песни не включался ее автором в состав какого-то сборника» (с. 369),¹³¹ т. е. сборника МП со Словом вообще не существовало. Сведения о составе МП известны по указаниям в Первом издании и уточнениям исследователей. Сборник «в лист» являлся конволютом, содержащим в своей первой, более поздней части Хронограф Распространенной редакции 1617 года, а во второй, более древней — Новгородскую первую летопись младшего извода, Сказание об Индийском царстве, Повесть об Акире Премудром, Слово о полку Игореве и Девгениево деяние.¹³² О. В. Творогов писал: «Пока ничего не дали поиски рукописей, аналогичных по составу той части Мусин-Пушкинского сборника, которая содержала „Слово о полку Игореве“. Лишь в одном сборнике (ныне утраченном) Соловецкого монастыря читались вместе два текста из окружения „Слова о полку Игореве“: „Повесть об Акире Премудром“ и „Сказание об Индийском царстве“». ¹³³ Указанный О. В. Твороговым Соловецкий сборник в 1856 году не был эвакуирован в Казань вместе с остальными рукописями монастырской библиотеки и оставался вплоть до революции в библиотеке самой обители под номером 31 (46). Из работ А. Е. Викторова¹³⁴ и Н. В. Рузского¹³⁵ можно заключить, что эта рукопись являлась конволютом, включавшим значительный по объему фрагмент древней рукописи (ранее, чем конец XVI века), переписанной одним книжником (л. 388—497 об.). Именно в данной части сборника-конволюта читались два текста из окружения Слова — Повесть об Акире Премудром и Сказание об Индийском царстве. Эту часть утраченной рукописи Соловецкого монастыря № 31 (46) мы будем называть сокращенно сборником Сол. Анализ сведений об этом сборнике по-

¹³⁰ *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина. С. 16—18; *Прохоров Г. М.* Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 84, прим. 26.

¹³¹ Эдвард Кинан предложил гипотезу о том, что Слово было написано чешским филологом Йозефом Добровским во время его пребывания в России (1792—1793) (*Keenan E. L. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale.* Harvard, 2003). Один из принципиальных тезисов Э. Кинана также заключается в том, что сборник МП со Словом никогда не существовал (поскольку изложенная А. И. Мусиным-Пушкиным версия о приобретении сборника не находит документального подтверждения, он называет эту рукопись «призраком» и «легендой»).

¹³² *Творогов О. В.* Мусин-Пушкинский сборник // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. С. 287—291 (здесь же библиография).

¹³³ Там же. С. 290.

¹³⁴ *Викторов А. Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 132.

¹³⁵ *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю Русского игумена Даниила в начале XII века // Чтения ОИДР. 1891. Т. 3 (158). С. 67—72 (2-я pag.).

звонит пролить определенный свет на историю сборника МП. Состав сборника Сол., как мы увидим далее, находит ближайшее соответствие в сборниках Ефросина Белозерского, главным образом в его рукописи: РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 11/1088 (далее — КБ11), 1490-х годов,¹³⁶ а также в рукописи, содержащей единственный полный список Пространной Задонщины: РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 623 (далее — У).¹³⁷ Рассмотрим совпадающие разделы МП с другими сборниками.

Повесть об Акире Премудром.¹³⁸ Существуют различные точки зрения на место и время перевода произведения, в том числе высказывалось мнение, что Повесть является записанным вариантом устного сказания.¹³⁹ Повесть об Акире Премудром, как можно определить на основании выписок Н. М. Карамзина,¹⁴⁰ находилась в МП в древнейшей русской редакции; она дошла до нас еще в восьми сохранившихся списках XV—XVIII веков.¹⁴¹ Список Сол. (л. 390—420 об.) на две трети также относился к древнейшей редакции, но его последняя часть была существенно переработана, поэтому эта версия текста рассматривалась как отдельная Соловецкая редакция, существовавшая в единственном списке.¹⁴² В сборниках Ефросина Повести об Акире Премудром нет, но она упоминается Н. М. Карамзиным в числе «баснословных повестей» («о Синагрипе, царе Адоров»), причем заглавие точно совпадает со сборником МП («Синагрип Царь Адоров, Иналивския страны»), а также встречается в У (л. 118—142: «О премудромъ Акире и о сыне его Анадане»). Следует отметить наличие в Повести об Акире Премудром чтения «Когда содеут трех мытей, тогда не дастся выбиться (в других списках — «во обиду») из гнезда своего», несомненно родственного Слову.¹⁴³ А. А. Зимин отметил, что «этот текст Повести об Акире отсутствует в древнейшей ее редакции и является позднейшей глоссой» (с. 226), но ничто не мешает искать источник этой интерполяции в Слове, бытовавшем в рукописной традиции вместе с Повестью.

Сказание об Индийском царстве. Упоминание Н. М. Карамзиным сочинения «о богатствах Индии» несомненно относится к Сказанию об Индийском царстве, причем заглавие вновь, как и в случае с Повестью об Акире Премудром, совпадает со сборником МП («Сказание об Индии богатой»), в то время как другие списки произведения не знают такого варианта заголовка. Первая редакция этого сочинения, в которой еще сохранялись многочисленные латинские слова, оставленные непереуевенными, известна по выпискам Н. М. Карамзина из сборника МП, особенностями которого были за-

¹³⁶ Подробное описание сборника КБ11 выполнено Н. В. Поньрко: *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Указ. соч. С. 172—196. Ефросином написаны л. 20—387 об. и 391—502 об.

¹³⁷ Последнее по времени описание с библиографией: [Кучкин В. А.] Пространная редакция «Задонщины» по списку В. М. Ундольского // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 110—111. Список Задонщины У: л. 169 об.—193 об.

¹³⁸ Текст издан по списку Сол.: *Дурново Н.* Материалы и исследования по старинной русской литературе. М., 1915. [Вып.] 1: К истории повести об Акире. С. 20—36.

¹³⁹ *Thomson F. G.* The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. Aldershot; Brookfield; Singapore; Sydney: Ashgate, 1999. P. V, 347; Addenda. P. 44.

¹⁴⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1816. Т. 3. С. 537.

¹⁴¹ *Дурново Н.* Дубровницкий список Повести об Акире // *Iz Dubrovačke Prošlosti / Zbornik u čast M. Rešetara.* Dubrovnik, 1931. S. 222—223. О. В. Творогов не учитывает эту работу, поэтому не приводит данные о четырех южнославянских списках древнейшей редакции, датированных XVI веком (*Творогов О. В.* Повесть об Акире Премудром // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. С. 343—345).

¹⁴² Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 165, 170—171.

¹⁴³ См.: *Творогов О. В.* Мыть // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. С. 296—298.

главие «Сказание о Индии богатой», наличие вводной части и характерных специфических чтений (упоминались император Мануил, «72 царя»; «потамы, полчеловека и полпса»; «урши или медведи»; «фениксы», «рыбы с золотой кровью», «звери о пяти ногах», «сатиры», а также то, что «люди там не лгут, ибо от всякой лжи бледнеют как мертвецы», и улицы замощены драгоценными камнями). К этой же редакции принадлежал текст, использованный при создании Хронографической Александрии второй редакции,¹⁴⁴ а также сербский список (содержащий сокращенный вариант Первой редакции со многими изменениями и искажениями первоначального текста, созданный «на юге славянства, вероятно не ранее XV в.»¹⁴⁵) и Погодинский список начала XVII века¹⁴⁶ (соединяющий черты как первой, так и второй редакции произведения¹⁴⁷). Вторая редакция дошла до нас в большом числе рукописей. Старшим списком является КБ11, л. 198—204.¹⁴⁸ Кроме того, сохранился еще один ранний список конца XV века — Волоколамский (РГБ. Собр. Московской Духовной Академии. № 309 (667). Л. 1—7).¹⁴⁹ По мнению В. М. Истрина, «Кирилло-Белозерский ближе и лучше всех передает чтения своего оригинала», поэтому есть основания «делить вторую редакцию на два разряда: с одной стороны, Кирило-Белоз. список, с другой — все остальные списки».¹⁵⁰ М. Н. Сперанский на более широком рукописном материале уточнил, что все списки распределяются между двумя типами — «Кирилловским» (Тип А) и «Волоколамским» (Тип Б),¹⁵¹ при этом «Кирилловский текст представляется одним из наиболее ценных для реконструкции первоначального перевода по составу: в нем есть такие места, которые не встречены ни в Волоколамском, ни в большей части поздней-

¹⁴⁴ В Хронографической Александрии второй редакции В. М. Истрина выявил восемь фрагментов Первоначальной редакции «Сказания об Индийском царстве» (они были напечатаны им по списку 1485 года: РГБ. Собр. Д. В. Пискарева. № 162 (старый номер — 597). Л. 176 об.—202. См.: *Истрин В. М.* Сказание об Индийском царстве. М., 1893. С. 69—71). Эта редакция Александрии дошла до нас в составе русских хронографов, в том числе в составе Летописца Еллинского и Римского второй редакции (см.: Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 85—178; Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2: Комм. и исслед. О. В. Творогова. С. 23—41, 160—163). В публикации О. В. Творогова фрагменты Первоначальной редакции «Сказания об Индийском царстве» доступны по списку: БАН. 33.8.13. Л. 35—62 (Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. С. 133—134, 139, 142, 160, 162, 164—165, 169—170, 171), который был оригиналом опубликованного В. М. Истриным списка РГБ. Собр. Д. В. Пискарева. № 162 (*Лихачев Д. С.* Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. // ТОДРЛ. 1948. Т. 6. С. 103—109).

¹⁴⁵ София. Народная библиотека «Кирилл и Мефодий». № 771 (381). См.: *Сперанский М. Н.* Сказание об Индийском царстве // ИпоРЯС. 1930. Т. 3. С. 422—429 (раздел: Югославянские тексты «Сказания»), 461—464 (издание текста).

¹⁴⁶ РНБ. Собр. М. Н. Погодина. № 1612. Л. 87 об.—96. «Сказание об Индийском царстве» по Погодинскому списку было опубликовано: *Сперанский М. Н.* Сказание об Индийском царстве. С. 457—460.

¹⁴⁷ Там же. С. 407—422 (раздел «Первая редакция „Сказания“ и рукопись Погодина, № 1612»).

¹⁴⁸ По этой рукописи текст, озаглавленный как «Сказание о Индийском царствии», публиковался неоднократно: *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб., 1881. С. 251—254; Сказание об Индийском царстве / Подг. текста, пер. и комм. Г. М. Прохорова // «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 362—369; Сказание об Индийском царстве / Подг. текста, пер. и комм. Г. М. Прохорова // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 466—473; Сказание об Индийском царстве / Подг. текста, пер. и комм. Г. М. Прохорова // Сказания о чудесах: Русская фантастика XI—XVI вв. М., 1990. С. 88—92. (Б-ка рус. фантастики; Т. 1); Сказание об Индийском царстве / Подг. текста, пер. и комм. Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5: XIII век. С. 396—401.

¹⁴⁹ По этой рукописи текст, озаглавленный «Сказание о Индийском царстве», был опубликован: *Истрин В. М.* Сказание об Индийском царстве. С. 71—73.

¹⁵⁰ *Истрин В. М.* Сказание об Индийском царстве. С. 63.

¹⁵¹ *Сперанский М. Н.* Сказание об Индийском царстве. С. 384—388.

ших списков».¹⁵² Согласно выводам М. Н. Сперанского, целый ряд фрагментов произведения встречается только в КБ11 и в восходящем непосредственно к нему списке XVII века, отсутствуя в других списках Второй редакции, но находя соответствие в Первой редакции.¹⁵³ Приведенные исследователем параллели Первой редакции Сказания и списка КБ11 доказывают, что в списке Ефросина сохранились чтения, восходящие к Первой редакции, но позже не вошедшие в состав остальных списков Второй редакции. Особенности КБ11 позволяют думать, что Ефросин Белозерский, скорее всего, не только сокращал переписываемый текст «Сказания об Индийском царстве», но и дополнял и переосмыслил его, основываясь на Первой редакции, вводя существенные мотивировки и объяснения.¹⁵⁴ Сказание об Индийском царстве обнаруживается также в сборниках Сол. (л. 420 об.—425) и У (л. 289—299 об.).

Девгениево деяние. Переводная повесть сохранилась только в поздних списках, но, судя по выпискам Н. М. Карамзина, к той же редакции Девгениева деяния, которая читалась в МП, относится список 40-х годов XVIII века (РГБ. Собр. Тихонравова. № 399). Произведению присущи черты героического эпоса,¹⁵⁵ поэтому оно также может быть отнесено к категории «баснословных повестей». Исследователями обнаружен целый ряд чтений Девгениева деяния, близких Слово: «О свете, светозарное солнце», «кмети», «кожухов... златокованных», «много вой» и др.¹⁵⁶ По мнению А. А. Зимина, Слово вторично по отношению к Девгениеву деянию (с. 225—226), однако совпадение отдельных слов ничего не говорит о таком соотношении текстов, тем более что время и место перевода Девгениева деяния остаются неясными. Интересно, что «фольклоризация» и «русификация» текста, видимо, принадлежат славянскому переводчику.¹⁵⁷ Возможно, что Н. М. Карамзин, называя среди «баснословных повестей» сочинение «о витязях древности»,¹⁵⁸ имел в виду не конкретное название произведения, а его топику. Девгениево деяние, озаглавленное в списке МП как «Деяние прежнихъ временъ храбрыхъ человекъ», вполне подходит под такое определение. Лексема «витязь» вообще не упоминается в древнерусских источниках XI—XIV веков. По мнению П. Я. Черных, это слово в памятниках древнерусской письменности употребляется редко, не раньше XV века, и «может рассматриваться как слово пришлое (с юго-запада)».¹⁵⁹ Впервые оно обнаруживается в интерполяции недатированной части Повести временных лет, в списке Летописца Переяславля Суздальского, созданном в 1460-х годах в юго-западных областях Руси: «латына бестудие въземше от худых римлянъ, а не от витязей, начаша к женамъ къ чюждимъ на блуд мысль дръжа-

¹⁵² Там же. С. 377.

¹⁵³ Там же. С. 457—459, 462—463.

¹⁵⁴ См. подробнее: *Бобров А. Г.* «Сказание об Индийском царстве» в версии Ефросина Белозерского // *ТОДРЛ.* 2008. Т. 59 (в печати).

¹⁵⁵ *Творогов О. В.* Девгениево деяние // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. С. 115—116.

¹⁵⁶ *Кузьмина В. Д.* «Девгениево деяние» («Деяние прежних времен храбрых человек»). М., 1962. С. 150, 153—154, 177, 183.

¹⁵⁷ *Thomson F. G.* *The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia.* Addenda. P. 44.

¹⁵⁸ Древнерусское сочинение, включавшее в свое название слова «о витязях древности», не установлено.

¹⁵⁹ *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1. С. 155. Ср. мнение В. Д. Кузьминой: «В XVII в. и в начале XVIII в. западнославянский термин „витязь“ существует в рыцарском романе со старинным словом „богатырь“, укorenившимся в устном народном эпосе, а древнеславянское „храбр“ совершенно исчезает» (*Кузьмина В. Д.* Девгениево деяние. С. 70).

ти...»¹⁶⁰ Далее слово «витязь» обнаруживается в рукописях, переписанных Ефросином Белозерским, — в Сказании о Дракуле («Кои ранень спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на коль повеле всажати проходом, глаголя: „Ты еси не муж, но жена”»¹⁶¹), а также в заглавии «Сербской Александрии» («Сказание известно о житии Александра, царя Макидонскаго и самодержца великаго, наказание храбрым витезем послушати»¹⁶²) и многократно в ее тексте.

Важно, вслед за О. В. Твороговым, подчеркнуть, что «все названные памятники (составляющие «конвой» Слова в МП. — А. Б.) или вообще редко встречаются в древнерусской письменности, или представлены в сборнике (МП. — А. Б.) своими древнейшими и малораспространенными редакциями»,¹⁶³ поэтому совпадение целого ряда текстов и заголовков не может быть случайным. В таком случае мы должны признать, что Н. М. Карамзин назвал «баснословными повестями» именно те сочинения, которые составляли «конвой» Слова в МП.¹⁶⁴ Последние, в свою очередь, сопровождались в некоторых древнерусских сборниках повторяющимся набором статей и тематических блоков, из которых кратко рассмотрим шесть: Повествования об Александре Македонском и о царе Соломоне, Хождение игумена Даниила, Сказание о 12 пятницах, Сказание, как сотворил Бог Адама, и Повесть о Дракуле. Все они встречаются как в сборниках Ефросина Белозерского, так и в двух других рукописях — Сол. и У, родственных по составу сборнику МП.

1) Повествования об Александре Македонском. Ефросин Белозерский поместил в своих сборниках обширную подборку сочинений, посвященных Александру Македонскому.¹⁶⁵ Н. М. Карамзин упомянул в числе «баснословных повестей» произведение «о храбрости Александра Македонского, перевод Арриана». Судя по заглавию, это Александрия, в которой неоднократно упоминается о храбрости македонского царя. В заключительном фрагменте текста Сербской Александрии по списку КБ11, дополненном, судя по всему, Ефросином Белозерским, прямо говорится: «...Был сеи храбры».¹⁶⁶ Греческий писатель II в. н. э. Арриан указан автором сочинений об Александре в древнерусских списках Летописца Еллинского и Римского второй редакции¹⁶⁷ и в статье о рахманах КБ11 («Арьяну ученику Епиктита философа...»; л. 462). Обнаруживается фрагмент текста об Александре Македонском и в сборнике Сол. Текст начинался с середины повествования: «...,где скровище храниши?» И простеръ же руку, показа дружину и рече: „В сих”. Александр царь рече...» (Сол., л. 388).¹⁶⁸ Рассказ об утверждении

¹⁶⁰ Полное собрание русских летописей. М., 1995. Т. 41: Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). С. 5—6; [Клосс Б. М.] Предисловие // Там же. С. V: «В тексте обнаруживаются следы его создания в Великом княжестве Литовском полемически настроенным редактором, принадлежащим к православной церкви и отрицательно относящимся к Литовскому государству и католицизму».

¹⁶¹ Сказание о Дракуле / Подг. текста Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 460 (по списку Ефросина КБ11).

¹⁶² Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 7 (по списку Ефросина КБ11).

¹⁶³ Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 140.

¹⁶⁴ Возможно, Н. М. Карамзину было известно, откуда А. И. Мусин-Пушкин получил сборник со Словом и как он был описан в передаточном Реестре.

¹⁶⁵ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина... С. 161—164.

¹⁶⁶ Александрия. С. 71.

¹⁶⁷ Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1: Текст. С. 178.

¹⁶⁸ Русский Н. В. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение... С. 71.

Александра Македонского, что его сокровище — это его дружина, не имеет прямого текстуального соответствия в КБ11, но тема царя Александра является одной из центральных для этого ефросиновского сборника: здесь находятся миниатюра с изображением Александра Македонского (КБ11, л. 19 об.), а также старшие списки Сербской Александрии (КБ11, л. 20—194 об.),¹⁶⁹ статьи Палладия о рахманах (КБ11, л. 462—483), Слова «о рахманехъ и о предивном ихъ житии» (КБ11, л. 483—485 об.)¹⁷⁰ и краткой заметки, посвященной «воздухохожению» (полету по воздуху на грифах) Александра (КБ11, л. 502).¹⁷¹ Связь заметки об Александре в Сол. с книжным наследием Ефросина проявляется, возможно, также в использовании слова «дружина», которое любил употреблять кирилло-белозерский писатель.¹⁷²

2) Повествования о царе Соломоне. Библейский царь Соломон был одним из излюбленных персонажей Ефросина Белозерского.¹⁷³ В Сол. также читались «изречения и небольшие рассказы Соломона, а также св. Василия, Менандра и других авторов».¹⁷⁴ Что подразумевал Н. В. Рузский под «изречениями и небольшими рассказами» Соломона, а также св. Василия и Менандра, определить с точностью невозможно, но и в КБ11 обнаруживаются многочисленные статьи о царе Соломоне, а также одна небольшая статья, написанная именем св. Василия Великого.¹⁷⁵ Схожие с КБ11 тексты находятся в У: «Повесть о царе Давыде и о сыне его Соломоне и о ихъ премудрости» (л. 142—164 об.), «О суде царя Соломона» (л. 165—166 об.), «Соломана царя премудрость» (л. 167—169).¹⁷⁶ В связь с бытованием в рукописях одной традиции с МП рассказов о Соломоне следует поставить появление в Задонщине упоминания этого царя.

3) Хождение игумена Даниила. Старшие списки и Первой, и Второй редакции датируются концом XV века. Хождение игумена Даниила в полном виде читается в другом Ефросиновском сборнике (РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 9/1086. Л. 130 об.—193), а в КБ11 на л. 217 об.—221об. находится выписка из этого памятника.¹⁷⁷ Обнаруживается Хождение игумена Даниила и в Сол.: «Паломникъ Даниила мниха, сказание о

¹⁶⁹ Текст издан по списку КБ11: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Изд. подг. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. М.; Л., 1965. С. 7—71; фотовоспроизведение миниатюры с изображением Александра: Там же. Вклейка между с. 16 и 17.

¹⁷⁰ Текст издан по списку КБ11: Александрия. С. 143—144.

¹⁷¹ Текст заметки: «Елинская писания сказуют, иже Александрова воздухохожения. Нигрипъ восхити его, рекше Ноговичъ, но свыше посланая сила Божия на 3 часа хоженна его [...]ше сила Божия возбрани ему» (КБ11, л. 502). Ср.: *Лопарев Х.* Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме // Памятники древней письменности. 1892. Т. 90. С. 30.

¹⁷² *Бобров А. Г.* Ефросин Белозерский как историограф // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 144.

¹⁷³ См.: *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина... С. 158—159.

¹⁷⁴ *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение... С. 72.

¹⁷⁵ Заглавие: «Василия Великаго 188»; нач.: «Врагу свойственно еже врежати и наветовати...» — КБ11, л. 263.

¹⁷⁶ Ср. в КБ11: «От Палеи толк о потири Соломона, царя мудраго» — л. 228 об.—230; «От Палеи о трех друзех» — л. 230—230 об.; «О Давыде царе и о Соломоне сыне его» — л. 230 об.—231; «О церкви Соломонове святая святых и величества» — л. 231—232; «Соломонъ церковь ставил 20 лет...» — л. 232 об.; «От Симеона новаго Богослова. О сем же рече церковникъ рекше Соломонъ мудры» — л. 261 об.; «О Китоврасе от Палеи» — л. 262—262 об.; «Бысть у Соломона царя седьмсот женъ...» — л. 266; «Се от Соломона суда мало вкратце» — л. 268 об.—271; «Соломон хотя премудрыи испытати смыслъ женъскыи...» — л. 271; «О Китоврасе» — л. 271—272; «Сказание о томъ, како ять бысть Китоврасъ Соломономъ» — л. 272 об.—276; «Сътвори же Соломонъ слововъ...» — л. 276—277; «Соломонъ Вирсавинъ сынъ...» — л. 277; «Одръ Соломонъ, егоже обстоять 60 силныхъ...» — л. 354—355 об.

¹⁷⁷ *Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В.* Указ. соч. С. 176.

пути, иже есть къ Иерусалиму, и о градах, и о самомъ граде Иерусалиме, и о местех честных, иже около града, и о церквах святых» (л. 429 об.—494). Это самый ранний список паломнических «Хождений» в библиотеке Соловецкого монастыря, послуживший оригиналом для более поздних списков.¹⁷⁸ Судя по заголовку, текст Хождения игумена Даниила в списке Сол. относился ко Второй редакции произведения, как и в Ефросиновских вариантах.¹⁷⁹

4) **Сказание о 12 пятницах.** Апокриф находится в КБ11: «Сказание о 12 пятницъ, обретеніе Елоферіа Философа, иже обрете в западной стране» (л. 234 об.; текст вместе с заглавием перечеркнут, далее вырезаны 2 листа¹⁸⁰). Это сочинение обнаруживается и в сборнике Сол. (л. 494 об.—497 об.): «Сказание о 12 пятницъ, обрением (sic!) свягаго Елфея»). Оба списка — и Сол., и КБ11 — представляют одну и ту же Элевферьевскую редакцию текста.¹⁸¹ Весьма характерна помета, которую Ефросин сделал к тексту Сказания о 12 пятницах: «Сего во зборе не чти, ни многим являи» (КБ11, л. 235).¹⁸²

5) **Сказание, как сотворил Бог Адама.** Этот небольшой апокрифический текст находится в КБ11 на л. 279 об.—280: «...Адамъ от 8 части сътворенъ бысть: 1-е — от земля тело, 2-е — от Чермнаго моря кровь, 3-е — от солнца очи, 4-е — от ветра дыхание души его, 5-е — от облака мысли его добрыя же и злыя, 6-е — от каменя кости, 7-е — от Духа Свягаго, иже есть положилъ въ чловеце правде и часть от света века, иже нарицается Христость, 8-я часть — от самого Христа, дохновения душа». Далее в КБ11 рассказывается о наречении имени Адаму (л. 280—280 об.). Хотя в целом выписки Ефросина в этой части КБ11 основаны на тексте Палеи, рассказ о сотворении Адама от 8 частей и о наречении ему имени отсутствует и в Коломенской Палее, и в Толковой Палее 1477 года.¹⁸³ Тот же рассказ о сотворении Адама от 8 частей читался на последнем л. 497 об. сборника Сол. («От колике части създанъ бысть Адам»).

6) **Повесть о Дракуле.** Старший список этого наиболее раннего памятника оригинальной русской беллетристики принадлежит перу Ефросина Белозерского, записавшего его в свой сборник уже через несколько месяцев после возвращения предполагаемого автора, Федора Курицына, из Венгрии и Молдавии.¹⁸⁴ Повесть о Дракуле читается также в сборнике У (л. 263—276).¹⁸⁵

Таким образом, намечается круг произведений, составлявших «литературное окружение» Слова в рукописной традиции. Можно заключить, что между рассмотренными сборниками прослеживается прямая генетическая

¹⁷⁸ Федорова И. В. Древнерусские паломнические «Хождения» в библиотеке Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 214—215, 219.

¹⁷⁹ Федорова И. В. Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила // «Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII в. / Изд. подг. О. А. Белоброва, М. Гардзанини, Г. М. Прохоров, И. В. Федорова. СПб., 2007. С. 342—343.

¹⁸⁰ Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Указ. соч. С. 178.

¹⁸¹ См.: Салмина М. А. Сказание о двенадцати пятницах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 358—359.

¹⁸² Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Указ. соч. С. 178.

¹⁸³ Там же. С. 185.

¹⁸⁴ См.: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина... С. 165; Лурье Я. С., Григоренко А. Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 504—510.

¹⁸⁵ Как отметил Я. С. Лурье, оба последних сочинения — Сказание, как сотворил Бог Адама, и Повесть о Дракуле — читаются также в сборнике: РГБ. Собр. Румянцева. № 358 (Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина... С. 166).

связь и что МП тесно связан с весьма необычными по содержанию сборниками Ефросина Белозерского, в частности с рукописью КБ11, а также со сборниками Сол. и У (см. Табл. 29).

Таблица 29

	МП	Кар.	Ефр.	Сол.	У
Слово или Задонщина	+		+		+
Повесть об Акире Премудром	+	+		+	+
Сказание об Индийском царстве	+	+	+	+	+
Девгениево деяние	+	+?			
Об Александре Македонском		+	+	+	
О Соломоне			+	+	+
Хождение игумена Даниила			+	+	
Сказание о 12 пятницах			+	+	
Сказание, как сотворил Бог Адама			+	+	
Повесть о Дракуле			+		+

Принципиальным является вывод о том, что состав сборника со Словом обнаруживает несомненную близость к литературным пристрастиям создателя Краткой Задонщины Ефросина Белозерского, особо интересовавшегося светскими сочинениями,¹⁸⁶ которые могут быть обозначены как «баснословие». В ранних переводных источниках «баснословие» обозначало выдумку, сказки, мифы; ложное учение, соответствуя греч. *μυθολογία*.¹⁸⁷ Обычно эта лексема и производные от нее формы употреблялись относительно языческих богов или представлений. В XVII веке обнаруживаются случаи использования такого рода определений применительно к сочинениям, встречающимся в рассмотренных выше сборниках. Так, например, в Алфавите XVII века читаем: «Глаголют же баснословцы, яко Александръ Македонский на сеи птицы по воздуху носим бе»¹⁸⁸ (здесь явно речь идет о заметке, посвященной «воздухохождению» Александра, находящейся в КБ11, л. 502), а в Космографии того же времени говорится: «Многие о Индии пишут баснословие, и я о томъ умолчу»¹⁸⁹ (ср. Сказание об Индийском царстве). Таким образом, авторская подборка «баснословных повестей» Ефросина Белозерского, читающаяся в сборнике КБ11, наиболее полно представляет рукописную традицию, в контексте которой бытовало «Слово о полку Игореве».

Итак, «замкнутый круг», в котором оказались исследователи Слова, на наш взгляд, начал размыкаться или хотя бы стали намечаться пути выхода из него. Выявление повторного использования Слова при создании Пространной Задонщины, с одной стороны, лишило силы текстологические аргументы А. А. Зимина, а с другой — привело к выводу о создании обеих ранних редакций Задонщины в одном книжном центре, а именно в Кирилло-Белозерском монастыре.¹⁹⁰ Следовательно, именно здесь находилась рукопись Слова (возможно, сам сборник МП или его протограф). В 1470-х годах любителем «баснословия» священноиноком Ефросином была создана

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Словарь древнерусского языка: (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 106.

¹⁸⁸ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 78 (рукопись: БАН. Собр. Архангельское. № 446).

¹⁸⁹ Книга, глаголема Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. СПб., 1878. С. 370 (Изд. ОЛДП. № 21), список 1670 года.

¹⁹⁰ Об этом без текстологической аргументации писал М. А. Шибает (Шибает М. А. «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь. С. 46—47).

Краткая редакция Задонщины, а в конце XV—начале XVI века возникла Пространная редакция, создатель которой вновь обратился к произведению о походе князя Игоря. Состав сборника МП обнаруживает родство с литературными вкусами Ефросина Белозерского и с содержанием переписанных им сборников. Из того же Кирилло-Белозерского монастыря в 1791 году сборник МП попадает к А. И. Мусину-Пушкину, на основании чего можно полагать, что на протяжении по крайней мере трех веков (конец XV—конец XVIII века) манускрипт, содержащий Слово, находился в библиотеке этой обители. Рукописи, происходящие из этого книжного центра, сейчас хранятся главным образом в двух фондах — в Софийском собрании и в собрании самого Кирилло-Белозерского монастыря (Отдел рукописей РНБ). Обе коллекции имеют лишь относительно краткие машинописные описания, выполненные Н. Н. Розовым при участии В. М. Загребина и Е. М. Шварц, и изучены пока далеко не в полной мере. А это значит, что обнаружение новых данных о Слове еще возможно.

Книга А. А. Зимина, несмотря на то что исследователь не всегда верно интерпретировал соотношение редакций и списков изучаемых произведений, в результате чего его научная мысль пошла, на наш взгляд, по ошибочному пути, обладает мощной притягательной силой. Главное в ней — стимулирующий импульс, заставляющий не принимать на веру устоявшиеся истины, пытаться «додумать мысль до конца», искать и находить новые объяснения сложных проблем, связанных с происхождением и бытованием «Слова о полку Игореве».

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© Т. Р. Руды

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К РАССКАЗУ Н. С. ЛЕСКОВА «АЛЕКСАНДРИТ»

Рассказ Н. С. Лескова «Александрит», впервые опубликованный в журнале «Новь» в январе 1885 года,¹ имеет своеобразную предысторию. 9 августа 1884 года Н. С. Лесков писал своему «литературному другу» библиофилу и коллекционеру М. И. Пыляеву:

«Уважаемый Михаил Иванович!

Во мне всегда была, — не знаю, счастливая или несчастная, — слабость увлекаться тем или другим родом искусства. Так я пристращался к иконописи, к народному песнотворчеству, к врачеванию, к реставраторству и пр. Думалось мне, что это уже и прошло, но я ошибся: разговоры с Вами и Ваша книга о „драгоценных камнях” потянули меня на новые увлечения, и как из всякого такого увлечения я всегда стремился создать нечто „обратное”, то и теперь со мною случилось то же самое.

Мне неотразимо хочется написать суеверно-фантастический рассказ, который держался бы на страсти к драгоценным камням и на соединении с этою страстью веры в их таинственное влияние. (...) Но чувствую, что мне недостает знакомства с старинными суеверными взглядами на камни, и хотел бы знать какие-нибудь *истории* из каменной торговли. На этом останавливаюсь и с этим к Вам прибегаю, как к доброму товарищу и не только дорогому литературному другу, но и к такому редкому человеку, который, помимо своих специальных знаний, понимает, что именно нужно мне для затеваемого мною баснословия вроде „Запечатленного ангела”. — Укажите мне (и поскорее, — пока горит охота), где и что именно я могу прочитать полезное в моих *беллетристических* целях о камнях вообще и о пирропах² в особенности».³

Обращение Н. С. Лескова к М. И. Пыляеву, разумеется, не было случайным: в 1877 году под эгидой Императорского Санкт-Петербургского Минералогического общества им была издана упомянутая в письме книга о драгоценных камнях, которая сразу же получила самую широкую известность.⁴ Именно эта книга, «Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление», стала для

¹ Лесков Н. Рассказы кстати. Александрит. Натуральный факт в мистическом освещении // Новь: Общедоступный иллюстрированный двухнедельный вестник современной жизни, литературы, науки, искусства и прикладных знаний. 1885. Т. 2. № 6 (15 янв.). С. 290—297. В современном комментированном издании рассказа «Александрит» в качестве года его первой публикации ошибочно указан 1884 год. См.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. / Сост. и общ. ред. В. Ю. Троицкого. М., 1989. Т. 7. С. 459. (Библиотека «Огонек»).

² Пирроп (от греч. πυρόπλον — огненно-красный цвет) — драгоценный камень красного цвета, разновидность граната. См.: Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1984. Т. 3. С. 125.

³ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. / Под общей ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. М., 1958. Т. 11. С. 291.

⁴ Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. СПб., 1877.

Н. С. Лескова источником сведений о минерале, давшем название его рассказу:⁵ александрит был открыт на уральских изумрудных коях финским минералогом Нильсом Норденшильдом⁶ 17 апреля 1834 года, в день совершеннолетия Александра II, и получил свое название в честь русского императора.⁷

Однако геммологическое исследование М. И. Пыляева было, безусловно, не единственным источником Н. С. Лескова, включившего в свой рассказ, помимо основного сюжета об александрите, сведения и о других минералах. В настоящей заметке нас, в частности, будет интересовать заключительный пассаж 8-й главы рассказа, повествующий о мистических свойствах целого ряда драгоценных камней. Приведу этот фрагмент:

«Чуть я оставался один, мне тотчас начинали припоминаться в детстве читанное путешествие Марко Поло и родные сказанья новгородцев „о камнях драгих, ко многим делам угодных”. Вспоминалось, как бывало читаешь и удивляешься, что „гранат веселит сердце человеческое и кручину отдалает и кто его при себе носит, у того речь и смысл исправляет и к людям прилюблиет”. Позже все это потеряло значение, на все эти сказания мы стали смотреть как на пустое суеверие, стали сомневаться, что „алмаз смягчить можно, помочив его в крови козлей”, что алмаз „лихие сны отгоняет”, а если к носящему его „окорм приблизить, то он потети зачнет”; что „яхонт сердце крепит, лал счастье множит, лазерь болезни унимает, изумруд очи уздорвляет; бирюза от падения с коня бережет, бечет нехорошую мысль отжигает, тумпаз кипение воды прекращает, агат непорочность девиц бережет, а безоар-камень всякий яд погашает”».⁸

Существующий на сегодня научный комментарий к цитированному фрагменту «Александрита» ограничивается отсылкой к сочинению итальянского путешественника Марко Поло («Книга Марко Поло» или «Книга, именуемая о разнообразии мира», 1298)⁹ и оставляет без внимания упомянутые автором «родные сказанья новгородцев „о камнях драгих, ко многим делам угодных”». Между тем именно эти неназванные сказания, как можно полагать, подразумевают некий средневековый текст, использованный Н. С. Лесковым в интересующем нас пассаже. Попытаемся определить этот источник.

Самым известным из легендарных мотивов, присутствующих в минералогическом фрагменте «Александрита», является распространенное в древности у различных народов представление о том, что алмаз, не будучи подвержен воздействию железа и огня, может быть размягчен с помощью единственного средства — козлиной крови. Первым письменным источником, зафиксировавшим это представле-

⁵ Н. С. Лесков указал на свой источник непосредственно в тексте рассказа. См.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. С. 396.

⁶ В современном комментарии к рассказу «Александрит» вместо Нильса Густава Норденшильда ошибочно назван его сын — доктор минералогии, исследователь Арктики, профессор Стокгольмского университета барон Адольф Эрих Норденшильд (1832—1901), родившийся лишь двумя годами ранее открытия александрита (см.: Там же. С. 460). Об Адольфе Эрихе и Нильсе Густаве Норденшильдах (Норденшельдах) см.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 41. С. 363.

⁷ См.: Пыляев М. И. Указ. соч. С. 43.

⁸ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. С. 404.

⁹ Там же. С. 461. Добавлю, что упомянутое Н. С. Лесковым «путешествие Марко Поло» содержит различные сведения о драгоценных камнях: так, в частности, 175-я глава книги включает легенду о добывании алмазов со дна глубокой пропасти с помощью орлов. См.: Плато Карпини Джованни дель. История монгалов. Рубрук Гильом де. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 329—330. Эта древняя легенда, имевшая широкое распространение у различных народов, была известна на Руси с XI века: она читается в Изборнике Святослава 1073 года, куда вошла в составе Сказания Епифания Кипрского о двенадцати драгоценных камнях на наперснике первосвященника (см.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880. Л. 153—153 об.). См. об этом: Аксентон Ю. Д. Сведения о драгоценных камнях в Изборнике Святослава 1073 г. и некоторых других памятниках // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 281—282.

ние, считается «Естественная история» Плиния Старшего (23—79 годы н. э.).¹⁰ В 37-й книге этого трактата, посвященной минералам, об алмазе среди прочего говорится: «Алмаз, сия неодолимая сила, противящаяся двум сильнейшим веществам в природе, железу и огню, разламывается от козлиной крови, и не иначе как будучи отмачиваем в свежей и теплой, но и в сем случае от многих ударов, и притом так, что разбивает еще наковальню и молоты, кроме когда они превосходного качества» (XXXVII, 15).¹¹

Этот пассаж из Плиния в течение веков многократно цитировался различными авторами, среди которых блаженный Августин, Паусаниас, Нептуналий, Солин, Сервий, Прискиан, Исидор Севильский, Теофилакт Симокатта и др.¹²

Сведения об алмазе (адаманте)¹³ книжность Древней Руси получила на самом раннем этапе своего существования из переводных памятников различных жанров. Так, из Хроники Георгия Амартола (XI век) древнерусский читатель узнавал о способности адаманта «проявлять» «хотящее быти людемъ» с помощью изменения цвета: «аще чернь будяше, то смерть, аще ли червлень будяше, то крѣви пролѣтитѣ, аще ли бѣль, премъну являющю Богу».¹⁴

В имевшем хождение на Руси славянском переводе «Физиолога», восходящем к древнейшей (александрийской) редакции памятника,¹⁵ читаются две статьи, посвященные адаманту.¹⁶ Обе они, в традициях христианской экзегезы, содержат, наряду с собственно характеристикой камня, аллегорическое его истолкование. В первой из статей, «О камени адаманитъстемъ», адамант описывается как «камень неискусный»: «Нъискусенъ же ся глаголетъ, яко вся искушаетъ»,¹⁷ — что соответствует в греческой версии пассажи: «Адамантом же называется, потому что все одолевает, сам же ничем не одолевается».¹⁸

Вторая статья, «О камени адамантине», дает этому природному феномену более пространную характеристику, включающую читающееся у Плиния свидетельство о неподверженности алмаза действию железа и огня:¹⁹ «Есть другое естество андаматину камени: тако ни железа ся боить, ни воня дымъныя приемлетъ».²⁰ Да

¹⁰ См. об этом: *Ohly F. Diamant und Bocksblut: Zur Traditions- und Auslegungsgeschichte eines Naturvorgangs von der Antike bis in die Moderne.* Berlin, 1976. S. 10. Отмечу, что Фридрих Оли, посвятивший мотиву «адамант и козлиная кровь» специальное исследование, в послесловии к своей монографии назвал рассказ «Александрит» «возможно, последним поэтическим свидетельством» знаний об этом феномене, а Н. С. Лескова — «одним из последних творческих толкователей символики драгоценных камней в Европе», замыкающим собой почти двухтысячелетнюю эпоху в истории мировой культуры (см.: *Ibid.* S. 123).

¹¹ Кая Плиния Секунда Естественная история ископаемых тел, предложенная на российский язык, в азбучном порядке и примечаниями дополненная трудами В. Севергина. СПб., 1819. С. 6.

¹² См. об этом: *Ohly F. Op. cit.* S. 9—20.

¹³ Слово *адамант* (от греч. ὀ ἀδάμας — сталь, символ крепости; позднее — алмаз) вошло в культурное сознание Древней Руси в своем позднем, переносном значении — как алмаз, обладающий исключительной твердостью, а потому не подверженный каким бы то ни было воздействиям. См.: *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. М., 1988. Т. 1. С. 74.*

¹⁴ *Истрин В. А.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянонорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1: Текст. С. 44.

¹⁵ См. об этом: *Карнеев А.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890; *Физиолог / Изд. подг. Е. И. Ванеева.* СПб., 1996. С. 6 (Литературные памятники).

¹⁶ См.: *Физиолог.* С. 31, 38.

¹⁷ Там же. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 144.

¹⁹ По наблюдениям исследователей, греческий Физиолог восходит в данном случае не непосредственно к Плинию, а к утраченной Книге камней Ксенократа, на которую, в свою очередь, опирается и Плиний. См. об этом: *Wellmann M.* *Der Physiologus. Eine religionsgeschichtlich-naturwissenschaftliche Untersuchung.* Leipzig, 1930. S. 85; *Ohly F. Op. cit.* S. 15.

²⁰ В древнерусском переводе Физиолога, как можно видеть, собственно упоминание огня в данном эпизоде оказалось опущенным (ср. в издании памятника по другому списку: Физиолог. С. 47), тогда как в греческом оригинале оно читается. Приведу соответствующий фрагмент в переводе на современный русский язык Е. И. Ванеевой: «Физиолог говорит о нем, что он не боится ни удара железом, ни жжения огнем и не вбирает запаха дыма» (Там же. С. 151).

аще в дому обрящеть ся, ни демонъ ту видеть». ²¹ Аллегорическое толкование, которым «Физиолог» сопровождает цитированный фрагмент, находится в русле святоотеческой традиции, традиционно понимающей под адамантом Христа: ²² «Адамантъи есть Господь наш Исус Христос. Да аще Его имаши въ сердци своемъ, человеце, никоеже зло не срящеть тебе николиже». ²³ Первая статья дает еще более широкое толкование, присовокупив к экзегетическому фрагменту о Христе упоминание пророков и святых: «Тако и весь ликъ пророческы и святыхъ разумъ». ²⁴

Архаический мотив неподверженности адаманта воздействию железа нашел отражение и в агиографической традиции Древней Руси. Так, в Житии Василия Блаженного при описании подвига святого читаем: «...но яко же адамантъ-камень ударяемъ не ослабляеть, ниже умягчается, и биоще его сокрушается желѣзо, тако же блаженный неуклонно подвизаяся по апостольскому учению». ²⁵

В Житии Антония Сийского, в котором уподобление святого адаманту развернуто в яркую картину, упоминание железа отсутствует, однако утверждается, что адамант способен разрушать камни: преподобный Антоний «скудости многы и недостатки в потребных со благодарениемъ терпяше и скорби от лукавых бѣсовъ, якоже бо морскыя волны о камень разбивашеся, тако и вражие коварство все от преподобнаго истребляшеся. Или твердый адамантъ и жало потребляет и камень стирает, тако и сий преподобный отецъ нашъ Антоний невидимых врагъ молитвою потребляше». ²⁶

Представление о том, что адамант-алмаз (евр. шамир) крепче камня, уходящее корнями в талмудическую письменность, нашло отражение в древнееврейском (масоретском) тексте Книги пророка Иезекииля: «Какъ алмазъ, который крѣпче камня, сдѣлалъ Я чело твое» (Иез. 3: 9). ²⁷ Рассказ об алмазе-шамире был известен древнерусским книжникам в составе цикла переводных апокрифов о царе Соломоне, бытовавшего на Руси с конца XIV—начала XV века. ²⁸

²¹ Там же. С. 38.

²² Как, например, в толковании Кирилла Александрийского на 3-е видение пророка Амоса («Сице показа ми Господь: и се, мужъ стоя на градѣ адамантини, и в руцѣ его адасам. И рече Господь къ мнѣ: что ты видиши, Амосе? И рѣхъ: адамасъ. И рече Господь къ мнѣ: се, азъ учину адамаса средѣ людей моихъ Израиля, ксему не приложу минути его» (Амос 7: 7—8)). См. об этом: A Patristic Greek Lexicon / Edited by G. W. H. Lampe. Oxford, 1991 (10-th impr.). P. 29.

²³ Физиолог. С. 38.

²⁴ Там же. С. 31.

²⁵ РНБ. Собр. ОЛДП. Ф. 48. Л. 419 об. Мотив неподверженности адаманта железу известен и в других славянских житийных традициях. Так, например, он присутствует в болгарском Житии Иоанна Рыльского: «...диамант не биваше повреден от някакво желязо» (Пространно житие и чудесата на свети Иван Рилски и чудотворната икона на пресв. Богородица «Осеновица» в Рилския манастир. София, 1994. С. 4).

²⁶ Житие Антония Сийского: Текст и словоуказатель / Сост. И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Д. Г. Демидов и др.; Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003. С. 57.

²⁷ Синаодальный перевод Книги пророка Иезекииля цит. по: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета. С иллюстрациями / Изд. премирников А. П. Лопухина. СПб., 1909. Т. 6. С. 236. О греческом переводе цитированного стиха см. комментарий издателей: «LXX читали вместо „шамир“ — „алмаз“ похожее по начертанию наречие „таמיד“ — „всегда“, а вместо „мацах“ — „лоб“ „маца“ — „ссора“: „и будет всегда крепче камни дахъ прю твою“, т. е. крепче камня будет твоя пастырско-пророческая борьба с их упорством» (Там же, прим. 9). Добавлю, что текст Острожской Библии дает в соответствующем стихе чтение «кремень»: «И будетъ всегда тверже камени, и яко кремень дахъ чело твое» (Библия, сирѣчь Книги Ветхаго и Новаго Заветѣ на языку словенску. 1581 / Фототипическое переиздание текста с издания 1581 года осуществлено под наблюдением И. В. Дергачевой по экземплярам Научной библиотеки им. А. М. Горького Московского государственного университета. М.; Л., 1988. Л. 126 второй пагинации).

²⁸ Издание текстов апокрифов о Соломоне см.: Повести и басни о царе Соломоне // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 51—71; Суды Соломона / Подгот. текста, перевод и коммент. Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 3. С. 172—191, 385—386.

Вообще, представление о неподверженности адаманта каким бы то ни было воздействиям нашло яркое отражение в поэтике агиографических текстов Древней Руси. Самое широкое распространение в житиях (чаще других — в житиях мучеников или преподобных) приобрела похвальная формула «яко твердый адамант»,²⁹ традиционно используемая для изображения твердости святого в вере или терпении, а также в сценах борьбы с бесами.³⁰ Приведу лишь один пример.

В Житии Иоанна Казанского, пострадавшего за православную веру во времена Василия III (в 1529 году), повествуется о мучении некоего пленника-нижегородца Иоанна, служившего в Казани «у дядки у царева у Али-Шукуря князя». Когда татары то уговорами, то истязаниями пытались склонить его принять мусульманство, Иоанн, «яко твердый адамантъ», остался верен Христу, за что принял мученическую смерть: «И належация ради нужи от татаръ, чтобы отвъргъся от Христа и был бы въ их вере, он же никакоже не отвържеса, но и Магмета их прокля. Они же ласканиемъ и муками многыми прещаше, он же, яко твердый адамантъ, заплева лице их и веру ихъ прокля».³¹

Отмечая необычайно широкое распространение, которое топоним адаманта получил в древнерусской книжности, следует вместе с тем констатировать, что интересующее нас представление о мистической силе козлиной крови, способной размять самый твердый из камней,³² по-видимому, пришло на Русь довольно поздно. Глухое упоминание о нем встречается, к примеру, в «Слове в неделю 27-ю», представляющем собой проповедь на евангельское чтение о «жене сляченной» (Лк. 13: 10—17).³³ Это позднее сочинение, посвященное теме сердечного «нечувствия», включает в себя обширную «вставную новеллу» об адаманте.³⁴ Говоря о том, что

²⁹ Другой вариант: «яко крепкий адамант».

³⁰ Пришедший на Русь из византийской традиции топоним адаманта является одним из самых распространенных элементов агиографической поэтики: различные его варианты присутствуют в десятках древнерусских житий, среди которых — жития Варлаама Хутынского, Евфросина Псковского, Иоанна Новгородского, Германа Соловецкого, митрополита Филиппа, Макария Унженского, Дионисия Глушицкого, Григория Пельшемского, Корнилия Комельского, Димитрия Прилуцкого, Иоасафа Каменского, Никандра Псковского, Макария Калязинского, Никиты Новгородского, Сергия Нуромского, Саввы Крыпецкого, Герасима Болдинского, Зосимы и Савватия Соловецких, Мартирия Зеленецкого, Антония Сийского, Феодора, Давида и Константина Ярославских, Иоанна Казанского, Иоанна Нового Белгородского, Василия Блаженного, Симона Юрьевецкого, Корнилия Выговского, боярыни Морозовой и др. См. об этом подробнее: *Руди Т. Р.* «Яко твердый адамант»: (о топониме адаманта в древнерусской книжности) // Символический язык христианской культуры: Сб. статей памяти С. С. Аверинцева. М., 2008 (в печати).

³¹ Цит. по: *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* «Житие Иоанна Казанского» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 364.

³² Алмаз является самым твердым природным веществом. См. об этом: *Федосеев Д. В., Новиков Н. В., Вишневский А. С., Теремецкая И. Г.* Алмаз: Справочник / Отв. ред. Н. В. Новиков. Киев, 1981. С. 49; *Рид П. Дж.* Геммологический словарь. Л., 1986. С. 14.

³³ «Слово в неделю 27-ю» известно в рукописях начиная с XVIII века. См., например: РНБ. Собр. ОЛДП. Ф. 251 (Сборник слов и поучений начала XVIII в.). Л. 28—35. В научной литературе «Слово» традиционно приписывалось перу Димитрия Ростовского и не раз публиковалось в собраниях его сочинений, однако некоторые исследователи подвергали сомнениям такую атрибуцию памятника. См.: *Шляпки И. А.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. VIII—IX, прим. 1; *Никольский А. И.* Несколько слов о житии и сочинениях святого Димитрия Ростовского // ИОРЯС. 1909. Кн. 1. С. 171. Приношу благодарность за консультацию по этому вопросу М. А. Федотовой.

³⁴ «Слово в неделю 27-ю» представляет собой своеобразное исключение в развитии темы адаманта в древнерусской книжности. В интерпретации автора памятника образ сердца из адаманта абсолютно идентичен образу «окамененного сердца», глубоко укорененному в библейской и святоотеческой традициях и имеющему исключительно отрицательные коннотации (см., например: Марк 6: 52, 8: 17, Иоан. 12: 40 и др.). В этом отношении «Слово» оказывается близко западной средневековой традиции, в которой формула «сердца из диаманта» имеет в большинстве случаев резко отрицательное наполнение: такую характеристику получают почти исключительно грешники, не способные раскаяться и смягчить свои окаменевшие сердца перед словом истины. См. об этом: *Hermann A.* Das steinharte Herz. Zur Geschichte einer Metapher // Jahrbuch für Antike und Christentum. Jahrgang 4. 1961. S. 77—107.

этот камень не поддается никаким внешним воздействиям, проповедник констатирует: «И ничтоже от жестокихъ, твердыхъ вещей его жестоты и твердыни умяхчти можетъ, кромѣ нѣкія единыя зело малыя и худыя вещи, о нейже нынѣ глаголати недосужно».³⁵

Впервые подробное изложение мотива «алмаз и козлиная кровь», как можно полагать, попало в древнерусскую книжность в составе переводных травников и лечебников («вертоградов»), появившихся на Руси не позднее XVI века, а к XVII—XVIII векам получивших широкое распространение в рукописях.³⁶ Многие из памятников этого жанра содержат в своих минералогических разделах (лапидариях) и описания алмаза-адаманта, причем сведения различных сборников не совпадают, что обусловлено разницей их источников.

Так, например, «Травник Бутурлина» 1588 года³⁷ сообщает о том, что «камень адамасъ» (в некоторых списках — «адамаскъ») обладает большей силой, если опрavlен в золото, серебро или сталь; будучи привязан к левой мышце, он помогает своему владельцу одолеть неприятеля, делает его крепким и смелым; покоряет себе всякого зверя, и т. д. Особого интереса заслуживает сообщение о том, что адамант, не подверженный воздействиям извне, может быть сокрушен только с помощью свинца: «А ничимъ ево иным не можетъ изломить, толко одному свинцу повинень».³⁸ В данном случае, как представляется, в источнике русского Травника нашел отражение иной вариант легенды об алмазе, первоначально имевший хождение на арабском Востоке и проникший на латинский Запад лишь в конце X века.³⁹

Один из древнейших русских вертоградов, переведенный в Москве в 1534 году для смертельно больного великого князя Василия III его придворным врачом из Любека Николаем Бюловым (Булевым) и получивший в научной литературе название «Травник Любчанина»,⁴⁰ содержит объемную статью об адаманте. Снабженная пространным заглавием («Адамасъ по-латынски, гогарь или зубедихъ по-арапски, диомантъ по-немецки, алмазъ по-руски»),⁴¹ она включает в себя обширные сведения о происхождении этого драгоценного камня и его свойствах. Так, по сведениям «Травника Любчанина», алмазы рождаются в некоем ручейке «в концы земли Сорочинския», которого не достиг ни один человек «кромѣ великаго царя Александра»; этот камень «цвѣтомъ подобенъ есть салу арманьяку,⁴² сирѣчь нашатырю»;

³⁵ РНБ. Собр. ОЛДП. Ф. 251. Л. 33 об.

³⁶ О жанре травников и лечебников в древнерусской письменности см., например: *Флоринский В. М.* Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетий. Казань, 1879 (на обложке 1880); *Змеев Л. Ф.* Русские врачевники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895 (Памятники древней письменности и искусства. № 12); *Груздев В. Ф.* Русские рукописные лечебники. Л., 1949; *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения древнерусской медицины. М., 1960; *Макеева И. И.* Минералогические сведения в русских памятниках XVI—XVII вв. // Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия / Отв. ред. Р. А. Симонов. М., 1988. С. 141—150, и др.

³⁷ В 1588 году этот памятник был переведен с польского языка по поручению серпуховского воеводы Ф. А. Бутурлина, по имени которого получил свое наименование в научной литературе. В свою очередь, положенный в основу «Травника Бутурлина» польский вертоград восходит к латинскому источнику, переведенному в 1423 году для воеводы Станислава Гажтовта. См.: *Зубов А.* Заметки о Травнике Троицкого воеводы Станислава Гажтовта // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 3. С. 1—27; *Змеев Л. Ф.* Указ. соч. С. 38—52; *Макеева И. И.* Указ. соч. С. 142.

³⁸ ГИМ. Епархиальное собр. № 751. Л. 346 верхней пагинации.

³⁹ См. об этом варианте мотива: *Ohly F.* Op. cit. S. 29—36.

⁴⁰ Самоназвание памятника — «Благопрохладный вертоград, здравию сотворение». См. о нем: *Исаченко Т. А.* Травник Николая Любчанина и его судьба на русской почве // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 41—42.

⁴¹ РНБ. Ф. VI. 9/2. Л. 239 библиотечной пагинации.

⁴² В других случаях имеет место иное написание: «с солию армонияковой». См.: ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 387 (1). Л. 202.

он крепче всех камней, а внутри «темнѣе цветомъ хрустала <...> но блистание от себѣ въздаеть. <...> Величество камня того болѣе не бываетъ орѣха лѣснаго, а находятъ его в странахъ арапскихъ и в кипрскихъ. <...> Аще воинъ тотъ камень алмаз на лѣвой странѣ носить или во оружии или иныхъ платияхъ, тогда опасенъ бываетъ от своихъ супостатъ, и от всякия лайбы, и свары, и от окорму, и от нахождения духовъ нечистыхъ» и т. п.⁴³

«Травник Любчанина» представляет для нас особый интерес, поскольку в нем содержится первое известное нам в русской книжности упоминание легенды об *адаманте и козлиной крови*, отразившейся в рассказе Н. С. Лескова: «Тотъ алмазъ⁴⁴ толь есть крѣпокъ, что ни огонь его не имет, ни паки иными вещами вредити его можемъ. Но точию твердость его уимет и его мякчит тѣмъ обычаемъ, но полагаемъ его в мясо козлячье, также и в кровь. Но прежде козелъ виномъ да напоенъ и петросилиевою травою⁴⁵ да накормленъ».⁴⁶

«Травник Любчанина» содержит и другие сведения о камнях, роднящие его с минералогическим пассажем «Александрита»,⁴⁷ однако проведенный анализ позволяет утверждать, что непосредственным источником Н. С. Лескова явилось не собственно сочинение Николая Бюлова, а созданная в XVII веке его дополненная редакция, получившая позднее самое широкое хождение в рукописях и известная в научной литературе как «Прохладный вертоград».⁴⁸ До недавнего времени считалось, что перевод «Прохладного вертограда» с немецкого языка был осуществлен в 1672 году подьячим Земского приказа Андреем Никифоровым (Микифоровым),⁴⁹ однако новейшее исследование называет в качестве составителя или, возможно, заказчика памятника переводчика Посьольского приказа, сына перешедшего в православие голландского промышленника Андрея Винууса.⁵⁰

Читающаяся в минералогическом разделе «Прохладного вертограда» глава об алмазе (гл. 281) в целом повторяет сведения «Травника Любчанина»: «Алмазъ камень цвѣтомъ подобенъ нашатырю, а внутри темнѣе хрустала, но блистание отъ себя издаеть, а крѣпостию таковъ, крѣпокъ и твердъ, что и въ огнѣ не сгоритъ и

⁴³ РНБ. Ф. VI. 9/2. Л. 239—240 об.

⁴⁴ Исправлено; в рукописи ошибочно — «алмалъ».

⁴⁵ Петросилиевая трава — петрушка (Petroselinum). См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1989. Вып. 15. С. 30.

⁴⁶ РНБ. Ф. VI. 9/2. Л. 239 об.

⁴⁷ Так, например, о гранате здесь говорится: «Тотъ камень обвеселит сердце челоувѣческое и уныние отгонит. <...> Аще кто его при себѣ носить, тотъ благоугоденъ и любимъ от людей бываетъ» (РНБ. Ф. VI. 9/2. Л. 289). Ср. у Лескова: «гранат веселит сердце челоувѣческое и кручину отдаляет и кто его при себе носит, у того речь и смысл исправляет и к людям прилбляет» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. С. 404).

⁴⁸ См. исследование и комментированное издание памятника: Книга глаголемая «Прохладный вертоград» / Сост., предисл., вступ. статья, переводы, комм. Т. А. Исаченко. М., 1997. Первое издание «Прохладного вертограда» см.: *Флоринский В. М.* Указ. соч. С. 17—195.

⁴⁹ См.: *Каган М. Д.* Андрей Никифоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А—З). С. 84—86.

⁵⁰ См. об этом: Книга глаголемая «Прохладный вертоград». С. 11—12.

⁵¹ По мнению исследовавшей памятник Т. А. Исаченко, «в состав „Прохладного вертограда“ раздел о камнях вошел не из „Травника Любчанина“, как это можно было бы предположить, исследуя археографию списков, а из „Травника Бутурлина“» (Книга глаголемая «Прохладный вертоград». С. 360). Однако обращение к главе об алмазе в составе «Прохладного вертограда», как можно видеть, свидетельствует, что в ее основу были положены сведения «Травника Любчанина», отсутствующие в «Травнике Бутурлина». Это наблюдение заставляет признать не вполне корректным высказанное Т. А. Исаченко мнение об источнике минералогического раздела «Прохладного вертограда», но подтверждает другой вывод исследовательницы, сделанный ею в отношении памятника в целом: «Парадный список „Благопрохладного вертограда“ (самоназвание «Травника Любчанина». — Т. П.) <...> послужил основой для составления в XVII веке нескольких лечебников, в том числе нашего, сохранившего прежнее название книги „Прохладный вертоград“» (Там же. С. 9).

иными вещми не можетъ вредитися; но точию его твердость мягчить⁵² тѣмъ обычаемъ: полагаемъ въ мясо и въ кровь козлячю, но прежде тотъ козелъ напоенъ виномъ и петросилиевою травою накормленъ».⁵³ Тот же мотив нашел отражение и еще в одной из глав «Прохладного вертограда» — в главе «О козле» (гл. 58), входящей в раздел «О звѣрехъ дикихъ и домовыхъ»: «Прирожение козловое таково есть горячо, что камень алмазь, которого ни огонь, ни желѣзо не может одолѣти, а кровь козлова тот камень отмяхает».⁵⁴ Такое дублирование сообщения об адаманте и козлиной крови восходит к Исидору Севильскому (ок. 560—636), который в своем энциклопедическом трактате «Этимологии» впервые дважды поместил сведения о способе размягчения адаманта — в Книге о животных и в Книге о камнях».⁵⁵

Утверждать, что именно «Прохладный вертоград» стал источником геммологического пассажа 8-й главы «Александрита», позволяют несколько обстоятельств.

Во-первых, именно в этом типе травников минералогический раздел памятника получил заглавие «О каменѣхъ драгихъ и ко многимъ дѣламъ угодныхъ и о силѣ ихъ»,⁵⁶ которое впоследствии почти целиком было воспроизведено Н. С. Лесковым в его рассказе («о камняхъ драгихъ, ко многимъ деламъ угодныхъ»). В Травнике же Любчанина соответствующий раздел имеет громоздкое наименование, почти не имеющее совпадений с лесковским: «Здѣ начинается бесѣда о драгихъ каменехъ, сирѣчь о бисерехъ, такоже и о иныхъ многихъ каменехъ, такоже и о металѣхъ, такоже и о арсѣхъ или менерехъ, сирѣчь о мѣди обычной и о красной, и о рудахъ, и о золотыхъ, и о серебряныхъ, и о желѣзныхъ, и о всѣхъ прочихъ тако-выхъ».⁵⁷

Во-вторых, все сведения об одиннадцати камнях, приведенные Н. С. Лесковым в основном в виде цитат, находят параллели (содержательные, а часто и текстовые) в «Прохладном вертограде». Приведу в сопоставлении комментируемый пассаж «Александрита» и фрагменты соответствующих глав «Вертограда».

Н. С. Лесков. «Александрит»⁵⁸

1. «гранатъ веселитъ сердце человеческое и кручину отдалает и кто его при себе носит, у того речь и смыслъ исправляет и к людям прилюбяет»;

«Прохладный вертоград»⁵⁹

Глава 291. «О гранатѣ или о винистѣ»: «Гранатъ, а по-русски виниса камень, веселитъ сердце человѣческое и кручину удаляетъ. Тотъ же камень, кто его во ртѣ носитъ, и у того человѣка рѣчь и смыслъ къ судебнымъ дѣламъ направляетъ. Тотъ же камень, кто его при себѣ носитъ, и того человѣка къ людемъ прилюбяетъ» (с. 156).

⁵² В некоторых рукописях имеет место чтение «мягчим». См., например: РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1682. Л. 234.

⁵³ Цит. по: Флоринский В. М. Указ. соч. С. 152.

⁵⁴ Глава «О козле» цитируется по рукописи: РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1682 (Л. 91—91 об.), — поскольку в издании В. М. Флоринского в настоящем фрагменте имеет место порча текста: вместо «отмяхает» здесь читается «отягчаетъ» (см.: Флоринский В. М. Указ. соч. С. 53).

⁵⁵ См.: Lindsay W. M. (Ed.). Isidori Hispalensis Episcopi Etimologiarum sive Originum Libri XX. Oxford, 1962. См. об этом: Ohly F. Op. cit. S. 13—14.

⁵⁶ Флоринский В. М. Указ. соч. С. 152.

⁵⁷ РНБ. Ф. VI. 9/2. Л. 239.

⁵⁸ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 7. С. 404.

⁵⁹ Флоринский В. М. Указ. соч. С. 17—195.

2. «„алмаз смягчить можно, помочив его в крови козлей” (...) алмаз „лихие сны отгоняет”, а если к носящему его „окорм приблизить, то он потети зачнет”»;

3. «яхонт⁶⁰ сердце крепит»;

4. «лал⁶¹ счастье множит»;

5. «лазорь⁶² болезни унимает»;

6. «изумруд очи уздорвляет»;

7. «бирюза от падения с коня берет»;

8. «бечет⁶³ нехорошую мысль отжигает»;

9. «тумпаз⁶⁴ кипение воды прекращает»;

10. «агат непорочность девиц берет»;

Глава 281. «О алмазѣ»: «Алмазъ (...) его твердость *мьгчитъ* тѣмъ обычаемъ: полагаемъ въ мясо и *въ кровь козлячью*. (...) Тотъ же алмазъ, кто его *при себѣ носитъ*, грежение (грезы) и *сны лихие отгоняетъ*. Тотъ же алмазъ *окормъ* смертный объявить, аще къ тому камению *приблизится, то потѣти начнетъ*» (с. 152).

Глава 282. «О яхонтѣ черленомѣ»: «А кто тотъ *яхонтъ* носить въ перстнѣ при себѣ, тотъ и *скрѣпитъ сердце* свое» (с. 153).

Глава 283. «О лалѣ»: «Камень *лалъ* (...) всякое *счастье размножаетъ*» (с. 153).

Глава 284. «О яхонтѣ лазоревомѣ»: «Яхонтъ *лазоревый* (...) животныя *болѣзни усмиряетъ*» (с. 153).

Глава 285. «О изъмрудѣ»: «Аще кто на *измрудѣ* часто зреть, тогда (...) *очи* отъ прилучающихся недуговъ *во здравии сохраняетъ*» (с. 154).

Глава 286. «О берюзѣ»: «А коли *человѣкъ съ коня спадетъ, тотъ камень* сохраняетъ его *отъ разшибѣнныя*» (с. 154).

Глава 287. «О бечетѣ»: «*Бечета* (...) *неподобныя мысли отгоняетъ*» (с. 155).

Глава 289. «О тумпазѣ»: «Войтехъ мудрецъ пишетъ, коли *тумпазъ въ кипящую воду положишь, то вода кипѣти перестанетъ* и назадъ его можешь *голою рукою вынять*» (с. 155).

Глава 292. «О агатисѣ»: «*Тотъ же камень положити въ воду и дати мокнути три дни*. (...) Ту же воду дать пити *дѣвицѣ* для обличения нечистоты ея, и какъ выпьетъ, то не у чистыя *дѣвицы* не удержится, тотъ часъ на низъ *изойдетъ* та вода, а только *дѣвица непорочна*, то *укрѣпится* и не *изойдетъ* вода» (с. 156).

⁶⁰ Яхонт — старинное название рубина и сапфира. См.: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 786.

⁶¹ Лал — благородная шпинель (драгоценный камень, по цвету близкий к рубину, но уступающий ему по твердости и блеску). См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 167.

⁶² Имеется в виду *яхонт лазоревый* (ср. соответствующее чтение в «Прохладном вертограде»), т. е. сапфир (см. прим. 60).

⁶³ Бечет — драгоценный камень, род рубина. См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. С. 183.

⁶⁴ Т. е. топаз — минерал различных цветов из группы силикатов, отдельные кристаллы которого, прозрачные и блестящие, употребляются как драгоценные камни. См.: Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. С. 382.

11. «безоар-камень⁶⁵ всякий яд погашает».

Глава 296. «О безарѣ»: «*Безарѣ камень* (...) аще кто его выпьетъ золотникъ безъ четверти, тогда *погашаетъ всякий ядъ*» (с. 158—159).

В-третьих, порядок упоминания камней в рассказе Н. С. Лескова повторяет последовательность соответствующих глав «Прохладного вертограда».⁶⁶ Как можно видеть из приведенной таблицы, основной блок в перечне камней в «Александрите» — от алмаза до бечета — сохраняет последовательный порядок глав «Вертограда»: от 281-й до 287-й. Последующие главы — 289, 292 и 296-я — также сохраняют очередность их следования в источнике, за вычетом неиспользованных статей.⁶⁷ Расположение «вне ряда», в самом начале пассажа, главы 291 («О гранатѣ или о винисѣ») объясняется особой ролью темы *граната* в творческом замысле писателя: именно этому камню Н. С. Лесков первоначально предполагал посвятить свою повесть, которая должна была носить название «Огненный гранат».⁶⁸

Приведенные текстологические аргументы, которые, как представляется, являются убедительным свидетельством того, что источником минералогического пассажа «Александрита» послужил именно текст «Прохладного вертограда», могут быть дополнены еще одним немаловажным обстоятельством: существует безусловное свидетельство того, что Н. С. Лесков был знаком с текстом этого средневекового лечебника. В повести «Несмертельный Голован», опубликованной за 5 лет до «Александрита»,⁶⁹ писатель прямо упомянул «Прохладный вертоград», сославшись на него при описании морового поветрия: «Было в Орле обычное лихолетье, а в феврале на день св. Агафьи Коровницы по деревням, как надо, побежала „коровья смерть“. Шло это, яко тому обычай есть и как пишется в универсальной книге, иже глаголется *Прохладный вертоград*: „Как лето сканчевается, а осень приближается, тогда вскоре моровое поветрие начинается“».⁷⁰

Примечательно, что незадолго до создания «Несмертельного Голована», в 1879 году, текст «Прохладного вертограда» был опубликован профессором Казанского университета В. М. Флоринским в составе его исследования, посвященного «простонародным травникам и лечебникам».⁷¹ Вряд ли приходится сомневаться, что именно по этому изданию Н. С. Лесков мог познакомиться с текстом популярного переводного лечебника, который впоследствии не однажды использовал в своих произведениях: в 1880 году он послужил источником «Несмертельного Голована»,⁷² а спустя пять лет нашел отражение в «Александрите». В связи с этим можно сделать еще одно, заключительное, замечание: предварающая минералогический

⁶⁵ Безоар — окаменелое вещество, находимое в желудках диких козлов и других животных, считавшееся лечебным средством. См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. С. 121.

⁶⁶ Отмечу в скобках, что минералогические статьи «Травника Любчанина» расположены по алфавитному принципу, причем глава об *адманте* вынесена в нем на первое место («Адамась», «Агатесь», «Алабантла», «Алабастритесь», «Аллекториюсь» и т. д.). См.: РНБ. Ф. VI. 9/2. Л. 239 и далее.

⁶⁷ Глава 288: «О аметисте», 290-я: «О балагиусе», 293-я: «О аспиде», 294-я: «О хрустале», 295-я: «О магните». См.: Книга глаголемая «Прохладный вертоград». С. 61.

⁶⁸ См. об этом в упомянутом ранее письме Н. С. Лескова М. И. Пыляеву от 9 августа 1884 года.

⁶⁹ См.: Исторический вестник. 1880. № 12. С. 641—678.

⁷⁰ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. С. 362.

⁷¹ Флоринский В. М. Указ. соч. С. 17—195.

⁷² На это обстоятельство указал более 50-ти лет назад С. А. Рейсер. См.: Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 6. С. 659. Следует вместе с тем отметить, что комментарий, которым исследователь сопроводил ссылку на «Прохладный вертоград» («рукописный лечебник, переведенный с польского в конце XVII века Симеоном Полоцким для царевны Софии»), нельзя признать корректным.

пассаж «Александрита» фраза о «родных сказаниях новгородцев» должна, по-видимому, расцениваться не как отсылка к неким фольклорным текстам новгородского происхождения (для этого нет никаких оснований), а как указание на легендарный характер использованного писателем источника, каковым явился перводной лечебник XVII века «Прохладный вертоград».

© О. Л. Фетисенко

К. ЛЕОНТЬЕВ И ИВ. АКСАКОВ О ДВУХ ТИПАХ ХРИСТИАНСТВА

Петровским постом 1874 года из Турции возвратился вышедший в отставку дипломат — прослуживший там десять лет прозаик и публицист Константин Николаевич Леонтьев. Навестив в Москве М. Н. Каткова, в журнале которого «Русский вестник» в последние годы печатался, он уехал в свое калужское имение Кудиново. У него были рекомендательные письма к князю В. А. Черкасскому и княгине Н. Б. Трубецкой, но летом их застать в столице было невозможно. Осенью Леонтьев снова в Москве — в надежде сблизиться со славянофильским кругом (в частности, он рассчитывал на помощь в издании его книги «Византизм и славянство»).

Черкасский еще не приехал, и Леонтьев решил возобновить знакомство с И. С. Аксаковым. А знакомство это восходило к очень давним временам. Гимназистом (в середине 1840-х годов) Леонтьев встречал чиновника калужской Уголовной палаты Аксакова в доме своих дальних родственников Унковских и «смотрел на него с большим почтением, хотя ничего не прочел из его сочинений». В сентябре 1856 года они «случайно встретились в Крыму в Тамаке, в имении Иосифа Ник(олаевича) Шатилова, и провели вместе там дня три».¹ Мог Леонтьев напомнить и о своих неудачных, правда, попытках в 1862 году стать корреспондентом издававшейся Аксаковым газеты «День».²

Аксаков, поднятый неожиданным визитером буквально из-за обеденного стола, встретил гостя неприветливо, но, услышав, что перед ним автор статей о панславизме (они были подписаны в «Русском вестнике» псевдонимом «Н. Константинов»), сразу переменяет тон. Представляя затем Леонтьева завсегдатаем своих «четвергов», он все повторял: «Тот самый Константинов...»³ Такой прием окрылил Леонтьева, который именно и ожидал встретить в славянофильском кружке неких «старших братьев», рассчитывая при этом «на всякую от них помощь» (61, 95).⁴

Но вышло не то. «Меж ними все рождено споры»: и греко-болгарский вопрос (Аксаков, сначала с одобрением читавший «Византизм...», был возмущен, дойдя

¹ Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб., 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 90. Далее ссылки на это издание даются в тексте, в скобках указываются том и страница.

² Подробнее об истории взаимоотношений Леонтьева и Аксакова см.: Фетисенко О. Л. Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». П. И. Аксаков и К. Леонтьев // Русская литература. 2006. № 2. С. 146—160.

³ Ср. в записках Леонтьева «Моя литературная судьба»: «Он со всеми знакомил меня, говоря: „Такой-то, бывший 10 лет консулом в Турции, тот самый, который... «Панславизм и греки» под именем «Константинова»... И опять... „Такой-то. «Панславизм и греки»... Консул в Турции... Константинов»» (61, 103).

⁴ Ср.: «...на Славянофилов я надеялся как на своих, как на отцов, на старших и благородных родственников, должествующих радоваться, что младшие развивают дальше и дальше их учение...» (Там же. С. 106).

до «болгарских» глав), и — особенно — дело игуменьи Митрофании (Розен). Осенью 1874 года как раз завершался этот на шумевший судебный процесс. Резкая (и, заметим, говорившая по-русски с сильным немецким акцентом⁵) Анна Федоровна Аксакова вскричала, услышав, как Леонтьев защищает игуменью, подделывавшую векселя в пользу своей общины: «Так вам нравится *подлость?*» — «Да! Я иезуитов предпочитаю либералам», — отвечал Константин Николаевич.⁶

Был и еще один повод для разобщения: некоторая «официозность» леонтьевского направления. Ее иронично подчеркивал князь Черкасский в разговорах на первом аксаковском «четверге», который посетил Леонтьев: «Итак, славяне, по-вашему, для нас опасны, а греки — наши естественные союзники. — С точки зрения Правительства нашего, вы правы; оттого-то ваша статья понравилась им в Петербурге» (6₁, 104).⁷

И вот тогда же, осенью 1874 года, Леонтьев поселился на положении послушника в Николо-Угрешском монастыре, куда был приглашен настоятелем, архимандритом Пименом (Мясниковым). Приехав, вероятно, в конце ноября—начале декабря по делам в Москву, он по обыкновению навестил Аксакова, где застал и издателя «Современных известий» Н. П. Гилярова-Платонова. Леонтьев был в подрянике, что неприятно поразило Аксакова. «Аксаков, который принимал меня прекрасно, пока я был *мирским*, стал хуже, когда я зашел к нему монахом», — рассказывал Леонтьев позднее оптинскому старцу Амвросию об этой встрече (6₁, 239). В тот именно вечер и состоялся знаменательный разговор, после которого, как вспоминал Леонтьев, на него начали смотреть как на «шпиона или безумца». Через два года Аксаков в письме к Т. И. Филиппову скажет: «Бывший консул Леонтьев, теперь полусумасшедший...»⁸

Леонтьев хорошо запомнил одну фразу, прозвучавшую в том разговоре, поставившем точки над «и». С небольшими разночтениями он привел ее в записках «Моя литературная судьба» (1875) и позднее — в адресованной старцу Амвросию Оптинскому «Моей исповеди» (декабрь 1878-го). В обобщенном виде ее можно передать так: Герцен и Гамбетта — больше христиане, чем митрополит Филарет.⁹

Приведем сначала цитату из записок Леонтьева: «Бог и духовники мои пусть судят, кто из нас *лично* более Христианин: я или Ив(ан) Сергеевич. Я знаю только то, что я не позволяю себе вносить ничего *своего* в Церковное учение и готов подчиняться всему, что велит духовенство, призванное по слову самого Христа *вязать и решать нас*.¹⁰

До *нравственных* качеств моих духовных начальников мне почти и дела нет, когда я для духовного совета или подчиняюсь их распоряжениям, а Аксаков говорит, что для него Филарет не был *авторитетом*, что Герцен и *Гамбетта* для него

⁵ См.: Соловьев Вл. С. Из воспоминаний. Аксаковы // Книжки Недели. 1901. Янв. С. 8.

⁶ См.: Русская литература. 2006. № 2. С. 153. Ср. о характере А. Ф. Аксаковой: «Я никогда в жизни не видал более раздражительного, резкого и вспыльчивого существа. Она не сердилась, а как-то вдруг вся загоралась и начинала „бросать огонь и пламя“, по французскому выражению. Иногда это происходило по совершенным пустякам, но большею частью в основе здесь лежало нравственное негодование. Потому что Анна Федоровна была полна нравственной безразличности, которую вообще нисколько не скрывала, а при всяком заметном поводе эта безразличность выражалась в яростных вспышках» (Соловьев Вл. С. Из воспоминаний. Аксаковы. С. 9).

⁷ Ср. с позднейшим воспоминанием Леонтьева об этом разговоре: «Кн. Черкасский сказал мне, что он собрался возражать — но не было такого органа. — „А Прав(ительству) — Петербург(скому) вы, конечно, этим очень угодили“, — прибавил он (на вечере у Аксакова в 74 году)» (7₂, 607).

⁸ Иван Аксаков и «фанатики-фанариоты». I. Переписка И. С. Аксакова и Т. И. Филиппова (1870—1885) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2006. № 1. С. 132.

⁹ Речь идет о св. Филарете, митрополите Московском. Леон-Мишель Гамбетта (1838—1882) — французский государственный деятель.

¹⁰ Ср.: Мф. 16: 19; 18: 18.

более Христиане, чем, напр(имер), нынешний Московский Епископ Леонид. Хорошо Православие!» (61, 111).¹¹

В процитированном фрагменте имя митрополита Филарета названо в ином контексте, скорее всего, потому, что Леонтьев не исключал возможности напечатать свои записки. Леонид (Краснопевков; 1817—1876), епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, впоследствии архиепископ Ярославский и Ростовский, упомянут в разговоре, вероятнее всего, как близкий друг угрешского настоятеля, архимандрита Пимена.

Сравните в «Моей исповеди»: «А когда он и Гиляров сказали, что для них Гамбетта и Герцен больше христиане, чем Филарет и Леонид (Епископ), то я с жаром стал говорить против этого, и все от меня отшатнулись, как от *шпиона* или безумца! — Итак, миряне гнали за то, что я монах, и за то, что не стыдись защищаю правильные взгляды на Церковь...» (61, 239).

Любопытно, что московский спор встраивается в парадигму, открытую в русской словесности знаменитым письмом В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю (1848). «Овеянный Афоном»¹² Леонтьев, подобно Гоголю (паломнику в Святую Землю), занимает в споре явно оборонительную позицию, а Герцен и Гамбетта в обличительной речи Аксакова встают на место Вольтера. Напомним, что говорилось о французском просветителе у Белинского: «...какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа (<...>) нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи, восточные и западные. Неужели Вы этого не знаете? (<...>) ...кому тяжко зрелище угнетения чуждых ему людей, — тот носит Христа в груди своей и тому незачем ходить пешком в Иерусалим».¹³

Для Леонтьева помянутые Аксаковым Герцен и Гамбетта — это значимые имена, только он никогда не соединил бы их. К Герцену у него особое отношение. Герцен — это московский барин (как и славянофилы),¹⁴ «специалист по части жизненной, реальной эстетики, эксперт по части изящества и выразительности самой жизни»,¹⁵ увлекшийся социализмом, но изживший свое увлечение, испытав эстетическое отвращение (Леонтьев называет его «аристократической брезгливостью») к «среднему европейцу» и к рабочему, который «ничего больше не желает, как стать поскорее (<...> самому *мелким буржуа*» (81, 182).¹⁶

Можно сказать, что с конца 1860-х годов Герцен — любимец Леонтьева. «Былое и думы», по свидетельству племянницы писателя, М. В. Леонтьевой, — одна из его настольных книг, наравне с «Россией и Европой» Н. Я. Данилевского.¹⁷ А Ле-

¹¹ Ниже Леонтьев приводит слова их с Аксаковым общего знакомого, публициста П. Д. Голохвастова: «Черкасский человек очень хитрый (<...>). А Иван Аксаков... я не знаю как сказать... Странно было бы такого человека назвать *глупым*, — однако я не нахожу другого слова... Просто перейдя за известную черту, — он становится глуп» (61, 111).

¹² Ср. 61, 266.

¹³ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. X. С. 214—215, 218.

¹⁴ Ср. с высказыванием Леонтьева о старших славянофилах: «...русские *дворяне*, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, *европеизмом пресыщенные*, благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта» (71, 546). «Московским барин» Леонтьев назвал Герцена в статье «Плоды национальных движений на Православном Востоке» (1889) (81, 561).

¹⁵ Так называет его Леонтьев в незавершенной статье «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (81, 182). А в позднейшей работе («Национальная политика как орудие всемирного разрушения») он заметит: «...у Герцена все, что касается политики — бредни; но все, что касается *жизни* — прекрасно» (81, 509).

¹⁶ Ср. здесь же: «Герцену, как гениальному эстетике 40-х годов, претил прежде всего самый образ этой средней европейской фигуры в цилиндре и сюртучной паре (<...> в груди не носящей другого идеала, кроме претворения всех и вся в нечто себе подобное и *с виду даже неслышанно прозаическое* (еще со времен каменного периода!)» (Там же).

¹⁷ «...Кроме Данилевского, читали мы еще Герцена — наслаждались остроумием, блеском и теплотой в его „Былое и думы“» (62, 89).

он-Мишель Гамбетта для автора «Византизма и славянства» является воплощением «европейца будущего»,¹⁸ «среднего европейца». Он стоит для него в том же ряду, что Дж. Брайт, Р. Вирхов, Ж. Гриви,¹⁹ Э. де Жирарден, Л.-А. Тьер, Ж. Фавр и, продолжим ряд, — русские «средние европейцы» Ф. Н. Плевако, А. В. Лохвицкий или защитник Веры Засулич П. А. Александров.²⁰ Адвокатов Леонтьев не терпел, а Гамбетта был из этой породы. «...Мы постичь не можем, — писал «русский Ницше» в бытность помощником редактора «Варшавского дневника» в одной из передовых статей, — „дурной вкус” либеральной Франции, предпочитающей теперь Гамбетту и Гриви родовым своим Королям и избранным Цезарям...

Александровы, Гриви или Гамбетты (это ведь все равно) хороши на своем месте, когда нам нужно выиграть процесс... И только!..» (72, 18).²¹

Восстанавливая в 1884 году место, изъятые при первой публикации «Византизма и славянства» как не понравившееся Аксакову своим «языческим» аристократизмом, Леонтьев заменил длинный ряд имен, олицетворяющий буржуазность,²² всего двумя — Гамбетты и Руместана, объединив действующего политика с литературным героем.²³

Имя Гамбетты возникает в статьях Леонтьева всякий раз, когда ему нужно уязвить либералов (особенно из числа «братьев-славян», так спешащих слиться со «все-Европой».)²⁴ Так, упоминая болгарского «прогрессиста» Л. Каравелова, он замечает в скобках: «вероятно, что-нибудь беспокойное и наглое вроде Гамбетты» (71, 541). Но этот пример относится уже к 1879 году, а в сентябре 1874-го Аксакова позабавило сравнение с французским премьером другого болгарского деятеля, старого Христо Топчилештова. Леонтьев назвал его «соединением Собакевича с Гамбеттой», и Аксаков «много смеялся этому».²⁵ Образ так понравился Аксакову, что

¹⁸ Ср.: Там же. С. 337.

¹⁹ О Гриви, между прочим, Леонтьев в 1882 году выразился так: «...Гриви, который весь есть не что иное, как самое чистое проявление „честной” европейской плоскости!» (81, 54).

²⁰ Обычно он и поминает либеральных деятелей целым списком. Ср.: «...Лохвицкие, Максимовы, Краевские, Плевако (которых одно имя уже внушает омерзение)... и т. п. люди» (61, 102; коммент. см.: 62, 336—337). Особенно доставалось, как нетрудно догадаться, Ф. Н. Плевако. Ведь слова «внушает омерзение» относятся, несомненно, к его неблагозвучной фамилии. В ту пору Леонтьев был очень резок, а в период подготовки отдельного издания своих статей, в 1884—1885 годах, он старался убрать все подобные «личности», как тогда выражались. В случае же с Плевако кажется, что, внося правку, он действовал не из христианских, например, соображений, а просто желал очистить свою книгу от самого упоминания этой «омерзительной» для него фамилии. Так, и в одной из статей «Варшавского дневника» он исправил «в европейских речах всяких Плевак и Александровых» на «в европейских речах каких-нибудь Александровых» (см.: 72, 14, 448). В другой статье, цитата из нее приведена далее, он заменил «Плеваки или Гамбетты» на «Александровы, Гриви или Гамбетты» (Там же. С. 18, 450), а еще дальше вместо «Плевак» помянул «Бильбасовых» (Там же. С. 47, 458).

²¹ Ср. в одной из статей цикла «Записки отшельника»: «...горе тому обществу, в котором первенствуют „софист и ритор” (профессор и адвокат)...» (81, 300). На смерть Гамбетты Леонтьев откликнулся статьей «Гамбетта, Скобелев и Бисмарк» в цикле «Письма о Восточных делах» (1882). См.: Там же. С. 75—82.

²² Его можно найти в записках «Моя литературная судьба» (61, 112).

²³ См.: 61, 112—113; 71, 406; 72, 404, 704—705. Нума Руместан — главный герой одноименного романа А. Доде.

²⁴ Ср.: «Сельский болгарин немногим болсложнее в мыслях своих, в быте, в потребностях, в идеале, чем первобытный болгарин времен Симеона и Самуила; а его племянник, сын, брат, побывавший в Царьграде, Одессе, Вене или Николаеве, по мыслям, по идеалу и т. д. нечто вроде последователя Гамбетты, конечно, несколько грубый, малословный, не имеющий за спиной своей влияния великого и цветущего прошедшего» (71, 477). Вот другой пример, где Гамбетта упомянут в длинном перечислении родственных ему политиков: «...из болгар, из сербов, из греков и румын „вытравить” Ласкера, Вирхова, Брайта, Гладстона, Гамбетту и Эмиля Жирардена — еще много труднее!» (81, 42). См. также: 71, 520, 548.

²⁵ В «Моей литературной судьбе» Леонтьев передает этот разговор с Аксаковым (61, 93).

он помнил его и через два года и передал в письме к Филиппову, правда перепутав имя «виновника» сравнения.²⁶

При всем при том Леонтьев не отказывал так не любимому им французскому политику в природных дарованиях. В одной из поздних статей («Национальная политика как орудие всемирной революции», 1888) он, между прочим, обмолвился: «Мы видели, как паутина *демократической легальности* запутала еще недавно даровитого и смелого Гамбетту» (81, 515).²⁷ А до этого, в «Письмах о Восточных делах», даже противопоставил внешность Гамбетты (известно, как важна для Леонтьева внешность!) «ничтожным» лицам буржуа, генералов и политиков «новой Франции».²⁸

Нельзя обойти стороной участие в споре о Филарете, Гамбетте и Герцене крупного деятеля славянофильского направления Гилярова-Платонова. Ведь вполне возможно, что имя автора «Былого и дум» было названо именно этим собеседником. Еще в январе 1872 года в передовой статье «Современных известий», посвященной проблеме народности в религии, Гиляров-Платонов сказал о Герцене: «В Герцене слышите вы не только русского, но и православного, хотя он атеист».²⁹ А в одном из его писем содержится крайне любопытное высказывание на тему «кто христианин», где в качестве примера приводится все тот же Герцен: «Есть двоякого рода катехизис, — 1, личный и 2, так сказать, общественный. В личных верованиях и идеалах копать непристойно. Это неприкосновенность, святыня, и личные верования очень редко сходятся с общественными клеймами, под которыми они значатся. Герцен был атеист в публицистике, но в глубине души был христианин, сам того не подозревая. Другой именуется христианином, а в душе атеист, и так далее».³⁰

От разговора о том, кто «больше христианин», нити протягиваются даже до лекции Вл. С. Соловьева «Об упадке средневекового миросозерцания» (1891), в обсуждении которой Леонтьев успел принять участие. Там ведь тоже шла речь о расширении границ Церкви до включения в них тех, кто, отрицая бытие Божие, спасается делами.

В «Моей литературной судьбе» Леонтьев так объяснял суть своих расхождений с Аксаковым и его кругом: «...я (...) понял, что и на почве государственной, чисто политической, и даже (...) на почве Церковной я со слишком либеральными московскими Славянофилами никогда не сойдуся. Ибо я убедился и узрел очами своими, что если снять с них пестрый бархат и парчу бытовых идеалов, то окажется под этим прирощенное к телу их обыкновенное серое, буржуазное либеральничанье, ничем существенным от западного *эгалитарного сводопоклонства не различающееся*» (61, 97—98).³¹

²⁶ «Бывший консул Леонтьев, теперь полусумасшедший, очень остроумно выразился мне однажды, говоря про известного болгарина, доктора Чумакова, что это „соединение Собакевича с Гамбеттой“. Можно бы даже, вместо Гамбетты, взять № ниже» (Русская литература. 2006. № 1. С. 132).

²⁷ Чуть дальше в этой же статье признается и «сила характера» Гамбетты (81, 534).

²⁸ См.: Там же. С. 96.

²⁹ *Гиляров-Платонов Н. П.* Вопросы веры и Церкви: В 2 т. М., 1906. Т. 2. С. 373. См. также с. 382—383.

³⁰ Письмо к А. М. Гальперсон, предположительно датированное началом 1883 года (ИРЛИ. Ф. 71. Ед. хр. 53. № 2). Л. 24 об.).

³¹ К этой же образности Леонтьев прибегнет в одной из поздних своих статей: «Государь Николай Павлович чувствовал, что под *баярским русским кафтаном* московских мыслителей кроется обыкновенная блуза западной демагогии. „Кроется“ — не в том смысле, что они, эти славянофилы, *преднамеренно и лукаво* сами скрывают ее. Вовсе нет! Но в том смысле, что *они не сознают на себе присутствия этой западной блузы*» (81, 579).

* * *

Но почему — Филарет?

Московский святитель, естественно, в глазах Аксакова был «ответчиком» за все, что не устраивало в Православии, называемом «официальным», «историческим», «казенным».³² В письмах Аксакова Филарет упоминается именно в таком контексте (часто в паре с другим иерархом — Иннокентием Херсонским). «Признайте за каждым человеком право вещать <...> — пишет он отцу 18 января 1847 года, обсуждая гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями». — Отчего одному Филарету или Иннокентию можно писать проповеди, которыми всякий восхищается, но которым не всегда верят и не всегда следуют, потому что проповеди их слово не приобретенное жизнью, не выстраданное, не выведенное как результат долгого душевного воспитания. Гоголь мне ближе. Он действует не ex officio,³³ он в таком же был положении, как и я».³⁴ В письме к А. И. Кошелеву от 8 декабря 1853 года Аксаков замечает, что «уже видел многих (и именно в Петербурге), обращенных к христианству чтением „La case de l'oncle Tom”,³⁵ и не видал еще ни одного, обращенного проповедями Филарета». «Филарет весь живет и движется³⁶ под условиями этой исторической церкви, — продолжает Аксаков, — его проповеди — не живое слово личности, проникнутой искренним убеждением и горячею любовью, а Meisterstüke официального витии».³⁷

Между прочим, оппозиция «Филарет — Герцен» возникла в славянофильских дискуссиях еще в середине 1850-х годов, в пору издания «Русской беседы». Митрополит Филарет в 1855 году дал через Т. И. Филиппова свое благословение на издание этого журнала. И если для соредакторов (Кошелева и Филиппова) это было радостным событием (вместе они получили в Оптиной пустыни еще и благословение старца Макария), то в семье Аксаковых, возможно, не стало поводом для энтузиазма. Ведь даже И. В. Киреевскому здесь лишь снисходительно прощали его жизнь в послушании оптинскому старцу и никак не участвовали в его сотрудничестве с митрополитом Филаретом в деле переводов и издания Святых Отцов. Ср. в

³² «Что же это за Церковь и что за православие, которое исповедовали славянофилы? (...) под словом *русское православие* Хомяков понимал сохранение чистоты исповедания, т. е. неизменность учения древней вселенской Церкви до ее разделения, а не политическое знамя, которым русский народ и все единоверцы отличаются от всех других иноверцев. (...) Эти принципы любви и свободы, действительно, славянофилы считали краеугольным камнем своего учения. Этими же признаками православие славянофилов отличается от официального православия, о чем упоминает и сам Хомяков: „Было бы лучше, если б у нас было поменьше официальной политической религии”...» (Колупанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. II. С. 133).

³³ По должности (лат.).

³⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: В 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 343. Важно отметить, впрочем, что сам преосвященный Иннокентий дистанцировался от «московского Златоуста», причем именно из-за его книжности и официальности (т. е. того, в чем упрекал обоих церковных витий Аксаков). Ср. с отзывом Иннокентия (тогда только что посвященного в епископы Вологодские) в письме к архиепископу Рязанскому Гавриилу (Городкову) от 16 июня 1841 года: «В праздник Алексия Митрополита я имел удовольствие в первый раз слышать Преосвященного Филарета проповедующим. Образ проповедания его удивил меня. Слово было написано очень умно, но по всем правилам школы, без приспособления к понятию слушателей; произнесено хорошо, но так, как произносят по Указу Консистории. Такому огромному таланту теряться в ребяческих формах!.. Истинно жаль!» (Письма Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, к Гавриилу, архиепископу Рязанскому и Зарайскому / Сообщ. священник Н. Гумилев // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1869. Кн. 1, янв.—март. Отд. V: Смесь. С. 82—83; курсив мой. — О. Ф.).

³⁵ «Хижина дяди Тома», роман Г. Бичер-Стоу.

³⁶ Аллюзия на: Деян. 17: 28.

³⁷ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. 2004. Т. 2. С. 226. Meisterstüke — мастерские образцы, шедевры (нем.). В устах Аксакова немецкое слово окрашено сильнейшей иронией.

письме И. Аксакова к брату Константину: «Будьте, ради Бога, осторожны со словами: *народность и православие*. — Оно начинает производить на меня то же болезненное впечатление, как и „русский барин, русский мужичок“ и т. д. — Будьте умеренны и беспристрастны (...) и не навязывайте насильственных неестественных сочувствий к тому, чему нельзя сочувствовать, к допетровской Руси, к обрядовому православию, к монахам (как покойный Ив(ан) Вас(ильевич) (Киреевский))». ³⁸

Вот Кошелев беседует (в письме от 10 июня 1857 года) с младшим Аксаковым, который вскоре, в 1858 году, станет редактором «Русской беседы»:

«Некоторые слова в вашем письме показались мне странными и неудобопонятными. Вы говорите о том, что попы у нас все мертвят и что необходимо стать им во всем наперекор; вместе с тем вы говорите о живом голосе Герцена и о том, как необходимо затронуть все живое. Странны мне показались эти ваши слова. Теперь читаю я Герцена и ни в чем не нахожу ни настоящего смысла, ни истинной жизни. Он кривляется, орет, ругает, выстанавливает пышные фразы и пр. Разве это жизнь? Попы наши отчасти мертвят жизнь, но Герцен и комп(ания) хлопочут об оживлении мертвечины, а труп все остается трупом. Во всем Герцене я не нашел ни одной страницы живой и вместе с тем истинной. Нет, дражайший Иван Сергеевич, в речах Филарета несравненно более жизни, чем в произведениях Герцена. Судорожные движения суть ли обманчивые явления жизни? Это разногласие между нами крайне важно, и я шибко боюсь, чтоб при издании журнала оно не было поводом к спорам и неудовольствиям. Я горжусь тем, что наша „Беседа“ пользуется особенным благорасположением духовенства, радуюсь тому, что мы этим путем можем действовать на него и через него на массу народа. Нет, дражайший Иван Сергеевич, путь Герцена, его средства, слова и пр. никогда не будут одобрены мною. По-моему, он обязан успехом лишь обстоятельству, что он имеет единственную вольную русскую типографию, что он пишет дерзко, живо, общественно, но настоящего успеха он не имеет и не может иметь, ибо у него нет фундамента. Если только у нас цензура сделается несколько посвободнее, то Герцена деятельность сделается соверш(енно) ничтожною. (...) Нет, дражайший Иван Сергеевич, я не заклятый враг Запада и Петра, не квасной патриот, не славянофил 40(-х) годов, но убежден, что истина на нашей стороне, что мы должны действовать своими способами и отнюдь не прельщаться призраками жизни, которые привлекают толпу к нашим противникам». ³⁹

И в его же письме от 18 июня: «Боюсь, дражайший Иван Сергеевич, чтоб вы, из последнего моего письма, не заключили, что я не желаю вам передать „Беседу“. Этот вывод был бы совершенно несправедлив. Я напротив того весь желаю, от души желаю передать вам „Беседу“, но еще сильнее желаю лишь одно — чтоб „Беседа“ сохранила свой дух — т. е. тот дух, который Хомяков, Самарин, ваш брат и я вполне и безусловно одобряем и который уже доставил нашему изданию одобрение и сочувствие просвещеннейших лиц нашего духовенства». ⁴⁰

14 июля 1857 года Аксаков писал брату Константину: «Он (Кошелев. — О. Ф.) пишет мне, напр(имер), что гордится тем, „что «Беседа» заслужила внимание просвещеннейших лиц нашего духовенства“, а я пишу, что краснею от сочувствия „Беседе“ графа Ал. П. Толстого, ⁴¹ отца Матвея и Филарета. Это все те „союзники

³⁸ Аксаков И. С. Письма к родным. 1849—1856. М., 1994. С. 453.

³⁹ Из переписки московских славянофилов: (Письма А. И. Кошелева к И. С. Аксакову) // Голос минувшего. 1918. № 7—9. С. 175—176.

⁴⁰ Там же. С. 177.

⁴¹ Граф Александр Петрович Толстой — обер-прокурор Св. Синода, один из немногих «церковников» в ряду занимавших этот пост, духовный сын названного здесь же ржевского протоиерея Матфея Константиновского.

гнилья”, о которых ты когда-то писал.⁴² Их сочувствие, основанное только на недопонимании, просто позорно».⁴³

Если для Аксакова московский митрополит — «союзник гнилья» (под «гнильем» подразумевается, видимо, самодержавное государство или, точнее, — все то дурное, что наслоилось на сам его принцип), ответчик за все, что не устраивало славянофила в Церкви, называемой им «казенной», то для Леонтьева это «великий святитель»⁴⁴ и несомненно человек святой жизни.⁴⁵ В незавершенной статье «Чужим умом» (1890), предназначенной для цикла «Записки отшельника», он выскажет убеждение, что Филарет вместе с Пушкиным и Императором Николаем I выражают великую национальную триаду.⁴⁶

* * *

Возвращаемся к разговору 1874 года и его последствиям. В 1880 году, читая статьи Леонтьева в «Варшавском дневнике», Аксаков делился своими впечатлениями с В. Ф. Пуцыковичем: «...Л*** способен написать подчас такую защиту веры и народности, что только компрометирует истину. Это фанатик-фанариот».⁴⁷ В другом письме к тому же адресату он привел афоризм французского беллетриста и журналиста Виктора Шербюле (1829—1899), который лучше всего передает его отношение к «фанатику-фанариоту»: «Le bon Dieu aime bien mieux ceux qui le renient, que ceux qui le compromettent» («Господь Бог больше любит тех, кто Его отрицает, чем тех, кто Его компрометирует»)⁴⁸ Это была одна из излюбленных цитат Аксакова, он не раз прибегал к ней в своих статьях,⁴⁹ что было отмечено заинтересованными читателями, например Лесковым: «...когда князь Мещерский и другой соумышленный ему недоумок консерватизма⁵⁰ стали консервировать по-своему набожность, то Иван Сергеевич Аксаков в „Руси“ двукратно привел им французское замечание Шербюле, что „Бог больше любит тех, кто его не хочет знать, чем тех, кто его компрометирует“».⁵¹

⁴² К. Аксаков писал не о «союзниках гнилья», а о «гнилых союзниках» (подразумеваемая прежде всего Н. М. Языкова как автора повредившего славянофильскому движению в глазах общественности стихотворения «Не нашим»). Имеется в виду строфа из стихотворения «Союзникам» (1844): «На битвы выходя святые, / Да будем чисты меж собой! / Вы прочь, союзники гнилые, / А вы, противники, — на бой».

⁴³ Начало цитаты приведено в примечаниях Т. Ф. Пирожковой (Аксаков И. С. Письма к родным. 1849—1856. С. 618), окончание см.: Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 57.

⁴⁴ В статье «Грамотность и народность» (1868—1869; опубли. в 1870): «еще возможны великие святители, подобные Филарету» (71, 110); в неизданной при жизни статье «Еще о греко-болгарской распре» (1874): «Великий московский святитель Филарет» (Там же. С. 283).

⁴⁵ Ср. в записках «Моя литературная судьба»: «...наши Епископы, обремененные орденами, и все-таки чрезвычайно влиятельные по-своему, твердые, часто даровитые и, несмотря на орден, иногда и Святые по жизни (напр(имер), Филарет Московский)...» (61, 9).

⁴⁶ «Если мы назовем трех великих представителей той эпохи, которую можно назвать историческим роздыхом нашим, — трех великанов религии, государственности и национальной поэзии — Филарета, Николая Павловича и Пушкина; — то этим будет сказано все. — Как много у них общего в основах и как мало сходства и в температурах, и в роде развития!» (81, 490—491).

⁴⁷ Цит. по: 72, 787. Фамилия Леонтьева была сокращена С. Ф. Шараповым, впервые опубликовавшим это письмо в «Московском сборнике» (М., 1887. С. 41).

⁴⁸ См.: Московский сборник. С. 43—44.

⁴⁹ См., например: Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. статья В. Н. Грекова. М., 2002. С. 616 (передовая «Руси» от 1 октября 1882 года).

⁵⁰ По предположению А. П. Дмитриева, Лесков мог подразумевать здесь Гилярова-Платонова. На мой взгляд, нельзя исключать и того, что речь идет о сотруднике «Гражданина», возможно о Т. И. Филиппове.

⁵¹ Лесков Н. С. Русские деятели в Остзейском крае: (Свои и чужие наблюдения, опыты и заметки) // Исторический вестник. 1883. Т. XIV, ноябрь. С. 260. См. также: Лесков Н. Заказная литература: (Несколько замечаний по поводу образцовой народной книжки) // Там же. 1881. Т. VI, ноябрь. С. 380.

Итак, для Аксакова Леонтьев — это один из тех, кто Бога «компрометирует». На ту же цитату опиралась и Анна Федоровна, выговаривая Леонтьеву в 1882 году по прочтении брошюры «Наши новые христиане»: «Не столько атеисты — враги Христа, сколько такие лица, как Вы, которые неправильным толкованием Его слов компрометируют христианство».⁵² Сам Аксаков в 1881 году говорил московскому журналисту и издателю Н. Н. Дурново, что Леонтьев Бога оскорбляет своими мнениями «о неограниченности нашей царской власти».⁵³

Можно сказать, на глазах Леонтьева в начале 1880-х годов составлялась книжка, к которой он потом будет обращаться в своих статьях. Коллега Леонтьева по службе в Московском цензурном комитете и сотрудник катковских изданий В. В. Назаревский собрал воедино высказывания Филарета по государственным вопросам и издал их в виде брошюры под названием «Государственное учение митрополита Филарета» (1883; 2-е изд.: 1885). Стоило Леонтьеву процитировать (в обновленном варианте статьи «О всемирной любви») одно место из этой брошюры, трактующее о полезности телесных наказаний преступников,⁵⁴ как Аксаков живо откликнулся, обвинив Константина Николаевича в том, что он «исповедует сладострастный культ палки» (Вл. Соловьев растиражировал это высказывание, приведя его в статье о Леонтьеве в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона).

Естественно, с точки зрения Аксакова, исповедник «культу палки» — не христианин, а лишь компрометирующий Господа. В 1882 году Аксаков скажет о своем оппоненте: «Его художественный талант не искупает кривизны его мысли, способной оправдывать фанариотов, даже иезуитов. Он не столько христианин, сколько церковник».⁵⁵ А Герцен и Гамбетта, как мы помним, для Аксакова — это те, кто Бога как будто отрицают, но являются — по своим делам — большими христианами, чем так называемые церковники, чем пресловутые «фанатики-фанариоты».

Все дело в том, говорил Леонтьев, что у Аксакова «есть, кажется, некоторые общественные догматы, с которыми он не в силах расстаться. — Напр(имер), с либерализмом, с ненавистью противу всяких сословных и юридических привилегий» (7₂, 671).⁵⁶ И главный догмат — «свободомыслие». В 1885 году, редактируя одну из своих статей 1880 года, Леонтьев зачеркнет такую характеристику Аксакова: «как-то бурно и восторженно застывший в туманном свободомыслии 40-х годов» (7₂, 503).⁵⁷

Мягче, но вместе с тем определеннее ту же мысль выразил в одном из писем к Леонтьеву Филиппов: «Беда его и его друзей в том, что они не ставят правды выше своих сложившихся и для них как бы обязательных мнений. Есть точка, дойдя до которой и они, забыв истинного Бога, становятся на колени перед своим умотворенным кумиром».⁵⁸

В 1880-е годы у Леонтьева намечается своя оппозиция: не *Филарет* — *Герцен*, как у Аксакова, а *Филарет* — *славянофилы*. Только символом славянофильства он избирает более крупную фигуру, — не Аксакова, а А. С. Хомякова. Но в «церковном вопросе» эти имена связаны неразрывно. Есть еще одно замечательное высказывание Филиппова (в письме к Леонтьеву от 5 декабря 1884 года): «Аксаков, конечно, имеет своего рода почтение к церкви, но только из-за Алексея Степановича

⁵² Цит. по: Русская литература. 2006. № 2. С. 156.

⁵³ 7₂, 865; Русская литература. 2006. № 2. С. 155.

⁵⁴ См.: *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 316.

⁵⁵ См.: 6₂, 456 (цитата из письма Аксакова к О. А. Новиковой от 21 августа 1882 года).

⁵⁶ Из письма к О. М. Бодянскому от 10 мая 1875 года.

⁵⁷ Ср. еще один исключенный из той же статьи фрагмент: Аксаков, «силой обстоятельств, вероятно, вынужден был, на практике, уклоняться от настоящего смысла учения, ибо в его действиях мы ничего старого славянофильского и теперь не видим, а только одну весьма энергичную эманипационную деятельность, т. е. такую, какая может быть свойственно всякому демократическому духу» (7₂, 502).

⁵⁸ Русская литература. 2006. № 1. С. 120.

(Хомякова. — О. Ф.) и в его изображении; а в своем истинном строгом и величественном образе она ему как-то не вполне угодна». ⁵⁹

На этот же оттенок Православия московского славянофила (своенравие, своеволие) Леонтьев обращал внимание продолжателя аксаковского дела, каким считал себя публицист и издатель С. Ф. Шарапов: «Кстати сказать, я лично мало знал И. С. Аксакова; и думаю, что он был благороднейший человек, но было что-то в его мнениях более *утилитарное* и своевольное — чего я ни у отца Амвросия, ни у отца Иеронима Афонского ⁶⁰ не находил. — А по личному характеру и они оба чрезвычайно самостоятельные люди». ⁶¹ В другом письме к тому же корреспонденту Леонтьев, перечисляя «слабые стороны» «„старого” Славянофильства», назвал среди прочего и «оттенки слишком либеральные в Православии». ⁶²

В статье Леонтьева «О всемирной любви» (1880), которая так не нравилась супругам Аксаковым, есть фрагмент: «*Какое христианство: общевангельское какое-то или в самом деле православное, с верой в икону Иверской Божией Матери, ⁶³ в мощи Св. Сергия, в проповеди Тихона Задонского и Филарета, в прозорливость и святую жизнь некоторых и ныне живущих монахов?..*» В 1885 году к имени митрополита Филарета добавлено примечание: «Даже и в его *духовный авторитет по государственным вопросам...*» ⁶⁴

Именно «общевангельское» христианство Леонтьев и находил в Аксакове. Он подчеркивал «протестантский» характер аксаковского Православия. Аксаков в его глазах «на честного полугерманского фарисея похож». ⁶⁵ Аксаков же считал Леонтьева духовно «рабелепствующим» грекам. ⁶⁶

Но вернемся к Хомякову. Следует подчеркнуть, что до московских споров с Аксаковым Леонтьев не противопоставлял Хомякова (или вообще кого-то из славянофилов) Филарету. Напротив, в «Афонских письмах» ⁶⁷ (1872) он ставит в один ряд преп. Иоанна Дамаскина, Хомякова и Филарета. Для него все трое — «сознательные, философски развитые продукты Византийской аскетической культуры»

⁵⁹ Там же. Сравните его же афористичное: «своенравное православие Аксакова» (Там же; из письма к Леонтьеву от 25 ноября 1886 года). Между прочим, в письме к Кошелеву от 25 ноября 1853 года Аксаков противопоставлял *истину*, хранимую Церковью, и «учение Церкви и Катехизис Филарета» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 2. С. 225). А в цитированном выше письме от 8 декабря, в котором говорилось о том, что Московский митрополит «весь живет и движется под условиями этой исторической церкви, оной «исторической церкви» противопоставлялась «единая, святая церковь живых и мертвых, у которой писал Хомяков» (Там же. С. 226).

⁶⁰ Иероним (Соломенцев) (1803—1885), иеросхимонах, духовник Афонского Свято-Пантелеймоновского монастыря.

⁶¹ Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888—1890) / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2004. № 1. С. 124. (Письмо от 4 мая 1888 года.) Речь здесь идет именно о религиозных, а не о политических взглядах Аксакова, о чем свидетельствует контекст письма. Но, к слову сказать, и о политических воззрениях славянофила Леонтьев здесь высказался, назвав их «туманным идеализмом» (Там же. С. 125).

⁶² Там же. С. 139 (письмо от 3 июля 1890 года).

⁶³ По поводу Иверской иконы: удивительные признания встречаются в письмах Аксакова к невесте. Вот, например, письмо из Алушты от 8 июля 1865 года: «...проезжая из Мисхора мимо Гаспры и услышав звон, мы зашли в церковь: обедни почему-то не служили, а служили часы. Нынче ведь праздник Казанской Божьей Матери. Я, впрочем, не очень люблю тот culte Богородицы, который существует в русском быту и отчасти в церкви. Об этом когда-нибудь после» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. 2004. Т. 3. С. 325).

⁶⁴ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. С. 321.

⁶⁵ Русская литература. 2006. № 1. С. 120. Более выдержанный в своих суждениях Филипп поправил тогда Леонтьева: «Аксакова фарисеем нельзя назвать ни в каком смысле...» (Там же). «Фарисеем» Леонтьев назвал Аксакова и в письме К. А. Губастову от 24 декабря 1875 года, но уже не из-за особенностей вероисповедных, а из-за того, что Аксаков ничем не помог ему в трудное время, кроме как на словах.

⁶⁶ Русская литература. 2006. № 1. С. 140.

⁶⁷ Первоначальное название произведения, опубликованного посмертно под заглавием «Четыре письма с Афона».

(7, 171).⁶⁸ Позднее, в статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» (1888) из цикла «Записки отшельника» Леонтьев скажет о «несколько своевольном», но «в основе глубоко-православном» чувстве Хомякова (81, 300).⁶⁹ А уже в одной из его последних работ (в незавершенных письмах «Кто правее?», 1890—1891) появится обширный фрагмент, объясняющий различие «хомяковского» и «филаретовского» Православия.

Здесь говорится об учении, «которое целым рядом тонких оттенков постепенно переходит от душевного православного мистицизма Хомякова до любвеобильного и розового юрьевского⁷⁰ нигилизма». Хомяковское Православие, по Леонтьеву, — *несколько «смягченное» и «видоизмененное»*. А «реальное», «филаретовское», Православие «есть Православие Димитрия Ростовского, Митрофана Воронежского, Сергия Радонежского, Антония и Феодосия Печерских, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Николая Мирликийского и т. д. ...». Этого «Византийского» Православия придерживался, говорит Леонтьев, Катков. «Этому же Византийскому Православию служат и теперь такие церковные ораторы, как Никанор Одесский и Амвросий Харьковский.⁷¹ — *Этого Православия (а не хомяковского) видимо держатся все более известные представители современного нам русского монашества и русской Иерархии. — Ибо иначе — они о Хомякове бы часто говорили и опирались бы на него.*⁷² Филаретовское православие — суровое и ясное, православие славянофилов — мягкое и туманное.⁷³

«Лично хорошим, благочестивым и добродетельным Христианином, — признавал Леонтьев, — конечно, можно быть и при Филаретовском и при Хомяковском оттенке в Православии⁷⁴ (...). А вот уж *святым* несколько вернее можно стать на старой почве, Филаретовской, чем на новой Славянофильской почве. — И это уже потому несомненно, что истинно свят лишь тот, кого *признаёт таким высшее духовенство* (учительная <1 нрзб.> церковная); а не тот, который нам кажется таковым».

⁶⁸ Об отношении Леонтьева к Хомякову как христианскому мыслителю см. также: *Фетиленко О. Л.* Преподобный Амвросий Оптинский о «богословствовании мирян»: (Старец Амвросий о. Климента (Зедергольм) о богословских сочинениях А. С. Хомякова и Т. И. Филиппова) // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Сб. 5. С. 262—263, 267—270.

⁶⁹ Ср. с мотивом «своеволия» и «своенравия» в оценках православных убеждений Аксакова. Тем же словом «своеволие» Леонтьев характеризует, между прочим, и богословские труды Вл. С. Соловьева (см.: Там же. С. 318). При этом о богословских сочинениях Хомякова Леонтьев высказался в поздней статье «Славянофильство теории и славянофильство жизни» (1890), отметив, что некоторые их стороны «никогда не утратят своего значения в истории русского сознания и во многих еще случаях будут служить опорой дальнейшему ходу как религиозного, так и национального у нас мышления» (Там же. С. 462).

⁷⁰ Подразумевается редактор «Беседы» (1871—1872), а позднее «Русской мысли» (1880—1887) Сергей Андреевич Юрьев (1821—1888).

⁷¹ Речь идет о крупнейших православных проповедниках конца XIX века — архиепископе Херсонском и Одесском Никаноре (Бровковиче) (1827—1890/1891) и архиепископе Харьковском и Ахтырском Амвросии (Ключарева) (1820—1901). Со вторым Леонтьев был хорошо знаком в бытность того икарным Дмитровским епископом, а первого, Никанора, считал одним из столпов Русской Церкви (81, 445) и неоднократно ссылался на его научные труды и проповеди в своих статьях.

⁷² *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. С. 665.

⁷³ В частном письме, где Леонтьев, естественно, почти не применял автоцензуру, то же противопоставление выражено гораздо резче: «Но, разумеется, нужно Православие *Филаретовское* (без *лакрицы*), а не *Хомяковское* (с *лакрицей*; вроде того, «что Христианин утратил под влиянием Византийства всякое представление о настоящем Христ(ианском) Государстве». — Это *лакрица*, от которой меня врет») (письмо к Шаррапову от 5 ноября 1890 года — Русская литература. 2004. № 1. С. 143). Время написания совпадает с периодом работы над «письмами» «Кто правее?».

⁷⁴ Ср. в статье «Плоды национальных движений на Православном Востоке»: «Православные убеждения Хомякова известны; и, если в богословских сочинениях своих он позволял себе некоторые тонкие уклонения от общепринятых духовенством взглядов, то в жизни он был просто послушным и искренним сыном Церкви» (81, 577).

«И при всем искреннем уважении моем к старшим славянофильским учителям: Хомякову, Самарину, Аксакову, — я должен признаться, что от их прекрасных трудов на меня нередко *веет* чем-то (...) сомнительным и... быть может... при неосторожных *дальнейших* выводах... и весьма опасным.

Можно, осмеливаясь думать, и *развивать* дальше Православие, но только никак не в эту — какую-то *национально-протестантскую* сторону, а уж скорее в сторону противоположную...»⁷⁵

Дальнейшие выводы из славянофильского учения о Церкви были сделаны уже в XX веке, с одной стороны, адептами «нового религиозного сознания», с другой — обновленческим духовенством. И здесь можно только поразиться точной прогностике Леонтьева.

Любопытные «рифмы» преподносит история: ничего не знавший о московском споре 1874 года о Филарете и Гамбетте, никогда, вероятно, не видевший Аксакова, а с Леонтьевым знакомый лишь по напряженной переписке в последний год его жизни, В. В. Розанов в конце одной из своих статей о театре вспомнил «нервные речи и статьи И. С. Аксакова, ужасно смахивавшего на благочестивого Гамбетту».⁷⁶ Так отозвался Ивану Сергеевичу старый спор о том, кто «больше христианин».

⁷⁵ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. С. 666. Сверено и исправлено по автографу.

⁷⁶ Розанов В. В. Занимательный вечер: (Еще о сиаемских танцовщицах) // Розанов В. В. Итальянские впечатления. Среди художников. М., 1994. С. 193. (Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николоюкина. (Т. 1)). Впервые: Мир искусства. 1901. Т. 5. Отд.: Хроника. С. 43—48.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И. А. ГОНЧАРОВА

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © А. В. РОМАНОВОЙ)

Предлагаемые вниманию читателей письма родственников Ивана Александровича Гончарова никогда ранее не публиковались.

Судя по словам из письма А. Н. Гончарова к М. М. Стасюлевичу от 26 октября 1891 года («Я хотел Вам, как человеку, стоящему до известной степени близко к покойному, сказать, чем был для нас И. А. Гончаров»), инициатором переписки выступил А. Н. Гончаров. Поводом к этому послужил некролог, написанный М. М. Стасюлевичем.¹ А. Н. Гончаров писал Стасюлевичу и раньше, 28 октября 1872 года из Самары,² где он служил секретарем Самарского статистического комитета, но, возможно, это был эпизод.

Ответы Стасюлевича на письма А. Н. Гончарова 1891—1892 годов неизвестны. Но в архиве редактора «Вестника Европы» находится письмо А. Ф. Кони, в котором читаем: «Я помню, как вскоре после его (И. А. Гончарова. — А. Р.) смерти Вы

¹ М. С. [Стасюлевич М. М.] И. А. Гончаров // Вестник Европы. 1891. № 10. С. 859—865.

² «Милостивый Государь, Г-н Редактор! Прошу покорно напечатать, если Вы найдете возможным, прилагаемую небольшую рукопись в Вашем многоуважаемом журнале. Прошу ее тем более напечатать, что она может значительную принести пользу и повлиять на наше земство, а вместе с тем подвинуть дело народного образования в смысле высказанной(?) мною мысли в прилагаемой рукописи. В случае, если Вы найдете невозможным напечатать, то прошу покорнейше(?) переслать мне ее назад в Самару. С истинным почтением имею честь быть Ваш готовый к услугам А. Гончаров Р. С. Прилагаю при этом 3 марки» (ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. № 453. Л. 1—1 об.). Ответное письмо не сохранилось.

говорили, что получили статью племянника, но напечатать не хотите, до того она дышет злобою и мстительностью». ³ Очевидно, что речь идет именно об этих письмах и что в близком дружеском кругу они в какой-то степени обсуждались. Но речи об их использовании, при той корректности, которой славился Стасюлевич, и при его отношении к писателю, быть не могло.

Далее Кони писал: «Теперь она (статья. — А. Р.) появится в В(естнике) Е(вропы). Конечно в ней оказались какие-либо литературные достоинства — и всякие сведения об И. А. будут интересны и полезны для его будущего биографа, но нельзя ли выкинуть из нее место, оскорбительное для памяти старика, который столько лет был другом В(естника) Е(вропы) и Вашего гостеприимного дома. Он теперь беззащитен, а ведь нигде взаимные ненависти не бывают так несправедливы, как между родственниками!». ⁴ Здесь имелась в виду воспоминания А. Н. Гончарова, опубликованные в работе М. Ф. Суперанского «И. А. Гончаров и новые материалы для его биографии». ⁵

История публикации материалов о писателе, собранных Суперанским, изложена в статье М. И. Трепалиной «М. Ф. Суперанский и его работа „Болезнь Гончарова”» и в комментариях к публикации самой работы. ⁶ Суперанский, учась на словесном отделении Петербургской духовной академии, большую часть времени посвящал изучению истории русской литературы. Затем он служил с 1892 по 1916 год в Симбирской губернии по Министерству финансов и некоторое время (1907—1910) преподавал историю русской литературы в гимназии. Получив шанс ближе познакомиться с тем городом, где родился Гончаров, и с родственным окружением писателя, он полностью использовал его. Другой интерес, созвучный духу эпохи, — интерес к психологии художественного творчества, к влиянию наследственности и среды на процесс создания литературных произведений, — заставил Суперанского сосредоточиться на сборе биографического материала, опрашивая прежде всего родственное окружение Гончарова. Воспоминания А. Н. Гончарова, опубликованные в «Вестнике Европы», были написаны именно по просьбе исследователя. Три варианта этого текста, хранящиеся в РГАЛИ, отражают их совместную работу над текстом. ⁷ Зная от А. Н. Гончарова о первом варианте воспоминаний, посланных когда-то Стасюлевичу, Суперанский спрашивал последнего о сохранности этого материала. Стасюлевич отвечал, что рукописи не нашел, но что если бы «получил такую рукопись, то <...> постарался бы ее напечатать в последних книжках журнала 1891 г.; если же <...> не напечатал ее, то <...> непременно возвратил бы ее автору». ⁸ Очевидно, Стасюлевич либо действительно затерял письма А. Н. Гончарова в своем архиве, либо скрыл истину в интересах сохранения доброй памяти своего покойного друга. В издании «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» ни одно из этих писем не появилось.

³ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 484.

⁴ Там же.

⁵ Вестник Европы. 1907. № 2. С. 567—590; 1908. № 11. С. 5—48; № 12. С. 417—460. Мнение о публикации воспоминаний А. Н. Гончарова, к тому времени уже умершего, так что давать окончательное согласие на печатание должна была его вдова, высказала родственница Гончаровых кн. В. М. Чегодаева в письме к М. М. Стасюлевичу от 29 декабря 1908 года: «Прочтя „Воспоминания об И. А. Гончарове”, написанные моим двоюродным братом А. Н., мы все до глубины души возмущены были поступком Н (Е. А. Гончаровой. — А. Р.), отдавшей на суд света бред больного человека; или вернее не больного, но раздраженного безденежьем и продолжительной болезнью. <...> Сердечная Вам благодарность за примечания, несколько ослабляющие всю несправедливость сказанного об И. А.» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 4. С. 223).

⁶ Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 636—637, 623—634.

⁷ Там же. С. 624—625 (прим. 18).

⁸ Там же. С. 624.

Сейчас, когда страсти вокруг личности И. А. Гончарова давно улеглись, основной биографический материал по большей части опубликован и исследовательские акценты расставлены, публикация писем его племянника не может вызвать никакого иного интереса, кроме историко-литературного. Для составления летописи жизни и творчества писателя эти письма дают несколько ценных фактов, так как рисуют, хотя и несколько искаженную, картину его родственного окружения. Но самое главное — письма не только называют, но и очень подробно характеризуют одного из прототипов Марка Волохова, наиболее спорной до сих пор фигуры романа «Обрыв». Известно, что задуманная Гончаровым первоначально фигура бунтаря против косных общественных устоев при углубленном наблюдении за современной общественной жизнью превратилась в нечто совсем другое. Гончаров писал: «Волохов — не социалист, не доктринер, не демократ. Он радикал и кандидат в демагоги (...) я взял не авантюриста, бросающегося в омут для выгоды ловить рыбу в мутной воде, а — с его точки зрения — честного, то есть искреннего человека, не глупого, с некоторой силой характера. И в этом условии успеха. Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблуждение только и могли вводить в заблуждение и Веру и других. Плута все узнали бы разом и отвернулись бы от него».⁹ Письма А. Н. Гончарова, совершенно независимо от этого, подтверждают эти слова писателя. Но заметим, что А. Н. Гончаров полемизировал, рисуя собственный образ В. М. Кирмалова, казавшийся ему правдивым, не с художественным образом Марка Волохова, как его создал автор, а с восприятием этого образа определенной частью публики, — сам этого не замечая.

* * *

Ниже публикуются по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, 3 письма А. Н. Гончарова к М. М. Стасюлевичу (Ф. 293. (Архив М. М. Стасюлевича.) Оп. 1. № 453), письмо А. А. Музалевской к А. Н. Гончарову (Ф. 293. Оп. 4. № 30), прошение А. А. Музалевской в Литературный фонд (Ф. 293. Оп. 4. № 31), воспоминания Е. А. Гончаровой об И. А. Гончарове (4-я тетрадь — добавление и добавление к добавлению) (Ф. 163. (Архив Е. А. Ляцкого.) Оп. 1. № 150).

Часть воспоминаний Е. А. Гончаровой, публикуемая здесь, была написана по просьбе Б. Л. Модзалевского и хранилась в архиве. Несколько лет назад ее не полностью опубликовал В. И. Мельник, с подробным комментарием.¹⁰ Текст Е. А. Гончаровой содержит ценные сведения о прототипах в произведениях Гончарова, а в рамках данной публикации вносит коррективы во впечатление А. Н. Гончарова об И. А. Гончарове. Первая часть воспоминаний Е. А. Гончаровой, написанных, так же как и воспоминания ее мужа, по просьбе Суперанского, была этим исследователем обработана и опубликована.¹¹ Вторая часть была написана по просьбе Е. А. Ляцкого в 1912 году, опубликована в 1969 году.¹²

В квадратных скобках даются фразы, вычеркнутые автором. В угловых — конъектуры публикатора. Сохранены орфография и пунктуация подлинников.

⁹ Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 128—129.

¹⁰ Мельник В. И. Е. А. Гончарова и ее воспоминания: («Четвертая тетрадь») // Карамзинский сад: Лит.-худож. альманах. Ульяновск, 1993. С. 121—127.

¹¹ Вестник Европы. 1908. № 12. С. 417—419.

¹² В кн.: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Пиксанов. Л., 1969. С. 179—184.

1

А. Н. Гончаров¹ — М. М. Стасюлевичу(26 октября 1891. Калуга)²

Калуга, Садовая ул., д. Кадминой.

Милостивый Государь
Михаил Михайлович.Покойный Гончаров приходился родным братом моему умершему отцу.³

Мне известно, что Гончаров весь свой капитал назначил бывшей его горничной⁴ — и ее дочерям;⁵ но хотелось бы узнать от Вас, не оставил ли он кое-что своей родной сестре Анне Александровне Музалевской,⁶ которая живет, в настоящее время, в Москве в большой нужде.⁷

Я тем более интересуюсь этим, что Гончаров, относившийся ко всем родственникам с затаенной злобой и ненавистью, был когда-то в хороших и дружеских отношениях с Анной Александровной Музалевской.

Я помню Гончарова с 1860 года;⁸ в то время у него были минуты, когда он был прост, доступен, кое-что рассказывал и не относился ко всем с какой-то странной недоверчивостью. Эта злоба, ненависть ко всем родственникам тем более необъяснима в Гончарове, что из нас, его родных, *никто, ничем и никогда ему не был обязан*.⁹

Я помню в 1860 или (18)61 году,¹⁰ когда Гончаров приезжал к своей сестре Музалевской отдохнуть на целое лето в Симбирск,¹¹ он, в то время, рассказывал кое-что, по временам был весел и только изредка на него находило мрачное состояние духа, он придирался ко всему, капризничал, проклинал провинцию, стерлядей и бранил себя, зачем не поехал в Карлсбад.¹²

Затем его сестра, муж ее был доктором в Симбирске¹³ и обладал хорошими средствами, разорилась,¹⁴ и они в 1865^a году переехали из Симбирска в Москву. Тетушка Музалевская, поздравляя как-то И. А.¹⁵ с днем Ангела, написала ему вместе с тем, не прося помощи, о своем бедственном положении.¹⁶ Гончаров отвечал на это ей резким письмом, прося ее забыть о его существовании, и что(?) он давно выехал «из тех краев» и ему совершенно нет дела до того, кто разорился, кто нажился.¹⁷ С тех пор всякие отношения между ними прекратились.¹⁸

Станный и тяжелый человек был покойный! Я с ним, в конце 70-х годов, иногда проводил часа два, три в разговоре; но зачастую кончалось тем, что мы расходились, не прощаясь, и потом не видались по несколько месяцев, а иногда и по целым годам. Он сердился на всё, всё подавало повод к раздражению: как-то мы обедали в гостинице «Франсе»,¹⁹ человек подал ½ бутылки красного вина, заказанного мною. Гончаров с начала обеда все хмурился, косился на другие столики и зловеще молчал. Эта несчастная бутылка была поводом целого монолога, длинного, скучного, злого и бессвязного, который И. А. говорил, волнуясь и торопясь. Тут была речь о том,^b что нельзя бросать денег, что вино здесь прегадкое, что его нельзя удивить вином, что дорогое вино может [б<нрзб.>] пить кн<язь> Юсупов²⁰ и Устинов²¹ etc. etc. ... обед кончился и мы разошлись не в особенно хорошем расположении.

В 1879 году я уехал из Петербурга и мы совершенно не видались с ним^c до моей женитьбы; в 1885 году я приехал с женой²² в Петербург и повел ее к И. А. Гончарову, которого она знала ранее.²³ Гончаров случайно был в хорошем

^a Было: 1869 [Зачеркнуто: 9; вписано поверх строки: 5].

^b Вписано поверх строки.

^c Вписано поверх строки.

расположении духа, наговорил жене любезностей и даже, трудно поверить, подарил свои сочинения, а мне сказал: «il faut savoir mériter une femme comme la Vôtre». ²⁴ Дня через четыре я зашел к Гончарову, но один. В это посещение Гончаров сидел хмурый за своим столом, он начал жаловаться на людей, на свое положение, что его беспокоило, и кончил тем, что, восхваляя мою жену, сказал мне: «вот Вы женились, Александр Николаевич, у Вас жена прелестная, отлично образованная, талантливая, умная, а мне бы судьба, пожалуй, послала бы какую-нибудь дуру — где тут справедливость?» Я ушел и не счел возможным заехать к нему проститься. Еще ранее, а именно в $\langle 18 \rangle 70$ -х годах, когда я у него бывал и Гончаров, не зная или не находя причины к неприятному разговору, начинал так: «Вы, А(лександр) Н(иколаевич), может быть думаете, что я Вам или кому-нибудь из родственников оставлю мое состояние. Ради Бога, не ласкайте себя этой надеждой». Я говорил, что об этом не думаю, и переходил на другую тему. Гончаров начинал кипятиться и кому-то доказывал, что это нечестно рассчитывать на чужое состояние. Сцены были тяжелые, и жалко было видеть этого несчастного, больного человека! В сентябре $\langle 18 \rangle 90$ ²⁵ года я похоронил моего брата, ²⁶ бывшего присяжного поверенного. Это был прелестный человек, любимый всем городом, умерший бедняком в Нижнем. Я сообщил о смерти брата Гончарову открытым письмом. ²⁷ В том году я был в Петербурге и зашел к И. А. Меня встретила при входе нянюшка Гончарова Александра Ивановна ²⁸ и, улыбаясь, предложила подождать. Через минуту выбежал Гончаров, в руке у него был лист бумаги.

«Мне нужно дать Вам несколько вопросов», — начал Гончаров, не подавая руки.

Это был ряд бессвязных, грубых обвинений, упреков, каких-то недомолвок, чего-то неясного, — всё это Гончаров говорил, волнуясь, с краской на лице и пеной на губах. Он скороговоркой выкрикивал [эти] вопросы: «Зачем Вы женились не при жизни А. А. Уманца, ²⁹ отца Вашей жены, а дождались его смерти? Зачем Вы мне говорили, что Салтыков (Щедрин) пьет водку? С какой целью Вы написали мне в открытом письме о смерти Вашего брата? Скажите, какая у Вас цель? Не для того ли, чтобы похвалиться в канцелярии губернатора, что я Ваш дядя?»

У бедного человека все перепуталось в голове: в 1878 году я точно был Правителем Канцелярии Губернатора; но давно оставил эту должность, и что за особая заслуга состоять в племянниках у автора Обломова! «Отчего у [меня] Вас^d в 1874 году был [ти(тулярным)] чин лишь Титулярного Советника? Зачем Вы отзываетесь непочтительно о нашем общем знакомом?» «О ком?» — спросил я его. Гончаров сказал мне, что я, защищая Тургенева, говорил ему, что некто Петербургский крупный чиновник А. Н. К., ³⁰ которого знал Гончаров, очень напоминает Сипягина. ³¹

Все эти вопросы и упреки шли непрерывно, как барабанная дробь.

Сзади него стояла А(лександра) И(вановна) и мысленно, я думаю, похваливала своего воспитанника.

Гончаров выходил из себя, я, не говоря ни слова, надевал пальто, а Гончаров злобно что-то кричал и, когда я выходил, сказал мне на прощанье:

«Скажите Вашей^e жене, чтобы она не баловала ребенка, ³² а воспитывала бы, как она», — и при этом показал пальцем на Александру Ивановну. Я не дослушал, что Гончаров еще хотел мне сказать, тем более, что рекомендованный Песталлоци ³³ в юбе уже с достоинством мне отворяла дверь.

С тех пор я не видал Гончарова и только с месяц тому назад я прочитал о его смерти.

У меня много в памяти осталось о Гончарове; но я не решусь что либо напечатать, тем более, что мои слова припишут совсем другим [причинам] побуждениям.

^d Вписано поверх строки.

^e Вписано поверх строки.

Страшная судьба русских литераторов! Одни умирают на дуэли, другие в молодости в чахотке, многие спиваются, иной пристраивается к чужой семье, где живет непонятый, осмеянный и умирает между ними: [к радости] Гончаров весь век прожил вдали от всех родных, боясь и стыдясь их, хотя это было совершенно лишнее и ненужное.

Отец мой был чрезвычайно образованный человек, честный, превосходных правил; но немного забитый судьбой и с небольшими средствами.

Обе его сестры живы и очень хорошие женщины.³⁴

Еще раз повторяю, никто из нас и ничем ему не обязаны.

Я помню, в 1865 году я очень был нездоров, и меня на зиму доктора послали в Меран. Денег у отца не было, и он попробовал написать И. А., прося его одолжить ему 400 или 500 руб(лей) на несколько месяцев.³⁵ Гончаров отвечал не отцу, а мне,³⁶ говоря, что, если я так нездоров, что умереть можно и тут, а что если point d'argent... point de Suisse.³⁷ Вот единственно, раз в жизни, что отец мой обратился к нему с просьбой.

Брат мой *никогда* не (видал) бывал^f у Гончарова и только раз видел его.³⁸

Если бы у Вас возник вопрос, зачем я это Вам пишу, то вот причина: я слышал, Гончаров несколько раз отзывался о нас очень дурно, объясняя этим те отношения, которые существовали между нами и им.³⁹

В этом письме нет слова неправды, вымысла или какой-либо субъективной окраски. Я хотел Вам, как человеку, стоящему до известной степени близко к покойному, сказать, чем был для нас И. А. Гончаров. Мои слова может подтвердить его же сестра, которая до сих пор не может простить Гончарову его бессердечия и резкого отношения к ней. Я тетушку не видал уже 2 года, может быть, она уже и умерла; но знаю, что в 1889 г(оду) она жила в Москве, на Плющихе, в Тишинском 1 переулке, в д(оме) Петровой.

Прошу покорно простить меня за длинное письмо и немного тяжеловатое слогом.

С истинным почтением и совершенною преданностью, имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

А. Гончаров

¹ Гончаров Александр Николаевич (1843—1907) — племянник писателя.

² Датируется по карандашной надписи в левом верхнем углу, сделанной не рукой А. Н. Гончарова.

³ Николаю Александровичу Гончарову (1808—1873).

⁴ Александре Ивановне Трейгут (?—1917).

⁵ А. Н. Гончаров пишет об Александре Карловне (1871—1928), на момент смерти писателя бывшей уже замужем за А. Д. Резвцовым, и Елене Карловне (1875—1943). В действительности наследство было в основном распределено писателем еще в 1883 году между членами семьи Трейгут — вдовой слуги К. Л. Трейгута Александрой Ивановной и ее детьми: Александрой Карловной, Еленой Карловной и Василием Карловичем. Часть денег была завещана сестрам С. А. и Е. А. Никитенко, а вещи из кабинета — М. М. Стасюлевичу (см.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 259—260).

⁶ Музалевская А. А. (1818—1898).

⁷ См. письмо 2.

⁸ Вероятно, имеется в виду, что с момента приезда писателя в Симбирск, в 1862 году. Если бы речь шла о 1855 годе, когда писатель заезжал в Симбирск при возвращении из путешествия на фрегате «Паллада», А. Н. Гончаров, вероятно, упомянул бы об этом.

⁹ А. Н. Гончаров заблуждался. Переписка И. А. Гончарова, как опубликованная, так и неопубликованная, свидетельствует о том, что писатель не только поддерживал связи с членами семьи, но и помогал некоторым из них деньгами, протекцией и советами. В частности, самому А. Н. писатель посылал денежные переводы, когда тот был студентом Дерптского университета. Укажем только на два письма, свидетельствующих о помощи дяди племяннику: письмо к самому А. Н. Гончарову от 16 февраля 1862 года (с деньгами и множеством полезных советов,

^f Вписано поверх строки.

касающихся учебы в университете, дальнейшей карьеры и жизненной позиции) (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1912. 16 июня. № 13024. С. 9—10) и письмо к В. М. Жемчужникову от 12 апреля 1876 года (с рекомендацией для приема племянника на службу, причём А. Н. Гончарову дана самая благоприятная характеристика) (РГАЛИ. Ф. 639. Оп. 3. № 24).

¹⁰ Речь идет о 1862 году. См. прим. 8.

¹¹ Гончаров пробыл в Симбирске с 16 мая по 11 или 12 июля (см.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 121—122).

¹² В письме к Н. А. Гончарову от 12 апреля 1862 года писатель жаловался, что у него не в порядке печень и пищеварение и что доктора посылают его в Карлсбад (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1912. 16 июня. № 13024. С. 10—11).

¹³ Музалевский Петр Авксентьевич (?—1877).

¹⁴ В 1864 году.

¹⁵ Сокращение имени И. А. Гончарова во всех текстах писем А. Н. Гончарова и в тексте Е. А. Гончаровой.

¹⁶ Письмо не найдено. Оно было написано до 25 сентября 1865 года.

¹⁷ Это письмо от 25 сентября 1865 года сохранилось не полностью. См.: РГАЛИ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 25. И. А. Гончаров, называя сестру «милая Анна Александровна» и «друг мой», пишет, что исполнил ее поручения (она просила справиться в банке о возможности обнаружения и «задержания» там «процентных бумаг и билетов», которые супруги Музалевские передали на хранение некоему Алаеву). И. А. Гончаров дает сестре совет обратиться к юристу, а П. А. Музалевскому — вернуться в Симбирск и заняться там врачебной практикой.

¹⁸ Существуют еще 8 писем И. А. Гончарова к А. А. Музалевской, последнее из которых датировано 1878 годом. Письма эти вполне дружелюбные и не свидетельствуют ни о каких-либо ссорах, ни о разрыве отношений.

¹⁹ Гостиница Hôtel de France («Франция») на Большой Морской ул., 6, где писатель часто обедал.

²⁰ Вероятно, князь Н. Б. Юсупов (1827—1891), гофмейстер.

²¹ Возможно, М. М. Устинов, член Совета министра иностранных дел, владелец дома № 3 по Моховой улице, в котором Гончаров снимал квартиру, вероятно, с 1857 года (см. письмо И. А. Гончарова к М. Н. Каткову от 21 апреля 1857 года: РГБ. 120.2.32).

²² Гончарова Елизавета Александровна (урожд. Уманец (1852—1924), дочь А. А. Уманца (1808—1877), чиновника, управлявшего Тверской удельной конторой Министерства императорского двора.

²³ С 1874 года (см.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 216).

²⁴ нужно уметь заслужить такую жену, как Ваша (*фр.*). В слове «la Votre» сохранена орфография А. Н. Гончарова.

²⁵ В действительности в 1889 году.

²⁶ Владимира Николаевича Гончарова (1844—1889).

²⁷ Письмо не найдено.

²⁸ Трейгутт. См. прим. 4.

²⁹ См. прим. 22.

³⁰ Неясно, о ком идет речь.

³¹ Персонаж романа И. С. Тургенева «Новь».

³² Дочь А. Н. и Е. А. Гончаровых Елизавета родилась в 1883 году.

³³ Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827) — швейцарский педагог, один из основоположников дидактики начального обучения.

³⁴ Вторая сестра — А. А. Кирмалова (1815—1896).

³⁵ Письмо не найдено.

³⁶ Письмо не найдено.

³⁷ нет денег — нет Швейцарии (*фр.*), перефразировка поговорки «денег нет — швейцарцев нет» или описка А. Н. Гончарова, недописавшего букву s в слове Suisses.

³⁸ В письме к Н. А. Гончарову от 12 апреля 1862 года писатель упоминал о том, что Владимир Гончаров учится в Казанском университете (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1912. 16 июня. № 13024. С. 10—11). Можно предположить, что каникулы юноша проводил дома, т. е. в Симбирске, и по крайней мере в 1862 году Гончаров мог общаться с ним там. 26 декабря 1865 года Гончаров, перечисляя обращения к нему за помощью в устройстве на службу разных племянников, писал А. А. Кирмаловой: «Сам я стал стар, опустился, скучаю — и занят сильно по службе, так что от Владимира Гончарова отказался и просил, чтобы ко мне не обращались больше племянники» (Вестник Европы. 1908. № 12. С. 434). В письме к Ек. П. Майковой от 16 мая 1866 читаем: «Вон Виктор Мих(айлович), да другой племянник, да еще выглянул было третий — все они попробовали попросить жертв (то есть денег и хлопот за них, а сами хотели спрятаться за меня), но я пока от них отделался» (Лит. наследство. 2000. Т. 102. С. 399). В письме от 18 апреля 1878 года И. А. Гончаров обещал А. А. Музалевской хлопотать через Министерство юстиции об определении В. Н. Гончарова на службу, т. е., вероятно, снова мог встречаться с ним (Вестник Европы. 1908. № 12. С. 443—444). Правда, 12 ян-

варя 1888 года И. А. Гончаров писал Д. Л. Кирмаловой, что племянника «почти вовсе» не знает (Там же. С. 435—436).

³⁹ Такой отзыв писателя о племяннике существует в письме И. А. Гончарова к Д. Л. Кирмаловой от 12 января 1888 года: «...Александр Гончаров, тершийся тут около меня лет десять, порядочно надоел мне своей суетой, навязчивостью, пустотой и тщеславием» (Вестник Европы. 1908. № 12. С. 435—436).

2

А. А. Музалевская — А. Н. Гончарову

⟨1 ноября 1891. Москва⟩

Любезный племянник!
Александр Николаевич!

Сейчас были у меня внучки и привезли мне письмо твое, писаное к дуничке,¹ я сочла за нужное сама тебе отвечать, ты пишешь, что душеприкащик покойного брата, узнал от кого то, что я живу в бедности, взойдя в мою квартиру только по обстановке в ней можно судить, что тут живет старуха из числа очень недостаточных, а квартира недурна, благодаря тому, что два сына Левенштейна живут со мной, и они мне нанимают квартиру.

Конечно я любезный Александр Николаевич, руку не протягиваю щеп по улицам, где строятся дома не собираю, стараюсь скрыть свои недостатки, но надеяться мне ненакого, левенштейн незнаю долго ли продержится, столько конкуренции в москве настроили казенных больниц психиатрических, да кто му же и болен старик, не может выезжать, а дети еще молоды,

Я никогда не рассчитывала на помощ от брата Ивана Алек⟨сандровича⟩ и незнаю за что покойной на меня последнее время гневался, ежели за то, что мы потеряли состояние, да с кем же не бывает нещастия.

Но как приступить к тому, чтобы получить после брата какую либо помощь, я как больная старуха не имею понятия, ежели ты можешь в этом помочь, то прошу тебя Александр Николаевич, как бы не была мала сума для меня теперь копейка дороже чем было в прежнее время десятков рублей. Теперь я живу с внуками, мне платят за стол их, им очень далеко и неудобно за^а заставой жить, студент занимается в клиниках, это недалеко от меня, а другой кончает гимназию.

Так вот Александр Николаевич, ежели вам возможно замолвить какое слово за старуху тетку, вы окажете великое благодеяние. А затем мой любезный племянник остаюсь

вас любящая тетка

А. Музалевская.

1 Ноября.

Р. S. Большую Елизавету Александровну, и маленькую крепко целую.²

Адрес мой конец Смоленского бульвара. долгий переулок дом Коротова
Квартира № 1

¹ Левенштейн Евдокия Петровна (1848—1911) — приемная дочь А. А. Музалевской, в момент написания письма была замужем за московским врачом-психиатром Ю. А. Левенштейном, родственники которого упомянуты в письме.

² Имеются в виду жена и дочь А. Н. Гончарова.

3

А. Н. Гончаров — М. М. Стасюлевичу

〈26 октября — 4 ноября 1891. Калуга〉

Садовая ул., д. Кадминой, г. Калуга. 26 Октября. 1891 〈года〉

Милостивый Государь
Михаил Михайлович.

Я вчера написал тетушке Анне Александровне Музалевской о том, что она может просить вспомоществования у Литературного фонда. Едва ли она решится просить вспомоществования. Мне кажется, что тетушка решится на такой шаг, если кто-нибудь из представителей литературного фонда взял бы на себя труд спросить Анну Александровну, не пожелает ли она принять от литературного фонда какое-либо вспомоществование. Тетушка очень бедна, отказывает себе во всем и терпит большую нужду: от прежнего состояния у нее осталось что-то вроде 2 т(ысяч) руб(лей) и кое-какие крохи она получает от своей приемной дочери, которая, имея свою большую семью, не может уделить ей столько, чтобы она могла жить безбедно.

Гончаров уже давно знал о бедственном положении сестры; но этому человеку никогда не были доступны ни сострадание, ни жалость! Не могу и в этом письме не вспомнить И. А.: так много живого осталось в памяти об этом странном, больном и тяжелом человеке.

И. А. срисовывал портрет Марка Волохова с Владимира Михайловича Кирмалова, сына другой сестры, которая живет до сих пор в Симбирской губ(ернии), в своем имении.

Этот Кирмалов кончил курс в Московском университете в 1860(-)м году, жил в Симбирске в доме Музалевской, ожидая какого-то назначения. Жил он собственно не в самом доме, а во флигеле, прислуживала ему его старая няня Анна Ивановна;¹ спал он не всегда у себя на кровати, а выбирал местом отдыха то сеновал, то какое-нибудь место в саду под березой, пел он превосходно русские песни и обладал необыкновенным талантом рисовать карикатуры.

С нянюшкой проводил он целые часы, читая ей книги, объясняя ей гнусность помещичьего существования, и старался ей выяснить *das Wesen des Christentums*² и излишество [икон] поклонения иконам, которые он называл размалеванными досками.

Няня обыкновенно долго молчала; но когда Владимир доходил до икон, то она вставала и обещалась пожаловаться маминьке, «а вот, погоди, маминька тебя сведет к Архиерею, а он, батюшка, прикажет тебя запереть в Суздаль Монастырь, там другое запоешь, вон какой выискался умник: иконам не молись, а кому прикажешь молиться, как не угодникам?»

Кирмалов проповедывал знакомым и незнакомым, гимназистам и институткам, заезжим помещикам и приезжим больным дяди Музалевского *Stoff und Kraft BÜCHNER'a*,³ объяснял и популяризовал сотворение земли по *Carl'у Vogt'у*⁴ и выхвалял Мошешота.⁵ Для более податливых и надежных людей у него были наготове, *ad magnam gloriam Hertzeni*,⁶ целые цитаты и столбцы из «Колокола», Полярной звезды и стихотворения Огарева и Рылеева.

В минуты пафоса Кирмалов восхвалял тетушке и своей матери доблести и гражданскую добродетель Пугачева и Стеньки Разина. Тетушка и мать смотрели на него, как на блудного сына, и для исправления его собирались пожаловаться Предводителю Дворянства, Губернатору и, кажется, Архиерею. Этого-то, по выражению местного приходского священника, «оглашенного», И. А. в своем романе произвел в представители молодого поколения начала 〈18〉60(-)х годов! Кажется,

Гончаров, ненавидя в душе Тургенева и их *jalousie de metier*,⁷ выставил своего Базарова — Марка Волохова. В романе И. А. Волохов вышел каким-то пугалом, сшитым на скорую руку, да еще белыми нитками. Базарова и теперь вспоминают, а Марк Волохов давно умер, похоронен и забыт!

Кирмалов ни Собакевич, ни Ноздрев — нигилизма; это был просто пустой малый, добрый болтун и вместе с тем сердечный человек. Возненавидеть его мог только такой сухой эгоист, как И. А., который не хотел и не желал понять, что тогда^a все рвалось^b наружу, искало^c свободы и простора. Конечно, при таких обстоятельствах иной жеребенок и лягнет — ну что же делать!

Нянюшка страстно любила своего Володиньку, хотя он ежедневно обещал выбросить ее «пенатов» за окно; но хитрая старушка вставала очень рано, молилась угодникам и на целые сутки запирала их в свой тяжелый, железом окованный, сундук. Кирмалов уверял меня, что его нянюшка ему очень напоминает придворных монахинь времен Византии.

Гончаров выходил обыкновенно к обеду красиво одетый, выбритый, слегка надушенный и оком знатока оглядывал стол с закусками, сервировку обеденного стола. Если он оставался доволен, то тетушка расцветала, если И. А. хвалил что-нибудь, то Анна Александровна торжествовала. Тетушка приглашала всех садиться и радостно занимала место перед миской.

Сцены за обедом были восхитительны; разговор Кирмалова, взгляды сожаления и презрения, бросаемые И. А., умоляющие глаза тетушки, желавшей сохранить мир и спокойствие в доме — все это трудно передать! Во всех разговорах чувствовалась та пропасть, которая разделяла в то время старое и молодое поколение. Те чувства, которые питал И. А. к Кирмалову, напоминают мне те чувства, которые питал Коломейцев, в романе «Новь» Тургенева, к Соломину и Нежданову.

И. А. во все время своего пребывания у тетушки старался держаться на высоте своего величия и разыгрывать роль избалованного, скучающего человека и брезгливо относился ко всем тем провинциальным удовольствиям, которые ему желали оказать, как тетушка, так и ее знакомые. Кирмалов все это величие ни в грош не ставил и видел во всем поведении И. А. одно ломание и каприз; смешную сторону всего этого он отлично подмечал и мастерски потом передавал.

Впоследствии Владимир Михайлович с огромным комизмом представлял Гончарова за обедом и те речи и нравоучения, которые И. А. давал присутствующим.

Кирмалов являлся к обеду в высоких сапогах, в какой-то двубортной куртке и с красным шарфом на шее; волоса у него были длинные и падали какими-то завитками на лоб. Здоровался он со всеми приветливо, исключая И. А., которому он издали кланялся. Обед начинался благополучно: дядя Музалевский наскоро ел, рассказывал кое-что из своей практики, мало обращая внимания на И. А., был всегда спокоен, справедлив и тяжеловат на разговор; часто он уходил, не кончивши обед, так как за ним или присылали, или необходимо было посетить больного. Об этом человеке до сих пор в Симбирске сохранилась самая лучшая память.

Вдруг И. А. за обедом начинал коситься на Кирмалова и начинал перестрелку какими-нибудь замечаниями в роде того: что «когда я был студентом, то мы и понятия не имели о водке и старались всегда быть прилично одетым, а теперь что делает молодежь»? После этих общих слов начинался критический разбор жизни Кирмалова; тут, почему-то, Гончаров приписывал ему, что он перелезал через забор за яблоками, что он желал да[же?] взбунтовать дворню в имени матери.

Кирмалов слегка посмеивался, трунил и иногда, как Кирмалов выражался, «доводил почтенного литератора до белого каления». Всю эту перестрелку закан-

^a Вписано поверх строки.

^b Первоначально: рвется.

^c Первоначально: ищет.

чивала тетушка, обращая внимание сражающихся на стерлядь или судака гигантских размеров. И. А. радостно поглядывал на блюдо и взглядом знатока, тем взглядом, которым, во время оно, осматривал Агасиц⁸ какой-нибудь палеонтологический экземпляр *Holoptihus nobilissimus* — ископаемой рыбы. Все предвещало тишь и гладь.

Надевши *pinse-pez*⁹ и облизывая кончики всех 5^d пальцев, И. А. сосредоточенно и умильно выбирал себе лучший кусок стерляди, вспоминая, что год тому назад он завтракал у Его Высочества Великого Князя Константина Николаевича и там подавали стерлядь гораздо более этой.

Кирмалов делал какое-то замечание, тетушка бросала на него умоляющие взоры.

За жареным И. А., покушавши вволю рыбы, которая была гораздо менее великокняжеской, начинал вспоминать вчерашний вечер и, обращаясь к Кирмалову, сказал: «вот Вы, Владимир Михайлович, говоря вчера с М-ше Языковой, отвечали ей по-русски, хотя она начала с Вами по-французски, и все время держали руки в карманах Ваших панталон! Это, знаете, пахнет казармой, какими-то нравами ландскнехтства, временами 30ти летней войны. При этом у Вас, Владимир Михайлович, дурная привычка — говорить со всеми громко. Право, это простительно только морякам: когда я плавал на фрегате, так мне тяжело было на суше говорить с ними: они все привыкли говорить в рупор и ругаться с матросами.... а Вы, Владимир Михайлович, человек порядочного общества и при этом Вы так одеваетесь, что напоминаете скорее героя Купера^e романа, чем будущего чиновника»..... И. А. говорил уже под давлением 10 атмосфер, у него уже появились красные пятна на щеках и все готово было к штурму!

Как-то все это спасла [мали(на)] появившаяся малина и сливки, которую неслы необыкновенной красоты горничная тетушки и которую (т. е. горничную) И. А. прозвал почему-то — «Макакой».

После такого обеда И. А. шел к себе в комнату, напевая «*Casta diva*», и ложился отдохнуть; тетушка шла в сад, куда также приглашался Владимир Кирмалов и там его просили молчать и не «раздражать братца». Кирмалов, *vulgo*¹⁰ Марк Волохов, что-нибудь мычал или обращался к тетушке с следующей фразой: «что это, тетушка, подрядились, что ли, Вы откармливать почтенного литератора? Он и без того вон какой жирный, а летом поест Ваших харчей, так и производить перестанет! Тогда куда прикажете его поставить? Перестань он описывать разных ленивых дураков, да петербургских распутных барынь,¹¹ ведь ему цена не более гроша, а при его капризах и фыркани и того меньше! Вы, тетушка, когда дядюшка у Вас совсем поглупеет, останетесь виноваты перед целой Россией: скажут, наш знаменитый писатель объелся в Симбирске у сестры и перестал писать. А то, чего доброго, он Вас где-нибудь опишет и „наведет на Вас критику“, тогда от Вас Губернаторша отвернется, Бычков¹² не будет принимать, а Языков¹³ перестанет приглашать на вечера! Что тогда? Приедете если Вы к этом знаменитому литератору в Питер, то он не только не накормит Вас,^f а пожалуй и не примет!» Тетушка называла Кирмалова буфоном и уходила к себе, чтобы приготовить И. А. чай, который он любил пить в известный час!

Так тянулось время довольно долго; наступил уже Август месяц, мы все иногда ходили с Гончаровым гулять за несколько верст к Волге. Редко он входил в наши интересы и мало расспрашивал нас о нашем житье.

Не могу не припомнить отношений И. А. к моему покойному отцу, с которого он, отчасти, скопировал учителя Козлова в романе Обрыв. Отец был высокообразованный человек, превосходный лингвист, словесник, какие только встречались в

^d Вписано поверх строки.

^e Первоначально: Куперовского.

^f Вписано поверх строки.

России во времена Шевырева и Плетнева, а в Германии во времена Schlegel Tick'a. Миросозерцание у него было чистое, ясное и спокойное; душа у него была чистая, какая-то детская, казалось, что до него не коснулась житейская грязь; от него веяло чем-то искренним, простым, ясным и немного наивным. Я помню, что мне учитель немец говорил про него: «Ihr Vater, der Nikolai Alexandrowitch, ist stets edelienkend, ein hoch tügendvoller(?) Mann».¹⁴ Он был учителем Симбирской Гимназии, много было ему труда с нами! Никогда от него я не слышал ни одной жалобы на свое, по временам, тяжелое положение. Отец, после своих утренних трудов, находил величайшее наслаждение в чтении Шекспира, Гете, или наслаждался стихами Petrarque; Шиллера он очень любил и знал почти всего [Фау(ста)] Гётевского Фауста на память. Я помню, возвращаясь как-то с отцом с прогулки, он мне прочел наизусть целый монолог Фауста, который начинается^ε словами:

Verlassen hab'ich Feld und Äuen,
Die eine tiefe Nacht bedeckt,
Mit ahnungsvollem heil'gem Grauen
In uns die bessre Seele weckt.¹⁵

После я уже никогда не слышал такого мастерского чтения и такого глубокого понимания великого произведения!

Во все свое пребывание у тетушки Музалевской И. А. был у отца раза два, и никогда разговор не выходил из ряда общих фраз. Я помню одно из таких посещений: И. А. застал отца за поправкой гимназических тетрадей, и, слегка подтрунивая над этой работой, присел к столу. Разговор зашел о нас, о нашем предполагаемом поступлении в Университет,¹⁶ отец говорил, что ему будет трудно содержать двух сыновей в Университете, что жалование у него небольшое и что они с матерью уменьшили настолько расходы, что дальше уменьшать нет возможности. И. А. держал в руках красивую трость, слегка посмеивался, брюзгливо озирая не особенно красивую обстановку отцовского кабинета. Гончаров, с своей стороны, видимо мало интересовался положением отца и, уходя, сказал отцу: «я, любезный Николай Александрович, конечно, тебе полезным быть не могу, и ты, пожалуйста, не рассчитывай на какую-либо помощь с моей стороны твоим сыновьям. Ты сам виноват: тебе следовало выбрать другую карьеру и не жениться на девушке, у которой почти ничего не было. Вместо того, чтобы отдавать детей в университет, пристрой их лучше в Канцелярию Губернатора, они скоро дослужатся до чина, а там, со временем, получают место исправника, или Советника Губернского Правления; впрочем, так как меня все это мало интересует, то делайте как знаете».

Отец долго не мог говорить об этом эгоистическом отношении брата к его семье. Мой отец даже из своих крохотных средств помогал наиболее нуждающимся гимназистам! При этом не могу не вспомнить, что когда И. А. уезжал в кругосветное плавание, то обратился к отцу с просьбой дать ему займы 1 ½ или 2 т(ысячи) руб(лей). У отца был дом в Симбирске,¹⁷ который он заложил, чтобы достать необходимые «Ваничке» деньги. Гончаров, по приезде из кругосветного плавания, отдал немедленно занятую сумму, забыв справиться, каким путем достал отец эти деньги.

Мать¹⁸ моя, дочь доктора,¹⁹ имевшего в Симбирске в 1820(-)х и 30(-)х годах огромную практику и нажившего там хорошее состояние, была женщина со средним образованием, отличная хозяйка, страстно любившая семью. Она забывала себя, никогда не имела другого платья, кроме простого ситцевого, нигде не бывала, и все это для того, чтобы доставить отцу известный комфорт и дать ему возможность выписывать книги. Целый день она была занята: сама ездила на Волгу

^ε Первоначально: начинался.

выбирать лес для постройки флигеля к дому, торговалась, рисовала план, присутствовала на постройке, учитывала подрядчика, обшивала нас, когда мы были дети; покупала своевременно провизию, заботилась об отце до мельчайших подробностей его туалета, копила целый год гроши, чтобы послать нас на кумыс, или на серные воды; первая в доме вставала и последняя ложилась.

И. А. она глубоко ненавидела, презирала за его эгоизм, за его бессердечие к семье брата, которая иногда сильно нуждалась. Раз как-то, чуть ли не в (18)59^h году, когда отец с матерью ездили в Петербург, И. А. стал говорить матери о том, что он не может и не желает хлопотать о переводе отца на место инспектора,ⁱ что надо брать самому места, что протекция хороша только для матушкиных детей, для молодых аристократов, а людям труда она не нужна.²⁰

Гончарову просто не хотелось хлопотать и кого-то попросить за брата, который занимает столь незавидное место — учителя гимназии в провинции. Мать ему тогда много наговорила справедливого, горького, может быть высказала все, что было,^j в резкой форме, не очень мягко, но с тех пор они возненавидели друг друга:²¹ Гончаров — за то, что мать моя поняла его и оценила [эту] его^k эгоистическую, сухую и мелкую душу, а она справедливо, с ее точки зрения, — за то,^l что Гончаров даже не хотел слова сказать в пользу семьи брата, которая, что он знал хорошо, сильно нуждалась в средствах.

Гончаров отомстил матери тем, что дал в жены, в романе Обрыв, учителю Козлову, женщину, которая не имела ничего общего, в нравственном отношении, с покойной моей матерью!

Пребывание Гончарова у Музалевской приходило к концу; но, кажется, ускорило его отъезд следующий случай за обедом: Гончаров, после каких-то необыкновенных дуэлей, поданных за обедом, начал доказывать Кирмалову бесплодность и пустоту тогдашней молодежи, о необходимости принятия строжайших мер для обуздания мальчишек — студентов, которым нужна не свобода, а розги.

Кирмалов, доведенный почтенным литератором «до белого каления», совершенно не обращал внимания^m на знаки и умильные взгляды тетушки и, совершенно бледный, задыхающимся голосом проговорил ясно и отчетливо: «Вот, Вы, почтеннейший литератор, автор Обыкновенной Истории и Обломова и преподаватель великим мира сего, во все время Вашего пребывания изволили изводить и травить меня и все наше молодое поколение. Не знаю, насколько Вы полезны России; но знаю, что у Вас на первом плане Ваше брюхо, Ваше я и Ваша карьера. В душе, я думаю, Вы проклинаете, что Вы не родились каким-нибудь кн(язем) Оболенским, или Долгоруким. Может быть, наше поколение глупит и ведет себя не совсем прилично; но мы не ханжи, не фарисеи, а делаем и говорим то, что думаем! Вы меня называете неприличным, неблаговоспитанным человеком, а как назвать поступок человека, который делает В. Л.,²² нашей бывшейⁿ гувернантке, ребенка и, во избежание неприятных историй, уезжает в кругосветное плавание, откуда описывает прелесть Южного Океана, цивилизацию Мыса Доброй Надежды, прелесть Гонконга и Красоты Явы и Цейлона?»

Кирмалов закусил удила и в этом разговоре припомнил И. А.^o отношение его^p ко всем нам, в особенности к моему отцу, к его семье, эту брюзгливость ко всему

^h Первоначально: 49.

ⁱ На место инспектора — над строкой.

^j Вписано поверх строки.

^k Вписано поверх строки.

^l Вписано поверх строки.

^m Вписано поверх строки.

ⁿ Вписано поверх строки.

^o И. А. — над строкой.

^p Вписано поверх строки.

окружающему.... Тургенев советует человеку, когда он так затешется в спор, что самому делается страшно, провесть раз десять языком внутри рта, прежде чем вымолвить слово. Кирмалов, не зная этого домашнего средства, наговорил И. А. все, что у него накопилось против этого ненавистного ему человека! Последовала картина, описать которую не берусь: И. А. ушел, не докушавши какого-то удивительного «Moscovite»,²³ жалуясь на неблаговоспитанность Кирмалова, удивляясь, как таких людей держат на свободе; тетушка отправилась к себе в спальню, где пролежала целый день, обложивши голову капустными листьями. В комнатах накурено было уксусом и прислуга ходила на цыпочках. Один только дядя Музалевский, не пообедавший дома, возвратясь вечером и увидевши в чем дело, очень умно и ясно сказал тетушке: «Кирмалов дурень; но малый честный и справедливый, а [что это] твой братец не мальчик, чтобы каждый день ссориться с Владимиром; твой И. А. все время вел себя у нас точно беременная баба: вечно капризы, постоянно недоволен, а какого черта ему недостает! Нельзя же весь мир переделать на свой образец! Нельзя требовать от Кирмалова, чтобы он походил на Петербургского приличного столоначальника Министерства Внутренних Дел! Скажи ты, матушка, твоему братцу, что Господу Богу всякая скотина нужна и не ему переделывать мир и людей на свою колодку».

И. А. во все время своего пребывания у Музалевских избегал каких-либо [разговоров и] замечаний мужу тетушки, который был очень прямодушный, честный и справедливый человек. Музалевского не могла задарить (возм. задобрить) ни талантливость Гончарова, ни его кажущаяся благовоспитанность; он видел в нем, как он потом мне говорил, эгоизм, бездушие и себе на уме чистенького петербургского чиновника-литератора, которому трудно и тяжело досталась карьера.

Кирмалов, после такой истории с И. А. и во избежание с его стороны намеков на дела, от которых Гончаров отделялся кругосветным плаванием, был тетушкой [уд(ален)] отлучен от стола и флигеля; но так как языка его не лишили, то он в городе стал рассказывать, что до сих пор у него был один дядя — Авель (мой отец); но теперь отыскался и другой — Ванька-каин.

Кирмалов никогда потом не видался с (Кирмаловым) И. А. Гончаровым. Все свое состояние Кирмалов отдал частью крестьянам, частью сестрам, оставив себе какие-то крохи. Был он потом судебным следователем в Княгининском уезде,²⁴ считался очень дельным чиновником; но долго там не ужился: он написал какие-то [ко(нрзб.)] стихи и нарисовал карикатуры на весь суд, то и другое не понравилось прокурору, и ему предложили выдти в отставку. Недели через две, после отставки, Кирмалов, снявши виц-мундир, надел поддевку и смазные сапоги, арендовал мельницу, которую продержал с чем-то лет 12 или 15. Там же он женился, по его выражению, «на одном женском поле, которая ежегодно [ему] мне приносит по здоровому поросенку».

Теперь он живет в Нижнем и занимается пароходной агентурой, кажется, хороший семьянин и обладает огромным юмором.

Через несколько дней после Кирмаловской истории, И. А. благополучно отплыл из Симбирска.

Прошло года два, или три, Музалевские после того, как весь Симбирск сгорел,²⁵ подарили каким-то дальним родственникам остатки сгоревшего дома,²⁶ отдали деньги, что-то около 100 тысяч, «верному человеку»²⁷ и отправились на житье в Москву. Детей у них не было, и они в 50(-)х годах взяли на воспитание 2(-)х²⁸ девочек, которых любили и воспитывали, как родных дочерей. Устроились в Москве они хорошо, первое время жили в доме, кажется, Писемского,²⁹ с которым они очень подружились.

Летом, кажется в Августе 1866 года,³⁰ тетушка задумала посмотреть Петербург, показать его своим воспитанницам, а также отдать визит «дорогому братцу Ивану Александровичу».

И. А. встретил их на железной дороге и, здороваясь, заметил сестре, что лучше всего советует ей остановиться в гостинице Клее,³¹ ныне Европейская. Гостиница, где также кормят очень изрядно, конечно, прибавил он, «кулебяк и разварных стерлядей здесь никто не ест; но обед порядочный и ты будешь довольна».³² Устроив их в гостинице, И. А. заметил сестре, что «тебе, сестра Анна Александровна, нужно одеться получше, а то здесь ты обратишь на себя внимание своим симбирско-московским туалетом».

Впрочем, дня через два Гончаров пригласил их к себе на квартиру, а так как он тогда только что возвратился из-за границы, то попросил сестру и ее двух молодых воспитанниц^q принять участие в устройстве и приведении в порядок его квартиры. Тетушка и ее воспитанницы вооружились молотками [и] целое утро прибивали картины, расставляли мебель, уставляли диваны и этажерки и раскладывали по полкам книги и его бумаги.³³

Тетушка и до сих пор не может вспомнить этого «моциона», как она выразилась. Кажется, он дня через два повез их на Острова, а затем сказал, что ему нет времени показывать им Петербург, что тут смотреть нечего, а лучше всего ехать в Москву, жизнь в которой для них понятна и удобна. «Здесь каждый должен работать, думать о себе; жизнь, моя Анна Александровна, не праздник, не вечная *fare niente*,³⁴ а труд тяжелый, надо знать свое место и свои обязанности».

Дня через два Анна Александровна уехала из Петербурга, [уже] И. А. уже не нашел нужным пойти их проводить на железную дорогу. Пророчество В. М. Кирмалова сбылось, и он потом частенно подсмеивался над тетужкой.

Года за два перед этим случайно в Петербурге был мой брат, и Гончаров^r встретил брата^s у знакомых моего брата Владимира Николаевича. И только этим ограничилось их знакомство.^t Брат мой его только раз видел и никогда [у него] не бывал у И. А., которого брат, заметя где-нибудь на улице, нарочно обходил. Проездом летом домой через Петербург, [я был в Дерптском Университете] (прямые скобки А. Н. Гончарова. — А. Р.) я заходил к Гончарову. Он никогда не интересовался ни моими занятиями, ни положением нашей семьи, а все разговоры имели какой-то общий характер, очень часто кончавшийся крупной бранью, после чего мы не видались опять несколько лет.

Кажется в 1870³⁵ году, «верный человек» Алаев, которому Музалевские доверили все свои деньги, что-то около 100 т(ысяч) руб(лей) или немного более, заручившись еще кое-какими клиентами вроде Музалевских, бежал в Америку, или Австралию. Музалевские переехали на маленькую квартиру, продали лошадей, лишнюю мебель и стали жить его маленькой пенсией и кое-какой грошевой практикой. Старшая воспитанница Авдотья Петровна в это время вышла замуж за доктора Левенштейна, а другая куда-то ушла в бонны. Отношения Гончарова к сестре совершенно переменялись после потери ее состояния: ранее он ей изредко писал, называя ее «Государыня сестрица», а когда она, поздравляя его с днем его Ангела, уведомила о том, что они потеряли все состояние, Гончаров резко, жестоко и бессердечно отвечал на ее письмо и просил прекратить всякую переписку с ним. Гончаров, кажется, относился так же и ко всем своим (1 сл. нрзб.) коллегам: Некрасова он не любил и с каким-то озлоблением выставлял на вид его пороки; Тургенева, сколько припомню из разговоров о нем, он ненавидел, в чем-то его подозревал и уверял, что Тургенев описывает хорошо лишь то, что он видит своими глазами; но создать что-нибудь, провести какую-нибудь мысль — это не его дело! Потом какое отсутствие юмора, а если он проявляется у него, то в какой-то уродливой форме,

^q Вписано поверх строки.

^r Вписано поверх строки.

^s Вписано поверх строки.

^t И только этим ограничилось их знакомство — над строкой.

лубочно и грубо. Я помню, с каким ожесточением говорил он о Нови Тургенева, как злорадно смеялся над двумя старичками, выставленными Тургеневым под названием Фомушки и Фимушки. Старички, надо правду сказать, совершенно не подходили к роману и даже Гоголевские Старосветские помещики ближе к 1870(-)м годам, чем эта старческая чета. Гончаров не мог простить Тургеневу даже те встречи и овации, которыми русское общество встречало и почтило тело любимого романиста: «Это не похороны», — говорил мне Гончаров, — «а какая-то безумная вакханалия»!

Единственный человек, к которому Гончаров относился всегда не только с великим уважением, а с каким-то благоговением — это был Белинский! Что было общего между этим страстным энтузиастом, живым, легким, оригинальным, у которого все, что писалось, было выстрадано, везде было видно желчное отрицание и страстное вмешательство во все вопросы, и между скромным, себе на уме чиновником-литератором, который тихохонько и смиренхонько проводил свою лодочку между разных подводных камней, к желаемому берегу. Кажется, любил он немного и отзывался с большим уважением об уме^ч и логике Кони; в последнее время он превозносил талант гр(афа) Толстого и говорил о нем с увлечением. Французских литераторов Zola и его последователей — он ненавидел и говорил, что они пишут о вещах, которые входят в круг медицины и анатомического театра.

В 1872 году я был за границей и привез с собой *La Russie et les Russes par N Tourguéneff*.³⁶ Я не хотел в этот проезд через Петербург быть у Гончарова, но, на мое несчастье, встретил его на Невском, он заговорил со мной и предложил сделать передобеденную прогулку, т. е. пройти с ним верст 20, если не больше. После прогулки, в 6 часов, мы обедали с ним в *Hôtel de France*; обед прошел благополучно, после обеда Гончаров пригласил меня к себе на Моховую пить чай. В разговоре я сказал Гончарову, что у меня есть очень интересное сочинение и очень редкое, а именно *la Russie par N Tourguéneff*. Гончаров совершенно уже испуганно начал шептаться, притворяя двери: «уничтожьте книги, ради Бога бросьте их в камин! Ну, если у тебя их найдут? Я, выходя из дому, каждый раз думаю, что у меня вот, вот будет обыск. Тут у меня и без того кто-то прочитывает мои бумаги и заметки. Пожалуй, 3(-)е отделение сделает у тебя обыск, найдут книги и подумают, что я их тебе дал!» Как этому человеку могла придти в голову мысль, что у него может быть сделан обыск и что он может распространять зловередные книги!³⁷ Тут Гончаров, уже не помня себя, начал меня упрекать за то, что я собираю библиотеку, какие-то каменные топоры и разную старую дрянь! На сцену явилось его наследство, упреки в том, что мы надеемся получить его, непорядочность ожидать наследства от человека, который всё приобрел трудом и никому никогда не был обязан. После этого мы не видались два года. В 1874³⁸ году я приехал в Петербург в очень скверном состоянии: я собирался жениться на девушке, которую очень полюбил, и неожиданно для меня получил от нее извещение, что она, после долгого размышления, пришла к тому убеждению, что нам лучше разойтись. Девушка эта Елизавета Александровна Уманец, в настоящее время, моя жена; свадьба наша была в 1882 году и жизнь наша сложилась так хорошо, так счастливо, что едва ли можно желать даже большего счастья в семейной жизни: это я говорю после 10(-)ти лет совместной жизни, и я сам далеко не первой молодости!

Приехавши в Петербург, я нашел себе должность, и временно мне поручено было исполнять [должность] обязанности секретаря Главного Правления Общества подания помощи на водах, которую мне передал А. Н. Куломзин.³⁹ И. А. продал через Постера,⁴⁰ или узнал об этом от Ю. В. Познанского⁴¹ — не знаю; но

^ч Первоначально: к уму.

^v Вписано поверх строки.

как-то неожиданно получаю от Гончарова записку по городской почте, в которой он просит меня посетить его часов около 9(-)ти вечера.

Дня через три зашел [И] к И. А., которого застал каким-то радостным, посадил меня и предложил хорошую сигару и начал с того, что поздравил меня с получением места и заметил: почему это Вас знает Ю. В. Познанский, где вы познакомились с А. Н. Куломзинным? Я дал ему необходимые объяснения и хотел уже перейти к обыкновенному разговору; но Гончаров недаром был так любезен, и начал, волнуясь радостно и потирая слегка концы пальцев: «а, вот, слышал я, что Елизавета Александровна, ваша бывшая невеста, отказала Вам — это хорошо! Право, хорошо! Отец ее Александр Алексеевич Уманец, мужик умный, я встретился с ним у Я. Полонского и раза два кое-где играл с ним в карты, человек рассудительный, он, конечно, объяснил ей, что Вы не можете быть хорошим мужем! Я видел Вашу невесту: она девушка совершенно приличная, *une demoiselle (sic!) d'une bonne maison, très distinguée*,⁴² а Вы-то что? Мне известно, что у старика Уманца дом против большого театра и за каждой дочерью, кажется другая его дочь замужем за Безобразовым,⁴³ дает по 50 тысяч. Вам, верно, все это интересно знать; но(?)», может быть, Вам это и ранее было известно».

Тут меня Гончаров довел, как выражался Кирмалов, до белого каления, и я наговорил ему много, жестко и справедливо — все, что было на душе и что накопилось за несколько лет!

После этого я его не видал до 1885 года, когда я был в Петербурге вместе с женой. Я повез к нему жену, она ему очень понравилась, он наговорил ей множество любезностей и подарил ей свои сочинения с подписью: «по возможности на добрую память от автора».⁴⁴

В 1889 году я его видел в последний раз, когда он, видимо живший под влиянием своей Александры Ивановны, встретил меня с каким-то листом бумаги, по которому скороговоркой, с пятнами на щеках и пеной на губах, требовал от меня каких-то объяснений и осыпал меня рядом обвинений и (каких-то) упреков.

Вспоминая все отношения, бывшие между И. А. и его родными в период более чем за 30 лет, я не помню с его стороны не только ни одного доброго дела, какой-либо помощи материальной или нравственной кому-либо из нас; но во всех соприкосновениях с родственниками он являлся каким-то озлобленным человеком, которому чуждо всякое человеческое чувство!

Нужно быть слишком жестким, бессердечным человеком, чтобы не помочь сестре, которая в продолжении 20(-)ти лет, на глазах довольно обеспеченного брата, живет почти в нищете и, говоря откровенно, часто не обедает. Гончаров только по временам справлялся, как-то брюзгливо, как будто говорил о чем-то неприличном: «а что сестра Анна Александровна все живет в Москве, кажется, у какой-то поповны?»

При всем желании, я ничего хорошего о Гончарове сказать не могу и из всех отношений, бывших между им и моей семьей, у меня остались самые тяжелые, самые безотрадные воспоминания об этом человеке.

Оканчивая эти наскоро набросанные воспоминания, я только что получил от тетушки Анны Александровны Музалевской письмо, которое при этом прилагаю.

Из письма Вы изволите усмотреть, что она сама лично едва ли будет в состоянии ходатайствовать о выдаче ей вспомоществования из сумм Литературного фонда.

Если Вы возьметесь за это дело, то можете быть уверены, что эта помощь тетушке очень, очень нужна, а вместе с тем это единственно доброе дело, сделанное если не самим Гончаровым, то хоть его именем! Я уверен, что Гончаров на том свете будет очень гневаться за это истинно доброе дело.

Анне Александровне 76 лет,⁴⁵ и едва ли она долго проживет, так как она постоянно болеет и, кажется, в последнее время у нее стали показываться признаки

водянки. Тетушка объясняет гнев покойного братца и его месть тем, что она потеряла состояние — это тоже характерная черта и объясняет нрав покойного.

В случае, если Вы согласитесь что-нибудь сделать для тетушки, то смею просить Вас не требовать от нее каких-либо формальностей, и значительной переписки, так как она никуда не выходит, исключая приходской церкви, и всякая переписка для нее обременительна.

Если бы нужно было собрать какие-либо подробности, то нельзя ли попросить кого-либо из Московских литераторов зайти к тетушке и выяснить ей то, что от нее требуют.

Простите за длинное письмо, которое Вам может показаться скучным и неинтересным, но я, писавши эти страницы, сам переживал прошедшее, и мне казалось, что все это было так недавно и все лица стоят передо мной как живые. Во всех этих страницах нет слова неправды, лжи или клеветы; но, может быть, перепутаны факты — одни помещены ранее, другие позже; но характеристика И. А. Гончарова верна, все отношения его к родным точны и справедливы.

Мои воспоминания не имеют никакого литературного значения и предназначены не для печати. Вам, как его душеприказчику, наверно приходила мысль: отчего же Гончаров в своем завещании никого не вспомнил из своих более ему близких, чем Александра Ивановна.

Может быть, эти наброски воспоминаний помогут Вам объяснить характер Гончарова.

Прося еще раз извинения за эти бесконечные страницы, вместе с тем, прошу принять уведомление в моем глубоком уважении и преданности,

С (1 сл. нрзб.), имею честь быть Вашим покорным слугою(ю?)

А. Гончаров

4(-)г(о) Ноября 1891 г(ода).

¹ Няня, жившая в семье Гончаровых и воспитывавшая еще И. А. Гончарова.

² Книга Л. Фейербаха «Сущность христианства» (1841).

³ Книга Л. Бюхнера «Сила и материя» (1855).

⁴ Карл Фохт (Фогт) (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель, зоолог, палеонтолог, врач, философ, представитель вульгарного материализма.

⁵ Якоб Молешотт (1822—1893) — физиолог и философ, представитель вульгарного материализма.

⁶ к вящей славе Герцена (*лат.*).

⁷ ремесленная зависть (*фр.*).

⁸ Луи Агассиц (1807—1873) — американский натуралист.

⁹ Единственное упоминание в литературе о том, что у И. А. Гончарова было пенсне.

¹⁰ в просторечии (*лат.*).

¹¹ Речь, возможно, идет о журнальных публикациях отрывков из романа «Обрыв» — «Софья Николаевна Беловодова» (Современник. 1860. № 2. С. 409—454; Отечественные записки. 1861. Т. СХХХIV (прил.). С. 1—40) и «Портрет» (Отечественные записки. 1861. № 2. С. 251—278). Однако А. Ю. Балакин предположил, что, поскольку характеристика «ленивый дурак» мало подходит к Райскому, а «петербургская распутная барыня» — к Беловодовой, то А. Н. Гончаров мог здесь иметь в виду персонажей очерка «Иван Савич Поджабрин», действительно соответствующих этим характеристикам. Однако очерк вышел в «Современнике» в 1848 году и в сборнике «Для легкого чтения» в 1856 году, т. е. ранее очерков «Софья Николаевна Беловодова» и «Портрет». Впрочем, впечатления от чтения разных произведений И. А. Гончарова у его племянника могли наложиться друг на друга.

¹² Возможно, имеется в виду Александр Львович Бычков (1797—1879) — ротмистр, помещик.

¹³ Языков Петр Михайлович (1798—1851) — естествоиспытатель, первый председатель Комитета Симбирской общественной библиотеки им. Н. М. Карамзина, симбирский общественный деятель.

¹⁴ Ваш отец, Николай Александрович, это благороднейший, исполненный высоких добродетелей человек (*нем.*).

15 А. Н. Гончаров немного искажает написание немецких слов. В оригинале:

Verlassen hab ich Feld und Auen,
Die eine tiefe Nacht bedeckt,
Mit ahnungsvollem, heil'gem Grauen
In uns die beßre Seele weckt.

(Goethe J. W. Werke. Fr. am M., 1970. Bd 3. S. 38).

В переводе Б. Л. Пастернака:

Оставил я поля и горы,
Окутанные тьмой ночной.
Открылось внутреннему взору
То лучшее, что движет мной.

(Гете И. В. Собр. соч.:

В 10 т. Т. 2. М., 1976. С. 45).

16 В 1862 году сыновья Н. А. Гончарова уже учились в университете. Возможно, А. Н. Гончарову запомнился какой-то разговор его отца и дяди, произошедший в 1855 году.

17 Домом в Симбирске братья владели вместе, писатель дал брату доверенность на продажу дома в 1857 году (см. письмо И. А. Гончарова к Н. А. Гончарову от 25 мая 1857 года: Новое время. Иллюстрированное приложение. 1912. № 13038. С. 5—6).

18 Гончарова Елизавета Карловна (1823—1883).

19 Карл Рудольф. См. о нем: *Алексеева Ю. М.* Был ли Андрей Карлом? // Народная газета. 1992. 17 июня. № 69 (162). С. 5.

20 О действительных хлопотах писателя, искавшего протекцию для брата, см., например, письмо И. А. Гончарова к Н. А. Гончарову от 8 июля 1858 года (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1912. № 13017. С. 10). Чиновник Министерства просвещения, к которому обращался писатель, отозвался о должности смотрителя училищ как о месте, не представляющем никаких выгод.

В письме И. А. Гончарова к брату Н. А. Гончарову от 12 апреля 1862 года читаем: «Елизавета Карловна пишет, что она *хочет перевести* потом Сашу в Петербургский университет, потом *хочет*, чтоб мальчики вступили в инженеры на железные дороги и т. п. Где же будет конец ее *хотениям* и когда начнутся *хотения* самих мальчиков? Если она не желает испортить всего дела, то попроси ее дать им волю в деле науки, труда и жизни, решить самим, куда они хотят, чему учиться, какой путь избрать, куда их повлекут способности, к какой науке, по какому пути поведет любовь, страсть, пусть туда и идут. *При этом условии только и можно иметь успех.* (...) Доложи также Елизавете Карловне, что Петербургского университета нет и что, если он и откроется опять, то, судя по тому брожению, которое совершается в юных умах, он прочен не будет и что, вообще, это очень вредно менять систему ученья и перескакивать из одного университета в другой. Выходят из этого скакуны, верхогляды, а не дельные и ученые люди. Нет, пусть Саша кончит науку с немцами; пусть, если может, будет ученым, профессором, механиком, астрономом, но только не посягайте на его волю в избрании себе поприща деятельности: это варварство и деспотизм, неумеренная претензия думать, что мы старше летами, оттого и лучше выберем ему науку, труд, службу, хотя весь век сидим в углу и сами ничего не видим и не знаем. Пусть она аккуратно высылает ему деньжонки, белье и проч(ее), а остальное он там, с добрыми немцами, решит лучше ее — и, извини, и нас с тобой. А Володя в Казани, в университете, сам узнает и решит, что ему делать. Пусть так и делает, а вы, ради Бога, не мешайте ему своими учеными советами. Вспомните, что мы старики, а жизнь ушла вперед, и мы ее не знаем, не знаем, что понадобится через несколько лет. У юношества чутье острее нашего; оно смекнет, что нужно и чего нельзя» (Новое время. Иллюстрированное приложение. 1912. № 13024. С. 10—11).

21 Возможно, письмо, процитированное в прим. 20, является отзвуком этого конфликта, так как тон его дидактичен.

22 То есть В. Л. Лукьяновой (1827—после 1893). Оба ребенка были рождены ею в браке.

23 Возможно, копченой осетрины по-московски.

24 В Нижегородской губернии.

25 Август 1864 года.

26 Дом Гончаровых сгорел 19 августа.

27 Далее из текста данного письма выясняется только фамилия этого человека — Алаев.

28 Возможно, имеется в виду 1865 год. 26 декабря 1865 года Гончаров писал А. А. Кирмаловой: «Здесь была сестра Анна Александровна: она приезжала немного развлечься» (Вестник

Европы. 1908. № 12. С. 434). Воспитанницей Музалевских была только Е. П. Левенштейн. Упоминаний о второй «девочке» больше нигде, кроме комментируемого письма А. Н. Гончарова, не найдено.

²⁹ Имеется в виду А. Ф. Писемский, но подтверждения слов А. Н. Гончарова пока не найдено.

³⁰ В действительности зимой 1865 года. См.: *Левенштейн Е. П.* Воспоминания об И. А. Гончарове // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. С. 101.

³¹ Гостиница Г. Клее (угол Невского пр. и Михайловской ул.), затем «Россия» (на момент приезда А. А. Музалевской), с 1875 года — «Европейская».

³² Судя по путеводителям, ресторан гостиницы отличался хорошей кухней и богатой отделкой интерьера (см., например: *Богданов И. А.* Старейшие гостиницы Петербурга. СПб., 2001. С. 27—28, 31—34).

³³ Е. П. Левенштейн ни о чем подобном не упоминала.

³⁴ ничегонеделанье (*итал.*).

³⁵ Судя по письмам, Музалевские разыскивали Алаева с 1865 года.

³⁶ *Tourgeneff N.* La Russie et les Russes. Vol. 1—3. Paris, 1847.

³⁷ Книга Тургенева распространялась в России тайно, долгое время была запрещена российской цензурой, ссылки на нее также были запрещены. В описываемое А. Н. Гончаровым время на книгу уже ссылались в русской научной литературе (см.: *Житомирская С. В.* Голос с того света: Книга Николая Тургенева «Россия и русские» — история и судьба // Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 645, 651).

³⁸ Е. А. Уманец стала невестой А. Н. Гончарова в 1875 году, сам он переехал в Петербург на жительство в 1876 году (см.: *Смирнова И.* Душка // Мономах. 2007. № 2 (49). Электронная версия: <http://monomax.sis.net.ru/main/view/article/551>).

³⁹ Куломзин Анатолий Николаевич (1838—1923) — государственный деятель, статс-секретарь. В 1870-е годы занимал разные должности в Государственной канцелярии и Канцелярии Комитета министров.

⁴⁰ Неустановленное лицо.

⁴¹ Неустановленное лицо.

⁴² девушка из хорошей семьи, очень достойная (*фр.*).

⁴³ Имеется в виду Надежда Александровна, младшая сестра Е. А. Уманец, в замужестве Безобразова (см.: *Смирнова И.* Указ. соч.).

⁴⁴ Экземпляр не сохранился, об этой надписи известно только из данного текста.

⁴⁵ В действительности 74 года.

4

А. А. Музалевская — в Литературный фонд

⟨7 января 1892. Москва⟩*

В Литературный Фонд.

Вдовы Коллежского Советника
Анны Александровны Музалевской

Прошение.

Я нижеподписавшаяся, Анна Александровна Музалевская, урожденная Гончарова, родная сестра умершего писателя Ивана Александровича Гончарова, имею от роду 74 года и нахожусь без всяких средств к существованию. В настоящее время я так слаба и больна, что не в состоянии себе что-нибудь зарабатывать для пропитания, а потому честь имею покорнейше просить Литературный Фонд обратить свое благосклонное внимание на мое безвыходное положение и оказать мне какое-либо вспомоществование. Анна Музалевская

Жительство имею: Москва, Смоленский бульвар, Долгий переулок, дом Коротова.

Москва, 7-го января 1892 года.

* Письмо написано другой рукой, подпись — автограф А. А. Музалевской.

5

А. Н. Гончаров — М. М. Стасюлевичу

Калуга, Садовая ул., д. Кадминой
1-ое марта 1892 г(ода)

Милостивый Государь
Михаил Михайлович.

В Вашем письме ко мне о <1 сл. нрзб.> прошлого года¹ Вы обещались ходатайствовать перед Литературным фондом о выдаче моей тетушке А<нна> А<лександровне> Музалевской, родной сестре покойного Гончарова, какой-либо пенсии или единовременного пособия.

Моей жене Вы сказали, что едва ли удастся Вам кое-что получить от фонда в пользу Анны Александровны Музалевской; но обещались еще раз попросить кое-кого из членов фонда.

Не получая до сих пор известий о том, отказал ли фонд окончательно или Вы еще не успели ни с кем переговорить об этом, позволяю себе еще раз беспокоить Вас и просить Вас обратиться хотя к К. К. Арсеньеву² с этой просьбой.

Вот на всякий случай адрес А. А. Музалевской: Zubовский бульвар, Долгий переулок, д. Коротова. Москва.

Я бы, ввиду плачевного положения тетушки, обратился к главной наследнице Гончарова,³ с просьбой помочь Музалевской, сестре человека, от которого получено его всё состояние, если бы это была более или менее порядочная женщина.

Если бы я получил от Гончарова хотя что-нибудь, то поделился бы с Музалевской, которая находится, в настоящее время, в совершенно бедственном состоянии.

От меня лично Музалевская ничего не возьмет; она мне не раз говорила: «от тебя я ничего не приму, так как никогда и ничем не помогала ни твоему отцу, ни тебе, ни твоему брату, когда была в состоянии это сделать».

Если Вы не считали бы возможным что-нибудь сделать в пользу Музалевской, то покорнейше прошу возвратить просьбу Музалевской моей жене сюда в Калугу. Она хотела обратиться через своего родственника Рихтера⁴ или в Литературный фонд прямо, или просить Государя о какой-либо помощи сестре умершего литератора Гончарова.

С истинным почтением, имею честь быть Вашим покорным слугою

А. Гончаров

¹ Письмо не найдено.

² Арсеньев Константин Константинович (1837—1919) — писатель, общественный и земский деятель, сотрудник журнала «Вестник Европы».

³ Имеется в виду А. И. Трейгут. См. письмо 1, прим. 4.

⁴ Рихтер Петр Александрович, дядя Е. А. Гончаровой, крупный петербургский чиновник.

6

Гончарова (р. Уманец) Елизавета Александровна.
Воспоминания ее о Гончарове И. А. 4-я тетрадь
(добавление и добавление к добавлению)

4-ая тетрадь

Добавление

В Симбирске мне говорили, что роман Ив<ана> Ал<ександровича> с Варв<арой> Л<укиничной или Лукьяновой?> действительно был. Его чувство, хоть и [мимолетное] бурное, но было мимолетным. Увлекался он часто, и находил взаим-

ность. Характерен рассказ Мих(аила) Викт(оровича) Кирмалова,¹ сына Викт(ора) Мих(айловича),² он часто заходил к^а Ив(ану) Ал(ександровичу) в С(анкт-)п(етер)б(урге): «не дают мне работать, жаловался он, придет барынька, ворвется ко мне, осенит своим платьем весь мой диван, потащит в своей карете на острова, ну там и воздух, и море, ну — „et tout ce qui s’eu suit”». ³ Видимо [его] женщины его баловали.

О романах его рассказывают много, называя разных лиц, у которых он пользовался взаимностью. Один из его романов прервало его путешествие (куда? не знаю наверное). Когда он вернулся, она поспешила к нему напомнить о их любви. Он довольно резко заметил, что для него, это дело давно минувших дней, хорошо, если и она так же отнесется к этой странице поэзии жизни, что молодость и розы вновь не расцветают.⁴

Этот рассказ я слышала от А(лександра) Н(иколаевича), из Симбирских воспоминаний.

С В(арварой) Л у него был роман, конец его совпадающий с концом романа Веры и Марка, сильно удручал Ив(ана) Ал(ександровича). Он старался поддержать В(арвару) Л морально и материально, но о женитьбе на ней не думал. Это казалось ему совсем не подходящим по их характерам: она была женщина властная, связать свою судьбу с ней, казалось ему крайне жестокой за прежний грех.

Роман должно быть произошел после его возвращения из плавания, когда он, довольный, жизнерадостный был в Симбирске и когда, по словам Г(ав)р(иила) Н(иколаевича) Потанина, В(арвара) Л произвела на него неотразимое впечатление.⁵

В(арвара) Л потом вышла замуж, имела 3(-)х⁶ детей. Ив(ан) Ал(ександрович) постоянно помогал ей и ее мужу⁷ в устройстве их материального положения.⁸ По воскресеньям навещал их детей в Институте, возил им конфеты. Когда В(арвара) Л овдовела, Ив(ан) Ал(ександрович) помог ей устроить классной дамой в одном из институтов.⁹ Это мне рассказывала Дарья Леонтьевна Кирмалова.¹⁰

Очень трудно сказать, кто был прототип Веры. И Вар(вара) Л и Аделаида Карловна¹¹ и многие другие слились в той амальгаме, чтобы вышли не портреты, а типы. В(арвара) Л — красивая, высокая, с прекрасными глазами, терпкая(?) красота, вызывающая; ее большие^b портреты стояли у него в кабинете; Аделаида Карл(овна) была среднего роста, некрасива, большие нос и рот, брюнетка, но глубокие карие, умные глаза украшали это лицо и оно привлекало. Я знала ее уже старухой, но понимала, что она могла сильно нравиться.

* * *

Позволяю себе прибавить выписку из одной из моих тетрадей о том, что был за человек Ал(ександр) Н(иколаевич) в молодости: «Сашенька» Гончаров тронут заразой (18)60(-)х гг., ораторствует (sic!) требует реформ, свободы! — Так говорили об А(лександре) Н(иколаевиче) близкие, родные в семьях Рудольф и Унтербергер. К ним примыкал и Ив(ан) Ал(ександрович). В душе он не был противником реформ, но он совсем был против горячности, против всякой ломки в жизни, а Александр, как ему казалось, был именно таким Марком Волоховым, которого он с болью вынашивал в своем сердце и уме, против которого поднимались в его душе вся желчь, вся злоба, все мучения жизни своей и родины, которую он так любил.

Чуткий, до болезненности, к мнениям чужих о родных и близких, Ив(ан) Ал(ександрович), с невольным душевным трепетом прислушивался к тому, что говорил Александр в Дерпте, что он за человек этот сын его брата.

^a Вписано поперек строки.

^b Вписано поперек строки.

Ал(ександр) Н(иколаевич) был студент минералогии, как значится в его дипломе, но наряду с этим изучал и другие естественные науки, был любимым учеником проф(ессора) Гревинка,¹² он его прочил себе в помощники. Всему этому положила конец серьезная болезнь А(лександра) Н(иколаевича), но с профессором хорошие отношения сохранились до конца жизни Гревинка.

Ал(ександр) Н(иколаевич) занимался очень серьезно, но рядом с этой жизнью, шла другая, жизнь немецкого Student'a, бурша, где было и пиво, бывали и попойки, дуэли, ухаживания, любовные похождения. Он, как балованное дитё, беззаботно предавался этому, с легким сердцем, радостно идя на встречу неизвестному в жизни, захватывавшей его широкой волной.

Ивана Александровича, умеренного, [1 сл. густо зачеркнуто] человека, все эти студенческие выходыки племянника раздражали, беспокоили, тревожили (см(отри) письма к нему Нов(ое) Вр(емя) иллюстр(ированное) прил(ожение) 12 июня 1912, № 18024).

Все веяния свободы захватили А(лександра) Н(иколаевича) и его кружок в Дерпте, где были: Манассеин (доктор)¹³ Хрущов (проф(ессор) химии)¹⁴ Волков (акварел(ист) и пр(офессор?) ботаники),¹⁵ Боборыкин, Биспен(?)¹⁶ и многие другие. Они зачитывались Герценом: «как мы, пишет А(лександр) Н(иколаевич), в (18)60(-)е годы любили его, мои „Былое и Думы“ прошли через тысячи рук и сколько они доставляли наслаждений!» Этот кружок свободных русских студентов возмущал правоверных немцев. Преувеличены доходившие до Ив(ана) Ал(ександровича) слухи о кутежах студентов. Была игра, как говорил [Ив(ан) Ал(ександрович)] Ал(ександр) Ник(олаевич), но пьяными не напивались и никогда это не мешало занятиям, еще менее их внутреннему Я, их убеждениям, их мирувоззрению (sic!), которое они чисто и свято вынесли на жизненный путь.

*

На этих страницах мне хотелось поместить все, что мне известно о Гончарове. Есть еще один неиспользованный источник. Это архив Николая Александровича Гончарова. После его смерти, архив хранила его жена Елизавета Карловна, перевезла чемодан с письмами в деревню к сестре своей Эмилии Карл(овне) Ульяновой, в Симбирскую губ(ернию), около г(орода) Курмышля деревня Ульяновка (описанная Луговым-Тихоновым¹⁷ в одном из его романов). После смерти Елиз(аветы) Карл(овны) там же в 1883 году, архив был снесен на чердак, со многим хламом и старьем, откуда он был извлечен и рассмотрен настоящей владелицей Ульяновки Княгиней Верой Михайловной Чегодаевой, дочерью Аделаиды Карл(овны) Дмитриевой. В 1910—1912 разобрав этот архив, она^c выбрала письма Ив(ана) Ал(ександровича) к брату и к племяннику Ал(ександру) Ник(олаевичу), отослала их в редакцию Нов(ого) Вр(емени), где некоторые из них и были напечатаны. Кн(ягиня) Чегодаева двоюродная сестра моего мужа, пишет мне, что у нее не осталось больше писем Ив(ана) Ал(ександровича). Так ли это, и не уничтожила ли она писем его к своей матери? и что было еще в архиве, кроме этих, отосланных в ред(акцию) Нов(ого) Вр(емени) писем?

Кн(ягиня) Чегодаева теперь через меня дала доверенность Н. А. Котляревскому¹⁸ на получение из редакц(ии) Нов(ого) Вр(емени) всех писем Ив(ана) Ал(ександровича), что были ею посланы, в собственность Академии Наук, где они вероятно теперь уже находятся.

10 Февраля 1917 (года)

Е. Гончарова

^c Вписано поверх строки.

*

к Добавлению

Софья Беловодова первоначально списана была с княгини Екатерины Ивановны Друцкой-Соколинской, рожд(енной) Энгельгард, по второму мужу тоже Энгельгард.¹⁹ Она была двоюродная сестра девицам Рудольф. Эк(атерина) Ив(ановна) была очень богатая женщина, имела дом в Смоленске и имение в Порецком у(езде) Смол(енской) губ(ернии) с(ело?) Покровское, где был громадный 7(-)ми этажный дом с куполом. Детей не имела. Была красавица, спокойная, холодная, очень светская, имела массу поклонников, мужа не любила, и он с ума сошел.

¹ Кирмалов Михаил Викторович (1863—1918) (данные предоставлены сотрудником Музея И. А. Гончарова в Ульяновске Ю. М. Алексеевой).

² Кирмалов Виктор Михайлович (1834/35—1912) (данные предоставлены сотрудником Музея И. А. Гончарова в Ульяновске Ю. М. Алексеевой).

³ и все, что следует (*фр.*).

⁴ Вероятно, речь идет об А. А. Колзаковой (см. мой комментарий: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 6. С. 159—160).

⁵ То есть в 1855 году. Воспоминания Г. Н. Потанина вызывают у исследователей большие сомнения. См., например, замечание А. Д. Алексеева в книге «И. А. Гончаров в воспоминаниях современников» (с. 263).

⁶ У В. Л. Лукьяновой было двое детей (см. письмо И. А. Гончарова к А. Г. Троицкому от 19 июня (1 июля) 1868 года (Вестник Европы. 1908. № 12. С. 452—455)).

⁷ В. Л. Лукьянова была замужем два раза (см. там же).

⁸ В то же время в 1860-е годы В. Л. Лукьянова помогала писателю, заботясь о его хозяйстве (см. письмо к С. А. Никитенко от 29 мая (11 июня) 1868 года: «Вторая Агафья Матвеевна — это В. Л. Лукьянова. В ней воплощается (...) меня [практичность] вся практическая сторона моей жизни. Это (Агафья Матвеевна) поручений, избавление меня от разных житейских неизбежных (1 сл. нрзб.) и столь же скорое исполнение моих желаний в обыденной сфере — для этого ей нет равной. Честность, аккуратность, уменье(?), бодрость — это ее качества» (ИРЛИ. Ф. 34. Оп. 8. № 11. Л. 57—58)).

⁹ В Николаевском сиротском институте (см. письмо И. А. Гончарова к А. Г. Троицкому от 19 июня (1 июля) 1868 года).

¹⁰ Д. Л. Кирмалова (1841—1918) — жена В. М. Кирмалова.

¹¹ А. К. Дмитриева, в девичестве Рудольф, — сестра Е. К. Гончаровой.

¹² Гревинк Константин Иванович (1819—1887) — профессор геологии и минералогии Дерптского университета.

¹³ Манасени Вячеслав Авксентьевич (1841—1901) — врач, общественный деятель.

¹⁴ Хрущов Павел Дмитриевич (1849—1909) — химик.

¹⁵ Неустановленное лицо.

¹⁶ Неустановленное лицо.

¹⁷ Тихонов Алексей Алексеевич (псевд. Луговой; 1853—1914) — беллетрист.

¹⁸ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — литературовед, академик, первый директор Пушкинского Дома.

¹⁹ Сведений о ней разыскать пока не удалось.

**ЭКСПЕДИЦИЯ А. В. МАРКОВА
НА ЗИМНИЙ БЕРЕГ БЕЛОГО МОРЯ 1899 ГОДА:
ПИСЬМА ИЗ АРХИВА УЧЕНОГО**

(ПУБЛИКАЦИЯ © Н. Г. КОМЕЛИНОЙ)

Алексей Владимирович Марков (1877—1917) — ученик В. Ф. Миллера и автор классического сборника «Беломорские былины».¹ Он представляет собой «новый тип фольклориста первой половины XX в.»² в котором соединились «кабинетный

¹ Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

² Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 36.

ученый-теоретик с практиком-наблюдателем».³ Эти две стороны его наследия нашли отражение как в работах о деятельности А. В. Маркова, так и в публикациях его полевых записей.⁴ Наш материал посвящен собирательской деятельности ученого, а именно, его экспедиции 1899 года на Зимний берег Белого моря.⁵ Напомним, что в эту местность им было совершено несколько поездок: в 1898, 1899 и 1901 годах.

В. Ф. Миллер в статье, предваряющей публикацию былин, писал: «Летом 1898 года член Этнографического отдела студент-словесник А. Марков записал 5 <...> былин в селении Зимняя Золотица, на Зимнем берегу Белого моря. Как хорошо подготовленный филолог и любитель народной песни, г. Марков отнесся к делу записывания „старинушек“ из народной устности вполне добросовестно: записывал вельсь с голоса и с наблюдением всех особенностей местного говора».⁶ Существовавшие до этого времени публикации народного эпоса из Архангельской губернии носили случайный характер, в связи с чем В. Ф. Миллер делает вывод, что «в этой губернии исследователи не нашли той живучести эпической традиции, какую Рыбников, Гильфердинг, Барсов, Истомин, Куликовский и др.<угие> застали в Олонецкой».⁷

Вторая экспедиция А. В. Маркова на Зимний берег (1899) опровергла это мнение и позволила говорить о существовании былинной традиции в Архангельской губернии. В предисловии к «Беломорским былинам» собиратель пишет: «По общему сказателей⁸ и разнообразию былинных сюжетов обследованная мною местность принадлежит к выдающимся. Кажется, нигде не было найдено такого множества старин на сравнительно небольшом пространстве поселений. В двух селах Зимней Золотицы, заключающих в себе около 170 дворов, можно найти <...> не менее 24 сказателей и сказательниц; таким образом, одно из таких лиц приходится дворов на 7».⁹ «В 24 дня я успел записать 109 старин, среди которых оказалось около 75 — собственно былин, за вычетом исторических и так называемых низших эпических песен».¹⁰

Экспедиция 1899 года готовилась А. В. Марковым совместно с А. Д. Григорьевым;¹¹ отчеты об их поездках были помещены под одним заглавием «Былинная

³ Соколов Ю. М. А. В. Марков // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подг. С. Н. Азбелев и Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 1047.

⁴ См.: Аникин В. П. Историко-фольклорная концепция А. В. Маркова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2. С. 156—175; Смирнов Ю. И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А. В. Маркова // Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976. Т. 16. С. 115—135; Иванова Т. Г. Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. С. 36—60; Астафьева Л. А. Неизвестные записи А. В. Маркова с побережья Белого моря // Живая старина. 1994. № 3. С. 31—32; Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова.

⁵ Зимний берег — восточное побережье Белого моря. В северной его части находится село Зимняя Золотица, состоящее из двух поселков: Нижняя Золотица — на побережье Белого моря при впадении в нее р. Золотицы и Верхняя Золотица — выше по течению реки.

⁶ Миллер В. Ф. Новые записи былин в Архангельской губернии // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. Академии наук. 1899. Т. 4. Кн. 2. С. 661.

⁷ Там же. С. 662.

⁸ А. В. Марков приводит различные названия исполнителей былин. Золотицкое «сказатели» он связывает со старинным наименованием проповедников, приводя в пример начало Слова Кирилла Туровского «Велика учителя и мудра сказателя требует церкви на украшение праздника» (Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. С. 4 (сноска)).

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ Марков А. М. На Зимнем берегу // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. Академии наук. 1900. Т. 5. Кн. 2. С. 641.

¹¹ Александр Дмитриевич Григорьев (1874—1945). Архив Григорьева считается утерянным, однако А. Н. Мартынова разыскала некоторые его письма в архивах Праги (см.: Мартынова А. Н. Материалы А. Д. Григорьева в архивах Праги // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 394—398; Письма А. Д. Григорьева в архивах Праги / Публ. А. Н. Мартыновой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 5—8). Кроме того, деятельности А. Д. Григорьева по-

традиция на Белом море»,¹² также предполагалось совместное издание записанных ими былин. Во втором номере «Этнографического обозрения» за 1900 год помещен проспект будущего сборника: «Печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет „Сборник Беломорских былин, собранных летом 1899 года г. г. А. В. Марковым и А. Д. Григорьевым“. Сборник будет объемом до 40 печатных листов».¹³ Но уже в четвертом номере появляется сообщение о том, что «печатается отдельным изданием сборник „Беломорские былины, собранные А. В. Марковым“ и готовится к печати „Сборник исторических народных песен“».¹⁴

О первоначальном плане поездки и его изменении говорится в отчете А. В. Маркова: «В июне 1899 года, отправляясь на север, я думал начать свои разыскания в двух селах Зимней Золотицы (Нижняя и Верхняя), а затем съездить на Терский берег и в Мезень, так как я располагал временем около месяца. Но в Золотице оказалась такая богатая жатва по части собиранья былин, что я принужден был ограничить район своей поездки одной Золотицкой волостью».¹⁵ От маршрута А. В. Маркова зависели и передвижения А. Д. Григорьева, который в одном из публикуемых нами писем замечает: «Мне очень интересно узнать (...) поедите ли на Зимний берег, т(ак) к(ак) думаю в зависимости от того поставить свой маршрут. Уведомьте меня об этом».

Для А. Д. Григорьева, в отличие от А. В. Маркова, это была первая поездка, и ему пришлось столкнуться с определенными трудностями: «Т(ак) к(ак) я ездил везде (кроме Онеги) первым исследователем по собиранью этнограф(ических) материалов (не говорю о Максимове), то относились недоверчиво, боясь, чтобы я не упрятал их куда-н(ибудь) или на этом еще свете, или на будущем (явсья там с рукописанием); поэтому относительно Вашей поездки моя поездка немного неудачна, но абсолютно удачна (в особенности т(ак) к(ак) это первый раз; во второй раз поездка туда будет также удачна, т(ак) к(ак) материал еще остался)». Марков же пишет матери: «Крестьяне привыкли ко мне и сами предлагают записывать у них былины».

В одном из отзывов о докладе А. В. Маркова, посвященном его поездке, говорится: «Про доклад А. В. Маркова о характере русских былин немного. По существу в нем ничего не было нового, кроме, разве, того, что былины еще уцелели в большом количестве по побережью Белого моря, в Олонецком крае. Нужно ценить внимание к ним г. Маркова, записавшего слова и запомнившего мотивы. Всего записано Марковым 30 былин, частью гармонизированных г.г. Масловым и Пасхаловым и выполненных на вечере г-жой Трейтер и Лосевым».¹⁶ Следовательно, идея комплексности была заложена уже в первых экспедициях А. В. Маркова. Будучи студентом-словесником, он также уделял внимание и музыкальной стороне

священы статьи: *Лемешкин И. А. Д. Григорьев и чешская фольклористика. История публикации и рецензирования пражского тома «Архангельских былин» (1939) // Комплексное собиранье, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2. Материалы VI Международной школы молодого фольклориста (22—24 ноября 2003 года) / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Драникова. Архангельск, 2004. С. 105—121; Соучкова М. Научная жизнь А. Д. Григорьева в Чехословакии. Из Ужгорода в Пряшев // Там же. С. 188—195.*

¹² [Марков А. В., Григорьев А. Д.] Былинная традиция на Белом море: Из отчетов о поездках А. В. Маркова и А. Д. Григорьева // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1900. Т. 5. Кн. 2. С. 641—647.

¹³ Этнографическое обозрение. 1900. № 2. [С. 188].

¹⁴ Там же. № 4. С. 163.

¹⁵ [Марков А. В., Григорьев А. Д.] Былинная традиция на Белом море. С. 641.

¹⁶ *Липаев И.* Из Москвы. Еврейские песни и русские былины по докладам г.г. Марека, Энгеля и Маркова // Русская музыкальная газета. 1900. № 52. Стлб. 1314. Кроме того, пересказ доклада А. В. Маркова см.: Торжественное заседание Императорской Академии наук // Исторический вестник. Февр. 1901. № 22. С. 837—838. В нем повторяются слова Липаева: «...сам докладчик, записавший там до 30-ти былин, напевы которых по его устной передаче были затем записаны и гармонизированы г.г. Пасхаловым и Масловым» (С. 838).

записываемых им произведений.¹⁷ Хранящийся в Фонограмархиве ИРЛИ ва-лик с записью былины Зимнего берега, судя по этому отзыву, может содержать запись голоса Маркова, напевшего былину В. В. Пасхалову или А. Л. Маслову.¹⁸

В ходе экспедиции молодым ученым были получены сведения из области этнографии, диалектологии и археологии. В «Отчете о деятельности Этнографического отдела за 1899—1900 г.» о поездке Маркова говорится: «...собраны материалы по быту и диалектологии русских крестьян. Кроме того, г. Марковым было приобретено у местных крестьян свыше 100 орудий каменного века, найденных близ устья р. Золотицы; вся коллекция орудий передана в распоряжение Московского Исторического музея».¹⁹ Археологические разыскания студента нашли отражение в письме к матери: «Дорогая мамаша, я остаюсь еще на неделю в Золотице, п(отому) ч(то) здесь еще много осталось матерьялов; я записал более 70-ти былин, несколько стихов и песен, сделал 23 снимка, видел сѣмужий забор в Верхней Золотице, накупил Чудских изделий; каменных орудий, нашел гвоздей, зубы чудские и пр(очее)».

Письма А. Д. Григорьева позволяют представить взаимоотношения двух собирателей во время совершения ими экспедиций, ставших знаковыми в истории русской фольклористики; по их итогам, напомним, созданы классические сборники былин²⁰ и открыта эпическая традиция в Архангельской губернии.

В письмах А. В. Маркова к матери содержатся впечатления от поездки, описание местности и быта золотичан, сведения о сказителях. Их дополняют полевые заметки собирателя. Многие из этих наблюдений были использованы во вступительной статье к «Беломорским былинам» и в биографических заметках об исполнителях. Приведем по рукописи А. В. Маркова те из них, которые касаются исполнения старин: «Отношение крестьян к содержанию былин двоякого рода: с одной стороны, они хотят показать вам, как образованному человеку, что не верят всему, что поется в старинах, и самый процесс пения называют „враньем“: „он много тебе наврет!“; но, с другой стороны, во время пения у них с языка срываются замечания, показывающие, с каким доверием они относятся к содержанию старин, напр(имер), что богатыри выпили, небось, ведра два вина, что они были не такой народ, как теперешние люди, гораздо сильнее; ели, пили, спали не по-нашему, и т. п. Старины поют обык(овенно) великим постом, когда песни петь нельзя. (...) Старины поют всегда на промыслах: на тонях, когда собирается несколько человек; в лесу, когда охотятся на зверей и дожидаются их в избушках; Мезенцы потому так много знают старин, что они в избах на берегу моря ждут, пока в невод попадет рыба; также и около озѣр приходится проводить долгое время вдаль от дома; а дома старин почти не поют... (...) По словам Гаврилы Крюкова, в старину боль-

¹⁷ А. В. Марков был членом Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ). См.: Протоколы заседаний Музыкально-этнографической комиссии за 1901—1906 гг. // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе ОЛЕАиЭ. 1906. Т. 1.

¹⁸ См.: Марченко Ю. И. Ранние звукозаписи в собрании Фонограммархива Пушкинского Дома (по материалам экспедиций в районы Обонежья, Поморья, на Мезень, Пинегу и Печору) // Рябининские чтения — 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 356—359.

¹⁹ Отчет о деятельности Этнографического отдела ОЛЕАиЭ за 1899—1900 г. // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 184.

²⁰ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб., 1904. Т. 1. Ч. I: Поморье. Ч. II: Пинега; Прага, 1939. Т. 2: Кулой. Со списком собственных имен в 1, 2 и 3 томах; СПб., 1910. Т. 3: Мезень. С картой распространения старин на Крайнем Севере Европейской России.

ше было сказателей; только и забавы было, что слушать старины, да биться кулачным боем; нередко убивали до смерти».²¹

Итогом экспедиции стал выход в свет беломорского собрания, получившего положительные рецензии²² и вызвавшего большой интерес.

В. В. Каллаш в одном из писем просит А. В. Маркова: «Ускорьте, насколько возможно, высылку Вашего сборника А. Н. Веселовскому (Академия Н(аук), 2-ое отдел(ение)) в листах или сброшюрованным: ему очень нужно, и он все запоминает».²³ Возможно, заинтересованность А. Н. Веселовского в работе Маркова привела к тому, что последующие экспедиции были организованы при участии Академии наук.

Экспедиция 1899 года, таким образом, положила основу для дальнейшего исследования Архангельской губернии; в одном из отчетов ОЛЕАиЭ по этому поводу говорится: «Если бы средства дали возможность соединить музыкально-этнографические цели Отдела с исследованием нового района былии и организовать солидную этнографическую экспедицию, — для науки были бы спасены очень многие и ценные данные из духовной жизни русского народа».²⁴ Комплексный характер поездки 1899 года был продолжен в экспедиции 1901 года, когда к А. В. Маркову присоединился музыковед А. Л. Маслов и фотограф-любитель Б. А. Богословский.

* * *

Наша публикация включает в себя три письма А. Д. Григорьева к А. В. Маркову и четыре письма Маркова к матери. Документы хранятся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки — РГБ. Ф. 160 (Маркова А. В.). П. 4.

Данные материалы были выборочно процитированы Т. Г. Ивановой в книге «Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках» (1993). Письма публикуются без купюр, с соблюдением современной русской орфографии.

²¹ РГБ. Ф. 160. П. 9/2.

²² Н. В. В. Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901 // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 138—144.

²³ РГБ. Ф. 160. П. 4. № 39.

²⁴ Отчет о деятельности Этнографического отдела ОЛЕАиЭ за 1898—1899 г. // Этнографическое обозрение. 1900. № 1. С. 183.

1

А. Д. Григорьев — А. В. Маркову

(Москва, 29 мая 1899 года)

По Московско-Ярослав(ской) жел(езной) дороге,
Пушкино, дача протоиерея Маркова.¹
Его высокоблагородию
Алексею Владимировичу Маркову

Многоуважаемый Алексей Владимирович!

Я получил билет I кл(асса) в Архангельск через г. Богданова.² Мне очень интересно узнать, получили ли Вы также бесплатный билет или нет и вообще поедете ли на Зимний берег, т(ак) к(ак) думаю в зависимости от того поставить свой маршрут. Уведомьте меня об этом. Лекции вышли все с опечатками.³ Приезжайте во вторник. Экзамены у меня окончатся 31-го. Возьмете лекции до конца (взгляните, сколько я Вам выдал всего листов), да и поговорим подробно.⁴ На обратном

пути из Архангельска думаю остановиться денька на 2 в Ярославле. Нет ли у Вас описания Архангельской губ(ернии)? Если есть, привезите мне для прочтения.

Готовый к услугам А. Д. Григорьев.

Москва. 29 мая 1899 г.

Б. Афанасьевский пер., д. Ермоловой, кв. № 1.

№ 426. Л. 6—6 об. Открытое письмо. Рукопись, чернила. Дата на штемпеле: «Москва 30.V.1899».

¹ Отец А. В. Маркова, Владимир Семенович Марков (1841—1917), был священником в церкви на Арбате, к концу жизни назначен протопресвитером Успенского собора в Кремле. См.: *Иванова Т. Г.* 1) Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993; 2) Заметки к биографии А. В. Маркова // *Поэтика фольклора*. Сб. статей. К 80-летию юбилею профессора В. П. Аникина. М., 2005. С. 251—258. Кроме того, см.: *Маркова Н. А.* Некоторые страницы из истории семьи // *Традиционная культура*. 2007. № 3. С. 37—47. О семье отца Владимира оставили воспоминания А. Белый и С. М. Соловьев (*Белый А.* Начало века. М., 1990; *Соловьев С. М.* Воспоминания. М., 2003).

² Владимир Владимирович Богданов (1868—1949) — член ОЛЕАиЭ, с 1899 по 1916 год работал секретарем редакции журнала «Этнографическое обозрение». Принимал деятельное участие в этнографических и географических экспедициях ОЛЕАиЭ 1890—1910-х годов.

³ Они сами записывали лекции, которые напечатали впоследствии.

⁴ Александр Дмитриевич Григорьев (1874—1945) был старшим товарищем А. В. Маркова по Московскому университету. Об их отношениях можно судить по письмам А. Д. Григорьева: в одном из них он просит Маркова прочитать по его тетради доклад на заседании Этнографического отдела (РГБ. Ф. 160. № 422. Л. 3), в другом уточняет листы рукописей и номера (Там же. № 423. Л. 2 об.), также он пишет по поводу уроков, предложенных ему Марковым (Там же. № 424. Л. 1 об.).

2

А. Д. Григорьев — А. В. Маркову

(Москва, 3 июня 1899 г.)

Пушкино по Московско-Ярослав(ской) жел(езной) дор(оге),
дача протоиерея Маркова.

Его высокоблагородию

Алексею Владимировичу Маркову.

Многоуважаемый Алексей Владимирович!

Вы забыли у меня карту Арханг(ельской) губ(ернии). Я повезу ее с собой и отдам на вокзале в Пушкине. Был у Вольфа. Описания Энгельгардта¹ нет. Есть описание некоего Львова,² который описывает свое путешествие по северу вместе с мистром путей сообщения. Того, что нам надо, там нет, да и стоит он 3 рубля, что довольно кусательно. Есть еще путеводитель в 1 р. 50 к., да нам опять не годится, ибо всем занимается слегка и притом тем, о чем можно и без путеводителя догадаться (советует запастись обувью из места жительства, не брать крахмального белья, ибо прачки попортят и плохо выстирают). Посмотрел «Офиц(иальный) указатель железнод(орожного), парох(одного) и др(угих) пасс(ажирских) сооб(щений)» на 1899 г. Там указывается, когда пароходы отходят на Мурман и Кемь и когда куда-н(и)б(удь) приходят, есть также цена. По направлению в Мезень и далее указана только цена. Мне кажется, этот путеводитель будет иметь значение для нас. Т(ак) к(ак) вследствие размещения указаний неудобно их разрывать, то я для Вас купил другой такой же указатель за 70 коп. Если бы Вы не хотели взять, то они возьмут обратно (я спрашивал), но только я попрошу сделать это Вас самих (впрочем, думаю, что Вы возьмете) (2 слова нрзб.).

3 июня А. Д. Григ(орьев).³

Сверху приписка карандашом: из Арханг(ельска) телеграммы еще нет. Выхлопотал остановку в Ярославле. Поеду на Кемь и Онегу. В суб(боту) или в воскр(есе-нье) — почтовым.

№ 427. Л. 7—7 об. Открытое письмо. Рукопись, чернила, карандаш. Дата на штемпеле: «30 июня 1899».

¹ Имеется в виду путеводитель А. П. Энгельгардта «Русский Север. Путевые записки» (СПб., 1897).

² Львов Е. По Студеному морю: Поездка на Север / С тридцатью рис. с натуры, исполненными худож. К. А. Коровиным и В. А. Серовым. М., 1895.

³ Дата и подпись карандашом.

3

А. Д. Григорьев — А. В. Маркову

(г. Бела, 23 июля 1899 г.)

Многоуважаемый Алексей Владимирович!

Я приехал домой в г(ород) Белу¹ только вчера, 22 июля. Почтовым. Я весьма рад, что Вам поездка удалась. Старин Вы записали довольно порядочно, да и есть много новых, что будет весьма и весьма интересно. Опишу вкратце свою поездку.

Приехав в Архангельск, я сделал визит губернатору и на другой день получил от его канцелярии: 1) открытый лист для скорого проезда по прогонам, 2) открытое предписание всем сельским и полицейским властям оказывать мне всяческое законное содействие (последнюю бумагу я благоразумно держал в секрете, предпочитая для успеха поездки иметь дело с народом, чем с властями). В Арх(ангельске) записал 4 дух(овных) стиха. Из Арх(ангельска) выехал на запад. В Онеге и окрестных деревнях пробыл неделю, в д(еревне) Нюхче также неделю, в д(еревне) Колежме неделю, в п(осаде) Суме 1 день. На обратном пути пробыл двое суток в Ярославле и неделю у товарища в имении подле Харькова. Т(ак) к(ак) я ездил везде (кроме Онеги) первым исследователем по собиранию этнограф(ических) материалов (не говорю о Максимове²), то относились недоверчиво, боясь, чтобы я не упрятал их куда-н(ибудь) или на этом еще свете, или на будущем (являсь там с рукописанием); поэтому относительно Вашей поездки моя поездка немного неудачна, но абсолютно удачна (в особенности т(ак) к(ак) это первый раз; во второй раз поездка туда будет также удачна, т(ак) к(ак) материал еще остался). Все-таки я записал 30 старин, 28 дух(овных) стихов, 4 историч(еские) песни, песен игрищ(ных) 8, свадеб(ных) 10, песен — 3, свадебн(ых) причитаний 24, похорон(ных) 5, наговоров — 62, сказок — 5, бывальщина — 1, прибаутка — 1. = Всего 181. Есть вещи новые, но так как я не имею сейчас под руками книг и еще не разобрался, то не могу сказать, сколько именно старин новых. Подробнее ознакомитесь из моих путевых записок, которые я еще не кончил, а кончу на днях. В Москву приеду во второй половине августа. Купил несколько рукописей. В Ярославле списал, что мне надо. В общем я думаю, что наша поездка не останется бесславной.³ Теперь от Мурманского пароходства, вероятно, и на будущее время можно будет получать бесплатные билеты (я получил такой; и просил оказывать поддержку и на будущее время). Тетрадей взятых с собою даже не хватило, пришлось докупить бумаги. Я думаю также напечатать, но где и как, будет видно еще потом.

№ 425. Л. 4—5. Письмо частично опубликовано: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 103—104.

¹ Бела — город в Седлецкой губ. (Царство Польское), где прошло детство А. Д. Григорьева.

² Имеется в виду Сергей Владимирович Максимов (1831—1901), побывавший на Русском Севере (1855) и написавший «Год на Севере» (1859).

³ У Т. Г. Ивановой — «бесследной».

4

А. В. Марков — М. И. Марковой

〈Архангельск, 11 июня 1899 г.〉

По Московско-Ярославской железной дороге, станция *Пушкино*, дача протоиерея Маркова, против булочной Филиппова. Ея Высокоблагородию Марии Ипполитовне Марковой¹ с семейством.

Дорогая мамаша, беспокоившаяся обо мне Зина² и все домочадцы! Сейчас благополучно прибыл в означенный богоспасаемый град в полном здравии и *веселом расположении духа*, взял номер за (о ужас!) 90 коп. и собираюсь лечь спать, чтобы завтра встать пораньше, закусить бренными остатками своей провизии и двинуться в Золотицу,³ куда пароход отойдет в 12 часов дня; но заснуть будет затруднительно, п(отому) ч(то) сейчас, полчаса 12-го ночи, здесь светлее, чем у нас, в парке, в самый ясный солнечный день: 1/4 часа тому назад только еще зашло солнце; постараюсь завесить окно шинелью. Погода стояла прекрасная во все время переезда, в которое я истратил рубль с копейкой.⁴ Еще раз извиняюсь перед тетей Леной, что не подождал в Москве ее приезда. Через неделю напишет другое письмо.

А. Марков.

Приписка сверху карточки: Сообщаю интересную для Коли⁵ и, особенно, Сережи⁶ вещь: на 410 версте от Вологды, *на сухом месте*, загорелись дрова в тендере паровоза, и их еле-еле потушили кипятком из котла и разбросали по обе стороны пути.

№ 93. Л. 7—7 об. Открытое письмо. Рукопись, чернила. Даты на штемпеле: «Архангельск 11.VI.1899», «Пушкино 13.VI.1899».

¹ Мария Ипполитовна Маркова (ур. Богословская) — мать А. В. Маркова. С. М. Соловьев в своих воспоминаниях пишет: «... матушка принадлежала к церковной аристократии, и родня ее образовывала целую сеть приходов в лучшей части города» (*Соловьев С. М. Указ. соч. М., 2003. С. 169*).

² Зинаида Владимировна Маркова — сестра А. В. Маркова.

³ На пароходе А. В. Марков мог прибыть только в Нижнюю Золотицу.

⁴ Он ничего не говорит о посещении губернатора и содействии местных властей.

⁵ Николай Владимирович Марков — брат А. В. Маркова, друг детства С. М. Соловьева (см.: *Соловьев С. М. Указ. соч.*).

⁶ Сергей Владимирович Марков — брат А. В. Маркова.

5

А. В. Марков — М. И. Марковой

Запечатано 15 июня, утром, а пошло когда — не знаю.

Село Зимняя Золотица.

14 июня, утро. 〈1899 г.〉

Милые и дорогие

Мамаша, Папаша, Зина, Сережа, Нина,¹ Коля, тетя Лена, Боря, все сродники и все православные христиане!

Живу я в стороне украинной, задленной,² куда черный ворон не пролетывал, серый волк не прорыскивал, куда и пароходы-то заходят лишь в хорошую погоду; и потому не знаю, когда пойдет мое письмо в Архангельск, а до вас дойдет, вероятно, не раньше, как через неделю. В Золотицу я доехал вполне благополучно, если не считать тумана, который задержал пароход часа на 2 в море. 15-ое утро. Я посе-

лился опять у Любавы Михайловны (40 лет);³ у меня отдельная комната с кроватью, завешенной темным пологом (что необходимо при здешних светлых ночах), а на ней перина, подушки, сверху которых я кладу свою; и абсолютное отсутствие насекомых. Комната украшена 13-ю образами, 2 лампадами, картиной Страшного суда и портретами царского семейства. Есть 3 стола, 2 зеркала, 2 стула — все как следует. Пробовал я соленой трески и палтусины — гадость прескверная, больше не стану есть, зато вчера (14) купил фунт свежей семги за 13 коп.(!) и ел прекрасную уху. Фотография доставила мне славу фотографа, и многие просят их снять, предлагая даже плату. Снял 2 раза пароход, хозяйку с жидом рядом, церковь с собравшимся народом, и сказателя,⁴ который мне пропел 4 длиннейшие былины.⁵ Один старик хочет пропеть поздравительную песню, на Рождестве; записал 6 песен от девок и баб; нашел еще 2 баб, умеющих петь былины; все это в Нижней Золотице, а в Верхней имеются в виду еще 2—3 сказателя. Туда я отправлюсь дня через 4, а затем, если найдется торговый пароход, думаю отправиться в Мезень дня на 3, на 4; п(отому) ч(то) мне сказали здесь, что ни в Поное, ни на Мўрмане былин не поют, а Мезень — былинный центр.⁶ Крестьяне привыкли ко мне и сами предлагают записывать у них былины; хозяйка ухаживает за мною и все потчует пшенной кашей и треской, а иногда и вахрушками, шаньгами и пирожками с изюмом из слоеного или песочного (какова цивилизация!) теста.

Здесь еще довольно холодно: в оврагах лежит снег, лиственные деревья только разбивают почки, температура — около +5°, нередки туманы, которые, впрочем, обходят Золотицу. Я все больше сижу в избах, натопленных очень жарко.

Здешний народ ужасно разговорчивый и довольно понятливый: старики, которым я рассказывал, как снимают портреты, легко поняли меня.

В Золотице в три дня я издержал 1 р. 40 коп.; не считая рубля, который я уплачу хозяйке за постой. Морской ветер мне начал надоедать, и я с удовольствием мечтаю об июльских жарах в Пушкине. В. В. Богданова я не встретил ни в Архангельске, ни на пароходе; вероятно, он поехал на Соловки.⁷ Что здесь скверно, так это — приморская (отчасти, м(ожет) б(ыть), болотная) вода, которой я не пил сырой с момента выезда из Пушкина (порадуйся, мамаша!) нигде; впрочем, вероятно, в ней, кроме желтой мути, содержатся весьма полезные, но неприятные соли. В общем, я на свое житье пожаловаться не могу, хотя, непривыкши к одиночеству, я уже соскучился по семье, и мне кажется, как будто я уехал из Москвы несколько недель тому назад. Вот мое времяпровождение: встаю в 9 часов, пью чай, пишу письма (одно написал хозяйке: в Москве покажу его!), записываю былины, в 2 часа обедаю, потом снимаю, опять иду за былинами, в 7 часов пью чай или кофе, который приготавливает хозяйка (вчера угощал у себя чаем сказателя), записываю все слышанное от стариков, иду гулять на море, в 9—10 часов ужинаю и ложусь спать. В воскресенье смотрел, как девки играли в горелки.

Р. S. Пластинки я вставляю в бане, в которой нет щелей; окно завешиваю красной рубашкой, не находящей пока для себя другого применения.

Внизу приписка: (Пишу еще Пасхалову⁸ и (открытое письмо) Алексису;⁹ из Архангельска послал открытое письмо вам.¹⁰) [Привезу ли семгу — не знаю: лов пока почти не начинался вследствие холодов. Да и не знаю своего маршрута.]

Вверху приписка: Прощайте, мои милые московские друзья! Пишите через неделю в Архангельск, почтовая контора, до востребования. Всех целует А. М(арков).

На Л. 1 через весь текст в левой части надпись карандашом: Письмо прошу сохранить. Другое пришло через неделю.

№ 91. Л. 3—4. Рукопись, чернила.

¹ Сестра А. В. Маркова.

² Задленьшина — житель «задленной» стороны (окраины). См.: «Тут-то закричали князи, бояра: / Уж ты гой еси, мужичонко приехал, задленьшина ты, деревеньшина» (Словарь русских народных говоров. Л., 1974. Вып. 10. С. 56).

³ Любава Михайловна Стрелкова, информантка А. В. Маркова, плачет.

⁴ Гаврила Леонтьевич Крюков. 12 июня он пропел «Камское побоище», 13-го — «Дунай», 14-го — «Михайло (Потык)», «Идолище сватается за племянницу князя Владимира». Снимок, о котором пишет А. В. Марков, помещен в «Беломорских былинах».

⁵ Они заняли 2 целые тетради (сноска Маркова).

⁶ См. об этом же во вступительной статье А. В. Маркова к «Беломорским былинам».

⁷ В. В. Богданов ездил для предварительных этнографических и географических наблюдений и исследований в Архангельск, на Соловецкие острова и на Мурманский берег Ледовитого океана (Отчет Этнографического отдела ОЛЕАиЭ за 1899—1900 г. // Этнографическое Обозрение. 1900. № 1. С. 184).

⁸ Вячеслав Викторович Пасхалов (1873—1951) — музыковед. Совместно с Марковым он разбирал в Румянцевском музее рукописи П. В. Киреевского. Он также делал запись голоса Маркова на фонограф.

⁹ Может быть, имеется в виду А. Д. Григорьев.

¹⁰ См. в настоящей публикации письмо № 4.

6

А. В. Марков — М. И. Марковой

Зимняя Золотица.

19-го июня 1899.

Суббота.

Дорогая мамаша,

Вот уже восемь дней я живу все в Нижней Золотице, а запас былин у здешних сказателей еще не истощается, хотя я пишу с утра до вечера, до полного истощения сил. Записал я 29 былин, но осталось еще гораздо больше: пока я записывал только у 2 сказателей,¹ которые знают еще порядочно, а всех сказателей наберется до десятка! Завтра уезжаю в Верхнюю Золотицу, за 10 верст по реке, потому что скоро старики разведутся на тони, — так я спешу, чтобы застать их дома. Но оттуда я опять заеду в Нижнюю Золотицу и проживу тут еще несколько дней. Вероятно, кроме Золотицы, мне не придется никуда отправиться, п(отому) ч(то) в Мезень пароходы пойдут не скоро.² Если в пятницу, 25-го июня, пойдет пароход в Архангельск, то я отправлюсь на нем, а в субботу отправлюсь в Кандалакшскую губу, в с. Умбу. Но вряд ли это случится, а в таком случае я проживу в 2 Золотицах еще 2 недели и поеду прямо домой. С воскресенья, в неделю я истратил 6 р. 40 коп., в том числе сказателям передавал 3 руб. 10 коп.

Питаюсь я почти исключительно ухой из семги, камбалы, сигов, нельмы, наваги да пшенной кашей. Дела идут вообще хорошо, только сильно я соскучился в деревне и порядочно утомился: буквально, с утра до вечера нет у меня часа свободного! Сделал уже 15 снимков (в том числе два заведомо испортил, поставив не ту диафрагму): снял сказателей, церковь, всю Золотицу с горы, море с судами (яхтами и шкунами), два наиболее оригинальные дома.

Бумагу, взятую из Москвы, всю истратил и здесь купил еще 30 листов; но и этого, вероятно, не хватит, если только не разболится у меня мозоль, которую я успел натереть на третьем пальце. Получил заказ на 1 ½ дюжины карточек и вперед деньги — 1 р. 20 коп.! Еще пристают, но я не беру, п(отому) ч(то) иначе не хватит пластинок на сказателей. Одна сказательница, пред тем, как села сниматься, спросила меня, не грех ли это делать; но успокоилась, узнавши, что я — сын священника, и что сам царь снимается. Другие сами пристают их снять.

Удастся ли мне достать оленины рога — не знаю; может быть, мне пришлет один жид, из Инц (деревня в 35 верстах от Золотицы) в Золотицу, в которой оленей нет. Семги, пока, нет порядочного веса, но через неделю будет непременно, вероятно, привезу рыбину (15 коп. фунт), которую мне посолит жид-сосед.

Погода стала немного потеплее, можно выходить без шинели, хотя ветер все еще не совсем утих. Деревья стали распускаться, но трава еще туго начинает зеленеть. Я удобно попал в Золотицу в том отношении, что старики-сказатели еще не уезжали на тони, хотя уже некоторые теперь собираются, а ловят они в нескольких верстах от Золотицы, в промысловых избушках; в каждой собирается по 3 человека; уезжают с бабами, и там живут чуть ли не все лето.

Соскучился я и по дому, и по лете, которое здесь еще не наступало, и по мясе, которого не ел целую неделю, п(отому) ч(то) дичь крестьянам воспрещено продавать, а цыплята здесь только что вывелись, так что я поневоле соблюдаю Петровский пост, хотя ем яйца, молоко.

Может быть, в Верхней Золотице упрощу кого-нибудь подстрелить мне утку. Соскучился я и по цивилизованным людям, п(отому) ч(то) здешняя интеллигенция в лице священника, его жены и жидов-купцов — мещан ничем не превосходит крестьян, весьма в общем цивилизованных, но все-таки мужиков. Главное, я не пользуюсь ни одним из благ деревенской жизни: купаньем, гуляньем, ароматным воздухом (какой аромат от тундр?); в Верхней Золотице надеюсь и погулять, а здесь — ужасный ветер.

P. S. Что в Понбе не поют былин, о том я, кажется, писал в предыдущем письме.

Приписка карандашом: Письмо прошу не истреблять.

№ 90. Л. 1—2 об. Рукопись, чернила.

¹ По росписи дней, в которые записаны старины, это Г. Л. Крюков, А. М. Крюкова.

² Пока вся Мезенская губа заполнена льдинами (сноска Маркова на обороте Л. 2, заключенная в рамку).

7

А. В. Марков — И. М. Марковой

(Зимняя Золотица, 30 июня 1899 г.)

По Московско-Ярославской железной дороге, станция Пушкино, по шоссе, дача протоиерея Маркова, против булочной Филиппова, ее Высокоблагородию Марье Ипполитовне Марковой.

Дорогая мамаша, я остаюсь еще на неделю в Золотице, п(отому) ч(то) здесь еще много осталось матерьялов; я записал более 70-ти былин,¹ несколько стихов и песен, сделал 23 снимка, видел сёмужий забор в Верхней Золотице, закупил Чудских изделий; каменных орудий, нашел гвоздей, зубы чудские и пр. Все это задерживает меня, и я попаду в Пушкино только 9—10 числа. Погода исправилась, деревья распустились, снегу не видно уже нигде; можно гулять без шинели. Спешу отнести на пароход письмо.

Нижняя Золотица 30 июня.

Твой А. М.

№ 92. Л. 5—5 об. Открытое письмо. Рукопись, чернила. Даты на штемпелях: «Архангельск 30 июня 1899», «Пушкино (?) 2.VII.1899».

¹ См.: «Роспись дней, в которые записаны старины» в статье А. В. Маркова «Былинная традиция на Зимнем берегу Белого моря» в книге «Беломорские былины, записанные А. В. Марковым» (С. 25).

© Ю. В. Розанов

«СЕВЕРНАЯ ХИМЕРА» АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА

В 1905 году в альманахе издательства «Скорпион» «Северные цветы. Ассирийские» (№ 4) было напечатано несколько текстов А. М. Ремизова, написанных по мотивам зырянского фольклора и мифологии. Интерес к «зырянским древностям» возник у писателя еще во время вологодской ссылки (1900—1903), начальный этап которой он отбывал в уездном городе Вологодской губернии Устьысольске (ныне Сыктывкар), считавшемся тогда «столицей зырянского края». Стихи начинающего автора, объединенные в цикл «Полунощное солнце», не привлекли особого внимания критики. Но было одно исключение — стихотворение «Кикимора», вызвавшее настоящий скандал. Сразу три солидных журнала — «Образование», «Мир Божий» и «Русское богатство» — внутри своих разгромных рецензий на альманах *полностью* воспроизвели «Кикимору», очевидно, полагая, что этот текст сам по себе способен показать всю глубину падения декадентов.¹ «Кто прочел эту „Кикимору“, — писал рецензент «Русского богатства», — тот ничего нового уже не найдет в новом альманахе „Скорпиона“. Содержание его разнообразно, но... все это повторения той же „Кикиморы“. Все, что имели сказать авторы „Северных цветов“, сказано в ней полно и выразительно».² Критика символистского лагеря, словно желая подлить масла в огонь, также выделяла это стихотворение, но уже в положительном плане. «...Особенно хороша „Кикимора“, которая „крутя курносым носом, с гримасою крещенской маски“, затейливо уселась на петушке ворот и „чистит бережно свое копытце“», — утверждал, например, Г. И. Чулков.³ Ремизовская «Кикимора» стала на какое-то время чуть ли не символом новой литературы. Парадокс заключается в том, что скандальный текст скорее «старый», чем «новый». Он построен по той модели народных рассказов о встречах с нечистой силой, которые на Русском Севере назывались быличками. (Позднее фольклористы братья Б. М. и Ю. М. Соколовы придали этому диалектному слову статус научного термина.⁴) Подавляющее большинство быличек относится к «страшному жанру», но встречаются и комические истории о контактах с нечистой, на которые и ориентировался Ремизов в этом случае. Жанровое определение «Кикиморы» как былички подтверждается и позднейшими комментариями и воспоминаниями писателя. Он неоднократно утверждал, что именно на волшебной зырянской земле впервые *встретился* с Кикиморой. (В знак особого уважения к этому персонажу Ремизов писал слово «кикимора» чаще всего с прописной буквы.) Необходимая для былички «установка на достоверность» ощущается, например, в отрывке из книги

¹ Л. В. Северные цветы. Ассирийские... // Образование. 1905. № 7. Отд. 2. С. 132—135; А. Б. Северные цветы. Ассирийские... // Мир Божий. 1905. № 10. Отд. 2. С. 92—94; [Б. п.] Северные цветы. Ассирийские... // Русское богатство. 1905. № 8. Отд. «Новые книги». С. 52.

² Там же.

³ Чулков Г. Северные цветы... // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 257.

⁴ См.: Соколовы Б. и Ю. Сказочники и их сказки // Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. СПб., 1999. Кн. 1. С. 97 (Полное собрание русских сказок. Предреволюционные собрания. Т. 2).

«Огонь вещей»: «Вы посмотрите, как сидит она где-нибудь на тоненькой жердинке — я видел ее однажды весенним ранним утром в Устьсысольске, где солнце не заходит, — какая мордочка умора! и какая вся... чистила себе копытце, помню, а в голове, я это видел по выражению лица, и выдумка и рой проказ. Кипучая и легкая, она вся — скок и прыг — веретено».⁵ В другом месте, вспоминая о жизни в ссылке, писатель снова называет кикимор: «Я жил в стороне, общался только с высланными рабочими, мой мир — северные кикиморы, лесовые и белоночные».⁶

Поскольку «Кикимора» представляет собой стихотворный рассказ о встрече автора с мифологическим существом, то, естественно, снимается вопрос об этнографическом тексте-источнике произведения; вопрос же об «этнической принадлежности» кикимор приобретает особое значение. В опубликованных материалах этнографа В. П. Налимова, с которыми Ремизов познакомился еще в рукописи в мае 1903 года, о кикиморах ничего не говорится, хотя нельзя исключать, что не все записи были напечатаны в «Этнографическом обозрении». В письме к С. П. Довгелло, написанном под впечатлением первого прочтения материалов, Ремизов упоминает о «гибели последних кикимор».⁷ Современная исследовательница Ш. Розенталь упрекает писателя в том, что кикимору («чисто русский персонаж») он необоснованно поместил в зырянскую мифологию, назвав ее созданием зырянского демиурга Омеля. Розенталь называет эту ремизовскую операцию «причудливым включением».⁸ Писатель, похоже, и сам чувствовал здесь некоторую проблему. Поэтому в комментарии ко второму изданию цикла в сборнике «Чертов лог и полуночное солнце» (СПб., 1908) он особо подчеркнул этническую двойственность своей героини: «Кикимора — близкая и родная нам русским Кикимора, — детище Омеля, нашедшая исход отчаянию в юморе и некотором озорстве» (3, 603). Другое высказывание Ремизова по этому вопросу — «Одно известно, что родина Кикиморы — Вологда» (8, 410) — также не снимает эту двойственность — во времена ремизовской ссылки значительная часть территории, на которой жили коми-зыряне, относилась к Вологодской губернии. Сейчас славянское происхождение кикиморы никем не оспаривается, и ей предлагается завидная родословная. Наиболее распространенная современная версия состоит в том, что с концом язычества славянское женское божество Мокошь на низшем уровне превратилась в кикимору, а на высоком — в Параскеву Пятницу, «бабью святую».⁹ При этом в локальных мифологических традициях наблюдается множественность значений имени «кикимора»: «дух, вызывающий припадки кликушества», «персонификация лихорадки», «младенец, подмененный нечистой силой», «жена домового / лешего», «мифическая хозяйка водного источника», «дух, стерегущий гороховое поле».¹⁰ В начале XX века существовали и другие объяснения появления кикимор, очевидно знакомые Ремизову. Некоторые этнографы отождествляли кикимор с французским болотным духом *cauchemar*'ом, другие видели в слове «кикимора» финно-угорские корни,¹¹ что очень близко к ремизовской версии.

⁵ Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 242. Далее ссылки на это издание даются в скобках с указанием тома и страницы.

⁶ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1985. № 4. С. 154.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ *Rosenthal Ch. Primitivism in Remizov's Early Short Works (1900—1903) // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by Greta N. Slobin. Columbus, Oh., 1987. P. 198—199 (UGLA Slavic Studies. Vol. 16).*

⁹ *Синяевский А. Иван-дурак. Очерк русской народной веры. М., 2001. С. 120.*

¹⁰ *Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 127.*

¹¹ С этим решительно не согласен М. Фасмер, настаивающий на исключительно славянской этимологии (*Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2. С. 231—232).*

После скандальной публикации стихотворения «Кикимора» в «Северных цветах» образ мифологического существа продолжал жить и развиваться как в произведениях Ремизова, так и в его «жизнетворчестве». Стихотворение сделалось «представительским произведением» писателя. Он часто читал его на своих литературных вечерах, вошла «Кикимора» и в репертуар профессиональных актеров. По воспоминаниям Ремизова, «Евреинов бесподобно читал на вечерах „Кикимору“... передавая задор и жуть ее „га“ и „ха“» (10, 34). (Отметим, что подобные факты публичного исполнения корреспондируют с фольклорной практикой рассказывания быличек.) В 1911 году Ремизов включил «Кикимору» во вторую редакцию «Посолони», поместив стихотворение в раздел «Лето красное» вместо исключенной новеллы «Чур» (2, 34). При этом текст подвергся стилистической правке, исчезла стихотворная разбивка на строчки, было убрано зырянское имя Оде (ср.: 3, 57) и одна из проказ кикиморы («пьяницу завела кричащим сном и оголила»), которая, очевидно, показалась автору не подходящей для книги, рассчитанной в том числе и на детскую аудиторию. Тематически «Кикимора» довольно естественно вошла в «посолонный» контекст, хотя метрически несколько выпадает из него, на что обратил внимание Ю. Б. Орлицкий.¹²

Вновь к образу кикиморы Ремизов обратился в 1914 году. В сборнике самарских сказок и легенд Д. Н. Садовникова писатель обнаружил редкий сюжет «Про кабачную кикимору». Уникальность данной бывальщины (или, по современной терминологии, суеверного фабулата) состояла в том, что самарская кикимора обитала не в крестьянских домах и не в лесу, как это чаще всего бывает, а в кабаках, меняя их ежедневно. В каждом заведении она умудрялась тем или иным способом обеспечивать себе ежедневную даровую выпивку. Ремизов создает литературную обработку бывальщины, по своему «пересказывает» ее. «Кабачная кикимора» расположена к человеку. Она не только обогащает героя, «пьянчушку»-целовальника, но и остроумно направляет его на путь истинный. В финале рассказа герой бросил пить и «сделался набожным человеком» (2, 369—373). Писатель пересказывает фольклорное произведение близко к тексту, сохраняя многие особенности народной речи и логику развития сюжета. Только у Ремизова кикимора решительно отказывается рассказывать историю своей жизни, несмотря на настойчивые просьбы целовальника. В тексте-источнике исповедальный рассказ кикиморы присутствует: «Я — сын богатых родителей, сын купеческий и проклятый еще в утробе матери, и вот теперь скитаюсь по свету... Отец меня проклял ни с того, ни с сего, а мать поклялась своей утробой в нечестивом деле... Так вот я кто такой!»¹³ В исключенном Ремизовым отрывке отражено распространенное в русской мифологической традиции представление о кикиморе как о ребенке, ставшем невинной жертвой материнского греха. Это не только проклятые дети, но и незаконнорожденные, умерщвленные матерью в утробе или после родов, родившиеся уродами по очевидной вине родителей и т. д. В популярном духовном стихе «О грешной душе» приводится полный перечень материнских грехов, в котором проклятье своего ребенка сто-

¹² «„Кикимора“ — единственный во всей книге образец метризованной прозы: в тексте лишь два „лишних“ слога, нарушающих его ямбическую в целом природу; еще одна условная строка может быть определена как хорическая. При этом все условные силлабо-тонические строки, на которые можно разделить текст (их 20), имеют разную слоговую длину (от 2 до 7 условных стоп) и завершаются, как правило, женскими окончаниями... То есть текст явно тяготеет к метрической упорядоченности, но, во-первых, он принципиально двусложный, во-вторых, построен не из цепных, а из строкоподобных (клаузульных) отрезков разной длины и с переменной каталектикой. Все это принципиально отличает раннюю „Кикимору“ Ремизова от современной ему метризованной прозы А. Белого, основанной на цепных трехсложниках» (Орлицкий Ю. Б. Гоголь и его проза в структуре книги А. Ремизова «Огонь вещей» // Н. В. Гоголь и русское зарубежье. Пятые Гоголевские чтения. Сб. докладов. М., 2006. С. 204—205).

¹³ Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 2003. С. 234 (Полное собрание русских сказок. Ранние собрания. Т. 10).

ит на первом месте: «Смалешеньку дитя своего проклинывала, / Во белых грудях его засыпывала, / В утробе младенца запарчивала...»¹⁴ Кстати, по полу загубленного младенца определялась в некоторых случаях гендерная принадлежность мифологического персонажа. Кикиморы мужского пола не редкость. В авантюрном романе М. И. Попова «Старинные диковинки, или Удивительные приключения славенских князей», созданном в конце XVIII века, читаем: «...когда б немилосердный Кикимора, божество сна и ночи, не исторг у меня скипетра и не оковал тягостными своими оковами»,¹⁵ что означает, что герой просто заснул. Исключая «исповедь» Кикиморы из своего пересказа старинной бывальщины, Ремизов прежде всего стремился сохранить стилистическое единство — трагическая история детства героя не слишком вяжется с его юмором и озорством.

Антиалкогольный мотив произведения актуализировался после введения в России в начале войны «сухого закона». Этим, видимо, объясняется публикация ремизовской бывальщины в массовом журнале «Огонек» (1914. № 18), а также включение ее в «военно-патриотический» сборник писателя «Укреп», вышедший в 1916 году в издательстве «Лукоморье». (Можно привести и пример осовременивания кикиморы в фольклоре. В 1908 году Д. К. Зеленин напечатал «Сказку о Крамоле», записанную в Вятской губернии от знахаря и колдуна Ефима Чирги. Кикимора, Лихоманка и Крамола олицетворяют в ней разрушительные инстинкты толпы, разбуженные революцией 1905 года.¹⁶)

В 1922 году, уже в эмиграции, Ремизов опубликовал «завитушку» «Кикимора», в которой наметился совершенно новый подход к образу «северной химеры».¹⁷ Писатели и философы Серебряного века (Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, В. Я. Брюсов, Андрей Белый) оставили нам несколько необычных, а порою и парадоксальных интерпретаций личности Н. В. Гоголя. Его часто сопоставляли с той или иной степенью метафоричности с колдуном или с демоническими существами. Первоначальными импульсами к такого рода мифотворчеству могли быть высказывания самого Гоголя. П. В. Анненков, например, вспоминал: «Он (Гоголь. — Ю. Р.) имел даже особенный взгляд на свой организм и весьма серьезно говорил, что устроен совсем иначе, чем другие люди...»¹⁸ Розанов, который также считал Гоголя не вполне человеком, а «подобием человеческим», видел истоки его демонизма в «половой тайне», т. е., говоря современным языком, в нетрадиционной сексуальной ориентации. Во «втором коробе» «Опавших листьев» Розанов писал: «Интересна половая загадка Гоголя. (...) Он, бесспорно, „не знал женщины“, т. е. у него не было физиологического аппетита к ней. Что же было? Поразительная яркость кисти везде, где он говорит о покойниках. Красавица (колдунья) в гробу, — как сейчас видишь. „Мертвецы поднимаются из могил“, которых видят Бурульбаш

¹⁴ Федотов Г. П. Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 76.

¹⁵ Старинные диковинки. Волшебнo-богатырские повести XVIII века. М., 1992. С. 372. (Библиотека русской фантастики. Т. 3. Кн. 2).

¹⁶ Зеленин Д. К. Новая народная сказка о «Крамоле» // Исторический вестник. 1908. № 1. С. 209—213.

¹⁷ Ремизов А. Кикимора // Руль (Берлин). 1922. 21 сент. С. 2. Вторая редакция очерка под новым названием «Тайна Гоголя» была напечатана в пражском журнале «Воля России» (1929. № 8—9. С. 63—67). Та же редакция под названием «Природа Гоголя» вошла в книгу Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье» (Париж: Оплешник, 1954). Во второй половине 1950-х годов писатель, восстановив название «Тайна Гоголя», включил этот текст в «монтажную» книгу «Мерлог» (см.: Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог» / Публ. А. д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 3. С. 204—205). Жанр этого произведения Ремизов определял словом «завитушка». «Есть у меня небольшая завитушка в 8000 букв (200 газетных строчек). Называется: „Тайна Гоголя“», — писал он Л. И. Шестову 7 июля 1929 года (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Публ. И. Ф. Данилюк и А. А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 179).

¹⁸ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 86.

с Катериною, проезжая на лодке мимо кладбища, — поразительны. Тоже — *уполенница* Ганна. Везде покойник у него живет удвоенной жизнью, покойник — нигде не „мертв“... Я и думаю, что полая тайна Гоголя находится где-то тут, в „прекрасном упокойном мире“...»¹⁹ Некрофилия как крайняя степень эстетизации смерти встречается в литературе начала XX века у А. Н. Емельянова-Коханского, В. Я. Брюсова, Ф. К. Сологуба, некрофильскими мотивами насыщен рассказ Ремизова «Жертва» (1908). Эта тема не раз возникала и на «башенных собраниях» в доме Вяч. Иванова в 1905 году.²⁰ А. Хансен-Лёве вполне обоснованно выводит некрофилию из характерной для символизма, особенно для его «диаволической» стадии, тенденции сближения Танатоса и Эроса.²¹

В своей гоголевской «завитушке» Ремизов, не выходя из указанной парадигмы символистской критики Гоголя, изящно полемизирует с одиозной трактовкой Розанова и предлагает свое, не менее причудливое понимание «тайны» классика. (Второе название текста — «Тайна Гоголя» — прямая отсылка к розановским размышлениям о писателе.) Гоголь идентифицируется Ремизовым с кикиморой, причем не в переносном, метафорическом, а в прямом смысле. И здесь он снова ссылается на Розанова, который якобы однажды назвал Гоголя «кикиморой», но не стал развивать это сопоставление, «забыл» о нем, увлекшись и в этом случае «вопросами пола» (7, 241). Все это воспринималось как игра и чудачество. Даже благожелательно настроенный к автору Д. И. Чижевский в отзыве на «Огонь вещей» отмечал, что «книга Ремизова в части, посвященной Гоголю, отличается... и своеволием чисто ремизовского стиля, и намеренной гиперболичностью утверждений», и «озорством».²² Л. А. Сугай полагает, что таким необычным способом Ремизов просто решил «расширить» «галерею чертей, ведьм и колдунов, с которыми прежняя символистская критика соотносила образ Гоголя».²³

Для довольно рискованного отождествления классика с мифологическим существом ремизовская кикимора образца 1903 года была слишком примитивна. Мало нового в этом отношении могла дать и кабацкая кикимора, перевоспитывающая пьяниц. Общность морализаторских настроений кабацкой кикиморы и кикиморы гоголевской Ремизова не интересовала, и «учительство» позднего Гоголя, так занимавшее многих современников писателя от Д. С. Мережковского до К. В. Мочульского, им никогда не акцентировалось. Ключевую для этой темы книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» Ремизов, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, назвал «одной из музыкальнейших русских книг» (7, 14).²⁴ Новые смыслы требовали значительного усложнения образа кикиморы, выделения в нем общекультурных доминант, всесторонней его психологизации без существенного отрыва от мифологической первосновы. Размытость и противоречивость этого образа в народных верованиях давали возможность творческих поисков в заданном направлении. «Мифы о кикиморе, — отмечал в свое время С. В. Максимов, — принадлежат к числу наименее характерных, и народная фантазия, отличающаяся таким богатством красок, в данном случае не отлилась в определенную форму и не

¹⁹ Розанов В. Опавшие листья. Пг., 1915. Короб 2-й. С. 155—157.

²⁰ См. об этом, например: Гиппиус З. Воспоминания. М., 2001. С. 57.

²¹ Хансен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 355.

²² Чижевский Д. Три книги о Гоголе // Новый журнал (Нью-Йорк). 1955. № 41. С. 285.

²³ Сугай Л. А. Гоголь и культурная жизнь русской эмиграции первой волны // Н. В. Гоголь и русское зарубежье. С. 50.

²⁴ В этом демонстративном и нарочитом переносе значения «Выбранных мест...» с идеологии на форму содержится, на наш взгляд, простой ответ на вопрос, занимавший В. Ф. Маркова в статье «Неизвестный писатель Ремизов»: «В Ремизова нужно вчитываться, о нем надо писать, и его необходимо изучать... Может быть, тогда мы поймем, почему он называл *Выбранные места* Гоголя „одной из музыкальнейших книг русской литературы“» (Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. P. 17).

создала законченного образа».²⁵ Впрочем, в особых научных санкциях на его модернизацию писатель не нуждался.

Текст «Тайны Гоголя» построен таким образом, что тема психологизации кикиморы развивается синхронно с процессом идентификации Гоголя с этим мифологическим персонажем. «Новая» кикимора, сохранив прежнюю веселость и озорство («Гоголевская лирика в „Мертвых душах“! — Кикимора — озорная»), приобретает еще и явно выраженные трагические черты. Трагизм персонажа, как и героев зырянской мифологии, Ремизов объясняет лиминальной сущностью его природы — «промежуточным» положением между миром человека и миром духов, извечным, но неосуществимым желанием «стать человеком»: «Кикимора — от лесавки и человека. Существо и обычай ее — лешее, а мечта — человекья. И оттого-то ее озорное „ки-ки“ огнем прорывает вопль человека: она никогда не сделается, как ее мать, лесавкой, и никогда не станет человеком» (7, 241). (От любви зырянских «лесных женщин» и охотников рождались только уродцы с вывороченными пятками.) «Устремления» кикиморы писатель соотносит с мечтами Гоголя о «живой душе», о «настоящем человеке», с его религиозными исканиями.

В 1945—1946 годах Ремизов работал над автобиографической повестью «В сырых туманах», в которой рассказал о своей жизни в Устьсысольске. С большим опозданием в 1953 году она была опубликована в «Новом журнале» (№ 34), а затем вышел и перевод на французский язык. Позднее писатель включил этот текст в мемуарную книгу «Иверень». Активный участник литературной жизни «русского Парижа» Ю. К. Терапиано вспоминал о «сильном впечатлении», произведенном на русских и французских читателей этой повестью, и восторженных отзывах о ней. «Как это ни удивительно, — подчеркивал Терапиано, — но настроенный чаще всего позитивно и скептически западный читатель принял даже колдовское начало Ремизова, согласился с тем, что Ремизову открыт мир духов, с которым он состоит в особых отношениях».²⁶ Повесть построена на комбинации трех смысловых планов: мемуарного, сказочно-мифологического и литературно-романтического. Автор относил это произведение к «сказочному жанру». «Не знаю сколько часов, буду продолжать сказочное: „В сырых туманах“», — сообщал Ремизов Кодрянской 6 ноября 1945 года; а через несколько месяцев, когда повесть была закончена, он размышлял об ее издательских перспективах: «Вот если бы сделать сказочный сборник туда бы подошло».²⁷ К сказочной модели (со ссылкой на «Морфологию сказки» В. Я. Проппа) возводит повесть и «Иверень» в целом О. П. Раевская-Хьюз в своей статье «Волшебная сказка в книге А. Ремизова „Иверень“», перепечатанной в качестве послесловия к современному изданию этого произведения в составе собрания сочинений писателя. Исследовательница пишет: «Заключение в тюрьму в Пензе и ссылка в Устьсысольске соответствуют „потустороннему миру“ волшебной сказки, откуда герой возвращается выдержавшим испытания, победителем. (...) В центральной главе книги „В сырых туманах“ герой максимально удален от своего мира, он находится в мире „полуночного солнца“ и полярной ночи, здесь у него происходит встреча с „духами“ — в эту главу включен рассказ о кикиморе» (8, 608—609). Если с общей концепцией О. П. Раевской-Хьюз вполне можно согласиться (сюжетная схема «Иверня», действительно, похожа на одну из моделей волшебной сказки), то повесть «В сырых туманах» никаких особых признаков сказки не имеет и по общепринятым в фольклористике дефинициям соотносится именно с «несказочной» прозой, с теми же быличками и бывальщинами.

²⁵ Максимов С. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989. С. 44.

²⁶ Терапиано Ю. А. М. Ремизов. К десятилетию со дня смерти // Русская мысль. 1968. 8 февр. С. 8.

²⁷ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 30, 33.

Главным мифологическим персонажем повести снова является кикимора, которая здесь более приближена к своему фольклорному прототипу и к своей исторической родине. Кикимора предстает перед нами как дух судьбы, своего рода мойра русско-зырянской мифологии. Ключом для подобного толкования образа послужила устойчивая связь кикиморы в народных представлениях с прядением, ткачеством, кружевоплетением. Как греческие мойры, римские парки и скандинавские норны, Кикимора прядет «нить судьбы» обитателей дома, в котором она поселилась. Стремление Ремизова сблизить отечественную мифологию с европейской проявилось и в том, что в повести упоминаются почти не известные русскому читателю, но значимые для западных интеллектуалов имена французских монахов-мистиков XVII—XVIII веков Бужара, Виллара, Пернети, а также имя немецкого писателя-романтика и «покровителя духов» Юстиса Кернера, автора знаменитой в свое время книги «История двух сомнамбул». Такая тенденция просматривается и в других поздних произведениях писателя. В предисловии к повести 1950 года «Мелюзина» Ремизов сближает кикимору с персонажами древней кельтской мифологии на основании общей для них лиминальности: «...у каких-то духов, близких к человеку, неутоленное желание очеловечиться — русская кикимора. Кельтские феи — человеко-духи, рождаются, но смертный час для них заказан. И жажда очеловечиться — умереть, как и у духов нерожденных, близких к кругу человека» (6, 363—364).

Образ кикиморы — представительницы так называемой «низшей народной демонологии» — почти не затрагивался «высокой» литературой XIX века. Можно указать только два исключения: новеллу сказового типа О. М. Сомова «Кикимора. Рассказ русского крестьянина на большой дороге» (1829) и философскую мистерию В. К. Кюхельбекера «Ижорский» (1835). Ижорского, еще одного «лишнего человека» в русской литературе, сопровождают два демона-искусителя, один из которых назван Кикиморой, а другой — Шишиморой. Эти персонажи совершенно не связаны с народными верованиями русских, а свои фольклорные имена они получили чисто механически, благодаря стремлению романтиков к русификации мифологического аппарата. В интертекстуальном плане ремизовской повести центральную позицию занимает отсылка к новелле Сомова.²⁸ Так, вторая глава «Несбыточные происшествия» представляет собой вольный пересказ этой новеллы, выполненный в иной тональности и с совершенно иным финалом. Поначалу в обоих текстах кикимора очень добра, она заботится о маленькой девочке, ласкает ее, являясь ребенку по ночам в облике большой пушистой кошки. (У Сомова кошка имеет некоторые признаки inferнальности: «Малютка Варя признавалась, что, несмотря на величину и уродливость этой кошки, она вовсе не боялась ее и сама иногда протягивала к ней ручонку и брала ее за лапу, которая, сдавалось Вале, была холодна как лед».)²⁹ Приносит кикимора удачу и в хозяйственных делах всего семейства. «Проказничать» она начинает лишь после того, как богобоязненные взрослые решают любыми способами выжить «нечисть» из дома. У Сомова коллизия разрешается благополучно, но в ремизовском варианте девочка погибает. Трагедия происходит не потому, что кикимора вдруг стала злой. Это трагедия любви. «Я люблю тебя больше, чем любит тебя твой отец, больше, чем любит тебя твоя мать», — говорит кикимора девочке. Полюбив так, существа «иного мира» обязаны овладеть любимым. Ремизов осмысливает фольклорно-литературный сюжет и как трагедию рока. Намеки на роковую предопределенность рассыпаны уже в первой части произведения, а собственно «кикиморная» глава начинается словами о

²⁸ Подробнее об этом см.: *Розанов Ю. В. «Кикимора» О. М. Сомова в пересказе А. М. Ремизова // Четвертые Майминские чтения. Забытые и «второстепенные» писатели пушкинской эпохи.* Псков, 2003. С. 14—18.

²⁹ Цит. по: *Сомов О. Купалов вечер: Избр. произведения.* Киев, 1991. С. 219.

судьбе, которая «своими пальцами вглодалась в горло Дездемоны и вырвала глаза у Эдипа». Свой взгляд на кикимору как на трагическое, страдающее существо экзистенциального мира Ремизов выразил словами странника-богомольца, которому напуганные родители поручили избавить дом от «нечистой силы»: «Их мир печален, молчалив, затаенный, из круга их жизни никому не выйти, но как-то переменить, переступить черту — эта искра воли, мечта о свободе и у них живет, они, как человек, страждут в этом неполном, по нашему гордому человеческому разумению, недоделанном, ошибочном, на наш гордый человеческий глаз, Божьем мире, где счастлив только тот, кто любит!» (8, 422).

Следующим логическим шагом в усвоении писателем мифологического образа кикиморы стала идентификация с ним. Началась эта игра еще в середине 1900-х годов в Петербурге со стилизации своего внешнего облика. М. В. Волошина-Сабашникова вспоминает о своей первой встрече с автором знаменитой и скандальной «Кикиморы»: «Он сам вышел нам навстречу. Он кутался зябко в вязаный дырявый платок. Голова его между высоко поднятыми плечами выглядывала, словно цыпленок из гнезда. Очень близорукие глаза вытаращены, словно в испуге. При этом рот его улыбается насмешливо и добродушно. ...Волосы клочками стоят дыбом. Дырявый платок и сгорбленная спина — это его стиль... Однажды я спросила Ремизова, как выглядит Кикимора... он ведь сведущ в этих делах. Он мне ответил наставительно: „Точно так, как я, так выглядит Кикимора“». ³⁰ Благожелательно настроенные к писателю коллеги охотно включались в ремизовскую мифологическую игру. Правда, в окружении Ремизова, как в России, так и в эмиграции, преобладало несколько иное, более понятное и «традиционное» распределение ролей в этой игре. Писателя, как и Юстиса Кернера, обычно представляли в роли «повелителя духов», самым любимым из которых была кикимора. И. В. Одоевцева вспоминала такой случай: «Как-то вечером ко мне пришел Гумилев... — Я к вам не по своей воле пришел, — сказал он наконец, с каким-то таинственным видом оглядываясь и кося еще сильнее, чем всегда. — Меня Кикимора привела. Шел от Ремизова домой. Ведь близко. Но тут меня закружило, занесло глаза снегом, завертело, понесло. (...) Отдохну у вас немного. А то, боюсь, собьет меня с дороги Кикимора». Далее поэт рассказывает своей ученице, как он наблюдал Ремизова за работой: «Открываю тихо дверь, чтобы не помешать, и вижу — собственными глазами вижу: Ремизов сидит за столом, спиной ко мне, размахивая хвостом справа налево, слева направо. (...) А на веревке Кикимора и вся нечисть пляшут, кувыркаются. Я понял — вдохновение снизошло. Мешать, Боже упаси». ³¹ Среди множества литературных портретов писателя, оставленных его современниками, встречаются и негативные, сатирические изображения Ремизова как кикиморы. В качестве примера приведем не вполне дружественный стихотворный шарж Ю. Иваска: «...Уже у Ремизовых я. / Метафора: закутанная в тряпки / Процентщица Раскольниковы иль / Диковинка, кикимора, кубайка, / Царапница, шипральница и хиль! / Хитрит, играя лицемерно в прятки: / Ущербленный, замысловатый, хваткий. / Но райский голос...» ³²

В 1900-е годы Ремизов еще только «примерял» к себе образ, связанный с народными мифологическими представлениями, и, похоже, колебался в выборе конкретной маски. Как верно заметил А. Д. Синявский, «у Ремизова не одна, а несколько масок, вступающих в сложные, запутанные и подчас причудливые комбинации». ³³ Лишь через несколько лет две ремизовские ипостаси (хозяин и регистратор

³⁰ Цит. по: *Волошина-Сабашникова М. В.* Зеленая змея. Мемуары художницы / Пер. с немецкого Е. С. Кибардиной. СПб., 1993. С. 150—151.

³¹ *Одоевцева И.* На берегах Невы. М., 1988. С. 210.

³² *Иваск Ю.* Играющий человек. Homo Ludens. Париж; Нью-Йорк, 1988. С. 38—39.

³³ *Синявский А.* Литературная маска Ремизова // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer.* P. 27.

всякой нечисти, «повелитель духов», с одной стороны, «дух мистификатор», творец всяческих «безобразий» — с другой) найдут для себя удачное соединение в образе «канцеляриста» Обезьянней Великой и Вольной Палаты. «Кикимора» уступит «обезьяне», но не исчезнет совсем, а временно отойдет на второй план «текста жизни» писателя. В послевоенное время, работая, главным образом, над автобиографическими произведениями, Ремизов особенно часто говорил о «кикиморном начале» своего творчества, о «кикиморной природе» своей личности. «Но ведь они добрые — кикиморы, в них нет никакого злого начала, от них идет моя путаница и неразбериха, от них же мои шутки и безобразия». «Какие-то силы живут во мне, „кикиморные“».³⁴ Подобные заявления писателя часто ставили в тупик биографов. Автор первой биографической книги о Ремизове Н. В. Кодрянская вспоминала: «Начав книгу, я с Алексеем Михайловичем не раз спорила, но потом бросила — время для наших бесед было считано! Я только говорила: — об этом не напишу! (...) Например, о вашем кикиморном начале не напишу. Когда вы пишете, это одно, а если я буду — получится смешно!»³⁵ Между тем рассмотрение эволюции образа кикиморы в творчестве и в жизнетворчестве Ремизова проливает свет на эту необычную маску писателя, которая и смешна, и трагична одновременно.

Неоднократные заверения писателя, что он действительно видел кикимору на воротах в Устьысольске и даже смог ее хорошо рассмотреть, не освобождают нас от поиска конкретного источника этого сюжета мифотворчества Ремизова. Из всех описаний кикиморы, содержащихся в трудах В. И. Даля, А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, С. В. Максимова и других отечественных этнографов и фольклористов, ремизовскому более всего соответствует предложенное И. П. Сахаровым в его «Сказаниях русского народа». Именно здесь писатель обнаружил фольклорные материалы, которые послужили основой для его самоидентификации с мифологическим персонажем. В культуре Серебряного века труд Сахарова, первое издание которого вышло еще в 1836—1837 годах, имел странную и противоречивую репутацию. Академическая наука считала «Сказания...» книгой фальшивой и дилетантской. Сахарова обоснованно обвиняли не только в научной небрежности, но и в прямой фальсификации, утверждали, что некоторые «народные» произведения, например былинку о новгородце Акундине, составитель сборника сочинил сам. Между тем в кругах русских модернистов, которые интересовались народной культурой, книга Сахарова была довольно популярна и считалась вполне авторитетной. К ней, в частности, обращались А. А. Блок в статье «Поэзия заговоров и заклиний», Ремизов в «Посолони», С. М. Городецкий, В. В. Хлебников. Последний даже возвел сахаровскую книгу в ранг «учебника» по славянской мифологии: в стихотворении «Ночь в Галиции» русалки, как указывает ремарка, «держат в руке учебник Сахарова и поют по нему».³⁶ Из книги Сахарова взял некоторые сюжеты для своих симфонических произведений, в том числе и для сюиты «Кикимора», А. К. Лядов. В процессе совместной работы над балетом «Алалей и Лейла» в начале 1910-х годов Ремизов, по его собственным воспоминаниям, уточнил для себя некоторые характеристики образа кикиморы: «Я представлял себе кикимору — озорная, насмешливая, проказливая и веселая... А узнаю от Лядова — музыка Лядова на слова из „Сказаний русского народа“ Сахарова, — что кикимора существо чудное, я бы сказал, сестра Калечины-Малечины...» (8, 410).³⁷

В «Сказаниях...» сведения о кикиморе помещены в разделе «Народный дневник» и отнесены к 4 марта, так называемым «грачевникам» (день прилета грачей),

³⁴ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. С. 11, 319—320.

³⁵ Там же. С. 11.

³⁶ Хлебников В. Собр. произв.: В 5 т. Л., 1930. Т. 2: Творения. 1906—1916. С. 200.

³⁷ Подробнее об этом см.: Розанов Ю. В. «Русалия» Алексея Ремизова. История создания и источники // Драматургические искания Серебряного века. Межвузовский сборник науч. тр. Вологда, 1997. С. 44—52.

на том основании, что именно в этот день кикиморы делаются смиренными и беззащитными и их можно уничтожить. Дает Сахаров и практические советы по борьбе с этими «воздушными» духами, «ужасными для семейной жизни»: «В этот день, с утра, поселяется знахарь в опустелый дом, осматривает все углы, обметаёт печь и читает заговоры. К вечеру объявляет в услышание всех, что Кикимора изгнана из дома на времена вековечные».³⁸ Но не эти полезные рекомендации привлекли к очерку Сахарова внимание Лядова и Ремизова, а вставленная в текст календарной заметки любопытная легенда о происхождении кикимор. (Стихотворный центон «Живет, растет кикимора у кудесника в каменных горах...», созданный из материала легенды и послуживший текстом для «Кикиморы» Лядова, Ремизов цитирует в эссе о Гоголе (7, 244)).

Согласно сахаровской легенде, кикиморы рождаются от связи «змеев огненных» с земными девушками и уже поэтому являются нежеланными и проклятыми детьми: «Со тоски, со кручины надрывается сердце у отца с матерью, что зародилось у красной девицы детище *некошное*. Клянут, бранят они детище некошное клятвою великою: не жить ему на белом свете, не быть ему в урост человекъ; гореть бы ему век в смоле кипучей, в огне негасимом».³⁹ В. И. Даль дает такие значения слова *некошный* по мере нарастания негативности: хилый, неспособный, негодный, нелегкий, недобрый, нечистый, вражеский, дьявольский, сатанинский.⁴⁰ В каком-то смысле Ремизов и себя ощущает «некошным» ребенком. Намеки на это встречаются во многих его произведениях, но лишь в позднем «Иверне» он пишет довольно откровенно: «...рождение мое не по желанию. В одну из горчайших минут своей отчаянной жизни, моя мать мне рассказала: ...когда она все поняла и все представила себе, что ждет ее, что будет дальше, из ее сердца невольно и вырвалось жестокое проклятие, и темная горькая тень покрыла мою душу. — *Купальская ночь 24 июня 1877 г.* —» (8, 270). Свою сопричастность inferнальному миру, обусловленную в том числе обстоятельствами и датой появления на свет, писатель был склонен эстетизировать и гиперболизировать, что, порою, звучало нарочито, почти пародийно. Продолжим прерванную цитату: «Но почему-то какие-то сочетания у Мусоргского и у Чайковского... вдруг уводят меня в непохожий мир, жуткий и страшно мне близкий: там котлы кипят, смола течет и дразнящие перелетают огни...» (8, 270). То, что Ремизов не ощущает скрытой здесь пародийности и/или не боится ее, свидетельствует лишь о глубине его погружения в собственный автобиографический миф. (Немаловажно отметить, что проклятье матери было канонизированным мотивом в декадентской литературе и мифологии в связи с биографией и творчеством Ш. Бодлера.)

Вернемся к сюжету сахаровской легенды. Детство Кикиморы, впрочем вполне счастливое, проходит у некоего «кудесника в каменных горах». Она получает естественное фольклорное воспитание, включающее и сокровенные знания о мире: «От утра до вечера тешит Кикимору кот-баюн, говорит ей сказки заморские про весь род человекъ. (...) Ровно через семь лет вырастает Кикимора».⁴¹ Параллель с этим местом обнаруживается в автобиографической прозе писателя. В книге «Подстриженными глазами» Ремизов пишет: «Первые сказки — от моей кормилицы, калужской сказочницы и песельницы, Евгении Борисовны Петушковой...» (8, 98). А в автобиографии 1912 года сообщает о целых четырех женщинах (двух кормилицах и двух няньках), повлиявших в младенчестве на его национальное самосознание: «От них-то я впервые и услышал чистый русский говор, от них я узнал рус-

³⁸ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 38.

³⁹ Там же. С. 36.

⁴⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 2. С. 521.

⁴¹ Сказания русского народа... С. 36—37.

ские сказки, в их жалобах, в их молитве, в их жизни самой я почувал нашего русского Бога, и принял в сердце беду нашу и страду нашу и терпение» (4, 457). «Русскость» кормилиц подчеркивал и обычай, предписывающий им носить традиционный костюм (см., например, фотографию Е. Б. Петушковой, воспроизведенную в книге Н. Кодрянской «Алексей Ремизов»). Был в детстве писателя и свой «кот-баюн»: «И еще я помню: кот Наумка, мой ровесник... свернется калачиком и поет-баюкает... Семь лет был он со мной неразлучен...» (8, 26). Мотив волшебного кота-воспитателя, восходящий к сахаровской легенде и, шире, к русскому сказочному репертуару как таковому, получил сюжетное развитие в ремизовских сказках «Зайка», «Котофей-Котофейч» и «Завитушка».

Далее у Сахарова описывается внешний облик мифологического персонажа, который как по общему ощущению уродства, так и по отдельным характерным деталям соотносится со словесными (а также графическими) автопортретами Ремизова. У Сахарова: «Тонешенька, чернешенька та Кикимора; а голова-то у ней малым-малешенька со наперсточек, а туловища не спознать с соломиной».⁴² У Ремизова: «„Нос чайником“... глаза пуговики, брови — стрелки, волосы — еж, спина сдужена, рост — карликов, а в особых приметах: „косноязычный“» (8, 302). При всем этом Кикимора обладает особыми магическими «ведовскими» способностями, она «ведает... про весь род человек, про все грехи тяжкие», «дружит дружбу Кикимора со кудесниками, да с ведьмами».⁴³ Ремизов, как мы помним, также подчеркивал в себе аналогичные качества, а маска «колдуна» входила в реквизит его мифотворческих игр. Общими качествами героев (Кикиморы в народной легенде и писателя в образе кикиморы) являются также склонность к радикальному своеволию и стремление к шалостям и проказам. Своеволие Кикиморы у Сахарова проявляется, например, в том, что она наводит в домах, где поселилась, свой порядок: «по-своему» передвигает мебель и даже перестраивает печь. Шалости Кикиморы, правда, не так безобидны для человека: «...идет ли прохожий по улице, а и тут она ему камень под ноги; едет ли посадский на торг торговать, а и тут она ему камень в голову».⁴⁴ Напомним, что ремизовские розыгрыши и мистификации нередко морально травмировали вовлеченных в них людей. Сахаровская легенда, таким образом, стала важным источником формирования у писателя одного из основных «неомифологических» образов — образа «северной химеры», а механизм его создания дает нам еще один пример сочетания в творчестве Ремизова фольклорных, книжных и автобиографических элементов.

⁴² Там же. С. 37.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 38.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ РЕДАКЦИИ «ЖУРНАЛА СОДРУЖЕСТВА» (1933—1938)

С В. П. СЕМЕНОВЫМ-ТЯН-ШАНСКИМ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © А. Г. ТИМОФЕЕВА)

Предлагаемые вниманию читателей фрагменты любопытнейшей переписки редакции «Журнала Содружества» (Viipuri / Выборг, 1933—1938) с Валерием Петровичем Семеновым-Тян-Шанским (1871—1968) извлечены нами из полностью подготовленного, но еще не вышедшего в свет издания редакционной корреспонден-

денции этого небольшого периодического издания русской эмиграции;¹ предполагается, что книга станет вторым в мире опытом издания такого рода. Первым, как известно, стал пятитомник сохранившейся переписки редакции рижской газеты «Сегодня», тщательно подготовленный латвийскими и американским учеными.²

Конечно, камерный «Журнал Содружества», издававшийся ежемесячно в 1933—1938 годах энтузиастами из Содружества бывших учащихся Выборгского русского реального лицея, во многих отношениях выглядит совершенным антиподом самой читаемой русской газеты межвоенного зарубежья. Издававшийся ничтожным тиражом в Выборге — тихом и глухом уголке эмигрантской провинции, предназначенный к распространению преимущественно в кругу молодых инженеров и других технических специалистов, которые интересовались литературой, историей и отчасти политикой, «Журнал Содружества», казалось бы, не может рассматриваться даже в качестве дальнего родственника популярной и многотиражной газеты «Сегодня». Однако эти столь разные периодические издания русского зарубежья сближаются по своим общим цели и функциям — поддержание языковой, культурной и информационной связи между русскими людьми вне России. Соответственно сближает, если не объединяет, изданную и задуманную книги не одно только внешнее их типологическое сходство, но документальная демонстрация этого устремления — к сохранению связи, а значит, родного языка и русской культуры в независимых Латвии и Финляндии.

Представитель старшего поколения эмиграции, сын знаменитого географа Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского от второго брака с Елизаветой Андреевной Заблоцкой-Десятовой В. П. Семенов-Тянь-Шанский как раз и принадлежал в русской диаспоре в Финляндии к числу тех людей, для кого преемственность русской культуры, насильственно нарушенная большевиками в России, всегда была в числе главных забот. Подобно отцу Павлу Флоренскому, он подчеркивал неразрывность связи культуры с религиозным культом и указывал на исключительную важность сохранения традиции в культурной сфере: «Культура есть *иерархия духовных ценностей*. Вся ее суть, как и близкой ей религии, заключается в преемственности или, иначе сказать, в накоплении духовных ценностей. Самые латинские слова *cultura* и *cultus* (религия) указывают на родство, на близость культуры и религии друг другу. Культ, или религия, постоянно применяют слова „завет” — *testamentum* — завещание, т. е. передачу известных духовных ценностей из одного поколения в другое, иначе — устанавливают преемственность, наследственность, традиции. Такие же заветы передает и культура, а так как искусство — ее состав-

¹ Работа над редакционной перепиской «Журнала Содружества» в Ленинградском областном государственном архиве в Выборге (далее: ЖЛОГА) была проведена нами в два этапа. Сначала, вскоре после общего знакомства с материалом, была сделана довольно обширная подборка писем, впоследствии ставшая основой первой большой документальной публикации в журнале «Русская литература», сопровождавшейся обстоятельными комментариями (см.: Из истории русской печати в Финляндии. «Журнал Содружества»: Начало пути (1933—1934) / Вступит. статья и публ. А. Г. Тимофеева, комментарии А. Г. Тимофеева и К. Трибла // Русская литература. 2000. № 1. С. 190—261). Составлявшаяся публикация писем была двухчастная. Первой ее частью стала переписка с одной из самых талантливых, по мнению редакции, участниц «Журнала Содружества», поэтом и критиком В. С. Булич. Второй раздел публикации составили письма, «шаг за шагом знакомящие нас с историей формирования редакционного портфеля „Журнала Содружества” за первые два года его существования» (Там же. С. 197). К сожалению, переписка редакции с такими корреспондентами, как ее представитель в Гельсингфорсе С. С. Добровольский и В. П. Семенов-Тянь-Шанский, оказавшими значительно более серьезное воздействие на характер журнала и печатавшимися в нем обильно и часто, поначалу осталась вне нашего внимательного рассмотрения, несмотря на ее исключительную важность для построения реальной истории выборгского издания. Лишь в процессе работы над книгой эти две группы писем были полностью прочтены, датированы и откомментированы.

² См.: Флейшман Л., Абызов Ю., Раевин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997. (Stanford Slavic Studies. Vols. 13—17).

ная часть, то и искусство только тогда истинно, когда оно духовно и общечеловечно. Ведь всякое искусство имеет свои глубокие корни в религиозных представлениях человека».³

Большая часть жизни В. П. Семенова-Тян-Шанского прошла в вынужденном изгнании в Гельсингфорсе, куда он попал вместе с женой и детьми в поисках убежища, до этого побывав в числе обреченных на верную смерть заложников, которым советская власть хотела «отомстить» за убийство Леонидом Каннегисером главы Петроградской ЧК М. С. Урицкого. Подробности истории его освобождения пока неизвестны; сообщалось лишь, что оно случилось «благодаря чудесному стечению обстоятельств».⁴

Биография В. П. Семенова-Тян-Шанского до Октябрьского переворота выглядит весьма respectable. Он окончил в 1891 году VIII классическую гимназию, а в 1895-м — юридический факультет Санкт-Петербургского университета. По совету отца поступил на службу во Второй департамент Правительствующего Сената, ведавший делами сельских жителей империи. Участвовал во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году, помогая отцу в организации Сибирского отдела. В 1900 году в таком же качестве принял участие во Всемирной выставке в Париже, устраивая Отдел русских окраин, после чего был представлен к званию камер-юнкера Высочайшего Двора. Во время Русско-японской войны (1905) был приглашен управлять делами Комитета императрицы о семьях призванных из запаса воинских чинов. В это же время Министерство внутренних дел привлекло В. П. Семенова-Тян-Шанского к разработке законопроекта о государственном призрении семей призванных на действительную воинскую службу. В 1912 году занял должность товарища обер-прокурора. Одновременно состоял членом Консультации (позднее — Совета) министра юстиции. Во время Первой мировой войны был в составе Комитета великой княжны Татьяны Николаевны по управлению делами семей призванных из запаса воинских чинов. За успешную работу получил чин действительного статского советника. При Временном правительстве участвовал в Главном земельном комитете как представитель Министерства юстиции. Службу в Сенате закончил в чрезвычайном и последнем его собрании; иными словами, участвовал в принятии постановления об издании указа о незаконности большевистской власти.

После внимательного изучения всей сохранившейся переписки редакции «Журнала Содружества» — группы молодой, а по отношению к содержанию материалов и уровню своего издания несомненно перфекционистской и целеустремленной — складывается впечатление, что именно исторический опыт и культурный багаж В. П. Семенова-Тян-Шанского, личность которого была живым подтверждением связи высших русских культурных поколений за последние три столетия и все еще олицетворяла бытие павшей Российской империи, привлекли его в число активных сотрудников ежемесячника. Произошло это вопреки некоторой его назойливости и негативным мнениям, сродни высказанному однажды в письме к ответственному редактору Выборгского журнала Ф. В. Уперову (1906—?) представителем редакции в Гельсингфорсе С. С. Добровольским: «Не увлекайся особенно печатанием С(еменова)-Т(ян)-Ш(анского). Его здесь недолюбливают».⁵

³ Семенов-Тян-Шанский В. П. Моя стезя в искусстве (рукопись); цит. по: Шаховской М., кн. В. П. Семенов-Тян-Шанский (1871—1968): [Некролог] // Возрождение (Париж). 1968. № 198. С. 125—126.

⁴ Шаховской М., кн. К 95-летию В. П. Семенова-Тян-Шанского // Там же. 1966. № 180. С. 110. Биографические сведения о В. П. Семенове-Тян-Шанском изложены нами в основном по этому источнику. Как указывает автор юбилейной статьи, в период ее подготовки он состоял в переписке с В. П. Семеновым-Тян-Шанским; таким образом, в принципиальных биографических моментах мы, скорее всего, следуем автору печатаемых ниже писем.

⁵ Письмо от 21 октября 1933 года // ЛОГА. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 1. Здесь и далее при частичном цитировании писем, публикуемых в книге, ссылки на листы нами опущены.

От цитированных фраз бесспорно веет духом соперничества и вечным конфликтом «отцов и детей», в случае вышеназванных корреспондентов находящим отражение в редакционной политике или — как минимум — в оказании предпочтения тексту одного автора перед другим (см., например, письмо 11, печатаемое ниже). С другой стороны, в обширном ряду Выборгских, столичных и иностранных авторов «Журнала Содружества» жители Гельсингфорса В. П. Семенов-Тянь-Шанский и Вера Сергеевна Булич (1898—1954), тоже представители поколений «отцов» и «детей» в русской словесности Финляндии, занимают в журнале весьма значительное место вполне бесконфликтно. На протяжении всех без исключения лет его недолгой истории они играли заметную роль связующих звеньев между разделенными Первой мировой войной и революционной катастрофой⁶ в России литературными поколениями и поддерживали своими многочисленными публикациями определенную преемственность редакционной линии.

Способность к объединению столь несхожих литературных фигур на страницах небольшого по объему издания является, пожалуй, целиком и полностью свойством натуры его редактора Ф. В. Уперова, причем ныне, при ретроспективном рассмотрении, наиболее неожиданной выглядит публикация в журнале рефератов и критики обоих авторов (в отличие от поэта Веры Булич, В. П. Семенов-Тянь-Шанский стихов не писал). Когда в конце 1936 года руководство журналом перейдет к Игорю Уперову (1909—?), младшему брату прежнего редактора, реферативно-критические выступления В. П. Семенова-Тянь-Шанского исчезнут со страниц «Журнала Содружества» и только пара его заметок увидит здесь свет в последние два года издания.⁷

⁶ Между прочим, в ходе разысканий нам неожиданно удалось установить, что довольно привычная оценка событий 1917 года как национальной катастрофы была абсолютно непереносимой для советских библиотечных цензоров. Так, в экземпляре одной из книг, принадлежавшей Выборгской Библиотеке Культурно-просветительного общества, слово «катастрофа» оказалось единственным на весь том, которое было замазано цензорскими чернилами почти до неразличимости. Так неистово вымарывали разве что имена революционных палачей, уничтоженных в результате процессов 1930-х годов, или же фамилию опального беглеца Л. Д. Троцкого. Ср.: «Чехов не дожид до революционного приступа 1905 года, а следовательно, никаких явных симптомов русской катастрофы, разразившейся со всей силой через двенадцать лет после первой вспышки, он не видел» (*Курдюмов М.* Сердце смятенное: О творчестве А. П. Чехова. 1904—1934. Paris: YMCA-Press, 1934. С. 200; цит. по экз. РНБ: 92—3 / 8513; «изъятое» цензором слово выделено курсивом).

⁷ См. № 36 и 37 в Приложении.

1

Ф. В. Уперов — В. П. Семенову-Тянь-Шанскому

Выборг, 18-го августа 1933 г(ода).

Многоуважаемый Валерий Петрович!

Вы, вероятно, имели случай познакомиться с выходящим в Выборге журналом — «Журналом Содружества», который, между прочим, продается и в Клубе русской колонии в Гельсингфорсе.

В качестве редактора названного журнала обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой принять в нем участие. Я узнал стороной, что в настоящее время Вы занимаетесь в Русском отделе Университетской библиотеки.¹ Для нашего журнала было бы очень интересно получить статью о Русском отделе этой библиотеки вообще² или же о книжных редкостях, которые, безусловно, должны иметься в ней.³

За присылку такой статьи будем Вам очень благодарны, как равно и за всякого рода материал, предоставленный Вами для нашего журнала.

Должен заметить, что наш журнал — предприятие не коммерческое, а потому Редакция и все сотрудники работают в нем безвозмездно.

В случае Вашего согласия на нашу просьбу и Вашего желания поместить статью в первом очередном номере просим материал предоставить не позже 3-го сентября.

В ожидании Вашего любезного ответа и заранее благодаря,

с совершенным почтением

Ф. У.

ЛОГА. Ф. 508. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 90. Машинописная копия. Подпись — автограф.

В дальнейшем при полной публикации писем из данной единицы хранения указывается только номер листа.

Адресат письма, Валерий Петрович Семенов-Тянь-Шанский, — в прошлом товарищ обер-прокурора 2-го департамента Правительствующего Сената (подробнее см. вступит. заметку); действительный член Русского Географического общества; в период «красного террора» бежал с женой и детьми в Финляндию; был членом Совета Общества «Русская колония в Финляндии», членом Русского академического объединения; в 1930-е годы сотрудник Русского отдела Университетской библиотеки в Гельсингфорсе и автор многочисленных публикаций в «Журнале Содружества»; в финляндский период жизни много работал как художник и участвовал в выставках (известна характеристика его как «самого талантливого» «акварелиста» среди художников-эмигрантов: *Еленевская И.* Воспоминания. [Стокгольм: А. Rossels Printing С' (Louvain, Belgium), 1967]. С. 172). В последний период жизни выступал в русской зарубежной печати как мемуарист; см., например: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* 1) Манифест 19 февраля 1861 года: (Из «Страниц семейной хроники») // Возрождение. 1961. № 111. С. 48—66; 2) Я. К. Грот и его семья: (Из семейных воспоминаний) // Там же. 1966. № 178. С. 79—94. См. о нем: *Шаховской М., кн. 1*) К 95-летию В. П. Семенова-Тянь-Шанского // Там же. № 180. С. 108—111; 2) В. П. Семенов-Тянь-Шанский (1871—1968): [Некролог] // Там же. 1968. № 198. С. 125—126; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland 1917—1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 467. (Studia Slavica Finlandensia. T. XVIII); «А пришлось в разлуке жить года...»: Российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами. Материалы к библиографии 1987—2002. СПб., 2003. С. 95 (далее сокращенно: Материалы к библиографии). С указанием других источников.

¹ Ранее В. П. Семенов-Тянь-Шанский в качестве сотрудника Русского отдела Библиотеки Гельсингфорского университета обратился к директору Выборгского русского реального лицея (далее: ВРРЛ) Владимиру Ивановичу Рейхерту с предложением вести книжный обмен между учреждениями (письмо от 25 мая 1933 года). Тема книжного обмена была продолжена В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в письме к Ф. В. Уперову от 20 апреля 1934 года: «Я состою представителем для Финляндии Пражского русского заграничного исторического архива. Архив заинтересован обменом и приобретением разных русских книг; приобретает также он и разные временные русские денежные знаки. Нет ли в библиотеке Культурно-просветительного общества каких-либо книг, которые библиотеке не нужны и могли бы быть интересны Архиву? Архив, в частности, ищет некоторые №№ старых журналов, список которых прилагаю. Прошу вернуть этот список. Об обмене книг я когда-то писал В. И. Рейхерту, но ответа не получил. Тогда я имел в виду, впрочем, не Архив, а Русский отдел Университетской библиотеки». Отрицательный ответ редакции на это предложение последовал лишь 12 июня 1934 года: «В ответ на Ваше открытое письмо от 23-го мая с. г. сообщаем, что упомянутых в присланном Вами списке книг в Лицее, к сожалению, не имеется, и, таким образом, мы не можем быть Вам полезны в предложенном Вами обмене».

² Просимая статья была получена и опубликована под псевдонимом лишь в ноябрьском номере; см.: В. С. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.]. Русский отдел Библиотеки Гельсингфорского университета // Журнал Содружества. 1933. № 11. С. 34—35.

³ Вопрос о «книжных редкостях» Библиотеки Гельсингфорского университета подробно освещен в указанной статье В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Ср.: «Русский отдел до настоящего времени не перестает также приобретать от частных лиц за деньги интересные для него русские книги. Так, в 1932 г. было приобретено около двух десятков редких русских книг 18 века, также несколько старинных рукописей и, в частности, Острожская Библия 1581 г. работы московского первопечатника Ивана Федорова. В числе редких книг, имеющих в отделе, можно назвать, напр(имер), такие: проповеди Леонтия Карповича (печ(атанные в) 1615 г.) — редчайшая книга, уничтожавшаяся в свое время иезуитами, как направленная против католицизма; Зерцало Богословия Кирилла Транквиллиона (почаевское издание 1618 г.); книга о Вере (1619); Лексикон словено-росский (1653); известный атлас Крюйса (Петровского адмирала),

напечатанный в Амстердаме в первые годы 18 века; Букварь Федора Поликарпова (1701); Лексикон трезязычный (1704); Арифметика Магницкого (1703); Геометрия (1708); Апофеосис — прославление Петра Великого по случаю Полтавской победы (1709); География Варения (1718); Рассуждение П. Шафирова о причине войны Петра I со Швециею (1717); Вексельный устав 1729 г.; Артиллерийские записки (1732—33); Описание Сибири Миллера (1750 и 1787); Торжества Академии Наук (1749—50—51); Юридический словарь Ланганса (1788, 1791); Путешествие Палласа (1773—88); новиковские издания Родословной книги князей и дворян российских (1787) и Географического словаря Российск(ого) Государства (1788), и много других. Также много книг, относящихся к русскому театру и его истории» (Там же).

2

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — Ф. В. Уперову

17 сент(ября 1)933.

Многоуважаемый Федор Васильевич.

Если некролог проф. Караулова не попал еще в очередной № Журнала содружества,¹ то, может быть, в нем возможно сделать следующие сокращения и исправления:

- на стр(анице) 1 на строке 21 выкинуть слова «где... курса» и «в 4 го-»;
 - на строке 22 выкинуть «да, т. е.», «весь»;
 - на строке 23 — вместо «по токам высокого напряжения» — «по сильным токам, по нынешней терминологии — токам высокого напряжения»;
 - на стр(анице) 2 на строке 7 вместо «токам высокого напряжения» — «своей специальности»;
 - на строке 8 изменить «других работ по общинженерной специальности» на «других общинженерных работ»;
 - на строке 9 перед «по постройкам» вставить «напр(имер)»;
 - на стр(анице) 3 на строке 3 вместо «некоторое время» поставить «в течение 3 лет»;
 - на строке 7 вставить после «знания» — «дававшие ему возможность даже преподавать теорию музыки»;
 - на строке 10 после «главным образом» вставить «для музыкальных целей, т. е. для романсов»;
 - на стр(анице) 4 на 1 строке после слова «Леонидович» вставить «всегда».²
- Прилагаю обещанный очерк о Русском отделе здешней университетской библиотеки.³

О книжной выставке постараюсь дать отчет по ее окончании.⁴ Также постараюсь дать еще статью по поводу евразийства.⁵

На книжной выставке будет инженером Вольфом дан реферат на книгу «15 лет советского строительства». Эта книга издана большевиками или на их деньги в Париже и доставлена на выставку.⁶ Инж(енер) Вольф очень интересно указывает, как следует читать эту книгу.⁷ Я уже заручился согласием автора дать этот небольшой реферат для Вашего журнала.

Искренне Вас уважающий

В. Семенов-Тянь-Шанский.

Л. 127 — 127 об. Машинопись с рукописной правкой; дата и подпись — автографы.

¹ «Некролог проф. Караулова» — см.: [Семенов-Тянь-Шанский В. П.]. Памяти проф. Н. Л. Караулова: [Речь в Русском академическом объединении] // Журнал Содружества. 1933. № 9. С. 54—56. В письме к Ф. В. Уперову от 3 сентября 1933 года, откликаясь на предложение о сотрудничестве, В. П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Исполняя Ваше желание получить для Журнала Содружества сведения о русской культурной жизни в Г(ельсингфор)се, посылаю свою речь, имеющую быть произнесенной на собрании Русского Академического объединения

6 сего месяца по случаю кончины Председателя Совета Объединения проф. Н. Л. Караулова». О председателе Совета Русского Академического объединения Н. Л. Караулове (1868(1864?)—1933) см. также: *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 472; Материалы к биобиблиографии. С. 115 (здесь он назван председателем Союза Русского Академического объединения). По некоторым данным, Н. Л. Караулов был «одно время» и председателем гельсингфорского отдела Союза инженеров (*Колтунов И.* Памяти Николая Леонидовича Караулова: [Некролог] // Вестник Русского высшего технического института во Франции. 1933. Вып. 9. Ноябрь. С. 146).

² В письме редакции «Журнала Содружества» к ее представителю в Гельсингфорсе С. С. Добровольскому от 13 сентября 1933 года сообщалось, что «журнал № 9 выйдет 20-го числа (сентября)»; несмотря на это, просимые «сокращения и исправления» частично были внесены. Не внесены поправки 1—3 (ср.: «Через год по окончании (в 1891 году. — А. Т.) Николай Леонидович решил дополнить свое высшее образование еще специальным и с этой целью поступил в Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, где в одну зиму прошел 2 первых курса. Окончив в 4 года, т. е. в 1895 году, весь курс Института и избрав своею специальностью электротехнику (по токам высокого напряжения), Николай Леонидович был оставлен при Институте для научных работ при профессоре Мерчинге и для подготовки к профессорскому званию»; С. 54); 4—6 (ср.: «В течение 28 лет Николай Леонидович руководил занятиями студентов Института по токам высокого напряжения, параллельно не оставляя и других работ по общинженерной специальности (по постройкам) и выполняя порученное ему путейским ведомством заведывание Музеем путей сообщения»; С. 54); 7 (ср.: «Через некоторое время он снова стал преподавать высшую математику на организованных молодежью курсах заочного обучения»; С. 55); 9 (ср.: «Ему не чужда была и литература. Владея стихотворной формой, он, благодаря хорошему знанию немецкого языка, переводил на этот язык образцы русской поэзии, главным образом для романсов»; С. 55). Внесены поправки 8 (ср.: «Помимо своей инженерной специальности Николай Леонидович всегда живо интересовался музыкой и ее историей, приобретает в этой области очень значительные знания, дававшие ему возможность даже преподавать теорию музыки»; С. 55) и 10 (ср.: «Как человек Николай Леонидович всегда отличался необыкновенною скромностью, не только внешнею, но и внутреннею»; С. 55).

³ См.: В. С. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.]. Русский отдел Библиотеки Гельсингфорского университета // Журнал Содружества. 1933. № 11. С. 34—35. Посланный текст в архиве журнала не сохранился.

⁴ См.: В. С. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.]. Выставка «Русская книга за рубежом»: [Статья] // Там же. № 10. С. 24—26.

⁵ Обещание автора письма, впервые высказанное им в письме к Ф. В. Уперову от 3 сентября 1933 года, было исполнено; см.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. По поводу заметок В. Уперова об евразийстве (№ 8) // Там же. № 11. С. 26—28. Ср.: Уперов В. Заметки об евразийстве // Там же. № 8. С. 5—9. Старший брат редакторов «Журнала Содружества» Ф. В. и И. В. Уперовых (1906—?; 1909—?) Василий Васильевич Уперов (1904—?) — химик по основной специальности; обучался в Руане (Франция). В 1933 году был постоянным автором «Журнала Содружества»; помимо указанных «Заметок», выступил на страницах журнала со статьями «„О мужестве слабых“: (Письмо выборгским друзьям)» (№ 1. С. 4—5), «О вселенской Женеве» (№ 3. С. 3—6), «О поисках „нового человека“: (По поводу одной анкеты)» (№ 6. С. 1—4), «Еще несколько слов о кризисе Лиги наций: (Ответ на предыдущую заметку [Л. М. Линдеберга, подписанную Л. Л.])» (№ 6. С. 24—25). Ср.: Материалы к биобиблиографии. С. 215 («Уперов В. Васильевич»). См. его фото, опубликованное в статье о его отце, тоже Василии Васильевиче Уперове (1877—1932): *Румянцева И.* Любите родину, любите друг друга... // Балтийский щит (Выборг). 2005. № 4. Авг. С. 20.

⁶ См.: Инж. В. [Вольф М. А.]. [Рец.] «15 лет советского строительства». (Выставка «Русская книга за рубежом» в Г(ельсингфор)се) // Журнал Содружества. 1933. № 10. С. 17—21. Ср.: «Инженер Вольф просил полностью его фамилию не ставить, а лишь так, как указано на рукописи, а именно: (*Отзыв инж. В-а о...*). Его мать в сов(етской) России, и он не хочет ей повредить» (письмо С. С. Добровольского к Ф. В. Уперову от 25 сентября 1933 года). Не следует путать издание, отрецензированное в «Журнале Содружества» и сейчас довольно редкое (см.: 15 лет советского строительства: Итоги и перспективы. [Париж: Кружок по изучению советской культуры, 1932]. 64 с.; выходные данные указаны только на обл.), с книгой того же названия, изданной в СССР Коммунистической академией и Институтом советского строительства и права (см.: 15 лет советского строительства. К XV годовщине Октябрьской революции: [Сб. ст. под ред. Е. Пашуканиса]. [М.]: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1932. 512 с.; обл.: 15 лет советского строительства. 1917—1932). Издание «кружка» не имеет иллюстраций и составлено из неподписанных главок, посвященных различным отраслям советской промышленности; помимо них, есть главки, в которых рассказано об основных периодах экономического развития РСФСР и СССР, а также о «культурном строительстве» и «новом советском человеке». Сборник московского издательства проиллюстрирован многочисленными фотографиями; он состоит из пространных авторских статей, в основном освещающих вопросы строительства советского государственного аппарата и хозяйственного управления при социализме. Ср. характеристику обозреваемого издания, сделанную автором рецензии в «Журнале Содружества»: «Эта книга издана каким-то таинствен-

ным „кружком по изучению советской культуры” (...) и отличается от обычных советских изданий лишь лучшим качеством бумаги и четкостью печати» (С. 17). Об инженере Марке Александровиче Вольфе см.: Материалы к биобиблиографии. С. 70. С указ. др. ист.

⁷ Автор письма имеет в виду следующие соображения М. А. Вольфа: «Советскую литературу нужно *уметь* читать. Неправильно принимать всякую советскую цифру бесконтрольно, но не правильно и считать каждую советскую цифру ложной. Обычно большевики в цифрах не лгут, но *манипулируют* ими, т. е. подбираются одни цифры и отбрасываются другие; они выражаются так туманно, что только очень опытный и привычный человек может понять, идет ли речь о действительности или о теоретической возможности; они делают неожиданные вольты и незаметно переходят с одних единиц на другие, и проч. Поймать их на откровенной лжи почти невозможно» (Журнал Содружества. 1933. № 10. С. 17).

3

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — Ф. В. Уперову

28 сент(ября 1) 1933.

Многоуважаемый Федор Васильевич.

Посылаю Вам рецензию о выставке «Русская книга за рубежом». ¹ Если Вы находите возможным помещать — быть может, в будущих №№ журнала — некоторые доклады и сообщения, * имевшие место на выставке, ² то можно вставить в мою рецензию примечание редакции, что журнал даст некоторые из сообщений и докладов в последующих №№. ³ Постараюсь также дать чрез С. С. Добровольского и некоторые доклады Академичес(кого) объединения.

Жму руку.

Ваш В. Семенов-Тянь-Шанский.

Р. С. У меня имеется готовый доклад о творчестве И. А. Бунина, который я читал в прошлом сезоне в Академическом объединении. ⁴ Имею хороший отзыв об этом докладе от самого И. А. Бунина (у него есть 1 экз(емпляр)). Я мог бы прочитать этот доклад в Выборге в зале Лицея. Но, к сожалению, не имею дела приехать в Выборг. Если бы Содружество или Культ(урно)-просв(етительное) об(щест)во взялось оплатить мне дорогу по 3-му классу и нашлось бы место приютить меня на 1 ночь, я мог бы приехать прочитать этот доклад. ⁵ Расходов, кроме ж. д. билета туда и обратно, почти не было бы — всего около 20—25 ф. м. сверх билета на еду в дороге. — Доклад занимает время около 2-х часов, с перерывом посредине.

Напишите, что Вы думаете об этом. Может быть, к чтению отрывков и стихов Бунина (входящих в доклад) можно привлечь местные молодые силы? ⁶

ВС.

Л. 134—134 об. Автограф.

¹ См.: В. С. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.] Выставка «Русская книга за рубежом»: [Статья] // Журнал Содружества. 1933. № 10. С. 24—26. Текст «рецензии» в архиве журнала не сохранился.

² См.: Современная живопись с точки зрения русского художественного критика: Реферат В. П. Семенова-Тянь-Шанского о книгах С. Маковского // Там же. С. 7—11; № 11. С. 9—13 (без подзаг.); Инж. В. [Вольф М. А.] [Рец.] «15 лет советского строительства». [Париж: Кружок по изучению советской культуры, 1932]. (Выставка «Русская книга за рубежом» в Г(ельсингфор)се) // Там же. № 10. С. 17—21.

³ Такое примечание редакцией «Журнала Содружества» не было сделано. Ср. отказ в публикации докладов «Опасность искажения русского языка» и «Освобождение крестьян в царствование Александра II», содержащийся в письме Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 18 октября 1933 года. По словам Ф. В. Уперова, они были присланы чрез С. С. Добро-

* Два из них — свой и инж(енера) Вольфа — я уже послал Вам чрез С. С. Добровольского. (Прим. авт.)

вольского. Несмотря на отказ, оба доклада были опубликованы позднее (второй — под другим названием; см. прим. 7 к письму 4).

⁴ См.: Семенов-Тянь-Шанский [В. П.] И. А. Бунин и его творчество: (К присуждению И. Бунину Нобелевской премии) // Журнал Содружества. 1933. № 12. С. 2—6; 1934. № 1. С. 3—11 (под назв.: И. А. Бунин и его творчество; подпись: Семенов-Тянь-Шанский В. П.).

⁵ Приезд В. П. Семенова-Тянь-Шанского в Выборг не состоялся. В его письме к Ф. В. Уперову от 9 октября 1933 года прозвучало предложение прочесть дополнительно и доклад «Освобождение крестьян в царствование Александра II», т. е. «устроить 2 доклада в один приезд в Выборг (по докладу) 2 дня подряд или через день», но было отвергнуто в печатаемом ниже письме Ф. В. Уперова от 18 октября 1933 года.

⁶ Тема привлечения «молодых сил» была развита автором в письме к Ф. В. Уперову от 9 октября 1933 года: «Возвращаясь к докладу о Бунине, я мог бы предложить прислать заранее эти отрывки, которые надо прочесть во время доклада; тогда, быть может, Вы сумели бы распределить роли молодежи, которая и смогла бы тоже сама своим участием заинтересоваться в моей лекции. — Меня очень радует, что между национально-мыслящими русскими людьми разных городов Финляндии начинает налаживаться связь. К этому я стремился с самого моего поселения в Гельсингфорсе. Это есть признак пробуждения, или, правильнее, бодрствования, национального сознания. Быть может, среди русских людей за рубежом оно пробудилось под невольным влиянием Германии. Будем надеяться, что такое пробуждение единой национальной мысли невидимыми путями пойдет и на Восток, за проволоку».

4

Ф. В. Уперов — В. П. Семенову-Тянь-Шанскому

Выборг, 18-го октября 1933 г(ода).

Господину В. П. Семенову-Тянь-Шанскому.
Гельсингфорс.

Многоуважаемый Валерий Петрович!

Прежде всего прошу извинить меня за задержку с ответом на Ваши уважаемые письма¹ — вся прошлая неделя была занята подготовлением к печати журнала № 10, и на корреспонденцию буквально не хватало времени. Затем разрешите поблагодарить Вас за хлопоты, вызванные нашей просьбой относительно пьесы «Педагоги».² Еще раз извиняемся за причиненное беспокойство.

Относительно возможностей устройства здесь предлагаемых Вами докладов я навел справки у лиц, ведающих этими делами, и должен, к сожалению, сообщить Вам, что ни Культ(урно)-просвет(ительное) о(бщест)во, ни Содружество не берут на себя организацию упомянутых докладов. Отказ же этих Обществ объясняется той простой причиной, что доклады на литературные, художественные или исторические темы просто-напросто не интересуют здешнюю публику и собрать аудиторию невозможно. Публику можно заманить лишь на доклады «сенсационные», как, напр(имер), доклады лиц, прибывающих из России (доклад Чернавиной),³ или на доклады лиц, прибывающих из-за границы и именующих себя профессорами и т. п.⁴ Редакция со своей стороны предлагает Вам предоставить ей доклад о Бунине для напечатания в журнале. Если это Вас устраивает, то просим обработать доклад так, чтобы он не занял больше 4—4½ страниц журнала, так как размеры последнего не позволяют помещать длинных статей; разделять же на несколько номеров не всегда представляется возможным.⁵ Ваша интересная заметка о русском отделе университетской библиотеки будет помещена в одном из ближайших номеров.⁶ Что же касается присланных нам через С. С. Добровольского докладов «Опасность искажения русского языка» и «Освобождение крестьян в царствование Александра II», то Редакция не нашла их подходящими для напечатания.⁷ Доклады будут, согласно Вашей просьбы (так у автора. — А. Т.), возвращены.

Искренно Вас уважающий и готовый к услугам

Ф. У.

Л. 155. Машинописная копия. Подпись — автограф (карандашом).

¹ Речь идет о письмах адресата от 28 сентября и 9 октября 1933 года.

² Пьеса Отто Эрнста (наст. имя и фам. Шмидт, Отто Эрнст; 1862—1926), известная в русских переводах под несколькими названиями. См. изд.: 1) Воспитатель Флахсманн: Ком. в 3 дейст., О. Эрнста / Пер. Э. Маттерна. М.: Изд. С. Ф. Рассохина, 1901 [ц. р. 27 авг. 1901]; 2) Педагоги. (Воспитатель Флахсманн): Комедия в 3-х действиях О. Эрнста / Пер. Е. В. Кашперовой. М.: Изд. С. Ф. Рассохина, 1901 [ц. р. 14 окт. 1901]; 3) В борьбе с рутинной. (Воспитатель Флахсманн): Комедия в 3-х действиях О. Эрнста / Пер. с нем. Л. Гельмерсен(а). [СПб.: Тип. СПб. т-ва «Труд», 1901; ц. р. 19 окт. 1901. — Приложение к журналу «Театр и искусство», № 43 за 1901 год]; 4) Школьная реформа. (Педагоги): Современная комедия в 3-х действиях О. Эрнста / Пер. А. П. Бурд-Восходова. Одесса: [Изд. И. Федоровского], 1902. В предыдущем письме от 9 октября 1933 года В. П. Семенов-Тянь-Шанский рассказал Ф. В. Уперову о своих безуспешных попытках найти третье из перечисленных изданий непосредственно в журнале «Театр и искусство» и в «Библиотеке „Театра и искусства“» (1900—1918).

³ Татьяна Васильевна Чернавина (1887—?) — перебежчица из СССР в Финляндию (август 1932; вместе с мужем, профессором В. В. Чернавиным, ихтиологом); до бегства — сотрудник Эрмитажа; автор книг «Побег из ГУЛАГа» (1933; издания: Escape from the Soviets / Transl. from the Russian by N. Alexander. London, Hamish Hamilton, 1933; то же: N. Y.: E. P. Dutton & Co., Inc., 1934; то же: London, Hamish Hamilton, 1935; Echappés du Guépérou, 1933 / Traduit du russe par V. Samaret et S. Campaux. Paris: Payot, 1934. (Collection d'études, de documents et de témoignages pour servir à l'histoire de notre temps); Mit Mann und Kind der GPU entflohen! Berlin: Im Verl. Ullstein, [1934]; Flugten fra Sovjet. København: C. A. Reitzels forl., MCMXXXV; Rapaille: Hoe ik den Sovjet-greep ontkaam / Vertaald door R. H. G. Nahuys. Amsterdam: N. V. Noord-Hollandsche Uitgevers-Maatschappij, [s. a.]; известны также два издания на польском («Zbigowie z GPU», 1937; переизд. под назв. «Zbigowie», 1996) языке и по одному — на шведском (Helsingfors: H. Schildt, 1936) и испанском («Fugitivos», 1946; в журнале «Obra: Revista internacional»); впервые в России: М.: Классика плюс, 1996; переизд. вместе с книгой мужа «Записки „вредителя“» в одном томе (СПб.: Канон, 1999); «Мы, советские женщины» (1936; издания: We Soviet Women / Transl. by N. Alexander. N. Y.: E. P. Dutton & Co, Inc., 1936; Nous femmes soviétiques / Traduction de S. Campaux. Paris: Payot, 1936. (Collection d'études, de documents et de témoignages pour servir à l'histoire de notre temps)) и «Детство в Сибири» (My Childhood in Siberia. [Glasgow et al.]: Oxford University Press, 1972). См. материалы о ее пребывании в Выборге: *Дон-Педро [Линдберг Л. М.]*. 1) Лекция Т. В. Чернавиной: [Резюме] // Журнал Содружества. 1933. № 10. С. 21—22; 2) Беседа с Т. В. Чернавиной // Там же. С. 27—29. См. также: Журнал Современные записки. Париж. 1920—1940: Указатель содержания / [Сост. А. Я. Лapidус]. СПб.: [Изд-во] Reprint, 2004. По указ. (список публ. в изд.); Материалы к биобиографии. С. 230; 229. С указ. соч. (неполн.) и др. истр.

⁴ Иронический выпад по адресу богослова, представителя Русского студенческого христианского движения Л. А. Зандера, посетившего Выборг в конце августа — начале сентября 1933 года. Ср. материалы о его пребывании в Выборге на страницах «Журнала Содружества»: [Сообщение о предстоящем в конце августа 1933 года приезде в Выборг профессора Богословского института в Париже Л. А. Зандера и его намерении прочесть лекцию в ВРРЛ] // Журнал Содружества. 1933. № 8. С. 32; *Л. и Д.* Лекция Л. А. Зандера 31 августа: [Резюме] // Там же. № 9. С. 42—44; *Эхо. [Иогансон Л. А.?]* Заветы предков: (Доклад Л. Зандера на «Дне русской женщины»): [Резюме] // Там же. С. 44—47; *Теодот [Уперов Ф. В.]* По поводу доклада Л. А. Зандера «Заветы предков»: [Статья] // Там же. С. 47—49; *Дон-Педро. [Линдберг Л. М.]* Беседа с проф. Л. А. Зандером // Там же. С. 57—59. В статье, посвященной докладу Зандера на «Вечере русской женщины» в ВРРЛ 31 августа 1933 года, Ф. В. Уперов подверг выступление гостя критике за то, что, во-первых, «выступление было чрезвычайно слабо связано с идеей самого вечера»; во-вторых, «лекция (...) свелась к прославлению русского старчества и принижению русской культуры и русской истории»; в-третьих, за «произвольное выдергивание фактов» и односторонний подход к некоторым историческим периодам (Там же. С. 47—48). См. также изображение Л. А. Зандера на групповой фотографии, сделанной в 1933 году в Гельсингфорсе: *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 159.

⁵ См. прим. 4 к письму 3.

⁶ См. прим. 3 к письму 2.

⁷ Несмотря на этот отказ, оба доклада были напечатаны в «Журнале Содружества» несколько позднее; см.: *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* 1) Опасность искажения русского языка // Журнал Содружества. 1934. № 2. С. 2—7; № 3. С. 2—6; 2) К 75-летию освобождения крестьян в России // Там же. 1936. № 2. С. 2—6; № 4. С. 21—27 (окончание под ошибочным названием: К 70-летию освобождения крестьян в России).

В. П. Семенов-Тян-Шанский — Ф. В. Уперову

S. Hesperia gatan, 28 C 51

21 окт(ября 19)33.

Многоуважаемый Федор Васильевич.

Я посмотрю, можно ли что-либо сделать в смысле сокращения с моим этюдом о Бунине, но думаю, что сократить с моих 60 страниц до 9 (4 ½ журнальных) едва ли возможно без ущерба для содержания.¹

На мой доклад о Бунине здесь в Гельсингфорсе собралось свыше 70 человек.² Этот же этюд был по просьбе нескольких лиц послан мною на Карельский перешеек и там читался на собраниях в двух местах и, кажется, собирал публику.

Что касается моего доклада об освобождении крестьян, то я понимаю, что такая тема может не подходить для Вашего журнала,³ но полагаю, что тема об искажении русского языка — совершенно злободневная и не только уместна, но очень полезна для журнала.⁴ И это тем более, что этот же вопрос был затронут в № 9 журнала в статье Линдеберга, написанной, однако, гораздо более поверхностно.⁵ Я понимаю, что, м(ожет) б(ыть), близко помещать статью на такую же тему не следует, но чрез некоторое время напомнить русским, что они искажают свой язык, не только можно, но и следует.

Я послал чрез С. С. Добровольского еще статью по поводу евразийства.⁶ Если хотите, могу еще переговорить с В. В. Семеновым⁷ — быть может, он даст для журнала свой доклад, читанный им на книжной выставке, о христианстве и цивилизации (о соответственной книге проф. Спекторского).⁸

Жму руку.

Ваш В. Семенов-Тян-Шанский.

Л. 161—161 об. Машинопись с рукописной правкой; адрес, дата и подпись (инициал и фамилия) — автографы.

¹ Тем не менее «этюды о Бунине» были сокращены и опубликованы; см. прим. 4 к письму 3.

² У нас нет сведений, где именно в Гельсингфорсе прочел В. П. Семенов-Тян-Шанский свой доклад о Бунине в октябре 1933 года. Позднее, 15 декабря 1933 года, этот доклад был прочитан автором в собрании Объединения русской молодежи (см. неподписанную заметку автора доклада: Журнал Содружества. 1934. № 1. С. 36—37).

³ Доклад В. П. Семенова-Тян-Шанского «Освобождение крестьян в царствование Александра II» был напечатан в «Журнале Содружества» позднее под другим названием; см. прим. 7 к письму 4, пункт 2. Ср. отказ напечатать эту работу, содержащийся в письме Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тян-Шанскому от 18 октября 1933 года.

⁴ В итоге, несмотря на отказ в письме Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тян-Шанскому от 18 октября 1933 года, этот доклад был напечатан в «Журнале Содружества»; см. прим. 7 к письму 4, пункт 1.

⁵ Речь идет о статье: *Линдеберг Л.* В защиту русского языка // Там же. 1933. № 9. С. 15—17. В статье отмечалось, что «в каждой стране у большинства местной русской молодежи — свой собственный язык. Русский разговор, пересыпанный, в зависимости от места жительства, шведскими, сербскими, французскими, литовскими и т. п. словами, целыми фразами иностранного происхождения, переводными оборотами речи... (<...> И это в то время, когда и на Родине власть старается уничтожить и обезличить Русский язык, засоряя его всякими бессмысленными словами, „словечками” и сокращениями коммунистического жаргона...» (С. 16). Положительная программа ее автора выглядела так: 1) необходимость поддержки русских школ; 2) просьба «избегать неправильностей в нашей разговорной и письменной речи, в особенности частого употребления иностранных слов и оборотов»; 3) утверждение «моральной обязанности каждого русского человека» «поправлять своих единоплеменников в случае, если в речь последних вкрадываются ошибки»; 4) «частое, по возможности, чтение наших классиков»; 5) предложение «образовывать литературные кружки, устраивать чтения»; 6) призыв к журналистам заменять иностранные слова на «соответствующие Русские выражения» (С. 17).

⁶ См.: *Семенов-Тян-Шанский В. П.* По поводу заметок В. Уперова об евразийстве (№ 8) // Там же. № 11. С. 26—28. Ср.: *Уперов В.* Заметки об евразийстве // Там же. № 8. С. 5—9.

⁷ Владимир Викторович Семенов (1889—1972) — участник содружества «Светлица», член Совета Общества «Русская колония в Финляндии»; ректор Гельсингфорского русского лицея; подробнее см.: *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 442; отрывки из воспоминаний В. В. Семенова 1954—1956 годов: *Ibid.* P. 22—24, 35—36, 132, 138—139, 168, 338—339; Материалы к библиографии. С. 194. С указ. др. ист.

⁸ Доклад В. В. Семенова на данную тему в «Журнале Содружества» не публиковался. Скорее всего, автор письма имеет в виду доклад о кн.: *Спекторский Е.* Христианство и культура. Прага: Пламя, 1925. В философском труде Евгения Васильевича Спекторского (1875—1951) есть три отдела («Духовная культура», «Социальная культура» и «Материальная культура»), которые посвящены взаимоотношению различных областей человеческой деятельности (иными словами, культуры, наблюдаемой в развитии и понимаемой как соединение «техники и идеологии»; см.: *Спекторский Е.* Указ. соч. С. 10) и христианства. Однако ни одна из этих областей не определяется автором как «цивилизация» или ее часть. Напротив, автор именует «цивилизацией» лишь малую составную часть «социальной культуры», а именно — «политическую культуру», чьи принципы «распространяются», в частности, «на гражданский, политический и экономический быт» «современных демократий» (Там же. С. 185; подробнее см.: Отдел третий. Социальная культура; Глава III. Социальный вопрос; [Глава] II. Цивилизация). Ср.: «А политическая культура и есть цивилизация (если, конечно, не брать цивилизацию в том условном смысле вырождения или экстенсивного перерождения культуры, в каком ее понимает Шпенглер)» (Там же). Таким образом, согласно Е. В. Спекторскому, «цивилизация» — всего лишь часть «культуры», которая непрестанно совершенствуется и развивается в христианстве; при этом последнее видится автору значительно более широким явлением, нежели его собственно религиозный и исторический аспекты. По Спекторскому, «христианство — (...) это идеализм, принимающий действительность в том виде, в каком она дана, а затем стремящийся преобразить ее и усовершенствовать в смысле не подавления или уничтожения материи, а преодоления и преобразования ее, чтобы и она была достойна духа. Посему в культурную линию христианства входит также и материальная культура, конечно облагоустроенная идеализмом и согласованная с духовною и социальною культурою» (Там же. С. 299).

6

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — Ф. В. Уперову

S. Hesperiatagan, 28 C 51.

17 дек(абря 19)33.

Дорогой Федор Васильевич.

Очень прошу Вас вставить в окончание моей статьи о Бунине, которая будет напечатана в январском № Журнала Содружества, вероятно случайно опущенные редакцией строки о *покорности*, так как это крайне необходимо для правильного понимания мировоззрения Бунина. Эти строки прилагаю: они относятся к 18 стран(ице) — по Вашему счету.¹

Я очень порадовался, что редакция обнаружила в финл(яндской) печати отрицат(ельный) отзыв о Бунине Господина Сильверсвана.² Здесь многие, в особенности наша молодежь (напр(имер), из О(бъединения) р(усской) м(олодежи)), очень возмущены тем, что такой отзыв принадлежит русскому, давшему его в финскую газету. Очень прошу Вас поместить по этому поводу мою заметку в ближ(айшем) № Журнала за подписью В. (напр(имер), в отделе «Обсуждения».)³

Прошу также поместить прилагаемую заметку о моем докладе о Бунине в Объед(инении) рус(ской) молодежи, с моим «вместо вступления».⁴ Хорошо бы найти место и заметке о собраниях Академического объединения.⁵ Обе эти заметки — без подписей.

Наконец, по просьбе С. С. Добровольского прилагаю отзыв о Выставке русских художников. Т(ак) к(ак) я сам — участник выставки, то считал неудобным писать один этот отзыв, и он составлен несколькими лицами, за общею подписью L.⁶

Еще одно предложение. У моей родственницы М. Семеновой⁷ случайно сохранились здесь несколько (5—6) писем Гончарова к ее отцу. Они носят частный ха-

рактир и нигде не известны, но о них можно бы, все же, дать ½—1 страницу текста для Журнала.⁸ М. Семенова сейчас во временной отлучке из Г(ельсингфор)са, так что мог бы дать этот текст в январе—феврале. Дайте по этому поводу ответ.

Жму Вашу руку.

В. Семенов-Тянь-Шанский.

Л. 204—204 об. Машинопись с рукописной правкой. Адрес, дата, фраза «Дайте ~ ответ», подпись — автографы.

¹ Насколько можно судить по опубликованному тексту, имеется в виду следующий фрагмент: «Покорности подчиняется все живущее на земле, но лишь человеку дано сознание срочности земной жизни. («Последний шмель» — одно из лучших стихотворений Бунина.) Та же покорность существует и в растительном мире. „Цветы молчат — нет слов у них: / Их сладкий зов — благоухания, — / Алмазы слез — покорность их”. Тою же покорностью объясняется и та грусть, которую обвеяны песни земли. Критика очень верно заметила, что „от каждой бунинской страницы веет красотой, умной скорбью и великой покорностью стойкой души”» (*Семенов-Тянь-Шанский В. П.* И. А. Бунин и его творчество // Журнал Содружества. 1934. № 1. С. 5).

² См.: Лур. [*Линдберг Л. М.*] Финляндская печать о Бунине: [Обзор] // Там же. 1933. № 12. С. 6—11. Обзор был помещен в «Журнале Содружества» в связи с присуждением И. А. Бунину Нобелевской премии по литературе. В начале статьи ее автор отметил, что отклики на это событие в финской печати были несхожи друг с другом: «...одни газеты, а их большинство, приветствовали стокгольмское решение, отдавая должное таланту и значению И. Бунина, другие, к сожалению, не смогли отрешиться от политики и национальной неприязни к русским, дав статьи, вызывающие одно недоумение. К счастью для финнов, таких статей немного» (Там же. С. 6). В ряду отрицательных откликов автор обзора отметил выступление Б. П. Сильверсвана в газете «Helsingin Sanomat» от 14 ноября 1933 года (подпись: B. Silversvan) и привел из его отклика такие суждения: 1) «Очевидно, Нобелевская литературная премия предназначена для писателей, имеющих мировое значение, каким вряд ли можно считать Бунина» (Там же. С. 9—10); 2) «В присуждении премии Бунину можно усмотреть желание наградить русскую литературу вообще (...)» (Там же. С. 10). См. также письма Ф. В. Уперова к И. А. Бунину от 13 ноября 1933 года и Ф. В. Уперова и В. И. Рейхерта к И. А. Бунину от 10 декабря 1933 года и комментарий к ним (Из истории русской печати в Финляндии... С. 219—221). Борис Павлович Сильверсван (1883—1934) — приват-доцент Санкт-Петербургского университета (кафедра романо-германской филологии), после Октябрьского переворота заведующий Скандинавским отделом издательства «Всемирная литература»; после бегства в Финляндию библиотекер Унив. библиотеки в Гельсингфорсе. Подробнее о нем см.: *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 458; Материалы к биобиблиографии. С. 197—198. С указ. др. ист.

³ Заметка была помещена в разделе «Обсуждения» февральского, а не январского номера за другой подписью; см.: Т. [*Семенов-Тянь-Шанский В. П.*] [По поводу статьи Б. П. Сильверсвана в «Helsingin Sanomat» от 14 ноября 1933 года] // Журнал Содружества. 1934. № 2. С. 27 (в Содержании номера под назв. «По поводу статьи в Helsingin Sanomat»).

⁴ Доклад автора письма состоялся 15 декабря 1933 года. См.: [*Семенов-Тянь-Шанский В. П.*] [Сообщение о прочтении В. П. Семеновым-Тянь-Шанским 15 декабря 1933 года в Объединении русской молодежи доклада о И. А. Бунине и текст вступительного слова В. П. Семенова-Тянь-Шанского] // Там же. № 1. С. 36—37. Присланный текст заметки в архиве журнала не сохранился. «Вместо вступления» — ср. начало заметки: «15 декабря в собрании Объединения русской молодежи В. П. Семенов-Тянь-Шанский прочел доклад о И. А. Бунине, печатаемый в нашем журнале в сжатом виде. Вместо вступления докладчик сказал следующее (...)» (Там же. С. 36; следует вступительное слово автора заметки). «Объединение русской молодежи», по определению современных историков русской эмиграции в Финляндии, было «молодежным отделением» Русской колонии, «целью» которого было «сохранение национальных ценностей и подготовка молодого поколения к возвращению в Россию» (*Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 143).

⁵ См.: [*Семенов-Тянь-Шанский В. П.*] [Сообщение о собраниях Русского Академического объединения в Финляндии] // Журнал Содружества. 1934. № 1. С. 37.

⁶ См.: Л. [*Семенов-Тянь-Шанский В. П. и неизвестные соавторы.*] Выставка русских художников в Гельсингфорсе: [Заметка] // Там же. С. 33—34. Выставка была устроена Обществом русских художников в Финляндии и проходила с 10 по 30 декабря 1933 года; на ней были представлены работы 22 авторов.

⁷ Скорее всего, речь идет о Милице Семеновой-Тянь-Шанской (1897—1947). Краткие сведения о ней см.: *Baschmakoff N., Leinonen M.* Op. cit. P. 464; Материалы к биобиблиографии. С. 195.

⁸ Письма И. А. Гончарова на страницах «Журнала Содружества» не публиковались. Возможно, речь идет об автографах писем писателя 1876—1879 годов к врачу Александру Капито-

новичу Соловьеву (1847—1898). Именно их фотокопии сохранились в архиве В. П. Семенова-Тянь-Шанского и ныне опубликованы; см.: Гайнцева Э. Г. Семь писем И. А. Гончарова из Бахметевского архива // Русская литература. 2002. № 3. С. 89—105. Кроме того, в публикации сообщается: «В Бахметевском архиве представлены не только фотокопии автографов писем Гончарова к Соловьеву, но и сделанные рукою В. П. Семенова-Тянь-Шанского копии этих писем с заметками по их поводу (...). Местонахождение подлинников, если только они сохранились, неизвестно» (Там же. С. 89; курсив мой. — А. Т.). К сожалению, автор столь примечательной публикации оказалась неосведомленной о желании В. П. Семенова-Тянь-Шанского напечатать письма Гончарова на страницах «Журнала Содружества», а недостаточность имеющейся у нас информации о М. Семеновой-Тянь-Шанской не позволяет идентифицировать ныне напечатанные письма как адресованные «ее отцу» с полной уверенностью.

7

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — Ф. В. Уперову

S. Hesperiatagan, 28 C 51.

17 января 1934.

Дорогой Федор Васильевич.

В № 1 Журнала Содружества 1934 г. я прочитал, что журнал будет продолжать идейную борьбу за русскую культуру и за русский язык.¹ Вместе с тем в этом № напечатана статья Г. Феликса о русском языке...² Все это дает мне надежду на то, что будет напечатана и моя статья, находящаяся в портфеле редакции, — «Опасность искажения русского языка»,³ тем более что в ней многое более убедительно отвечает не только на поднятые в журнале «Взлеты»⁴ вопросы, но и на то, что за последнее время может считаться злобой дня в отношении нашего языка. Не стоит много говорить о статье Вл. Гюльцгофа⁵ — это ведь простая обывательская глупость, не имеющая под собой никакой научной почвы. Но в своей статье я желал бы сделать некоторые сокращения, с одной стороны, а с другой — добавку, которую и прилагаю.⁶ Итак, надеюсь, что статья моя появится. И это тем более, что редакция обещает стоять в тесном контакте с читателем.

Я также надеюсь, что в журнале появится моя заметка по поводу отзыва финской газеты «Хельсингин саномат» о Бунине.⁷ По поводу этого я не получил никакого ответа от Г. Линдеберга, точно так же, как и относительно моего предложения по поводу писем Гончарова.⁸

Очень порадовался, что в № 1 журнала было помещено столько из присланного мною в редакцию материала.⁹ Могу только указать, что в отзыве о картинной выставке вкралась опечатка: Л. Кузьмин назван Л. Кульминым.¹⁰ Кстати: в статье Г. Феликса о русском языке есть как раз та орфографическая ошибка, против которой я восстаю в своей статье: напечатано «как не велики успехи», тогда как нужно «как ни велики успехи», т(ак) к(ак) ведь успехи велики.¹¹

Мне понравилась новогодняя речь Григоркова, но только должен сказать, что она была произнесена им в собрании Академического объединения не на 1934, а на 1933 г.¹² Прекрасен также конкурсный рассказ № 4,¹³ он лучший пока из всех, которые печатались ранее. Если я имею право участвовать как читатель в присуждении премии, то пока подаю голос за этот рассказ.

Теперь еще вопрос: существуют ли в редакции полные комплекты экземпляров журнала за 1933 г.? Я попробую подбить Русский отдел Университетской библиотеки приобрести за деньги такой комплект, раз что редакция любезно согласилась посылать журнал отделу бесплатно в настоящем году.¹⁴ Сведения о комплектах журнала мне нужны и для Русского Исторического архива в Праге, который собирает всю зарубежную русскую печать, в особенности периодическую.¹⁵

Буду ждать ответа на мои вопросы.

Желая хорошего года, сердечно жму Вашу руку.

В. Семенов-Тянь-Шанский.

Л. 217—217 об. Машинопись с правкой. Адрес и подпись — автографы. Фразы «По поводу этого - писем Гончарова» и «Сведения о комплектах - периодическую» отчеркнуты редакцией на полях красным карандашом. Слова «поводу писем Гончарова» и «Прекрасен» подчеркнуты редакцией красным карандашом в тексте. Напротив слова «Прекрасен» на полях — также красным карандашом — проставлен знак вопроса.

¹ Автор письма ссылается на следующее утверждение: «Программа журнала останется прежней и в новом году. „Журнал Содружества” по-прежнему будет стоять в стороне от всяких политических течений, и единственной его „политикой” будет по-прежнему „Русская Идея” — идейная борьба за Русскую Культуру, за русский язык и за очаг русской культуры — Русский Лицей» (*Редакция*. От редакции // Журнал Содружества. 1934. № 1. С. 2).

² См.: *Felix*. [Линдберг Л. М.] Еще о русском языке: [Статья] // Там же. С. 13—16.

³ Статья автора письма была вскоре опубликована; см. прим. 7 к письму 4, пункт 1.

⁴ О лионском журнале «Взлеты» автору письма стало известно из вышеупомянутой статьи Л. М. Линдберга, напечатанной под псевдонимом Felix, а также из рецензии того же автора; см.: Л. Л. [Линдберг Л. М.] «Взлеты». Независимый литературно-художественный журнал // Там же. С. 28. Подробнее об этом издании см.: Из истории русской печати в Финляндии... С. 217—218.

⁵ Имеется в виду статья, известная автору письма в изложении Л. М. Линдберга («Г(осподина) Феликса»): *Гюльцгоф Вл.* Об эволюции русского языка // Взлеты (Лион). 1933. № 2. См. о ней: *Felix*. [Линдберг Л. М.] Еще о русском языке. С. 13—15. Необходимо ли проявлять заботу о сохранении чистоты языка — так сформулирован основной вопрос в статье Вл. Гюльцгофа. Л. М. Линдберг сообщает, что ответ на него дан автором «отрицательный» (Там же. С. 13). Он не соглашается с этой точкой зрения и полемизирует с высказавшим ее Вл. Гюльцгофом в своей статье.

⁶ «Добавка» к статье «Опасность искажения русского языка», прилагавшаяся к письму, в архиве журнала не сохранилась.

⁷ См.: Т. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.] [По поводу статьи Б. П. Сильверсвана в «Helsingin Sanomat» от 14 ноября 1933 года] // Там же. 1934. № 2. С. 27. Подробнее об отрицательном отзыве финской газеты, реакции автора письма и о Б. П. Сильверсване см. выше в письме 6 и прим. 2 к нему.

⁸ Предложение напечатать несколько писем И. А. Гончарова содержится в том же письме. Этот замысел не был реализован.

⁹ В № 1 «Журнала Содружества» за 1934 год были напечатаны следующие материалы, принадлежащие В. П. Семенову-Тянь-Шанскому: окончание статьи «И. А. Бунии и его творчество» (с. 3—11); заметка «Выставка русских художников в Гельсингфорсе», написанная совместно с неизвестными соавторами и подписанная литерой *L* (с. 33—34); заметка без названия о событиях в жизни Гельсингфорского православного прихода в связи с кончиной протоиерея Дм. Троицкого в июле 1933 года за подписью —*ий* (с. 35—36); сообщение без подписи о прочтении В. П. Семеновым-Тянь-Шанским 15 декабря 1933 года в Объединении русской молодежи доклада о И. А. Бунии с текстом вступительного слова докладчика (с. 36—37); сообщение без подписи о собраниях Русского Академического объединения в Финляндии (с. 37).

¹⁰ См.: Там же. № 1. С. 34.

¹¹ См.: Там же. С. 14 (строка 13 сверху).

¹² См.: *Григорков Ю.* Град Китеж: (Речь под новый год) // Там же. С. 17—18. Сообщение о времени произнесения новогодней речи Ю. А. Григорковым сделано не в порядке исправления неточности — никакими хронологическими аннотациями при публикации текста в «Журнале Содружества» нет, — а для сведения адресата письма.

¹³ См.: Конкурсный рассказ № 4: Тема жизни // Там же. С. 20—24.

¹⁴ Впервые о «Журнале Содружества» за 1933 год в связи с комплектованием библиотечных фондов говорится в письме В. П. Семенова-Тянь-Шанского к Ф. В. Уперову от 3 января 1934 года: «Русский отдел Университетской библиотеки заинтересован в получении комплекта Журнала Содружества за минувший год и в получении его на будущее время. Нельзя ли это устроить?»

¹⁵ Началом уже существовавших к этому времени прямых контактов Русского заграничного исторического архива в Праге и редакции «Журнала Содружества» можно считать письмо архива от 25 апреля 1933 года о предоставлении ему номеров журнала (Из истории русской печати в Финляндии... С. 210). В письме Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 24 января 1934 года сообщалось, что «в Исторический архив журнал по просьбе этого учреждения высылается начиная с № 1-го 1933 г.». О работе В. П. Семенова-Тянь-Шанского в интересах Русского заграничного исторического архива см. также прим. 1 к письму 1.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — Ф. В. Уперову

S. Hesperia gatan, 28 C 51.

28. I. 34.

Helsingfors.

Дорогой Федор Васильевич.

Ваше письмо от 24 с. м. получил, не нашел только в нем ответа на вопрос о возможности для Русского отдела Унив(ерситетской) библиотеки приобрести комплект журнала за 1933 г.

Пользуюсь случаем послать Вам для журнала:¹ 1. заметку о Татьянинном дне и участии Н. В. Плевицкой, в надежде, что заметку с *текстом поднесенного ей адреса* можно напечатать в ближайшем № журнала;² 2. переработанную мною заметку о мнении г. Сильверсвана по поводу И. А. Бунина.³ Вы мне пишете, что не хотели начинать полемики. Я убрал из своей заметки все угловатости и резкости и составил доводы по существу. Ваше мнение о полемике я понимаю именно так, что Вы не хотели, чтобы заметка носила характер личных выпадов. Иначе нельзя допускать в журнале и того, что, напр(имер), пишется в нем о всяких спорах и трениях в жизни Вашего прихода, а ведь об этом же пишется.⁴ Поведение Сильверсвана здесь многих русских возмутило, и отпор ему дать необходимо, поэтому я очень прошу о помещении переработанной заметки. Могу Вам пояснить, что «Хельсингин саномат» — орган правительства, а Сильверсван — русский по духу и воспитанию и швед по происхождению — сейчас работает в Статс-Архиве. Ему нужно подслужиться, вот и мотив для его заметки о Бунине в правительственной газете. В корректной форме эту торговую лавочку и надо прощелкнуть. Никакой «полемики» из этого не выйдет, поверьте, потому что возражать Сильверсван побоится.

Что касается распространения журнала в Гельсингфорсе, то рассчитывать на годовых подписчиков вообще трудно при общем непрочном, в материальном отношении, положении журналов и газет. Но я все-таки постараюсь сделать, что могу. Розничная же продажа, по моему мнению, идет успешно. Комплект январских №№ в Клубе Колонии был распродан в первые же 2 дня по получении журнала. И понадобилось пополнение.

Постараюсь прислать заметку о письмах Гончарова, как только получу их на несколько дней на руки.

В. Семенов-Тянь-Шанский.

О здешних концертах Н. В. Плевицкой не пишу корреспонденции; думаю, что эту корреспонденцию (даст) кто-либо другой из г(ельсингфор)с(с)ких сотрудников.⁵ Притом будет здесь еще 1 концерт ее — 31 января. Концерты эти подняли очень много настроени(й), и зал всегда полон;⁶ артистку встречают и провожают с восторгом; в субботу она уезжает,⁷ про(во)ды, наверно, тоже будут сердечны. Сама Плевицкая так довольна Финляндией, что подумывает о новом приезде сюда «в будущем». Во время «Татьянинного обеда» я, как автор адреса Акад(емического) объединения (я его и подносил и читал ей, равно как и рисовал его), сидел рядом с ней и имел очень интересный разговор.

ВС.

Л. 227—227 об. Машинопись с правкой. Адрес, дата, подпись и постскрипtum с подписью — автографы.

¹ Тексты посланных вместе с письмом заметок В. П. Семенова-Тянь-Шанского в архиве журнала не сохранились.

² См.: [Семенов-Тянь-Шанский В. П.] Н. В. Плевицкая в Академическом объединении: [Заметка] // Журнал Содружества. 1934. № 2. С. 35—36 (текст приветственного адреса

Н. В. Плевицкой см.: Там же. С. 36). В заметке сообщается об обеде Академического объединения по случаю дня основания Московского университета (в Татьянин день), проходившем в помещении Клуба Общества «Русская колония в Финляндии», и об участии в нем Н. В. Плевицкой. О поднесении В. П. Семеновым-Тян-Шанским «художественного адреса» гастролировавшей в Гельсингфорсе и Выборге певице Н. В. Плевицкой см. также: *Эсде*. [Добровольский С. С.] Пребывание Н. В. Плевицкой в Гельсингфорсе: [Хроникальная заметка] // Там же. С. 34.

³ См.: Т. [Семенов-Тян-Шанский В. П.] [По поводу статьи Б. П. Сильверсвана в «Helsingin Sanomat» от 14 ноября 1933 года] // Там же. С. 27. О Б. П. Сильверсване и его статье в финской газете см. прим. 2 к письму 6.

⁴ Имеются в виду многочисленные статьи и заметки о приходских собраниях, регулярно публиковавшиеся редакцией «Журнала Содружества» в отделе «Местная жизнь».

⁵ Такая корреспонденция была предоставлена С. С. Добровольским, и о третьем концерте Н. В. Плевицкой 31 января 1934 года в зале Консерватории в ней сообщалось; см.: *Эсде*. [Добровольский С. С.] Пребывание Н. В. Плевицкой в Гельсингфорсе: [Хроникальная заметка] // Там же. С. 34—35.

⁶ В письме к Ф. В. Уперову от 31 января 1934 года В. П. Семенов-Тян-Шанский писал: «Концерты Плевицкой вызвали здесь бурю восторга; все 3 концерта собирали полный зал — первый свыше 300 чел(овек), второй свыше 650, а третий — 750». Выступления певицы в Гельсингфорсе состоялись 18, 26 и 31 января 1934 года.

⁷ Т. е. 3 февраля 1934 года. В этот день Н. В. Плевицкая отправилась в Ревель; см.: *Дон-Педро*. [Линдберг Л. М.] Беседа с Н. В. Плевицкой // Там же. С. 39. Ср. свидетельство певицы о путешествии по этому маршруту: «...боюсь качки на море. Это у меня с рейсов в Америку осталось. Был шторм, и „Беренгария» в 52 тысячи тонн водоизмещения качало так, что вит торчал в воздухе. Теперь вот мне пришлось из Гельсингфорса ездить в Таллинн, и попался маленький пароход. Ни за что не хотела сесть на него, меня уж и друзья уговаривали (так!), капитан уверял, что ни малейшего волнения не будет, даже финн, городской, вмешался, твердил: „Осинь хоросси погода. Ветер нисево, это в спину». Во что бы то ни стало хотел успокоить меня бравый финн. И действительно обошлось» (*Неглинов М.* Беседа с Н. В. Плевицкой // *Для Вас* (Рига). 1936. № 23. С. 7).

9

В. П. Семенов-Тян-Шанский — Ф. В. Уперову

E. Hesperiankatu, 28, С. 51.

20 февраля 1934.

Helsinki.

Дорогой Федор Васильевич.

Исполняя Вашу просьбу о присылке в Журнал Содружества всяких сведений о культурной жизни в Гельсингфорсе, а также просьбу организаторов благотворительного концерта с участием Ф. П. Сергеевой,¹ посылаю свою об этом заметку. Прошу лишь проверить у самой Фриды Павловны точность указания на ее верхнее *ми*, так как не принадлежу к числу тонких музыкантов.² Заметки о письмах Гончарова не посылаю: пока еще их не получил.³ № 2 журнала мне чрезвычайно понравился. Григорков превосходно написал о Плевицкой;⁴ также прекрасно стихотворение Хлодовского о русской песне.⁵ Прекрасный рассказ на конкурс.⁶ Посылаю свой купон для голосования по премии.⁷ Здесь все очень хвалят журнал.

Прочитав о материальных затруднениях Лицея (общая с Гельсингфорсом болезнь),⁸ пересылаю Вам копию мною полученного письма сестер Марии и Анастасии *Веревкиных* — исполнительницы русской песни. Прилагаю их карточки, *которые прошу мне вернуть, они дороги по воспоминаниям*.⁹ Делаю Содружеству предложение «выписать» сюда сестер Веревкиных для концертов, на совместные, начиная и здешним Лицеем. Если можно организовать один или два концерта их в Выборге, то выручка, на условиях письма, пойдет в пользу Выборгского лицея.¹⁰ Здешний Лицей идет на такое приглашение, но пока это дело в секрете (чтобы другие организации не перебили). Одновременно сношусь с Або и Гангэ. Сестер Веревкиных я слышал здесь: 2 года назад они проездом дали здесь свой концерт в Клубе Колонии, давший им 1.000 ф. м., несмотря на то что был не сезон (август).¹¹ Верев-

кины поют прекрасно, их репертуар несколько иной, (чем у) Плевницкой: они поют вещи русских композиторов, как Гречанинова, Бортнянского, Балакирева, Бородина, Рахманинова, Черепнина, Турчанинова, частью из репертуара квартета Кедрова, из хора Архангельского, и вещи других старинных русск(их) композиторов. Поют они дуэтом (на два голоса под рояль); есть у них вещи, написанные или переложенные для них специально. Выступают всегда вдвоем, в русских деревенских костюмах, сшитых по рисункам русских художников, специально для них нарисованным. Голоса имеют очень хорошие, сыгранность превосходная, публика была в Гельсингфорсе в восторге. Сейчас важно принципиальное согласие Содружества. Если бы можно было устроить в Выборге 2 концерта, то Содружеству пришлось бы нести часть общего расхода на проезд из Ковно в Гельсингфорс, а именно не более 2/5 от общей суммы расхода в 2.000 ф. м. (узнаю точнее). Уверен, что % от сбора, который Веревкины себе выговорят, будет не «жадный». Сестры — женщины очень интеллигентные, дочери б(ывшего) губернатора, и замечательно милые и простые. Но, конечно, как беженки, они должны сами себе что-либо зарабатывать. Они объездили почти всю Европу и везде имели крупный успех, как видите — и среди музыкальных итальянцев; в русских людях они своею песнью будят национальные чувства, так что их песня — русская культура.

Будьте добры дать мне ответ в ближайшие дни, так как я должен продолжать дальнейшую переписку с сестрами Веревкиными, как это видно из их ко мне письма.

Не имею от Вас ответа по поводу комплекта журнала за прошлый год для Рус(ского) отдела Универ(ситетской) библиотеки. Адрес этого отдела для правильного направления журнала в нынешнем году — Snellmausgatan,¹² 5, Venäl. Osasto Yliopistin Kirjastou.

Жму руку.

Ваш В. Семенов-Тян-Шанский.

Р. С. Т(ак) к(ак) сестры Веревкины освобождаются к 1 апр(еля), то Гельсингфорс будет стараться выписать их к 15 апреля. ВС.

Л. 238—238 об.—238. Машинопись с рукописными правкой, вставками и подчеркиваниями. Адрес, последняя фраза письма, подпись и постскриптум — автографы.

¹ Фрида Павловна Сергеева (урожд. Бекель) (1887—1977) — певица. Подробнее о ней см.: Материалы к биобиблиографии. С. 196 (указано имя: Фрида Генриетта Тереза). С указ. др. ист.

² Посланный текст в архиве журнала не сохранился. См.: В. С. [Семенов-Тян-Шанский В. П.] Ф. П. Сергеева в Гельсингфорсе: [Заметка] // Журнал Содружества. 1934. № 3. С. 31—32. Материал был посвящен концерту в Консерватории 16 февраля 1934 года, который был устроен Обществами друзей русских скаутов и вспомоществования недостаточным учащимся Русского лицея. Известно, что текст подвергся сокращениям (об этом см. письмо Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тян-Шанскому от 12 марта 1934 года); скорее всего, фрагмент статьи с упоминанием «верхнего ми» был снят при публикации.

³ См. прим. 8 к письму 6.

⁴ См.: Григорков Ю. Песни Н. В. Плевницкой // Там же. № 2. С. 31—32.

⁵ См.: Хлодовский Ю. [Смирнов Ю. В.] Русская песня («Кто тебя соткал, желанную...») // Там же. С. 22. — Дата: «Выборг, 26 января 1934 г.» Стихотворение посвящено «Н. В. Плевницкой», будучи написано в день ее второго концерта в Гельсингфорсе.

⁶ См.: Конкурсный рассказ № 5: Лучи солнца // Там же. С. 16—21.

⁷ Речь идет о читательском голосовании по конкурсу рассказов, объявленному «Журналом Содружества» в 1933 году. См.: Литературный конкурс: [Объявление о соревновании] // Там же. 1933. № 8. С. 16—17. — Подпись: Редакция; Литературный конкурс «Журнала Содружества» по просьбе читателей продолжен до 8-го октября! [Повторное объявление о соревновании] // Там же. № 9. С. 32—33. — Подпись: Редакция; К литературному конкурсу: [Сообщение о начале печатания конкурсных рассказов и правилах заполнения купона] // Там же. № 10. С. 11. — Подпись: Редакция. В первых двух объявлениях (почти идентичных) сообщалось: «Последний из конкурсных рассказов будет сопровождаться особым купоном, заполнив который читатель представляет его в редакцию не позже, чем по истечении 2-х недель по оконча-

нии конкурса. За получивший наибольшее количество голосов рассказ будет выдана премия» (Там же. № 8. С. 16—17; Там же. № 9. С. 32—33). В дополнение к этой информации в последнем объявлении было указано, что «голос будет приниматься во внимание лишь в том случае, если одновременно с вышеупомянутым купоном в Редакцию будут представлены контрольные купоны, которыми будет сопровождаться каждый печатаемый конкурсный рассказ» (Там же. № 10. С. 11).

⁸ См.: [Б. п.]. Собрание в Выборгском русском лицее 28-го января [1934 года]: [Заметка] // Там же. 1934. № 2. С. 39—40. Здесь сообщается о докладе школьной дирекции «о исключительно тяжелом материальном положении приходских школ в нынешнем году» (Там же. С. 40). Вместо предполагавшихся 100 000 финских марок «из общеприходских сумм» удалось получить на школьные нужды только 57 000 ф. м., а это означало дефицит бюджета в 99 500 ф. м. вместо планировавшегося дефицита в 56 500 ф. м. «Поэтому, — говорилось в заметке, — Дирекция обращается ко всем русским объединениям и частным лицам, благожелательно относящимся к существованию приходских школ, с призывом о помощи» (Там же).

⁹ Визитные карточки Марии и Анастасии Веревкиных, приложенные к письму, в архиве журнала не сохранились. Возможно, Мария Веревкина — это Мария Петровна Клуге, урожд. Веревкина (?—1977), «сестра Наталии Арцыбушевой, Анастасии Истоминой и Александра Веревкина», умершая и похороненная в Италии (Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997: В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. М., 1999. Т. 1: А—В. С. 538; М., 2001. Т. 3: И—К. С. 317 (источник: Русская мысль. 1977. 17 февр. № 3139); курсив мой. — А. Т.; ср. прим. 11 к наст. письму). Если это так и родители Веревкиных, как видно из приложенного письма самих сестер, жительствовавшие в Литве, то их отцом, возможно, является П. В. Веревкин, осенью 1920 года содействовавший учреждению русской гимназии в Ковно (см. об этом: *Тыминский А. Н.* «День русского просвещения» в Литве: К десятилетию Ковенской гимназии // День русского просвещения. Эстония, Ревель: Изд. Союза рус. просветительных и благотворительных обществ, май 1931. С. 37—38).

¹⁰ Судя по публикациям и хронике, печатавшимся в «Журнале Содружества», этот проект не был осуществлен. В архиве журнала сохранилось письмо М. и А. Веревкиных к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 14 февраля 1934 года из Милана, которое, очевидно, было послано им Ф. В. Уперову вместе с публикуемым письмом. В нем о возможных условиях приезда говорилось следующее: «Возможность приезда нашего в Финляндию не исключена, но нужно было бы точно установить время (скажем, от 20 апр(еля) — 20 мая), затем количество концертов и условия, приемлемые для Вас и для нас. Организация, заинтересованная в нашем приезде, должна была бы нам оплатить дорогу от Литвы до Гельсингфорса. Затем нужно было бы устроить ряд концертов — 3, 4, 5 на протяжении 2-х—3-х недель. Мы бы согласились на %, которые можем установить при дальнейших переговорах, но с каждого концерта должны иметь гарантированную сумму (гарантированный минимум), о котором тоже можно поговорить потом, так как многое зависит от количества концертов и времени, которое займет это турне. Затруднений с въездом быть не может, так как у меня латвийский паспорт (виза не нужна), а у сестры литовский, на который тоже, кажется, теперь виза не требуется. Остается главным вопросом — разрешение на работу. Это тоже, конечно, вперед должно быть нам гарантировано. Мы уже давно не пели в странах, где понимают русский язык, поэтому с удовольствием, конечно, приедем в Финляндию, где будет 50 % публики, понимающей язык, — контакт гораздо больше». В письме к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 27 февраля 1934 года Ф. В. Уперов выразил живейший интерес по поводу возможного приезда сестер Веревкиных в Выборг с концертами: «Что же касается „выписки“ сестер Веревкиных, то принципиально мы Ваше предложение с благодарностью принимаем, но окончательный ответ сможем дать лишь после того, как будут Вами выяснены все подробности % для сестер Веревкиных, их минимум и т. п. Разрешения на работу не требуется, но зато придется платить 15 % налогу со сбора. Мы предполагаем „использовать“ сестер Веревкиных для Дня русской культуры, устроить же второй концерт, принимая во внимание высокий налог и безденежье здешней публики, мы вряд ли сможем. Рекомендуем вместо этого второго концерта направить сестер в Териоки. Будем с нетерпением ждать результатов Вашей переписки с Веревкиными».

¹¹ Речь идет о приезде сестер Веревкиных в Финляндию с концертами, состоявшемся в 1931 году. Ср. у мемуаристки: «Особенно запомнился приезд певиц, очаровательных сестер Веревкиных, которых сопровождал в качестве антрепренера жених младшей сестры (Анастасии. — А. Т.) красивый Е. В. Истомин, в прошлом московский адвокат. Они разъезжали в автомобиле по Европе и выступали с песнями в ресторанах и русских клубах. Когда они приехали в Або в 1931 году и обратились к священнику, тот направил их к нам, и мужу (подполковнику С. С. Еленевскому. — А. Т.) удалось устроить их выступление в большом ресторане курорта Нодендаль под Або, которое прошло с большим успехом. Сестры Веревкины исполнили между прочим великолепно дуэтом „Однозвучно звенит колокольчик“. За четыре дня их пребывания в Або мы много бывали вместе, они у нас и завтракали, и обедали, и мы очень сошлись. На их концерт мы ехали в их автомобиле, чувствуя сами себя артистической богемой, и по окончании программы весело вместе ужинали» (*Еленевская И.* Воспоминания. С. 138—139).

¹² Над окончанием названия улицы на шведском языке — «gatan» автор вписал по-фински: «inkatu», т. е. на финском языке название улицы должно выглядеть: «Snellmausin-katu».

10

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — Ф. В. Уперову

30 марта 1934.

Дорогой Федор Васильевич.

Прежде всего — с Праздником: Христос воскрес! На Ваше письмо от 22 с. м.¹ сообщаю, что по справке Русского отдела Универс(итетской) библиотеки оказалось, что 5 экземпляров журнала, получаемые как обязательные, все расходятся, но из них Рус(ский) отд(ел) не получает ничего (расходятся в Общую библи(отеку), в Åbo Akademi и еще по правит(ельственным) местам), так что Русский отдел с удовольствием приобретет комплект (хотя бы без 1-го №) за 1933 г. и будет очень признателен, если ему непосредственно будет присылаться даровой экземпляр в 1934 г. и далее. Не откажите распорядиться об исполнении этого возможно скорее.

Прилагаю письмо Пред(седателя) Сов(ета) Академич(еского) Объединения² для В. В. Каррика³ — будьте добры ему его передать, если Каррик придет в Выборг;⁴ предварительно письмо прочтите, чтобы быть в курсе дела.

Заметку о письмах Гончарова постараюсь дать для № 5 журнала,⁵ но моя родственница⁶ уехала на праздники со своим питомцем в имение; если вернется после праздников, то постараюсь ей напомнить о письмах. Что касается статьи о Менделееве, то едва ли смогу ее приготовить к № 5 — для этого нужно дов(ольно) много поработать,⁷ а время у меня очень занято: я должен был в Акад(емическом) объединении еще весной этого года доклад «Влияние революции на русский язык».⁸ Из этого доклада скорее могу составить статью для журнала, но не знаю, подходит ли Вам такая тема. Кроме доклада много и другой работы срочной. Когда освобожусь, пока оценить (?) трудно.

Жму сердечно руку.

Ваш В. Семенов-Тянь-Шанский.

Л. 272—272 об. Автограф.

¹ Копия письма Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 22 марта 1934 года в архиве журнала не сохранилась.

² Приложенное письмо в архиве журнала не сохранилось.

³ О жившем в Норвегии журналисте, детском писателе, иллюстраторе, карикатуристе Валерии Виллиамовиче Каррике (1869—1942) и его изданиях — детских «Сказках-картинках» и информационном бюллетене «Связь» см.: Из истории русской печати в Финляндии... С. 230—231. Нам удалось ознакомиться только с двумя его норвежскими изданиями — ныне весьма редкими; см.: Каррик В. 1) Сказки-картинки: № 3. Черепаха и слон. Заяц и собака. [Hvalstad, Norge, 1930-е годы]; 2) День русской культуры. Вальста в Норвегии: Изд-во «Связь», январь 1935. В двух из трех статей, составивших последнюю двадцатистраничную брошюру, автор выдвинул идею создания координирующего центра по празднованию Дня русской культуры в странах русского рассеяния, а в перспективе — и Лиги культуры (со ссылкой на П. Б. Струве); ср.: 1) «...необходимо отметить все более нарастающую потребность в установлении связи между отдельными местами празднования Дня р(усской) к(ультуры). Достигнуто это может быть учреждением такого центрального места, которое находилось бы в связи со всеми точками празднования и где сосредоточивались бы сведения, касающиеся как состоявшегося празднования, так и празднований предстоящих» (Там же. С. 6; из статьи «День русской культуры в 1934 году»); 2) «Центр необходим уже для того, чтобы, находясь в соприкосновении со всеми точками, где ведется культурная работа, иметь возможность сделать эту работу обще-

русскою, помогая усилиям отдельных организаций или людей, когда нужно — направляя их. Опыт каждой точки должен стать опытом всех; ошибки и неудачи каждого места должны служить предупреждением всем остальным местам» (Там же. С. 19; из статьи «Свет и тени празднования»).

⁴ О приезде В. В. Каррика в Выборг см. следующие материалы: [Сообщение об ожидаемом в апреле 1934 года приезде В. В. Каррика из Норвегии в Выборг и Гельсингфорс] // Журнал Содружества. 1934. № 3. С. 40; Л. Л. [Линдберг Л. М.] К приезду В. В. Каррика: [Заметка] // Там же. № 4. С. 37—38; [Сообщение о лекциях В. В. Каррика 20 и 23 апреля 1934 года] // Там же. С. 40; Дон-Педро [Линдберг Л. М.]. В. В. Каррик в Выборге: [Заметка о двух лекциях] // Там же. № 5. С. 38—39. В хроникальном сообщении, помещенном в «Осведомительном отделе», говорилось: «20-го и 23-го АПРЕЛЯ приезжающий из Норвегии В. Каррик прочтет две лекции: 20-го на тему „Культура и кризис“, 23-го — „Народная сказка“. Начало лекций в 19.30 ч. Вход бесплатный» (Там же. № 4. С. 40). Подробнее см.: Из истории русской печати в Финляндии... С. 231—232.

⁵ Последнее упоминание писем И. А. Гончарова на страницах переписки — в письме В. П. Семенова-Тянь-Шанского к Ф. В. Уперову от 17 апреля 1934 года: «О письмах Гончарова пока ничего не могу сообщить, т(ак) к(ак) особа, их имеющая, мне их до сих пор не доставила». Подробнее см. прим. 8 к письму 6.

⁶ Скорее всего, речь идет о Милице Семеновой-Тянь-Шанской. Подробнее о ней см. прим. 7 к письму 6.

⁷ Статью о Д. И. Менделееве для «Журнала Содружества» автор письма не написал, и ее автором стал адресат письма; см.: Шальнев Ф. [Уперов Ф. В.] Дмитрий Иванович Менделеев: (Биографический очерк) // Журнал Содружества. 1934. № 5. С. 7—10. Вместо этой заказной статьи (об этом см. письмо Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 12 марта 1934 года) автор письма выбрал другую предложенную ему тему — «Иван Федоров — первопечатник (по случаю 350-летия со дня смерти)»; см.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Начало книгопечатания в Москве: (К минувшему 350-летию со дня смерти первого московского печатника Ивана Федорова) // Там же. № 4. С. 3—7.

⁸ Речь идет о докладе по книге Афанасия Матвеевича Селищева (1886—1942) «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)», вышедшей в 1928 году двумя изданиями тиражом 3000 и 5000 экземпляров (М.: Работник просвещения [6-я типо-лит. Транспечати НКПС]; 2-е изд.: М.: Работник просвещения [Гос. тип. газ. «Ленинградская правда»]). Только в 1989 году был аннулирован режим специального хранения этой книги в научных библиотеках. В письме В. П. Семенова-Тянь-Шанского к Ф. В. Уперову от 13 марта 1934 года труд Селищева был охарактеризован как «интересная и серьезная книга, изданная в СССР и затем большевиками изъятая из употребления». В письме к Ф. В. Уперову от 23 мая 1934 года В. П. Семенов-Тянь-Шанский сообщил: «Статью мою о влиянии революции на рус(ский) язык смогу дать только осенью, т(ак) к(ак) мой доклад на эту тему в Академич(еском) объединении был отложен до осени». Доклад «Влияние революции на русский язык» был прочитан там во второй половине сентября 1934 года (см. письма В. П. Семенова-Тянь-Шанского к Ф. В. Уперову от 2, 11 и 20 сентября 1934 года и Ф. В. Уперова к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 3 октября 1934 года). Текст доклада был в итоге напечатан в «Журнале Содружества»; см.: Семенов-Тянь-Шанский В. Влияние революции на русский язык: (О книге А. Селищева «Язык революционной эпохи». Москва. 1928): [Статья] // Журнал Содружества. 1934. № 11. С. 9—15; № 12. С. 5—10 (без подзаг.); 1935. № 1. С. 11—14 (с подзаг.: (О книге А. Селищева «Язык революционной эпохи»); подпись: Семенов-Тянь-Шанский В. П.). Публикации доклада предшествовал обмен письмами по поводу сокращений его текста до устраивавшего редакцию объема (см. письмо Ф. В. Уперова от 23 октября 1934 года с предложением сокращений и просьбой дать на них согласие и подробный ответ В. П. Семенова-Тянь-Шанского от 27 октября 1934 года). Ранее, в письме от 7 октября 1934 года, В. П. Семенов-Тянь-Шанский сформулировал общий принцип возможного сокращения авторского текста: «Примеры из книги Селищева, конечно, могут быть сокращены, но я не хотел бы выпускать тех мыслей, которые высказаны мною самим». В результате завершением доклада стало утверждение связи между деградацией национального языка и упадком культурного развития страны: «Мерилом такого (культурного). — А. Т.) уровня народа несомненно служит его язык, и если этот язык не развивается, а скорее разлагается, то это означает падение культурности народа, а никак не ее прогресс. Мне могут возразить, что книга Селищева написана 6—7 лет тому назад и что много воды утекло с тех пор. Но мне думается, что если после 1928 года был из России изгнан ряд культурнейших людей, если оставшиеся там ряды их сильно поредили от производившихся экзекуций над русскими учеными, если из употребления были изъяты книги, подобные разбираемой, если исчезли последние признаки той критики, которая была еще возможна до 1928 года и о наличии которой свидетельствуют некоторые страницы книги Селищева, то не приходится говорить, что за последние 6—7 лет могло иметь место какое-либо поступательное движение на пути общего культурного прогресса русского народа, несмотря на отдельные примеры каких-либо достижений в области науки, искусства, техники и разных прикладных знаний. И приходится закончить словами, сказанными Г. Адамовичем в статье

„Свобода и язык” («П(оследние) н(овости)», 24. 2. 34.): „Опасно то, что литературная речь (в СССР) *механизируется*, что все начинают писать совершенно одинаково, т. е. одинаково плохо, неточно, приблизительно, грубо, условно, без соответствия личной мысли и отражения ее... Причины этого в укладе жизни, в тех формах, которые жизни *навязываются*. Это тот язык метерлинковского зловещего „муравейника”, первый и непредвиденный результат коммунизма... Язык есть *плоть мысли*. Если мысль подрезана в корне, если она лишена свободы в момент выбора и самоопределения, если ей предоставлена рабочая, исполнительная роль, то *живого языка быть не может*”. К этим верным словам можно добавить: не только не может быть живого языка, но не может быть и творчества, а следовательно, и культурного прогресса» (Там же. 1935. № 1. С. 14; на самом деле не вполне точно цитируемая автором статья Г. А. Адамовича называется «Язык и свобода» и напечатана двумя днями ранее; см.: Последние новости. 1934. 22 февр. № 4718. С. 3).

11

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — Ф. В. Уперову

Альберга, 21 июня 1934.

Allmänna vägen, 33.

Дорогой Федор Васильевич.

По поводу не помещенной в № 6 моей заметки о Дне русской культуры¹ в Гельсингфорсе и помещения вместо того заметки о том же С. С. Добровольского должен заметить, что писал ее по просьбе того же С. С. Добровольского. Зачем было просить написать ее меня, когда он делал это сам?² По существу должен сказать, что в заметке С. С. чувствуется некоторое уязвленное самолюбие Союза молодежи, к которому принадлежит С. С.,³ вероятно из-за того, что молодежь не была привлечена к устройству «Дня культуры» в качестве полноправного распорядителя этим днем. С. С., должно быть, неизвестно, что рецепт В. В. Каррика⁴ давно известен Гельсингфорсу, здесь как раз и существует *постоянный* Комитет русских общественных организаций г. Гельсингфорса, в заботы которого входит устройство не только Праздника русской культуры, но и других памятных русским дней. В этот Комитет входит и Союз молодежи, и вообще представителя (так!) любых русских организаций, без подразделения их на эмигрантские и старые местные. И если молодежь думала заранее об устройстве Дня русской культуры, то ничто не мешало ей просить председателя заранее созвать этот Комитет и представить ему свой проект этого праздника. Но беда в том, что многие представители молодежи являются как раз теми «Дутиковыми», о которых пишет тот же С. С. Добровольский.⁵ В настоящем случае молодежь никакого своего цельного проекта праздника не вносила, а те предложения об оркестре и проч., которые она делала в Комитете, при первом же к ним прикосновении лопались как мыльные пузыри...⁶ Не могу умолчать и о нескольких ошибках автора заметки о картинах, изображенных на празднике. Так, мысль арх<итектора> Курпатова,⁷ вложенная в картины, была гораздо глубже, чем понял ее автор напечатанной заметки.⁸ Приходится также пожалеть о том, что осталась невысказанною печатно та общая мысль об этих праздниках, которая была указана мною в начале моей заметки.

Никакого готового материала, относящегося до Великой войны, у меня нет, а для подготовки надо бы несколько месяцев. Человек я не военный и относился к ней, в общем, отрицательно, но принимал живое участие в создании и деятельности Татианинского комитета, ведавшего дела о беженцах с театра войны (гражданского населения).⁹ Вообще не могу считать правильным посвящение отдельных №№ журнала какому-нибудь событию, решаемое в последнюю минуту: это та же ошибка, на которую указывает С. С. в своей заметке о Дне культуры.¹⁰

Очень просил бы поместить в журнале в ближ(айшем) номере, в отделе «Обсуждени(й?я?)», прилагаемую заметку о Гоголе, с несколько иною точкою зрения, чем у Л. Линдеберга.¹¹

Сердечно жму руку.

Ваш В. Семенов-Тянь-Шанский.

Л. 348—348 об. Машинопись с рукописными вставками и правкой. Улица и номер дома в адресе, последняя фраза письма и подпись — автографы.

¹ Начало традиции празднования Дня русской культуры в русской эмигрантской среде было положено в 1924 году в Эстонии; инициаторами выступили «русский национальный секретарь» г-н (А. К.) Янсон и Союз русских просветительских и благотворительных обществ (см.: Каррик В. День русской культуры в 1934 г. // Каррик В. День русской культуры. С. 1). В октябре 1924 года на совещании по борьбе с денационализацией, устроенном Педагогическим бюро в Праге, было высказано предложение об общем праздновании русскими людьми за границей дня рождения А. С. Пушкина; по предложению историка литературы А. Л. Бема праздник решили назвать Днем русской культуры (см.: Там же). «Таким образом, празднование дня рождения Пушкина как русского национально-культурного события началось в 1925 году» (Там же). Следует уточнить, что в силу местных условий дни проведения мероприятий, относящихся к Дню русской культуры, не всегда хронологически совпадали с днем рождения Пушкина, хотя сам праздник и связывался с этим событием. Так, в № 5 «Журнала Содружества» за 1933 год, в основном посвященном вопросам культуры, были напечатаны материалы о первом праздновании Дня русской культуры в Выборге 21 мая 1933 года. Необходимо помнить также, что День русской культуры нередко именовался Днем русского просвещения. В Эстонии, например, разными русскими организациями и в разные годы выпускались сборники «День просвещения» («День русского просвещения». Таллинн, 1925—1940) и «День русской культуры» (1. Нарва, 1935—1940; 2. Таллинн, 1937). В отдельных материалах, помещенных в этих изданиях, названия праздника смешиваются в пределах одной статьи; ср.: 1) «Издания, связанные с „Днем русского просвещения“, или русской культуры, уделяют на своих страницах значительную, если не большую часть места памяти русских деятелей просвещения, культуры, науки» (Янсон А. Лицом к крестьянству // День русского просвещения. Эстония, Ревель: Изд. Союза рус. просветительских и благотворительных о(бществ), май 1931. С. 29); 2) «В „День просвещения“ нельзя не вспомнить о русской науке, составляющей неотъемлемую часть духовных достижений народа. (...) Сегодня, в День русской культуры, мы вспомним великие заветы наших духовных вождей (...)» (Гейнрикс Г. Русское естествознание // [День просвещения]: Лит.-науч. сб. [Таллин]: Изд. Рус. национального союза в Эстонии, 5 июня 1927. С. 11).

² Данное замечание является реакцией на сообщение редакции «Журнала Содружества» в письме к В. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 12 июня 1934 года о том, что его рецензия «не могла быть (...) помещена в журнале ввиду того, что до нее была получена уже другая»; см.: — о — [Добровольский С. С.]. День русской культуры в Гельсингфорсе: [Заметка] // Журнал Содружества. 1934. № 6. С. 33—34. — Дата: Гельсингфорс, 28. 5. 1934. Рецензия на ту же тему была послана В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в редакцию журнала с письмом от 30 мая 1934 года.

³ Нам представляется, что если что и могло бы в заметке «День русской культуры в Гельсингфорсе» указать автору письма на «уязвленное самолюбие» С. С. Добровольского, то лишь предпосланный ей эпиграф из пражского журнала: «Наши „Дни русской культуры“ начинают свидетельствовать прямо-таки о культурной бедности эмиграции, так же как о ее бедности волевой и политической. Н. В. Быстров. „Испорченный „День“» (Знамя России: (Вестник «Крестьянской России» — Трудовой крестьянской партии). (1934). № 6. (С. 11))» (Там же. С. 33). Статья Н. В. Быстрова посвящена критике «литературного» уклона в праздновании Дня русской культуры. В заметке С. С. Добровольского использована в качестве эпиграфа последняя фраза этой статьи.

⁴ Ср. о «рецепте В. В. Каррика» в заметке С. С. Добровольского: «Недавно бывший в Гельсингфорсе В. В. Каррик высказывал мне в беседе мысль, что в каждом более или менее крупном центре русского рассеяния должен быть постоянный, избираемый на целый год комитет по устройству Дня русской культуры, состоящий из компетентных лиц и внимательно, не спеша выработывающий программу празднования» (Там же). Вопрос о степени участия молодежи в организации празднования Дня русской культуры и о ее взаимоотношениях с представителями старшего поколения в процессе его подготовки В. В. Каррика тоже занимал; ср. его оценки сложившихся противоречий: «Из тех писем, которые получены на просьбу составителя этой брошюры осветить вопрос о праздновании Дня русской культуры под углом отношений между поколениями, видно, с каким нередко раздражением „старики“ отмечают незнание молодежи с наиболее ценными плодами русской культуры и неумение использовать их для празднования; и с не меньшим раздражением молодежь укоряет старшее поколение в том, что оно монополизировало в своих руках блюдение Дня Р. К., не подпуская к этому блюдению моло-

дежь, а само „замораживает” празднование, не будучи в состоянии отказаться от усвоенных шаблонов и влить в это празднование новое содержание, более живое и привлекательное для них. В иных местах молодежь взялась за устройство празднования сама. Как вышло это празднование — судить трудно; но сама молодежь в этих случаях — которых, правда, немного — с гордостью заявляет, что интерес к Дню оживился. Зато со стороны представителей старшего поколения выступления молодежи в качестве организаторов далеко не всегда вызывают восторги» (*Каррик В. Свет и тени празднования // Каррик В. День русской культуры. С. 16—17*).

⁵ Имеется в виду герой рассказа С. С. Добровольского, который был помещен в том же номере «Журнала Содружества», что и обсуждаемая автором письма рецензия; см.: *Доливо[Добровольский] Сев. С. Никки Дутиков: (Рассказ) // Журнал Содружества. 1934. № 6. С. 22—27*. Никки Дутиков — тапер, который знает всего-навсего восемнадцать музыкальных номеров. Только один раз, будучи загнипнотизирован доктором Таубером, приехавшим из Берлина, он играет по-настоящему. Вследствие потрясения он перестает приходить на работу, а когда узнает об отъезде Таубера в Выборг и Ревель, кончает жизнь самоубийством.

⁶ Ср. критику оркестра в заметке С. С. Добровольского: «В третьем отделении оркестром была исполнена увертюра „1812-ый год” (Чайковского). К сожалению, оркестр, состоящий из 15 человек, с такой вещью справиться не может» (Там же. С. 34).

⁷ Леонид Евлампиевич Курпатов (1889—1964) — архитектор и художник-декоратор; после революции бежал в Финляндию; один из учредителей и первый председатель «Общества русских художников в Финляндии» (1933); в 1940-е годы переехал в Швецию, где и провел оставшуюся часть жизни. Подробнее о нем см.: *Материалы к биобиблиографии. С. 132. С указ. др. ист.; Еленевская И. Воспоминания. С. 132*.

⁸ Ср. в заметке С. С. Добровольского: «Первоначальная идея, предложенная арх(итектором) Л. И. Курпатовым, была интересна: показать публике три эпизода из русской истории — Куликовскую битву, Минина и 1812 год. Тщательная подготовка, срететированность и т. д. могли бы дать очень положительные результаты. Но все было начато слишком поздно, сделано наспех и кое-как. Но начну по порядку. По примеру прошлых лет праздники открыли русские скауты, пропарадировавшие с трехцветным знаменем перед публикой. Затем, после вступительного слова председателя Комитета русских общественных организаций г. Гельсингфорса, оркестр под управлением молодого дирижера Г. Ф. Годзинского очень неплохо исполнил увертюру оп(еры) „Князь Игорь” (Бородина). Отмечу, что оркестр был несколько жидковат (15 человек). Л. И. Курпатов сказал слово на тему „Примеры истории”, после чего была показана первая „картина”, а именно „Перед Куликовской битвой”, которую нужно признать во всех отношениях неудавшейся» (*Журнал Содружества. 1934. № 6. С. 33—34*; далее следует критика частных в 1—3 «картинах»). Рецензия заканчивалась отрицательным заключением о состоявшемся празднике: «Посоветую организаторам в следующий раз более серьезно относиться к этому исключительному по своей важности делу, внимательно все проработать и сделать так, чтобы этот весенний праздник действительно имел бы право носить имя „Дня русской культуры”» (Там же. С. 34).

⁹ Имеется в виду Комитет великой княжны Татьяны Николаевны по управлению делами семей призванных из запаса воинских чинов, действовавший в годы Первой мировой войны. За успешную работу в этом комитете В. П. Семенов-Тян-Шанский получил чин действительного статского советника. Подробнее см. выше, во вступительной заметке (с. 185).

¹⁰ Ср. в прим. 8 к настоящему письму: «Но все было начато слишком поздно, сделано наспех и кое-как».

¹¹ Эта просьба была исполнена; см.: *Семенов-Тян-Шанский В. П. Еще несколько слов о Гоголе // Журнал Содружества. 1934. № 7. С. 29—32*. Поскольку материал был откликном на статью Л. М. Линдеберга «О Гоголе» (см.: Там же. № 5. С. 3—6; № 6. С. 10—14), редакция поместила его в отдел «Обсуждения». Приложенный к письму текст заметки в архиве журнала не сохранился. Объяснение «несколько иной точки зрения» в статье В. П. Семенова-Тян-Шанского сосредоточено в основном на доказательстве существования в творчестве Н. В. Гоголя принципа «брат чьих своих героев с настоящих, живых людей», «в виде шаржа изображает живых людей, которых (он) видел и знал» (Там же. № 7. С. 30). Таким образом, объектом полемики В. П. Семенова-Тян-Шанского является та часть статьи Л. М. Линдеберга, которая была помещена в № 6 журнала и посвящена проблеме изображения типов у Гоголя (в первой части статьи, напечатанной в № 5, автор обсуждал проблему фантастического в творчестве Гоголя). Утверждение Л. М. Линдеберга: «Действительно, если мы присмотримся попристальнее к героям Гоголя, то увидим, что, несмотря на кажущуюся их жизненность и типичность для той или иной людской разновидности, несмотря на рельефность и почти скульптурную выпуклость их изображений, они в основе своей все мертвые души, т. е. лишены всего человеческого, всякой жизненности» (Там же. № 6. С. 11) — представляется В. П. Семенову-Тян-Шанскому абсолютно несостоятельным. В подтверждение своей точки зрения он указывает, что «многие герои Гоголя находят себе подобных в разных воспоминаниях (...) второй четверти и середины 19 века» (Там же. № 7. С. 30) и ссылается на серию примеров таких совпадений отдельных черт и свойств характера реальных лиц с гоголевскими героями, почерпнутую из воспоминаний своего отца, ученого и видного общественного деятеля Петра Петровича Семено-

ва-Тянь-Шанского (1827—1914; см.: Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Пг.: Изд. семьи, 1917. Т. 1: Детство и юность (1827—1855 гг.)). «Описания автора мемуаров, — заключает В. П. Семенов-Тянь-Шанский, — подтверждают ту мысль, что у Гоголя в его типах краски, конечно, сгущены или перенесены с нескольких лиц на одно, но не выдуманное им, а существовавшее в действительности. Это как раз и опровергает утверждение Л. Линдеберга, будто герои Гоголя являются существами, им выдуманными, созданными писательским воображением» (Журнал Содружества. 1934. № 7. С. 30). Далее автор полемической статьи подробно останавливается на самом ярком примере гоголевского героя в реальной помещичьей жизни, который довелось наблюдать его отцу, — фигуре живого Плюшкина Николая Дмитриевича Свиридова (см.: Там же. С. 30—32) — и приходит к выводу о том, что Гоголь «давал в лице своих героев гениальные шаржи, но затрагивал всех черт их характера, а писал свои портреты, так сказать, основными широкими мазками» (Там же. С. 32). «Поэтому-то надо признать, — настаивает В. П. Семенов-Тянь-Шанский, — что от этого способа мастерства гениального художника еще очень далеко до утверждения Л. Линдеберга, будто все герои Гоголя в основе своей „мертвые души, лишенные всякой жизненности“» (Там же).

12

В. П. Семенов-Тянь-Шанский — в Редакцию «Журнала Содружества»

(Не позднее 5 июня 1936 года).

Прошу эту заметку поместить в ближайшем № журнала.¹

В. Семенов-Тянь-Шанский.

Русские скауты в Финляндии

Отряд русских скаутов в Гельсингфорсе завоевал себе достойное место в Финляндской свободной бригаде скаутов. Участвуя в 1935 г. в юбилейном лагере по случаю 25-летия скаутизма в Финляндии, русские скауты на общих состязаниях заняли третье место.² В 1936 г. скаутмастер русского отряда награжден бригадой Маннергеймовским знаком отличия первой степени.

В этом году вместо обычного летнего лагеря вблизи Гельсингфорса русские скауты готовятся в июне посетить историческую православную святыню — Валаамский монастырь.³ Положение скаутов вообще очень тяжелое, и внести 260 ф. м., исчисленная на эту поездку с каждого скаута, очень многие из них не в состоянии.

Общество друзей русских скаутов, принимая все меры к тому, чтобы возможно большее число скаутов и скауток могло принять участие в посещении монастыря, открыло сбор пожертвований в Клубе Общества «Русская колония» (Mikonkatu, 4, B, 28. Venäl. Klubbi, Helsinki). Пожертвования принимаются и в редакции нашего журнала.

Всякая лепта, как бы она ни казалась малою жертвователю, принимается с горячею благодарностью.

Л. 515. Машинопись с рукописными правкой и вставкой адреса на финском языке. Подпись — автограф. Датируется по содержанию, с учетом сроков предоставления материалов авторами для помещения в очередном номере в 1936 году.

¹ Прилагаемая заметка не была напечатана в журнале.

² Об этом см.: [Б. п.] Русские скауты в лагере: [Заметка] // Журнал Содружества. 1935. № 9. С. 37—38. Ср.: «Лагерь был приурочен к 25-тилетнему юбилею скаутизма в Финляндии и закончился в воскресенье 21 июля торжественной церковной службой, юбилейным парадом и скаутскими упражнениями, а вечером всеобщим костром» (С. 37). Общий скаутский лагерь свободной бригады скаутов был организован с 12 по 23 июля 1935 года; в нем участвовали скауты из Финляндии, Эстонии, Венгрии, Англии, Германии и Швеции. Русских скаутов в Финляндии представлял гельсингфорский отряд «Следопыты» под начальством помощника начальника отряда В. И. Гранберга (см.: Там же). Владимир Иванович Гранберг (? — после 1960), помимо указанной должности, — секретарь Объединения кавалерии, «основанного в 1929 году на базе б. юнкеров Николаевского кавалерийского училища»; коллекционер материалов о царской семье, русских военных корпусах, отдельных полках и юнкерских училищах (Еленев-

ская И. Воспоминания. С. 160, 200). Подробнее о нем см.: Материалы к библиографии. С. 85. С указ. др. ист.; Еленевская И. Воспоминания. С. 151, 163.

³ На самом деле скауты выехали из Гельсингфорса 24 июня 1936 года и пробыли в Валаамском монастыре до 4 июля. См.: Русские скауты на Валааме / Фотографии А. Завьялова. [Гельсингфорс]: Изд. «Общества друзей русских скаутов в Гельсингфорсе», 1936. С. 2, 24. См. также: [Б. п.]. [Информ. заметка о поездке в Валаамский монастырь летом 1936 года гельсингфорских скаутов и скауток и о предстоящем в начале ноября выходе книги «Русские скауты на Валааме» ([Гельсингфорс], 1936)] // Журнал Содружества. 1936. № 10. С. 26. Здесь о поездке сообщалось следующее: «Летом 1936 г. русские скауты и скаутки г. Гельсингфорса (отряд «следопытов») вместо обычного скаутского лагеря совершили в числе 24 человек под руководством помощника Начальника отряда кап. В. И. Гранберга, организовавшего поездку Обществом друзей русских скаутов, и председательницы бар. Е. И. Майдель поездку в Валаамский монастырь. Общество друзей скаутов, встретив полную моральную и материальную поддержку такому начинанию в русских кругах, предложило юным участникам поездки — в возрасте от 11 лет — описать посещение монастыря и собрало средства на издание книги „Русские скауты на Валааме“ с многочисленными иллюстрациями по фотографиям А. Завьялова, сопровождавшего экскурсию в качестве фотографа. Молодежь горячо взялась за дело — передать свои впечатления о незабываемых 10 днях, проведенных ею на Валааме. Сведенные вместе воспоминания 15 участников и составят текст книги». Ср. об этой же, скорее всего, поездке, отнесенной автором воспоминаний к следующему году: «В 1937 г. русские скауты в сопровождении баронессы Майдель и капитана Гранберга ездили на Валаам. Монастырь произвел на эту молодежь сильнейшее впечатление. У вечерних костров они жадно слушали Гранберга, рассказывавшего им о русских монастырях и об их просветительной деятельности. На Валааме эти юноши и девушки, выросшие за границей, соприкоснулись с чисто русской атмосферой, и она их захватила» (Еленевская И. Воспоминания. С. 164).

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ В. П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО В «ЖУРНАЛЕ СОДРУЖЕСТВА»

1. Памяти проф. Н. Л. Караулова: [Речь в Русском академическом объединении] (1933. № 9. С. 54—56. — Б. п.).
2. Выставка русской книги в Гельсингфорсе: [Сообщение] (Там же. С. 56—57. — Б. п.).
3. Современная живопись с точки зрения русского художественного критика: Реферат В. П. Семенова-Тянь-Шанского о книгах С. Маковского (Там же. № 10. С. 7—11. — Помета: Продолжение следует).
4. Выставка «Русская книга за рубежом»: [Статья] (Там же. С. 24—26. — Подпись: В. С.).
5. Современная живопись с точки зрения русского художественного критика: (Окончание): [Статья-реферат] (Там же. № 11. С. 9—13. — Фамилия автора набрана с ошибкой: В. П. Семенов-Тянь-Шанский).
6. По поводу заметок В. Уперова об евразийстве (№ 8): [Статья] (Там же. С. 26—28).
7. Русский отдел Библиотеки Гельсингфорского университета: [Информ. заметка] (Там же. С. 34—35. — Подпись: В. С.).
8. И. А. Бунин и его творчество: (К присуждению И. Бунину Нобелевской премии): [Статья] (Там же. № 12. С. 2—6. — Помета: (Окончание следует). — Подпись без инициалов).
9. И. А. Бунин и его творчество: (Окончание): [Статья] (1934. № 1. С. 3—11).
10. [Семенов-Тянь-Шанский В. П. и неизвестные соавторы]. Выставка русских художников в Гельсингфорсе: [Заметка] (Там же. С. 33—34. — Подпись: L).
11. [Заметка о событиях в жизни Гельсингфорского православного прихода в связи с кончиной протоиерея Дм. Троицкого в июле 1933 года] (Там же. С. 35—36. — Подпись: —йй).

12. [Сообщение о прочтении В. П. Семеновым-Тянь-Шанским 15 декабря 1933 года в Объединении русской молодежи доклада о И. А. Бунине и текст вступительного слова В. П. Семенова-Тянь-Шанского] (Там же. С. 36—37. — Б. п.).
13. [Сообщение о собраниях Русского Академического объединения в Финляндии] (Там же. С. 37. — Б. п.).
14. Опасность искажения русского языка: [Статья] (Там же. № 2. С. 2—7. — Помета: (Окончание следует)).
15. [По поводу статьи Б. П. Сильверсвана в «Helsingin Sanomat» от 14 ноября 1933 года] (Там же. С. 27. — В Содержании номера под назв. «По поводу статьи в Helsingin Sanomat»; Подпись: Т.).
16. Н. В. Плевичка в Академическом объединении: [Заметка] (Там же. С. 35—36. — Б. п. Текст приветственного адреса Н. В. Плевичкой: С. 36).
17. Опасность искажения русского языка: (Окончание): [Статья] (Там же. № 3. С. 2—6).
18. Ф. П. Сергеева в Гельсингфорсе: [Заметка] (Там же. С. 31—32. — Подпись: В. С.).
19. Начало книгопечатания в Москве: (К минувшему 350-летию со дня смерти первого московского печатника Ивана Федорова): [Статья] (Там же. № 4. С. 3—7).
20. Еще несколько слов о Гоголе: [Статья] (Там же. № 7. С. 29—32).
21. Русская школа в Гельсингфорсе: [Исторический очерк] (Там же. № 9. С. 32—34. — Подпись без второго инициала. В Содержании номера имя автора обозначено: Семенов-Тянь-Шанский В. П.).
22. Влияние революции на русский язык: (О книге А. Селищева «Язык революционной эпохи». Москва. 1928): [Статья] (Там же. № 11. С. 9—15. — Подпись без второго инициала. Помета: (Продолжение следует)).
23. Влияние революции на русский язык: (Продолжение): [Статья] (Там же. № 12. С. 5—10. — Подпись без второго инициала. Помета: (Окончание следует). Подзаголовок отсутствует).
24. Влияние революции на русский язык: (О книге А. Селищева «Язык революционной эпохи»). (Окончание): [Статья] (Там же. 1935. № 1. С. 11—14. — Подпись только в конце статьи).
25. Что такое концентрационный лагерь? [Статья] (Там же. № 2. С. 5—8. — Помета: (Продолжение следует)).
26. К столетию первого издания Калевалы: [Статья] (Там же. № 3. С. 3—7. — Помета: Окончание следует).
27. К столетию первого издания Калевалы: (Окончание): [Статья] (Там же. № 4. С. 2—7).
28. Что такое концентрационный лагерь? (Окончание): [Статья] (Там же. С. 7—12. — Подпись: В. С.).
29. Русское Академическое объединение (Гельсингфорс): [Сообщение об общем годовом собрании 28 марта 1935 года] (Там же. С. 37. — Б. п.).
30. Старый сад: (Историческая быль) (Там же. 1936. № 1. С. 24—27. — Место написания: Гельсингфорс. — Подписи в начале и в конце статьи разные: В. Семенов-Тянь-Шанский; В. Семенов-Тянь-Шанский).
31. К 75-летию освобождения крестьян в России (Там же. № 2. С. 2—6. — Помета: (Окончание следует). — Подписи в начале и в конце статьи разные: В. Семенов-Тянь-Шанский; В. П. Семенов-Тянь-Шанский).
32. [Рец.] Rafael Lindqvist. Rysslands judiska skaldler. Helsingfors. 1935. (Там же. С. 26—29. — Подпись без второго инициала. В оригинале ссылка на источник содержит ошибку: Lindquist).
33. К 75-летию освобождения крестьян в России: (Окончание) (Там же. № 4. С. 21—27. — Подписи в начале и в конце статьи разные: В. Семенов-Тянь-Шан-

ский; В. П. Семенов-Тянь-Шанский. В оригинале набор названия статьи содержит ошибку, повторенную и в Содержании номера: К 70-летию (...).

34. По поводу праздника «Дня русской культуры»: [Статья] (Там же. № 5. С. 26—28. — Подпись без второго инициала).

35. Мысли Пушкина о поэзии в применении к современности: [Статья] (Там же. № 12. С. 26—28. — Подпись без второго инициала).

36. Пушкинская неделя в Гельсингфорсе (Там же. 1937. № 2. С. 31—33. — Подпись: В. С.).

37. Концерт Е. И. Никитиной в Гельсингфорсе: [Заметка] (Там же. 1938. № 12. С. 30. — Подпись: В. С.).

38. [Сообщение о докладе беженца из крестьян Н. Н-ва «о жизни русской деревни на юге России при проводимой большевиками коллективизации» в Русском Академическом объединении 19 апреля 1934 года] (Там же. 1934. № 5. С. 36. — Б. п. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.?).

39. Академическое объединение (Гельсингфорс): [Сообщение о докладах, прочитанных в декабре 1934-го — феврале 1935 годов] (Там же. 1935. № 2. С. 36. — Б. п. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.?).

40. В Академическом объединении: [Заметка о докладе А. Эквиста на тему «Шекспир — самый загадочный из гениев» 17 октября 1935 года] (Там же. № 11. С. 37—38. — Б. п. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.?).

41. В Академическом объединении: [Сообщения о 1) докладе архитектора Л. Е. Курпатова «Культура дома» 16 января 1935 года в Клубе Общества «Русская колония в Финляндии»; 2) дружеском обеде членов Объединения 25 января 1936 года — в Татьянин день (день основания первого русского университета)] (Там же. 1936. № 1. С. 36. — Б. п. [Семенов-Тянь-Шанский В. П.?).

© К. С. Корконосенко

А. А. СМИРНОВ КАК ТЕОРЕТИК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ «О ПЕРЕВОДАХ „ДОН КИХОТА“»¹)

В России теория перевода как отдельная научная дисциплина начала формироваться в двадцатых годах двадцатого века; до Октябрьской революции еще не существовало работ, специально посвященных этой области филологии. Такие авторитетные исследователи, как А. В. Федоров и Ю. Д. Левин, называют в качестве прямого предшественника отечественной теории Валерия Брюсова, который в статье «Фиалки в тигеле», разбирая конкретный перевод цикла стихотворений, пожалуй, наиболее системно изложил свои взгляды на суть перевода как явления.² Однако по-настоящему первой работой по теории перевода нужно признать брошюру «Принципы художественного перевода», изданную в 1919 году и составленную из статей Чуковского и Гумилева. Второе, дополненное издание вышло в свет в 1920 году. Еще в 20-е годы появилось около десятка книг и статей, посвященных этой проблеме: большинство на русском и как минимум две на украинском языке.³

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (07.04.-00531а) и Роснауки (МК-657.2007.6).

² См.: Брюсов В. Я. Фиалки в тигеле // Весы. 1905. № 7.

³ Тема дискуссий 1920-х годов о принципах и задачах художественного перевода слишком обширна, чтобы затрагивать ее здесь, поэтому просто приведу названия книг и статей: Чу-

Никто из их авторов не занимался переводами с испанского: примеры брались из английского, французского и немецкого языков.

Первым российским филологом, который посвятил специальную работу художественному переводу с испанского на русский язык, стал А. А. Смирнов, автор статьи «О переводах „Дон Кихота,» — как известно, это одна из вступительных статей к первому тому «Дон Кихота», изданному под редакцией Кржевского и Смирнова в 1929 году в издательстве «Academia».⁴ Благодаря разысканиям М. А. Толстой теперь стало известно, что Кржевский и Смирнов являлись не только редакторами, но и сопереводчиками романа Сервантеса.⁵ Перевод, выполненный с испанского языка несколькими филологами (наличие нескольких переводчиков — это, разумеется, скорее, недостаток; А. А. Смирнов в своих письмах объясняет необходимость такого способа работы экономической времени), был сведен воедино, сверен по испанскому тексту и отредактирован двумя редакторами-испанистами, которые одновременно входили и в коллектив переводчиков. А. А. Смирнов так описывал их взаимодействие: «Общая редакция — Б. А. Кржевского и моя, причем я в первую очередь координирую переводы отдельных лиц стилистически, а Кржевский выверяет точность и в согласии со мной устанавливает окончательный текст».⁶

Примечания к «Дон Кихоту» представляют самостоятельное серьезное текстологическое исследование и не утратили своего научного значения и по сей день; в этой части работы Б. А. Кржевский и А. А. Смирнов опирались на труды сервантесоведов прошлых лет и следовали высоким стандартам зарубежных комментаторов, таких как Д. Клеменсин и Ф. Родригес Марин.⁷ Как представляется, примечания ориентированы на образованного русского читателя, знакомого с историей литературы, но не профессионального литературоведа и не испаниста.

Статья «О переводах „Дон Кихота,» несколько раз переиздавалась вместе с текстом, последний раз — в репринтном издании 1997 года. Поэтому ее никак нельзя считать малоизвестным текстом, однако мне хотелось бы предложить несколько необычное прочтение этой статьи.

ковский К. И., Гумилев Н. С. Принципы художественного перевода. Пб., 1919; 2-е изд., доп.: Принципы художественного перевода. Статьи Ф. Д. Батюшкова, Н. Гумилева, К. Чуковского. Пб., 1920; О коллективном переводе стихов // Дом искусств. 1921. № 1; *Финкель А. М.* 1) О переводе // Художественная мысль (Харьков). 1922. № 12; 2) Теория и практика переклада. Харьков, 1929; *Шор Р.* О переводах и переводчиках // Печать и революция. 1926. Кн. 1; *Державин В. М.* Проблема виршованого перекладу // Плужанин. 1927. № 9—10; *Федоров А. В.* 1) Проблема стихотворного перевода // Поэтика. Вып. 2. Л., 1927; 2) Звуковая форма стихотворного перевода // Поэтика. Вып. 4. Л., 1928; 3) О современном переводе // Звезда. 1929. № 9; *Вайсенберг Л.* Переводная литература в Советской России за 10 лет // Звезда. 1928. № 6; *Дейч А.* В борьбе за массовую переводную литературу // Вестник иностранной литературы. 1929. № 6; *Сергиевский М. В.* О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке // Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Сб. 2. М., 1929; *Ивич А.* Производственный брак. Как издаются иностранные классики // Лит. газета. 1929. 4 ноября. № 29; *Луначарский А. В.* Нужно ли бить в набат? По поводу перевода иностранных классиков на русский язык // Там же. 18 ноября. № 31; *Залеская Л. Я., Любарская А. А.* Значение перевода // Иностранные языки в массы. М.; Л., 1930; *Чуковский К. И., Федоров А. В.* Искусство перевода. Л., 1930; *Алексеев М. П.* Проблема художественного перевода. Иркутск, 1931.

⁴ До недавнего времени его неофициально было принято называть «переводом Григория Лозинского». См., например: *Багно В. Е.* Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 411; примечание, сделанное переводчицей А. М. Косс в кн.: *Унамуну М. де.* Жизнь Дон Кихота и Санчо, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуну. СПб., 2002. С. 22.

⁵ См.: *Толстая М. А.* К проблеме авторства перевода романа Сервантеса «Дон Кихот» для издательства «Academia» // Известия АН. Сер. литературы и языка. Т. 63. 2004. № 3. С. 56—59.

⁶ *Толстая М. А.* Указ. соч. С. 58.

⁷ См. раздел «Библиографические указания» в предисловии Б. А. Кржевского: *Сервантес Сааведра М. де.* Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. Л., 1929. Т. 1. С. LXXVIII—LXXIX. Смирнов составил примечания к первому тому; Кржевский — ко второму. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Традиционно статью Смирнова воспринимают как работу историко-литературную. И это справедливо, ведь Смирнов разворачивает перед читателями панораму русских и западноевропейских переводов «Дон Кихота» XIX—XX веков и анализирует их достоинства и недостатки. Сам по себе этот анализ уже представляет немалый интерес. Однако важно не упустить из виду и иную грань: это было первое в отечественном литературоведении исследование по *теории перевода* с испанского языка. По отношению к предшествующим переводам Смирнов в этой своей работе является не только литературоведом и критиком: он выступает как один из авторов нового перевода, как редактор и комментатор бессмертного и хорошо известного текста. Он представляет читателям собственный многолетний труд, созданный с учетом переводов предшественников, и поэтому Смирнов просто необходимо показать, чем новый перевод отличается от старых, которые признаются им неудовлетворительными и крайне несовершенными. В предисловии к переводу следовало сформулировать новые принципы, на основе которых он выполнен. И Смирнов справляется с этой задачей, на мой взгляд, не только изобретательно, но и хитроумно, выстраивая свою теорию перевода *от противного*.

Важно обратить внимание еще и на такую особенность: Смирнов анализирует не *все* русские переводы — и дело здесь не в недостатке эрудиции. Он лишь вскользь упоминает, что переводы XVIII и первой половины XIX века совершенно устарели в смысле языка. Речь в его статье идет о «живых» переводах, т. е. о таких, которые еще могут восприниматься как «удовлетворительные». С ними следует сражаться, их следует победить. Время показало, что эта задача была выполнена. В наши дни существует два «живых» перевода, и перевод под редакцией Кржевского и Смирнова, несмотря на то что его не переиздавали почти полвека, сейчас на равных конкурирует с более поздним переводом Н. М. Любимова, появившимся в 1951 году.

Разбирая конкретные особенности «живых» переводов романа, Смирнов формулирует требования, которыми предлагает руководствоваться современному переводчику-испанисту. В целом эти требования согласуются с принципами художественного перевода, изложенными в общих работах тех лет, но есть и специальные указания, касающиеся испаноязычной литературы. Ниже я считаю нужным привести пространные цитаты из статьи «О переводах „Дон Кихота“», поскольку, собранные воедино, тезисы Смирнова представляют собой первый в России свод правил для перевода испанской литературы вообще и испанской классики в частности; на мой взгляд, его формулировки сыграли важную роль в становлении того переводческого канона, который не утратил своей значимости и теперь.

О «Дон Кихоте» В. Карелина Смирнов пишет: «Первый из них (...) имеет прежде всего тот основной недостаток, что он сделан, вопреки заявлению автора, не с испанского, а с французского. (...) Но еще хуже то, что переводчик не счел себя обязанным хотя бы строго придерживаться французского текста, в силу чего ряд пассажей являются у него не переводом, а вольным пересказом романа Сервантеса» (Т. 1. С. LXXXIV). Перевод Марка Басанина в первую очередь грешит неточностью, в нем также отмечается «раскраска», привносящая в него *добавочный юмор дурного вкуса*; «в целях освежения текста переводчик влагает в уста испанцев XVII в. русские пословицы и поговорки» (Т. 1. С. LXXXV). Работа М. В. Ватсон — это «первый полный и точный, притом выполненный с редкой добросовестностью и старанием перевод. К сожалению, этот весьма достойный труд страдает одним, но весьма существенным недостатком — чрезмерной дословностью, в жертву которой принесена всякая забота о художественности»; кроме этого, Ватсон не удалось избежать и фактических ошибок (Т. 1. С. LXXXVI). После критических замечаний общего характера приводятся примеры допущенных переводчиками вольностей и неточностей. Теоретическое значение имеют и замечания Смирнова об одной из свободных переработок перевода Ватсон (М., 1928, предисловие П. С. Когана):

«С одной стороны, главная ценность перевода М. В. Ватсон, именно точность, совершенно пропала; с другой стороны, умеренные литературные достоинства, приросшие таким путем к тексту, оказались характерными для стиля русского редактора книги, но отнюдь не для испанского подлинника» (Т. 1. С. LXXXVII).

Для сравнения со статьей Смирнова приведу цитату из другого источника, тоже 1929 года. В «Литературной газете» появилась статья А. Ивича, в которой описывался популярный «рецепт» издания иностранной классики: «Покупается экземпляр какого-нибудь старого перевода и вручается для редактирования редактору „с именем”. Последний, в зависимости от степени своей добросовестности, сверяет перевод с подлинником или просто „выправляет слог” переводчика, не заглядывая в оригинал, или же, наконец, сдает для печати со своей редакторской визой экземпляр вовсе не правленный». Издательство сочиняет титульный лист, на котором крупным шрифтом красуется фамилия редактора собрания сочинений, фамилия редактора данного произведения, фамилия редактора серии и, конечно, отсутствует фамилия переводчика. Книга преподносится читателю».⁸ Нужно отметить, что критические замечания Ивича, — а стало быть, и Смирнова — не были в то время самоочевидными: А. В. Луначарский, один из редакторов «с именем», о которых шла речь, посчитал нужным выступить с ответной статьей, где, в частности, писал, защищая осуждаемый метод подготовки книг: «Самым важным при таких изданиях я считаю марксистские вводные статьи и комментарии. Конечно, очень важно дать новый свежий перевод, но еще гораздо важнее дать соответственные комментарии».⁹

Рассуждая о новом переводе, Смирнов представляет положительную программу коллектива переводчиков «Дон Кихота»: «Его авторы поставили себе задачей совместить максимальную точность с художественной проработкой, разумея под последней не просто „литературность” как таковую, а передачу стилистических намерений самого Сервантеса». При передаче стилистических оттенков речи персонажей авторы перевода «всякий раз проверяли, насколько средства современного русского языка пригодны для создания именно того впечатления, которое желал вызвать Сервантес; и нередко — тщательно избегая, понятно, всякой „русификации” — им приходилось все же подыскивать субституты» (Т. 1. С. LXXXIX).

Изучая переводческие установки, всегда следует помнить, на какого читателя ориентировались переводчики в своей работе. Литературоведческие статьи двадцатых годов пронизаны стремлением создать и развивать новый тип читателя — читателя демократического, как писал Горький, т. е. человека, стремящегося к знаниям и чтению, но не обладающего фундаментальным образованием. По моему мнению, и перевод «Дон Кихота», и предваряющие его статьи являются ярким примером этой благородной — хотя и не единственно возможной — тенденции. Смирнов признает, что авторы перевода занимали позицию между двумя крайностями — модернизацией старинного текста и стилизованным соблюдением всех архаизмов. И все-таки в спорных случаях уклон делался в сторону модернизации. Примечательно, что в этом месте статьи Смирнов и по смыслу, и стилистически, и в логической последовательности как бы повторяет два противоречивых — и вместе с тем взаимодополняющих — совета, данные Дон Кихотом своему оруженосцу перед его губернаторством. Дон Кихот сначала наставляет Санчо: «Постарайся обнаружить правду, и да не помешают тебе в этом ни подарки и посулы богача, ни рыдания и мольбы бедного» (Т. 2. Л., 1932. С. 503). А потом, понимая, что некоторые ситуации все-таки требуют осознанного выбора, добавляет: «Если когда-нибудь жезл правосудия склонится в твоей руке, то пусть он это сделает не под тяжестью даров, а под бременем сострадания» (Там же). Смирнов объясняет установку

⁸ Ивич А. Указ. соч. С. 2.

⁹ Луначарский А. В. Указ. соч. С. 3.

переводчиков на модернизацию так: «Главной нашей заботой было все же дать не „филологическую реконструкцию“, а вполне живой, художественный текст, столь же ясный и легкий для восприятия современного русского читателя, каким он был во времена Сервантеса для тогдашнего читателя — испанца» (Т. 1. С. LXXXIX—XC).

Смирнов специально касается и спорного в те времена вопроса передачи имен: «Все собственные имена представлены в их оригинальной испанской форме, за исключением трех, именно: Дон Кихот, Росинант и Мамбрин (...) утвердившихся в этой форме в русской и отчасти европейской традиции, а также, конечно, некоторых античных имен, воспроизводимых нами в их оригинальной, а не испанизированной форме» (Т. 1. С. LXXXVIII—XCII).

В целом можно констатировать, что издание «Дон Кихота» «под редакцией Б. Кржевского, А. Смирнова» явилось прецедентом нового для 1920-х годов подхода к художественному переводу с испанского языка, а принципы этого подхода были специально сформулированы в статье, предваряющей текст. Особенно следует подчеркнуть гибкость декларируемого переводческого канона, допустимость исключений и частных случаев, что дает представление о переводе как о процессе творческом и вместе с тем подчиненном определенным правилам.¹⁰

К сожалению, приходится завершать это сообщение несложным, но пугающим арифметическим подсчетом. Со времени выхода в свет «Дон Кихота» Н. М. Любимова прошло 57 лет. В русской истории романа Сервантеса с самого ее начала (перевод И. А. Тейльса 1769 года¹¹) ни разу не бывало такого долгого промежутка без появления нового перевода. Мне не кажется, что пришла пора отказываться от переводов «Кржевского — Смирнова» и Любимова, но все-таки с момента их создания изменился и язык, и представление о мире, и представление о романе Сервантеса. Ведь, как пронизательно заметил А. А. Смирнов, «если есть „бессмертные“ литературные произведения, то „бессмертных“ переводов не может быть, и чем замечательнее произведение, тем чаще должен возобновляться его перевод» (Т. 1. С. LXXXIII).

¹⁰ Об этом неоднократно писалось и в других трудах 1920-х годов по теории перевода; см., например, рекомендацию А. В. Федорова: «В каждом отдельном случае вопрос о характере нарушений и замен, о их роли для целого произведения должен быть решен по-разному — в зависимости от совершенно конкретных, индивидуальных условий каждого данного случая» (*Чуковский К. И., Федоров А. В. Указ. соч. С. 164*).

¹¹ История о славном Ламанхском рыцаре Дон Кихоте. Переведена с французского. Т. 1—2. В Санктпетербурге, 1769.

«БОГ ДАЛ МНЕ ВСТРЕТИТЬСЯ С ВАМИ...»:

ПИСЬМА Г. А. ГОРЫШИНА К И. С. СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. Г. ГРОДЕЦКОЙ)

С 1988 по 1998 год Глеб Александрович Горышин состоял членом редколлегии журнала «Русская литература». Публикация его писем подготовлена к 10-летию со дня смерти (10 апреля 1998 года).

Четыре письма Г. Горышина к Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову сохранились в архиве Соколова-Микитова в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 595. Оп. 3. № 196. Л. 1—8).¹ В первом из них звучит искреннее, чуть наивное, быть может, признание: «Моя мечта — (...) написать книгу о Вас». Книга, так в результате и не сложившаяся, писалась Глебом Александровичем всю жизнь: снова и снова, де-

¹ Искренне благодарю Я. В. Звереву за сообщение сведений о письмах. Ответных писем Соколова-Микитова в личном архиве Горышина, к сожалению, нет.

десятилетие за десятилетием он обращался к творчеству, литературной и жизненной судьбе Соколова-Микитова — в рецензиях, статьях, предисловиях, публикациях, в моментальных зарисовках с натуры.² Впервые — в горячей, удивленно и влюбленно восторженной газетной заметке «Цельность писательской судьбы», напечатанной в 1965 году в «Вечернем Ленинграде», где, откликаясь на выход в свет книги «По морям и лесам»,³ нашел те определения яркого литературного дара Соколова-Микитова, которые повторял и позднее. «Книги Ивана Сергеевича Соколова-Микитова читали наши родители, их дарили нам в детстве, — так начиналась заметка. — В зрелые годы мы открываем в них для себя заново прокаленный солнцем, проветренный, прекрасный и яростный мир. (...) Без малого полвека делает Соколов-Микитов не столь шумное и, быть может, наиболее плодотворное дело в литературе: рассказывает чистейшим, всеильным по своей изобразительной красочности русским языком о светлом и огромном, о том, ради чего стоит жить и бороться, — о Родине, о природе, о доброй широте русского человека».⁴ И здесь же — первые впечатления от встреч с 74-летним «патриархом» русской литературы: «Он велик ростом, крупны его лицо, плечи, руки, лохмата и широка борода. Уроженец смоленской деревни, в начале века он плавал матросом на товаро-пассажирских судах вокруг Европы. Он летал механиком на первом русском самолете „Илья Муромец“. Не считаясь с нарастающими годами, снова и снова отправлялся в полярные экспедиции. Не расставался всю жизнь с охотничьим ружьем. Брал медведей в берлогах. И поныне предан исконной русской охоте — на глухариних токах».⁵

Очерк, написанный Г. А. Горышиным к 80-летию Ивана Сергеевича, назывался так же — «Цельность писательской судьбы».⁶ К 10-летию со дня смерти в «Нашем современнике» он опубликовал статью «Я сам был Россия...», в названии которой — цитата из рассказа Соколова-Микитова «Свидание с детством».⁷ В это время Горышин возглавил комиссию по литературному наследию Соколова-Микитова и редколлегия 4-томного собрания его сочинений, к первому тому которого написал вступительную статью.⁸

О цельности писательской судьбы речь идет во всех очерках и статьях Горышина о Соколове-Микитове, о цельности, подчиненной «однажды выбранному курсу, одним и тем же ориентирам, (...) — Россия, природа русская, народ русский, благо народа, любовь, революция, верность долгу художника-гражданина, служение русской литературе...»⁹ В очерках Горышина нет пафоса, и, быть может, это единственный в них патетический фрагмент. Написанное Глебом Александровичем о Соколове-Микитове соединяет личные впечатления и воспоминания, литературный портрет писателя, признание в любви к нему (очень искреннее — а за искренность Горышина в критике и ругали, и хвалили), похвальное слово писательству, классической русской литературе, которую в XX веке Соколов-Микитов, в представлении Горышина, собою являл. Сказанное о Соколове-Микитове было для него во многом и его собственной авторской исповедью, собственной эстетической декларацией.

² См. подробнее: *Гродецкая А. Г.* Соколов-Микитов в литературной судьбе Глеба Горышина // *И. С. Соколов-Микитов в русской культуре XX века: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 115-й годовщине со дня рожд. И. С. Соколова-Микитова.* Тверь, 2007. С. 151—161.

³ *Соколов-Микитов И. С.* По морям и лесам: Повести, рассказы, записи давних лет, воспоминания / Предисл. А. Т. Твардовского. Художник В. И. Курдов. М.; Л., 1964. Книга сохранилась в библиотеке Горышина.

⁴ Вечерний Ленинград. 1965. 5 авг. № 183. С. 3.

⁵ Там же.

⁶ Звезда. 1972. № 5. С. 191—193.

⁷ *Горышин Г. А.* «Я сам был Россия...»: О творчестве И. С. Соколова-Микитова // *Наш современник.* 1985. № 8. С. 178—186.

⁸ *Горышин Г.* Сердце писателя // *Соколов-Микитов И.* Собр. соч.: В 4 т. / Ред. колл.: Г. Горышин, А. Соколов, Г. Холопов. Л., 1985. Т. 1. С. 5—22.

⁹ Там же. С. 11.

И еще один очерк о творчестве Соколова-Микитова (первоначально названный «Зеленеет веточка», а затем вновь — «Я сам был Россия») Горышин включил в две свои книги, изданные в 1980-е годы, — «По тропинкам поля своего» и «Жребий: Рассказы о писателях».¹⁰ Названия книг в обоих случаях многоговорящи, речь в них идет о литературном пути автора, о предопределенности этого пути.

С Соколовым-Микитовым Глеба Александровича связывало благодарное сознание творческой близости, родственности, почти сыновности. Обыгрывая и отчасти мифологизируя эту семейно-родственную идею, называя Карачарово сказочным Лукоморьем, а Соколова-Микитова «карачаровским дедом», Горышин причислял себя к его литературным внукам, признаваясь: «Одинок, дико в литературе брести на ощупь, без родословной, без мудроглазого деда, очевидца и действующего лица истории. {...} Родство мое с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым я отыскал для себя в литературном многогомые, не претендуя на права наследования. Мне мила и близка микитовская восторженная преданность живой телесности мира».¹¹ О своей близости «странствующей музе» Паустовского и Пришвина Горышин также писал не раз, но Ивана Сергеевича он знал лично, ему выпала возможность его слышать, за ним наблюдать, записывать. И родство с ним было особого свойства: не случайно глава «Карачарово» включена Горышиным в повесть «Родословная» (1969), посвященную родителям.

Глеб Александрович выступал и публикатором текстов Соколова-Микитова. В 1991 году в «Новом мире» вместе с П. П. Ширмаковым он публикует в бесцензурной редакции «Карачаровские записи» 1950—1960-х годов;¹² в 1992 году в «Авроре» — статью «Внимательные глаза перед чугунными поворотами»;¹³ в «Русской литературе» совместно с А. С. Жеховым — озаглавленную очерка Соколова-Микитова из берлинской газеты «Руль» с предисловием, озаглавленным вопросом, заданным Соколову-Микитову Твардовским: «Как Вас с такими глазами не расстреляли?».¹⁴ Эта публикация стала последним словом Глеба Горышина о любимом писателе, произнесенным к его 100-летию.

Познакомился Горышин с Соколовым-Микитовым в Ленинграде (вероятно, в 1965-м), о первой встрече с ним в одном из очерков рассказал сам.¹⁵ Привел его к Соколову-Микитову в квартиру на Московском проспекте замечательный художник и книжный график, знаменитый своими рисунками к «Калевале», иллюстратор десяти книг Соколова-Микитова Валентин Иванович Курдов. Курдов, как и Соколов-Микитов, был страстным охотником. Понятно, что охотником и путешественником был и молодой в ту пору, но уже активно печатавшийся ленинградский прозаик Глеб Горышин. К середине 1960-х он отработал несколько лет корреспондентом молодежной газеты на Алтае (окончив факультет журналистики ЛГУ в 1954 году), затем (в 1958—1962 годах) — в геологических и изыскательских партиях в Приамурье, на Камчатке, на Курилах, Командорах, в Хибинах, вновь на Алтае; в 1962 году Горышин — корреспондент «Правды» на Сахалине. Публиковаться начал в 1957 году, в 1958-м вышел первый сборник написанных на целине рассказов «Хлеб и соль», в 1960-м принят в Союз писателей. Экспедиция на Восточный Саян дала материал для таежных рассказов «Земля с большой буквы», «Саранка», «Три связки оленей». Из зоны затопления Братской ГЭС (где он прорубал «судовые хода»), из За-

¹⁰ Горышин Г. 1) По тропинкам поля своего: Странствия. Размышления. Л., 1983. С. 231—244; 2) Жребий: Рассказы о писателях. Л., 1987. С. 164—196.

¹¹ Горышин Г. Жребий: Рассказы о писателях. С. 165.

¹² Соколов-Микитов И. Из карачаровских записей / Публ., предисл. и комм. Г. Горышина // Новый мир. 1991. № 12. С. 164—178.

¹³ Горышин Г. А. Внимательные глаза перед чугунными поворотами: Об Иване Сергеевиче Соколове-Микитове // Аврора. 1992. № 11/12. С. 88—92.

¹⁴ Горышин Г. А. «Как Вас с такими глазами не расстреляли?»: (к 100-летию И. С. Соколова-Микитова) // Русская литература. 1992. № 2. С. 176—190.

¹⁵ Там же. С. 176.

байкаля, с Дальнего Востока Горышин привез повести и рассказы «Близко море», «Живые люди», «Накат», «Около океана», цикл очерков «Кто сидит со мной у костра». Они вошли в сборники, изданные в начале 1960-х: «Фиорд Одьба» (Л., 1961), «Земля с большой буквы» (М.; Л., 1963), «Синее око» (Л., 1963).

Путевой очерк остался основным рабочим жанром Глеба Горышина, дорога — главным сюжетобразующим мотивом его прозы. Подробный путевой дневник или же летучие, беглые заметки, письма с дороги (и даже «открытки с дороги») — привычная ему, любимая им литературная форма. О главном своем творческом принципе Горышин писал: «Надежда моя — на дорогу или, вернее сказать, на тропу; мой сюжет на тропе, надо вначале его отыскать, промерить сюжет ногами, а потом написать. Это правило я выработал для себя за годы странствий...»¹⁶

И еще одному принципу, определявшемуся уже в ранней прозе, Глеб Александрович сохранил верность навсегда — журналистскому по своей природе принципу документализма, когда цену прежде всего имеет подлинность и достоверность, когда в центре внимания оказывается реальное событие и конкретный человек. Собственную художественную документалистику он несомненно рассматривал как преемственную по отношению к Соколову-Микитову, назвав его «искателем сокровищ человеческих душ» и имея в виду героев его документальных повествований.

Горышин много работал в жанре повести-репортажа, особенно в 1970-е годы, рассказывая о землепроходцах Сибири и земледельцах центральной России, о спасателях в Хибилах. Делатели, труженики, искатели — герои его прозы, и автором движет интерес к яркой человеческой судьбе. Но интересовала Горышина и яркая судьба в документе, в личных дневниках, записках. А где записки и хроника жизни, там больше, чем судьба, там и движение истории, и ее осмысление, и жизненная философия. Редактированию и изданию чужих дневников и записок Глеб Александрович отдал много сил. Он издал, например, «величиною в целую жизнь» хронику плаваний исследователя Арктики Евгения Николаевича Фрейберга («От Балтики до Тихого...»), многолетние дневниковые записи наблюдателя поста гидрометслужбы на Телецком озере Николая Павловича Смирнова («Не только о погоде»). У него есть рассказ «Чужие рукописи», кончающийся словами: «Чужие рукописи остаются с нами, как наши сердечные боли».¹⁷ С сердечной болью, я думаю, работал он и над рукописями Соколова-Микитова.

Творчески сближает и роднит Горышина с Соколовым-Микитовым, помимо прочего, и автобиографизм.¹⁸ Повествователь в прозе Горышина всегда узнаваем, это он сам, с искренним признанием: «Я хотел писать повесть, но получался дневник».¹⁹ За «навязчивый автобиографизм» его много ругали, и, вероятно, образцом, опорой, оправданием собственной творческой манеры ему мог служить художественно убедительный и яркий автобиографизм Соколова-Микитова.

В последние десять лет жизни весну, лето и осень Глеб Александрович проводил в вепсской заброшенной деревне Нюрговичи, создавая вслед Соколову-Микитову собственные «письма из деревни», собственную хронику угасающей деревенской жизни, с пристальным вниманием фиксируя смену социальных, природных, погодных, собственных душевных состояний, с подлинной нежностью описывая, как и Соколов-Микитов, русские березы и осины.²⁰ В последние годы он все чаще

¹⁶ Горышин Г. Сюжет на тропе // Лит. Россия. 1976. 23 апр. С. 8.

¹⁷ Горышин Г. Жребий: Рассказы о писателях. С. 59.

¹⁸ См. об этом: Творчество И. С. Соколова-Микитова: Сборник / Редколлегия: П. П. Ширмаков (отв. ред.) и др. Л., 1983. С. 6—7.

¹⁹ Горышин Г. Синее око. Л., 1963. С. 221.

²⁰ См.: «Луна запуталась в березе», «Слово лешему», «Возвращение снега», «По весне, по осени» (Север. 1991. № 12; 1992. № 8; 1993. № 3, 12); «Назову собаку Песси», «Меняют нижние венцы», «Время дергача» (Москва. 1994. № 9; 1995. № 6). Циклы очерков были собраны автором в книгу «Слово лешему», изданную посмертно (СПб., 1999).

писал стихи, включая их в прозаический текст, да и само его повествование становилось ритмически и образно все ближе к стихотворениям в прозе.²¹ Восхищение перед чудом жизни и благодарность за это чудо остались главными мотивами прозы Горышина. Путевой и «производственный» (условно говоря) очерк, письма из деревни, рассказы о писателях, записки натуралиста, охотничьи рассказы составили основные жанры этой прозы. После 50-ти Глеб Александрович, как и Иван Сергеевич, следуя его жизненной заповеди и представлению о том, каким должен быть настоящий охотник (И. С. Аксаков, Н. А. Зворыкин), не брал в руки ружья, оставив для себя лишь удовольствие грибной и рыбной охоты.

²¹ За свой счет им изданы два небольших поэтических сборника: «Виденья» (Л., 1990) и «Возвращение снега» (СПб., 1996).

1

Милый Иван Сергеевич!

Время уходит быстро, хочется повидать Вас, но все не выдавалось удобного случая. Весной я восемь ночей пролазил по болотам, мечтая убить глухаря. Был в Приладожье, на Паше и Ояти.¹ Нашел наконец такие места, где глухарь есть, поет.² Убил одного и привез, мечтал подарить его Вам к Маю, но уже не застал, Вы уехали в Карачарово.³

Так вышло, что уже после закрытия охоты я попал в заказник обкома на Вуоксу. Там с оператором телевидения мы делали коротенький фильм «Пробуждение леса». И еще мне повезло послушаться глухариных песен. В заказнике много глухарей, к токам подведены асфальтовые дороги. Песню глухариную можно услышать даже из окна комфортабельной гостиницы. Токуют глухари в сухих березовых рощах.

Много я прочел за последнее время Ваших книг, Иван Сергеевич. Они были для меня вновь, и чтение их было для меня одной большой радостью. Морские Ваши рассказы⁴ согревали и очаровывали меня своей солнечной восторженностью и напряженностью чувства. Ощущения от Ваших рассказов — мощны, телесны. Я будто прошел прокаленными улочками Стамбула и обомлел, потонув в голубых глазах турчанки.⁵

Мир Ваших книг материален, многокрасочен, его атмосфера — душевная талантливость людей, Ваш мир освобожден от словесного шлама и пыли. А нынче все больше и больше пылят словами. Ваши книги для меня были как бы освобождением от словес, возвращением к подлинным ценностям бытия.

Я написал о последней Вашей книге, вышедшей в «Сов(етском) писателе», маленькую статейку по просьбе «Вечернего Ленинграда».⁶

Моя мечта — воспользоваться столь искусно построенным и осуществленным Вами сюжетом — Вашей работой и жизнью — и написать книгу о Вас. Поэтому в особенности я дорожу каждой встречей с Вами.

Желаю Вам, Иван Сергеевич, от всего сердца здоровья и ясных дней.

С глубоким уважением и любовью

Глеб Горышин

На конверте: Калининская обл., Томаковский р-н, Карачарово. Ив. Серг. Соколову-Микитову. Обратн. адрес: Ленинград, К-21, пр. Раевского, 18, кв. 19. Горышину Г. А. Штемпели: Ленинград — 26.06.65; Карачарово, Калининской обл. — 28.06.65.

¹ В Приладожье, как и на реках Паше и Ояти, Горышин и позднее бывал часто, находя здесь сюжеты для очерков и рассказов. С этими местами связана биография его отца Александра Ивановича Горышина (1907—1970), в предвоенные годы директора леспромхоза, в войну и после нее — управляющего трестом «Ленлес», руководившего лесосплавом на Паше для блокадного города; об этом повесть Горышина «Запонец» (1970). О верности отцовским лесным краям он писал: «Мой папа оставил по себе в наследство вот эти леса, сплавные реки, загруженные топляком под завязку, озера; отсюда он родом, здесь его поминали как полководца лесного войска. Сюда я пришел по его стопам, получив от него в детстве первые уроки географии, послужившие мне путеводной картой в собственной судьбе» (*Горышин Г. Слово лешему: Записи очевидца. СПб., 1999. С. 343*). Вопросами экологии Приладожья и Прионежья Г. А. Горышин занимался в 1980-е годы, возглавляя экологическую комиссию при Ленинградском отделении Союза писателей. См.: *Горышин Г., Региня Л., Самойлов А. Онега сегодня и завтра. Л., 1981; Горышин Г. Глядя в глаза Ладоге. Л., 1989; Ладога. Пока не поздно. М., 1989* (текст к фотоальбому).

² Глухариной охоте посвящены многие страницы охотничьих рассказов Горышина разных лет; подробно — в его повести «Весенняя охота на боровую дичь» (1986).

³ В собственном домике в Карачарове, на берегу Волги, на участке, выделенном ему постановлением Совета министров РСФСР, Соколов-Микитов жил ежегодно с июня 1952 года.

⁴ Цикл «Морские рассказы» создавался в 1914—1934 годах на основе впечатлений о плавании по Черному и Средиземному морям на кораблях «Королева Ольга» (1914), «Дых-Тау» и «Омск» (1919—1920), о пребывании в Англии (1920—1921), о путешествии в Голландию и вокруг Европы (1928). Цикл включался во многие сборники Соколова-Микитова; здесь речь идет о сб. «По морям и лесам» (1964).

⁵ Тот же рассказ «Ножи» Горышин вспоминал позднее в повести «Родословная» (глава «Карачарово»): «Я знаю, помню эту новеллу: любовь к синеглазой турчанке и невозможность любви, и нож с длинным, злым лезвием, — чтобы достать сердце врага, и много, много весильного солища» (*Горышин Г. Лица встречных: Повесть и рассказы. Л., 1971. С. 21*).

⁶ См. вступ. заметку.

2

Милый Иван Сергеевич!

«Вечерний Ленинград» напечатал мою небольшую рецензию на Вашу книгу. Посылаю ее Вам.¹

Сам я через три дня уезжаю на Черное море, а потом на Северный Кавказ, в санаторий лечить радикулит,² который меня одолел.

Желаю Вам всяческого здоровья. Надеюсь на встречу в Ленинграде.

Привет Лидии Ивановне.³

Искренне Ваш

Глеб Горышин

На конверте: Калининская обл., Томаковский р-н, п/о Карачарово. И. С. Соколову-Микитову. Обратн. адрес: Ленинград, К-21, пр. Раевского, 18, кв. 19. Горышину Г. А. Штемпели: Ленинград — 24.08.65; Карачарово, Калининской обл. — 26.08.65.

¹ См. вступ. заметку; газетного текста при письме нет.

² Санаторий в пос. Кармадон.

³ Соколова (урожд. Малофеева) Л. И. — жена писателя.

3

Милый Иван Сергеевич!

Совсем недавно я был у вас в Карачарове,¹ но так далеко укатила меня дорожка и события последних дней, что кажется, не было этого ничего: ни тихой приветливой Волги, ни ежей под домом, ни заросшей прекрасной вашей усадьбы, ни ваших рассказов, коим нет цены, потому что это рассказы последнего очевидца, уча-

стника жизни почти что уже легендарной. Будто все привиделось во сне. Но если заставить свою память поработать, пройти дорожку в Карачарово сызнова, то становится вдруг тревожно: тянет еще побывать.

Простите меня и мою жену² за несносную нашу назойливость. Не мы первые. Карачарово обладает большой притягательной силой. Оно тянет и тянет. То, что знаете Вы о минувшей, да и о нынешней жизни, — это и есть, как говорится в учебных статьях, духовное богатство народа.

Спасибо Вам, Иван Сергеевич, за Вашу душевную щедрость. Сентябрь, наверное, будет теплым. И славно будет у вас на Волге. И я буду себя непрестанно корить за то, что я не услышал от Вас чего-то, не успел услышать. Вы говорили мне когда-то, что Ремизов был первым писателем, которого Вам послал бог встретить.³ Быть может, бог дал мне встретиться с Вами, с первым человеком, несущим в себе достоинство русского писателя.

Может быть, я когда-нибудь напишу о том, что услышал от Вас, что понял за Вашим столом. Я имею в виду не какие-либо душеспасительные истины, а ту редкостную русскую, мужскую, природную естественность и цельность, ваш талант — не только беллетристический, но — человеческий.

Вот побыл два дня дома, чуть присел к столу — и надо опять гнаться к черту на кулички, в Белоруссию, за дочкой. Опять садиться за руль.⁴

Оно и ладно. Что-то невольно мне в последние денечки одному сидеть за столом. Не работается мне. Так бы и махнул снова в Карачарово.

Спокойной, солнечной Вам осени, Иван Сергеевич! Большой привет от меня и моей жены Лидии Ивановне!

Ваш

Г. Горышин

На конверте: Калининская обл., Карачарово. Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову. Обратн. адрес: Ленинград, К-156, ул. Орбели, д. 8, кв. 32. Горышину Г. А. Штемпели: Ленинград — 29.08.68; Карачарово, Калининской обл. — 1.09.68.

¹ Поездка в Карачарово описана в повести «Родословная» (сб. «Лица встречных»; впервые: Аврора. 1969. № 2—3).

² Эвелина Павловна Соловьева — художник, иллюстратор книг Горышина, его вторая жена.

³ Соколов-Микитов познакомился с А. М. Ремизовым в Петербурге в 1911 году, отдав ему на отзыв свое первое произведение — сказку «Соль земли» (1911). Сблизился и переписывался с Ремизовым в 1911—1914 годах; в 1917-м несколько месяцев жил у него на квартире (см.: Творчество И. С. Соколова-Микитова. С. 514—515).

⁴ К началу школьных занятий необходимо было привезти в город из деревни в Белоруссии дочь Авну (т. е. меня. — А. Г.).

4

Милый Иван Сергеевич!

Простите, что сразу не ответил на Ваше письмо. Отправился я ранней осенью на Кавказ, на Северный Кавказ. Нагулялся вволю по горам и лугам, попил кукуррузной араки, лечил радикулит в целебных водах.¹ Потом спустился к Черному морю,пил молодые вина, и старые тоже пил. Наконец вернулся домой. Тут ждали меня пренеприятные события. Моя книга, которая уже вышла в свет, лежала на столе у Михала Михайловича, вдруг оказалась непригодной для выхода в свет.² Михал Михайлович предъявил мне примерно триста замечаний по тексту вышедшей, прошедшей все цензуры книги. Замечания эти были предъявлены мне не в дискуссионном порядке, а как ультиматум — или быть моей книжке, или не быть. Возникла в издательстве и вокруг некая новая ситуация. Некий новый подход.

Я был зол на Михала Михалыча. Вернее, даже не зол, а какая-то усталость, тошнота овладела мною. Тем временем события совершались своим чередом. Михал Михалыч был снят с работы, и злость на него у меня сменилась сочувствием. Всего-то ему оставалось шесть месяцев до пенсии. Сняли.

Книга моя оказалась в руках директора издательства Кондрашова.³ Он присокупил к прежним замечаниям еще триста своих. Книжку я разрезал. Расклеил ее заново. Опять она пошла в производство. К тем четырем годам, которые понадобились, чтобы лечь этой книжке на стол главного редактора, теперь должно прибавиться еще неведомое время. Опять набор, корректура, цензура. Мой редактор⁴ получил строгий выговор — за «приятельские отношения» со мной, автором. На собраниях Кондрашов говорит, что порочная моя книга появилась на свет потому, что я ездил в Карачарово и там вел тайные переговоры с Михал Михалычем.⁵ Марзм достиг своего апогея.

В Питере мокро, тепло. Хорошо бы сейчас походить за зайчиком, на узёрку, подышать лесом. Вспоминаю с самыми теплыми чувствами Ваше Карачарово. Подумываю о том, не перебраться ли на житье в Москву.⁶ Желаю Вам, Иван Сергеевич, и Лидии Ивановне доброго здоровья.

Ваш

Глеб Горышин

На конверте: Москва И-167, пр. Мира, д. 118-а, кв. 156.⁷ Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову. Обратн. адрес: Ленинград, К-156, ул. Орбели, д. 8, кв. 32. Горышину Г. А. Штемпели: Ленинград — 27.11.68; Москва — 1.12.68.

¹ В упоминавшемся выше санатории в пос. Кармадон.

² Речь, видимо, идет о сб. «До полудня: Две повести» (Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд., 1968; подписан к печати 8.12.1968). М. М. Смирнов — главный редактор издательства.

³ Георгий Филимонович Кондрашов — директор издательства «Советский писатель» (Ленингр. отд.).

⁴ Игорь Сергеевич Кузьмичев — постоянный редактор и близкий друг Горышина.

⁵ М. М. Смирнов — автор нескольких статей и очерков о Соколове-Микитове, его биографии.

⁶ Г. Горышин остался жить в Ленинграде. Здесь же умер 10 апреля 1998 года, похоронен в Комарово.

⁷ В 1968 году Соколов-Микитов из Ленинграда (где с 1948 года жил на Московском пр., 208, до этого — на канале Грибоедова, 9) переехал в Москву.

© Л. Г. Фризман

М. Л. ГАСПАРОВ О «СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРОМЕТРИИ»

Много лет тому назад автор этих строк совместно с доктором физико-математических наук В. М. Кошкиным опубликовал в журнале «Человек» (1991, № 3, с. 79—82) статью «Быть поэтом. Опыт статистической литературометрии». Она вызвала живой интерес у Михаила Леоновича Гаспарова, прочитавшего ее еще в рукописи, и он отозвался на нее большим письмом, кажется, самым большим за без малого 30 лет нашей переписки. На мой взгляд, это письмо ценно не только, а может быть, и не столько оценкой нашей статьи, анализом проведенного нами эксперимента и его дальнейших перспектив, сколько тем, что в каждом его слове отразилась замечательная личность этого человека, которая стала нам еще дороже после того, как мы его потеряли. Именно поэтому у убежден, что это письмо за-

служивает лучшей участи, чем лежать в моем архиве. Поскольку оно не может быть ни оценено, ни понято без знакомства с вызвавшей его статьей, публикации письма предпослан ее фрагмент, дающий представление о сути нашего эксперимента.

* * *

Психологическое состояние общества ощущается каждым его представителем. Интуитивно очевидной кажется и взаимосвязь между психологическим состоянием общества в целом и его экономическим статусом. Возможен ли объективный, количественный анализ этих характеристик и их взаимного влияния? Исследования динамики экономического состояния общества проводятся весьма интенсивно в течение всего нынешнего века, и количественные параметры, прямо или косвенно характеризующие социально-экономический статус общества (национальный доход, интенсивность торговли, величина капиталовложений и пр.), достаточно хорошо апробированы. Еще в 20-х годах этого века Н. Д. Кондратьев обнаружил, что экономический индекс претерпевает закономерные колебания с периодом, близким к 50 годам, в течение которого осуществляется полный цикл экономической конъюнктуры — от максимума через минимум до нового максимума. История сохранила цифры, которые могут составить основу для экономической статистики, и это позволило С. Ю. Маслову (см.: *Маслов С. Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. Вып. 20. М., 1983, с. 3—31*) проследить ретроспективно на несколько веков в прошлое существование 50-летних циклов, что подтверждает открытие Н. Д. Кондратьева.

Есть ли надежды дать подобную количественную характеристику психологического статуса социума? (...)

...Мы располагаем свидетельствами времен и эпох, пришедшими к нам в первоизданном виде, и их анализ может дать характеристику психологического состояния общества. Эти свидетельства — художественное наследие (литературное, музыкальное, изобразительное) — материализованные результаты творчества представителей того или иного социума. Если считать, что творцы являются представительной выборкой нации (социума), и полагать, что в творческих результатах проявляются психологические черты творца, то можно надеяться на основании анализа этих результатов получить характеристику психологии нации на соответствующем этапе ее истории.

Мы сделали попытку осуществить эту программу на материале русских поэтов и дать количественную оценку их психологической доминанты в шкале экстраверт—интроверт. Количественные параметры психологии творческих личностей могли бы быть введены на основе метода экспертных оценок. (...)

...Мы предложили экспертам—специалистам по истории русской литературы (...) дать, исходя из своих представлений о творческом наследии, оценку меры интровертированности поэтов, действовавших в русской литературе на протяжении без малого 130 лет. Был составлен список поэтов, творчество которых полностью или частично приходится на указанный отрезок времени. (...)

В контексте данного исследования десятибалльная шкала интроверт—экстраверт предлагалась экспертам без априорного указания ее крайних точек на основе только следующих дефиниций: интроверт — поэт, творческий процесс которого обращен преимущественно на себя, направлен на самопознание, самовыражение; экстраверт — поэт, творческий процесс которого обращен вовне, для которого главным является воздействие на окружающий мир, его изменение и т. п. (...) Понятно, что каждый эксперт мог оценить творчество лишь тех поэтов, которые ему достаточно хорошо известны. Большинство экспертов дали оценки 100—120 поэтам.

⟨Далее следует таблица-список поэтов⟩

Первая цифра, следующая за фамилией поэта, обозначает число экспертов, давших оценку меры интровертивности поэта, вторая колонка — средний балл его интровертивности. Уже первый взгляд на таблицу — еще до какой-либо обработки ее результата — позволяет сделать весьма определенный вывод о том, что среди выраженных интровертов значительно больше крупных поэтов, чем среди экстравертов. ⟨...⟩ Означает ли это бoльшую априорную предрасположенность интровертов к поэтическому творчеству?

Определив среднее значение интровертивности для поэтов, действовавших на протяжении каждого данного пятилетия, и построив график зависимости этой величины от времени, мы обнаружили, что указанный параметр достаточно хорошо вписывается в период 50—60 лет. ⟨...⟩ Если вернуться к предположению о том, что психология поэтов так или иначе отражает психологическую характеристику народа, то следует признать, что периодическим изменениям подвержена и психология населения. Вторая кривая графика характеризует «социально-экономический статус» русского общества. Она отражает данные, заимствованные из упоминавшейся работы С. Ю. Маслова.

⟨Далее следует упомянутый график⟩

Как свидетельствует график, колебания кривых в целом совпадают. Таким образом, очевидно, что психологические характеристики поэтов и населения коррелируют с социально-экономическим состоянием общества и испытывают синхронные колебания с периодом, близким к 50—60 годам.

Статистическая литературометрия позволяет проследить ход литературного процесса в его связях с эволюцией социума.

Письмо М. Л. Гаспарова

Дорогой Леонид Генрихович, статья исключительно интересная, и методика очень перспективная. Я думаю, примеры использования такой «искусствометрии» можно умножить: я, никогда не занимаясь этим специально, когда-то наткнулся в английском журнале, 1940—50-х гг., не помню каком: по портретам, модным картинкам и пр. прослеживалась пропорция высоты и ширины силуэта одежды за XVII—XX вв., и обнаружилась волнообразная кривая их изменений. Простите, что не могу подсказать никаких библиографических направлений.

Но, чтобы убедить в этом наших публикаторов, понадобится очень много пота. Попробую предугадать некоторые из возможных сомнений.

1. Работы Маслова я не читал. Публикация ее малодоступна — наверное, желательно ее пересказать. Дело в том, что всякая попытка свести разнородные и разноплановые показатели — экономические или иные — к одному знаменателю, как бы к отметке по пятибалльной системе, — всегда подозрительна; у нас в литературоведении именно за это критиковал Андрея Белого Томашевский. А если у читателя возникнут подозрения насчет кривой Маслова, то рухнет и убедительность сопоставления вашей кривой с масловской.

2. Экспертные оценки — очень рискованное дело. Хорошо, что Вы в конце перечисляете экспертов поименно, но ведь девяти читателям из десяти эти имена ничего не скажут. Как правило, такие оценки дают скорее социально-вкусовую характеристику коллегии экспертов (драгоценную, конечно), нежели оцениваемого материала. Поэтому нужно отступление о каких-то индивидуальных особенностях экспертов А, Б, В и т. д. (конечно, не называя имен): скажем, как они оценивали такой-то десяток самых знаменитых поэтов. Фонетисты так делают, давая материал разных дикторов.

3. Это связано с тем, что опубликованные средние результаты могут кое-где вызвать удивление. Например, весьма высокий показатель интровертности Пастернака и Бунина. Не может ли быть так, что подсознательно (или даже сознательно) для нас «интровертный» а priori значит «хороший» и наоборот? И не объясняет ли это без дальних сложностей расположение «крупных» и «некрупных» по началу и к концу списка? Какой здесь возможен и желателен контроль — вообразить пока не могу. Попутно: начало и конец списка, конечно, очень ярки, но любой читатель законно полюбопытствует: а Пушкин? а Маяковский? По ним и, наверное, по некоторым другим большим именам надо бы сообщить баллы в дополнение к таблице.

4. Ясность представлений любого эксперта «по 100—120 поэтам» не может быть одинакова: всякий из нас представляет себе Жуковского лучше, чем Ломана. Для надежности эксперимента следовало бы предложить экспертам, прежде чем давать ответы, перечитать какой-то (единый для всех) список рекомендуемых стихотворений каждого автора. Разумеется, не вменяя им в обязанность ограничивать свою характеристику только этими стихотворениями. Кстати, для некоторых авторов (по усмотрению экспериментаторов) можно было бы сделать разные списки по ранним и поздним стихам. Ранний Тютчев, философский, интровертен, а поздний, политический, экстравертен: что мы склонны о втором забывать, характеризует не Тютчева, а нас. А внося в характеристику 1860-х гг. черты Тютчева 1830-х гг. не деформируем ли мы картину? Лебедев-Кумач до 1917, кажется, только переводчик Горация; неужели это экстравертированность?

5. Выведение средних — действие всегда рискованное, математики не раз критиковали за это нас, стиховедов. Есть способы учета разброса составляющих и подсчета доверительного интервала возможных отклонений; я иногда ими пользовался, и это от многого предостерегало. Здесь, где одни средние выведены из 3-х, а другие из 12-ти оценок, эта страховка необходима. Показатели среднего балла в последнем столбце должны иметь вид «столько-то плюс-минус столько-то», иначе математики нас в порошок сотрут.

(За. Перечитал стр. 4: если приметой экстравертированности считать «воздействие на окружающий мир», то, конечно, Пастернак — интроверт. А если просто «внимание к окружающему миру, преклонение перед ним»? Какое определение правильное с точки зрения психологов? Считаю Пушкина большим экстравертом, чем Фет, считаем ли мы, что он активнее стремился воздействовать на окружающий мир? Для полного параллелизма надо было бы тогда и интроверта определять как «воздействителя на собственный внутренний мир», а это, наверно, сильно смутило бы картину. И: задавались ли экспертам эти определения интро- и экстравертности? Из статьи это неясно.)

6. Для времени после 1917(-го) убедительнее было бы не заниматься экстраполяциями, а просто продолжить обследование. Я не очень уверен, что поздние и постленинская публицистика 1945—1955 гг. дадут «пик интравертированности», а нынешний с колыбели утомленный авангард 1980-х гг. — «пик экстравертированности». Может быть, для каждого периода разделить авторов «старших поколений» и «младших поколений» (я так однажды делал, и это помогло)? Точно так же и обследование XVIII в. (захватывающее и начало XIX-го), боюсь, даст сбой 50-летних циклов.

7. Перспективы дальнейших вопросов и ответов очень увлекательны. Я бы посоветовал лишь одну осторожность формулировки: лучше сказать «можно будет разделить переменный фактор влияния эпох интернациональной европейской культуры и постоянный вектор национальной специфики русской культуры» и более не употреблять опасных слов «народ» и «нация». Слишком это больное место.

Кажется, я раскритиковал почти всё. Поверьте, это не из предубеждения, а наоборот, из величайшего интереса к тому, что Вы делаете. Позвольте мне не тра-

тить слов, чтобы в этом убеждать: Вы ведь, Леонид Генрихович, знаете меня достаточно. Ваша статья была мне самым дорогим предновогодним подарком (поэтому и не возвращаю ее; но если нужно, вышлю). Это тем приятнее для меня, что сегодня я узнал, что со мной случился реприманд неожиданный: по инициативе Лихачева меня выбрали в член-коры, и я чувствую себя, как старый сановник, за совершенной бесперспективностью назначенный в члены Государственного совета. Принимаю соболезнования. Не подумайте, что рисуюсь: этот год по разным неуважительным причинам был у меня трудным и бесплодным (несмотря на уход в Ин-т рус. языка), а наступающий, говорят, будет для всех трудным, если не хуже. Пожелаем друг другу преодолеть его.

Любящий Вас М. Г.

15. 12. 90

© П. Е. Бухаркин

СОБЕСЕДНИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Назвав новую книгу «Филологических сюжетами», С. Г. Бочаров сразу же, и вполне намеренно, поставил ее в один ряд с предшествующим своим трудом — «Сюжетами русской литературы». Пожалуй, их близость создается, в первую очередь, общностью подхода к литературным фактам, который свойственен едва ли не всем вошедшим в них статьям и даже заметкам. Исследовательскую позицию ученого можно определить следующим образом: главная задача, встающая перед литературоведом, — понять текст, в котором следует видеть своеобразный голос человека, претворившийся в написанные им слова. В данном своем качестве текст внятен литературоведу — тоже человеку, потому и способному соприкоснуться с душой текста: душа текста должна неким образом оказаться «в сношении» (Боратынский) с душой исследователя. Это рождает понимание — понимание, а не интерпретацию. Последняя, скорее, вызывает у Бочарова опасения: «Интерпретация есть самоутверждающееся понимание, имеющие тенденции в своем самоутверждении более или менее пренебрегать (оставляя как бы позади себя) предметом понимания».¹ Подобное высокомерие ему чуждо: для него, как и для другого исследователя (иного поколения и внутренних запросов, хотя в самом главном Бочарову, думаю, созвучного), «искусство выше, полнее и богаче науки об искусстве»,² что, впрочем, не мешает литературоведению быть важнейшей частью искусства — и делом, необходимым «самой литературе для того, чтобы ей быть понятой и просто прочитанной».³

В статье «Бахтин-филолог: книга о Достоевском» С. Г. Бочаров, полемизируя с известным афоризмом М. Л. Гаспарова, пишет о Пушкине: «Однако Пушкин все-таки именно *душу* послал нам в заветной лире — столь же, видимо, „неоправданно-оптимистиче-

ски», как и мы стремимся с этой душой в такой оболочке, которую он посчитал надежной — в поэтическом слове — войти в контакт» (с. 460). «Неоправданно-оптимистически» — гаспаровское определение — становится ироническим: так ли уж неоправданно, неужели только оптимистическим (т. е., по мысли Гаспарова, глуповато-оптимистическим) является желание подать свой голос людям в надежде быть услышанным и — пусть лишь отчасти — сочувственно принятым? Пафос работ, объединенных в «Филологические сюжеты», свидетельствует об обратном: для С. Г. Бочарова творчество (а филология для него, в отличие от М. Л. Гаспарова, творческая, а не только исследовательская, область знаний) и заключается в отсылке своего бытия (дважды преломленного несущим его словом и литературным материалом, к которому данное слово обращено) другому человеку.

Направленность на понимание, регулирующее интенции и нравственные ориентиры науки, делает литературоведение неотъемлемой частью филологии, и именно ее. Недаром Бочаров так прочувствованно оценивает С. С. Аверинцева (крайне прочувствованно!), например, в одной из самых недавних статей («Полвека»), определяя его вместе с Солженицыным и Бахтиным как «три необыкновенных явления 60-х годов, о которых именно этим словом и надо сказать — это именно были чудесные явления из уже неподзревавшихся скрытых русских глубин».⁴ Кроме других (и, очевидно, более существенных и важных для Бочарова перекличек с аверинцевскими мыслью и словом), их сближает как раз одинаково понимаемый филологический пафос: как и для Аверинцева, для Бочарова центральная задача литературоведения-филологии «состоит в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающим произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания».⁵

При этом филология художественной литературы (если позволительно воспользо-

* Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. 653 с.

¹ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 11.

² Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. 2-е изд. Л., 1981. С. 4.

³ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 12.

⁴ Бочаров С. Г. Полвека // Вопросы литературы. 2007. № 3.

⁵ Аверинцев С. С. Филология // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Стлб. 976.

ваться сим неуклюжим новообразованием) имеет дело со смыслом особого рода — художественный смысл зыбок и летуч, в противном случае он был бы вообще не нужен и литература как особое продолжение бытия в словесном творчестве не имела бы никакого значения. Предельная полисемантическая поэтическая идеи, которая (вновь воспользуясь проникновенным выражением Д. Е. Максимова) «в своей основе или хотя бы в своем смысловом ассоциативном ореоле — как и поэтическое слово и поэтический образ — многозначна, полисемантическая, пропущена через всю потенциальную полноту человеческого сознания, включающего мир человеческих идеалов, то есть несет в себе ценностное содержание»,⁶ требует слушателя особой внимательности. Им и оказывается филолог, стремящийся понять не один только текст, но и вообще движения литературы, в первую очередь ее сюжеты, сперва названные С. Г. Бочаровым «Сюжетами русской литературы», а в новой книге получившие определение «Филологические сюжеты». Такая смена заглавий содержательна в высшей степени; она отражает двойную природу обозначенного ими явления: сюжеты, о которых будет идти речь, строит русская литература, но посредством филолога, т. е. набухают эти узлы в плоти литературной жизни, однако прочерчивает их литературовед. Именно тут и рождается своеобразное сотрудничество литератора и литературоведа, работа которого — «продолжение самой литературы, необходимое этой последней для самопонимания».⁷ Впрочем, противопоставления литература—литературоведение у Бочарова и нет: литературовед и есть литератор, но повернутый какой-то особой своей плоскостью; литературоведение есть не что иное, как инобытие литературы.

«Литературоведение как литература» — этот постулат был вынесен как последний (sic!) на обложку «Сюжетов русской литературы»; так назывался и юбилейный сборник в честь С. Г. Бочарова. Причем ничего, так сказать, собственно литературного в филологических работах Бочарова вроде бы и нет (если понимать литературность литературоведения как его беллетризацию); поэтическая природа научных его сочинений проявляется в другом. Бочарова можно назвать писателем не как создателя вымыслов, но как соединителя слов. Пожалуй, две особенности его стиля позволяют видеть в литературоведческом его письме одновременно и письмо литературное. Это прежде всего «соединение слов посредством ритма», как назвал свой стихотворный сборник Константин Вагинов. И хотя здесь не стихи, а самая что ни на есть

настоящая проза, ритмическое ее дыхание ощутимо весьма и весьма отчетливо. Охарактеризовать его, описать словами крайне затруднительно, но и не почувствовать его вряд ли возможно.

«Молодые люди, сказано в повести, предпочли „сблизны фараона обольщениям волокитства“». Есть слово Белинского, сказанное примерно тогда же (несколько позже) о том, что бывают идеи времени и формы времени. Фараон в литературе тех лет предстает как игра времени. Модель жизни как авантюрного предприятия, в котором я играю с неизвестностью и в максимальной мере во власти случая — того, случайного случая. „Рок мечет, я играю“. Играю с роком, но играю, т. е. ставлю на самого себя как на личность против безличного механизма игры» (с. 123) — это из статьи «Сказка или случай». А вот начало другой работы — «Тютчев: Россия, Европа и Революция»: «Жизнь поэта Тютчева, вспоминал один из его знакомых (кн. В. П. Мещерский, издатель «Гражданина»), делилась между поэтическими и политическими впечатлениями. Так же описывал эту жизнь и первый биограф, Иван Аксаков, и впечатления политические оказались в его биографии на первом плане; точнее, Тютчев — мыслящий человек даже больше ее герой, чем Тютчев-поэт» (с. 293). И третий пример («Петербургский пейзаж: камень, вода, человек»): «Есть душа Петербурга — значит есть и его пейзаж — одушевленная городская среда; еще раз вспомним Батюшкова: „Пейзаж должен быть портрет“. Но есть вызывающий парадокс в самом понятии о пейзаже, возникшем „назло“ природе. И, однако, это назло в петербургской идеологии было претворено в ее героический и даже сакральный пафос» (с. 351).

Разные фрагменты, и о разном идет в них речь, и по-разному в них об их предметах говорится, однако ритмический рисунок, при всей естественной вариативности, один и тот же. Он и вносит в статьи Бочарова дополнительные смыслы, точнее, придает им не вполне свойственный научному дискурсу характер, расширяет и видоизменяет их семантическое поле, придавая ему динамику особенного рода. Дело в том, что ритм не только неизбежно заряжает текст лирическим началом, закономерно усиливающим его полисемантизм, он может приобрести и определенную автономию — в том числе и содержательную, хотя логически предельно трудно определяемую (возможно, неопределимую вовсе).⁸ В известной мере благодаря такой способности ритма, слова в чем-то возвышаются над рациональной логикой: мысль в них не выражена прямо и определенно, она, скорее, пульсирует. Не обозначаемые словами понятия, а связи между словами стано-

⁶ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. С. 342.

⁷ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 12.

⁸ См. об этом: Максимов Д. Е. Русские поэты начала века. Л., 1988. С. 267—279.

вятся для воплощения мысли важными в первую очередь.

Первую книгу — «Роман Л. Толстого „Война и мир“» — С. Г. Бочаров открыл следующим рассуждением: «Н. Страхов спрашивал об идее „Анны Карениной“; на это Толстой отвечал, что, если бы он словами захотел сказать все то, что имел в виду выразить романом, ему пришлось бы заново написать тот же самый роман. Здесь же Толстой говорил о художественном произведении как о „собрании мыслей, сцепленных между собою для выражения себя“, и только в этом сцеплении существующих». ⁹ Данные слова можно отнести и к его собственной научной прозе: и в ней можно видеть «„собрание мыслей, сцепленных между собой для выражения себя“, и только в этом сцеплении существующих». Это резко сближает филологические сочинения Бочарова с литературой, делает грань между ними почти неразличимой, что, в свою очередь, приводит к предельной семантической усложненности его статей. Их мысль

Как дева юная, темна
Для невнимательного света.
(Воратынский)

(Кстати сказать, подобной поэтизацией филологически-философствующего слова отмечена важная линия русской литературно-критической традиции: И. В. Киреевский, А. А. Григорьев, В. В. Розанов, Ф. А. Степун, etc.) В результате высказанное Бочаровым понимание того или другого эпизода русской литературной истории, поворота филологического сюжета само нуждается в осмыслении, для чего требуются немалые усилия читателя, причем при всех усилиях довести смысл постигаемой статьи до чистых понятий едва ли удается. В некоторых случаях тонкость становится даже переутонченностью и внутреннее ядро смысла начинает расплываться. Так, как кажется, происходит в статье «„О бессмысленная вечность!“ От „Недоноска“ к „Идиоту“», семантическое поле которой настолько подвижно, что возникает уже просто неясность, начинающаяся ощущаться как прямой недостаток.

Впрочем, это неизбежные издержки филологических принципов автора. В большинстве же случаев подобная неопределенность воспринимается не просто как оправданный, но и как необходимый исследовательский ход. Ярким примером здесь может служить «Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie Священной истории». Читая, понимаешь движение заключенного в ее страницы смыслового потока, сам втягиваешься в него, однако выразить понимание в простых и логически прозрачных формулах нельзя. Резюме здесь невозможно.

⁹ Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». 3-е изд. М., 1978. С. 5.

Смысл главных, стержневых для «Филологических сюжетов» (и для Бочарова вообще) статей «не дан, а задан» (С. С. Аверинцев). Применение этого, ставшего знаменитым и давно растражированного, выражения к работам С. Г. Бочарова представляется более чем уместным. Аверинцев имел в виду семантическую структуру символа, но и бочаровские статьи можно определить как своеобразные символы тех литературных произведений, которым они посвящены. Филолог не описывает посредством посторонних по отношению к собственному объекту знаков смысл художественного текста, он стремится явить его в своих статьях, словесная организация которых глубоко причастна поэтическому языку ¹⁰ и посему способна, невзирая на инаковость своей словесной природы, все же научной, а не художественной, вмещать художественный смысл, пусть и в трансформированном виде. Причем причастность эта особая, даже необычная и в чем-то парадоксальная. Как правило, выдающиеся наши филологи-художники XX столетия решали данную сложнейшую задачу — достижения того, чтобы «слово теории» оказалось бы «в глубоком родстве со словом самой поэзии» (А. В. Михайлов) — прежде всего тем, что своеобразно воспроизводили литературоведческим своим словом слово литературное. Это была не стилизация и не имитация, но несоизмеримо более сложное родство, благодаря которому стилистическая атмосфера литературоведческого исследования вроде как заражалась стилистической же атмосферой анализируемого текста. Конечно, слово филолога не теряло своей связи с окружающей его современностью. Оно было двунаправлено: к изучаемому объекту, так или иначе удаленному во времени, и к современному ему языковому контексту. Такое слово становилось двуголосным в самом прямом и точном смысле: в нем начинали жить два голоса — анализируемого текста и автора-исследователя.

Именно подобным образом выражали в литературоведческом дискурсе свое понимание литературных произведений А. П. Скафтымов, Г. А. Гуковский, А. В. Чичерин, К. В. Пигарев и многие другие. Так, Скафтымов в статье «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого» (1928) не то чтобы воспроизводил, но вживался в толстовский стиль, что проявлялось в объеме предложений, их, так сказать, стилистической громоздкости, в нагнетании однородных членов и конструкций, в скоплении неопределенных частиц, в сое-

¹⁰ Подобная символичность статей Бочарова по отношению к художественной литературе, думается, связана с феноменологической основой его филологического метода. Здесь уместно вспомнить, что сам исследователь феноменологическим его как раз и называет.

динении нескольких эпитетов и т. д., и т. п. И Чичерин в работе «Движение мысли в лирике Фета» (1973) погружает читателя в некое подобие фетовской «лирической дерзости», простиупающей в его прозаическом рассуждении, отмеченном напряженным эмоциональным движением, известной логической непроясненностью, резкими переходами из одного смыслового регистра в другой и повышенной ассоциативностью словесных сцеплений. При всем этом статьи Скафтымова и Чичерина не утрачивают литературоведческой своей природы.

Иначе — и не несколько, а значительно иначе — обстоит дело в случае с С. Г. Бочаровым. Фрагменты «Филологических сюжетов» тоже не утрачивают филологической — заявленной в заглавии — основы. Но вот воссоздание анализируемого стиля в них почти не обнаруживается. Проза Бочарова художественна по-иному — в первую голову из-за писательской работы ученого с научным своим словом, переходящим в связи с этим грань художественности. О чем он сам пишет во «Вступительных словах» к «Сюжетам русской литературы»: «Роль литературоведения по отношению к литературе противоречива. Литературоведению подобает скромность: оно литературе служит, литературоведческая речь это косвенная речь по определению; и именно как таковая она имеет свои особые возможности в мире мысли (и, очевидно, в том ее характере заключается также ее особая этика). В то же время, автор в этом убежден, литературоведение — это тоже литература и филолог — это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово».¹¹

Бочаров с собственным словом обращается в высшей степени литературно. Работает, хочется даже сказать «нянчиться» (А. В. Чичерин), с ним почти что как поэт. Искусная — и совершенно неискusstvenная, но, напротив, органичная — эта работа и создает тот, лишь его литературно-литературоведческим трудам присущий, ритм, о котором речь уже шла. Функция этого ритма не ограничивается сказанным выше; он, кроме того, делает письменный голос Бочарова совсем особенным и неповторимым. Определяет стилистический тембр, своеобразное строение фразы и лишь ему свойственный ее поворот, отражающий предельную оригинальность в движении исследовательской мысли. Бочарова невозможно спутать ни с кем. И это — вторая особенность литературоведческой его манеры, которая позволяет видеть в нем — филологе — одновременно и писателя.

Постигая бесконечно тонкие и непрерывно уходящие вдале художественные

смыслы, стараясь их не огрубить и в результате оказываясь своего рода писателем, С. Г. Бочаров вместе с тем никогда не забывает филологической направленности своего труда: художественный мир для него — не проекция собственного сознания, но продолжение мира реального, преобразованного словом; в нем дышат те же грозные веяния, что и в бытии. Здесь, думается, проходит тонкая и при всей зыбкости достаточно ощутимая грань, отделяющая Бочарова от многих современных писателей-интеллектуалов, обращающихся к осмыслению доставшегося нам литературного наследия. Последние — даже наиболее талантливые и Бочарову интимно близкие, как например, Андрей Битов, вероятно главный «культурный» писатель нашего времени, «живой классик современной русской прозы» — так переделел его Бочаров (с. 430), или же Андрей Синявский (Абрам Терц), его бывший коллега по ИМЛИ, — все же стремятся построить собственную картину мира, используя для этого созданные ранее артефакты, которые в таком случае оказываются как бы специально написанными для современного художника, предназначенными для его игры заготовками. Полагаю (исходя из им написанного), что С. Г. Бочаров понимает данную ситуацию принципиально иначе: создаваемый писателем образ мира — художественный мир — несет в себе (так или иначе) дыхание мира реального, конечно, не в смысле плоского ему подражания. Разговор о художественных мирах, явленных литературой, оборачивается тем самым в конечном счете разговором о жизни. Иногда автор прямо вносит жизненный опыт в аналитический филологический текст. Особо выразительно примечание к статье «„А мы, Леонтьева и Тютчева...“ Об одном стихотворении Георгия Иванова». На завершающих страницах находим следующее отступление: «Pro domo sua: перед автором настоящего этюда тут встает момент, так сказать, экзистенциальный. Голубые комсомолочки 1950-х годов — его ровесницы и подруги, и сам он в те же самые 50-е в том же Крыму вместе с такими же комсомолочками нырял над теми же могилами, не зная о них. Так что и он, вступающий в роли филолога и аналитика стихотворения Георгия Иванова, сам оказывается внутри стихотворения его героем, парадоксальное же заключение поэта, значит, относится и к аналитику: Леонид под Фермопилами умер и за него. И как забыть об этом, читая и разбирая стихотворение?» (с. 428). Подобный комментарий, пусть и убранный под страницу и набранный мелким шрифтом, переводит филологические размышления в иной регистр, не просто расширяя, но, так сказать, перенаправляя их в другую сторону, внося в научный текст веяние реальности. Иногда такое движение удается не вполне: философско-историческое начало простиупает, может быть, чересчур резко, — например, в статье «Тютчев: Россия, Европа и Революция». Ли-

¹¹ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 12.

тературоведение обнаруживает опасность перестать быть самим собой и превратиться в некоторый род публицистики. Но, как правило, подобные переходы приводят к положительному результату и лишь способствуют содержательному укрупнению текстов.

Причем реальность, жизнь входит в семантическое поле статей Бочарова в самом крупном масштабе, берется в последних своих глубинах, тех, что вмещают высшие ценности универсума. Бочаров их прямо не называет, не проговаривает до конца, но то, что он имеет в виду достаточно ощутимо — о них, в частности, идет речь в уже названной ранее статье «Полвека». Поэтому литература сближается — и не может по своей природе не сближаться и не перекрещиваться — с другими осмыслениями бытия, в том числе с самым грандиозным — со Священным Писанием. Попытка обнаружить здесь некие соответствия и породила «Холод, стыд и свободу» — работу, поражающую интенсивностью даже не интеллектуального, но духовного скорее наполнения.

В статье-мемуаре о Л. Я. Гинзбург «Вспоминая Лидию Яковлевну» — удивительном примере филологического как раз вдумывания в ценный, даже восхищающий, но, думается, в чем-то существенном *чужой* текст — автор определяет главный пафос прозы блестящего литератора как размышление о последних вопросах «перед лицом небытия». Работы С. Г. Бочарова, вне зависимости от авторской интенции, можно определить по-другому: размышление о последних вопросах в их преломлении в художественной литературе, но не перед лицом небытия, а перед лицом вечности — «Я в дверях вечности стою...» (Г. Р. Державин). Недаром столь открыт Бочаров мыслителям — филологам ли, прямым философам, — но с очевидной религиозной подкладкой: С. С. Аверинцеву, А. В. Михайлову, Г. П. Федотову, даже С. И. Фуделю.

Филология смыкается с философией. Смыкается, но не становится ею. Это представляется, возможно, наиболее принципиальным в разговоре о «Филологических сюжетах», да и о Бочарове вообще.

Вероятно, самой сокровенной среди последних работ С. Г. Бочарова является «Об одном разговоре и вокруг него»¹² (впрочем, неразрывно связанная с другими его бахтинскими статьями — «Событие бытия. М. М. Бахтин и мы в дни его столетия», «Неискупленный герой Достоевского», «Бахтин-филолог: книга о Достоевском»). Как обычно у него — крайне осторожно, с оговорками («Он ценил оговорку как необходимый корректив, спасающий широту суждения, и владел культурой оговорки»¹³ — сказано там о М. М. Бахтине, и подобная культура

Бочаровым от Бахтина вместе со многим другим была унаследована), не без расплывчатости даже расставлены в ней акценты; так и не ясно до конца, по мысли Бочарова, пользу ли принес вынужденный историей (только ли ей?) отказ Бахтина от прямого философствования, или же вред. Для самого Бахтина, как свидетельствуют приводимые Бочаровым его слова, в этом отказе содержался трагический привкус как бы и некоторого предательства. Суждения Бочарова по данному поводу оказываются амбивалентнее (в чем проявляется особая его сила как литературоведа: умение видеть предмет с разных сторон, в различных плоскостях). Но все же ощущается в этой статье, при всей ее многоплановости, мягкое, но опровержение резко негативной бахтинской самооценки: отказ от прямого философствования, при всей катастрофичности, заключал в себе и совершенно особые возможности для размышляющего человека; да и сам отказ этот был весьма относителен: речь шла не о полной и совершенной перемене; просто теперь мучившие исследователя вопросы он начинал решать не прямо, а опосредованно, сквозь призму литературы. Поиски философских (даже религиозно-философских) решений оказались преломленными новым материалом, который был воспринят не как способ самовыражения (философская мысль выражается не присутствием ей дискурсивными практиками, а через образы и слова, заимствованные из литературы, оставаясь при этом сугубо философской и видя в литературном тексте едва лишь не только арсенал нужных ей для себя самой и в целом безразличных средств — так обстоит дело с большинством философских интерпретаций литературы; если иметь в виду близкий Бахтину контекст, то можно указать вначале на Д. С. Мережковского или же на С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина), но как важнейший предмет изучения и раздумий, не как средство, а как объект, погрузившись в который и постоянно ощущая его специфику именно как литературного, можно, в конце концов, получить искомые ответы, опять-таки преобразованные той средой (художественная литература), где они были обретены. Результатом подобной внутренней перестройки стало явление Бахтина — великого филолога, сумевшего совсем иначе, нежели прежде, увидеть художественный текст и открыть перед литературоведением абсолютно новые перспективы. Осуществленный им сдвиг в филологии попросту грандиозен.¹⁴

¹⁴ Ни в коей мере не посягая на уникальность Бахтина, отмечу тем не менее, что некоторые, правда достаточно отдаленные, параллели к нему можно обнаружить в творчестве таких гуманитариев-эмигрантов, как П. М. Бицилли и Д. И. Чижевский; кажется что по-своему и иначе, чем Бахтин, но и они

¹² Там же. С. 472—502.

¹³ Там же. С. 489.

Масштаб, значение и глубину феномена Бахтина мы хорошо осознаем, хотя сказанное о нем нередко идет по касательной, не затрагивая сути дела. Бочаров не раз писал о непонятости Бахтина, о том, что у него мало последователей, он и говорил об этом как публично, так и камерно. Так вот, самого его как раз и можно смело определить как, вероятно, самого адекватного продолжателя бахтинского дела. Ощувив стержень филологической позиции Бахтина, он ее перенял и, творчески преобразовав соответственно иному историческому времени и самому себе, сделал основой собственной литературной позиции.

Лучшие фрагменты «Филологических сюжетов» — бесспорно настоящее литературоведение самой высокой пробы. И одновременно нечто большее; вернее, это совсем особое литературоведение, которое, оставаясь филологической дисциплиной — с вниманием к деталям разбираемых художественных миров, с научной тщательностью и другими принадлежностями филологии, расширяет свое смысловое поле, которое соприкасается, а возможно, и сливается с философским освоением мира, оставаясь тем не менее филологией. Звучит туманно, но более определенно сказать в данном случае трудно; точность здесь грозит обернуться упрощением, расплывчатость увереннее ведет к постижению того, что имеется в данном случае в виду. Чтение таких статей, как «Случай или сказка?», «„Красавица мира“». Женская красота у Гоголя», «„О бессмысленная вечность!“ От „Недоноска“ к „Идиоту“», конечно же, и в первую очередь «Холод, стыд и свобода. История литературы sub specie Священной истории», хочется надеяться, прояснит сколько-нибудь тут сказанное.

Филологическая плоть статей Бочарова поражает именно своей филологичностью (простите за тавтологию), т. е. любовью к слову и редким умением его анализировать, умением, к которому применимо определение более высокое — дар. Внимание исследователя к форме, стилистическим мелочам, отдельным выражениям и словам заставляет вспомнить еще одно (наряду с И. Киреевским, В. Розановым — недаром упомянутым в последних строках открывающей «Филологические сюжеты» заметке «От автора», М. Бахтиным) генеалогически крайне значимое для Бочарова имя — К. Н. Леонтьева, объект глубоких его раздумий. Леонтьев — притягательная для Бочарова фигура: мыслитель, создавший столь поразительный эстетический опыт, как «Анализ, стиль и вея-

ние», с пристрастием к художественной стороне текста, с причудами вкуса и эстетическими капризами. Постоянный и давний интерес к Леонтьеву позволяет судить о степени важности для Бочарова художественной формы. Кстати, на примере Леонтьева он и формулирует с впечатляющей полнотой свое понимание филологического проникновения в текст. Цитируя в статье «„Ум мой упростить я не могу“». К столетию смерти Константина Леонтьева» В. В. Розанова, он замечает: «В замечательно точных этих словах можно видеть, прежде всего, указание нам, как читать Леонтьева — а Леонтьева надо уметь читать — воспринимаемая не монотонную линию тезисов (которые так легко подчеркнуть у Леонтьева, и тогда он начнет распадаться на плоского реакционера в политике и капризного гурмана в эстетике), а именно *разнородность состава* леонтьевской мысли и леонтьевского текста, с пестро-сложным напластованием в нем „чисто эстетических“, религиозно-догматических, историко-филологических, политических уровней, суждений, вкусов, оценок. *Ткань* леонтьевского текста, единственную в своем роде, а не линию тезисов».¹⁵ Таким и должен быть литературоведческий анализ, направленный именно на ткань художественного текста, всегда «единственную в своем роде» и всегда сложную. Игнорирование этой ткани, сосредоточенность на линии тезисов, тем более подчинение осмысления литературного произведе- ния движению собственной философской мысли (когда разбор текста оказывается вариантом философского самовыражения) Бочарову неприемлемы. Этим, как представляется, обусловлено его отчетливо критическое отношение к так называемому «религиозному» литературоведению, проявившееся, например, в статье «От имени Достоевского», в ее *post scriptum*'е — «О религиозной филологии» («Сюжеты русской литературы»).

Поэтический анализ в работах С. Г. Бочарова — не сопровождение статей, он составляет их сердцевину. Обращаясь к опыту русской словесности, он стремится вступить в контакт не с идеями и положениями, но с художественным словом, которое именно как художественное совсем в особом виде несет весть о мире. Филолог никогда не забывает своеобычная и непохожести того, к чему обращается, он — *собеседник* в прямом смысле, ведущий разговор с писателем и порожденным им текстом, в свою очередь имеющим собственную жизнь в содружестве с текстами другими... Собеседник русской литературы.

двигались, от философствования, в частности на литературные темы, в сторону филологического анализа, дорастающего до философского уровня.

¹⁵ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 270.

© Р. Ю. Данилевский

СОВРЕМЕННОСТЬ В. А. ЖУКОВСКОГО (О СБОРНИКЕ РАБОТ К ЮБИЛЕЮ ПРОФ. Ф. З. КАНУНОВОЙ)*

Томская филологическая школа, которая приобрела отчетливые черты в конце 1970-х и в 1980-е годы, выделяется каким-то особенным, неистовым академизмом, строго охраняющим свои границы от идеологического и конъюнктурного вторжения. На кафедре русской и зарубежной литературы Томского университета стремятся хранить устои российской академической филологии. Они предусматривают полное погружение исследователя в конкретный материал и затем уже возможность обобщений на прочном историко-литературном фундаменте. Этот метод, восходящий к школе А. Н. Веселовского, В. М. Эйхенбаума, П. Н. Беркова, М. П. Алексеева и других по преимуществу петербургских (ленинградских) ученых, ныне, к сожалению, постепенно утрачивается под напором новейших культурологических тенденций. В Томске, к счастью, лучше нас берегут эту традицию, и она все еще способна приносить хорошие плоды.

Самый впечатляющий результат работы томских коллег — формирование особого раздела современной литературной науки, раздела, который (да простится нам неологизм!) можно было бы назвать жуковсковедением. Издано научное, аналитическое описание библиотеки В. А. Жуковского, значительная часть которой хранится в Томском университете. Выходит в свет полное собрание сочинений поэта. Почти регулярно появляются новые статьи и монографии, сопутствующие работе над сочинениями и письмами Жуковского.¹ К этому ряду относится и рецензируемый сборник.

Он посвящен Жуковскому, и вместе с тем это одно из изданий, выходом которого отмечается юбилей ведущего ученого томской школы, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки, проф. Ф. З. Кануновой, ученицы В. М. Эйхенбаума и Г. А. Гуковского. Название сборника поначалу кажется не совсем удачным, ибо понятие «времени» многозначно и текуче. Но, ознакомившись с книгой, читатель сможет убедиться в том, что оно имеет право на существование.

Книга состоит из трех десятков статей и публикаций. Все они небольшого объема, но

чрезвычайно емки, каждая освещает какую-либо сторону личности и творчества Жуковского. Не перечисляя вклады всех участников издания, попытаемся выделить из его материалов основные «линии», которые можно заметить при сквозном прочтении книги.

В первую очередь — и это видно довольно отчетливо — Жуковский рассматривается как человек, как личность. Все русские поэты были несомненно крупными личностями — иначе и быть не могло! Однако события их частного существования заслоняло от читателей их творчество. Иногда, правда, они трагически прорывались сквозь страницы газет, журналов и книг — вспомним хотя бы Пушкина, не говоря уже о множестве других литераторов вплоть до наших дней.

Жуковский, чья судьба, как известно, не была легкой, хотя в ней не происходило ничего такого, что могло бы потрясти общество, также остался в памяти потомства не только как стихотворец. Но причина этого у него своя. Как и у Н. М. Карамзина, его предшественника и учителя в литературе, жизнь Жуковского — это гражданский подвиг — скромный в том смысле, что свои благие дела он не афишировал публично и даже был почти забыт как живой человек, почти исчезнув за «пленительной сладостью» стиховой мелодики.

Как мастер и даже гений перевода, Жуковский рано стал вызывать нарекания из-за неточностей и вольностей при передаче по-русски чужих произведений. Как поэт чувствительно-романтического мировосприятия, он был в эпоху позитивизма и реализма, а затем и в советское время «задвинут» в задние ряды истории литературы, несмотря на то что несколько поколений его критиков сами выросли на его балладах. Тем не менее, хотя бы в отношении к Пушкину, декабристам, к судьбе Т. Шевченко, твердым оставалось мнение, что поэт был хорошим, благородным и принципиальным человеком. Теперь мы знаем об этом не только в косвенной связи с другими темами, но и в прямой связи с жизнью и творчеством самого Жуковского. И в этом немалая заслуга томских исследователей.

Интервью Ф. З. Кануновой, открывающее томский сборник, посвящено характеристике научной школы и последним работам коллег по изучению и изданию сочинений Жуковского. Но там есть ясные слова, которые выдвигают вперед именно *человеческую* тему. «Дневники и письма Жуковского, — говорит профессор, — богатейший материал человековедения. В них раскрывается облик замечательного русского писателя, историка и пропагандиста русской литературы,

* Жуковский и время: Сб. статей / Ред. А. С. Янушкевич, И. А. Айзикова. Изд-во Томского ун-та, 2007. 360 с. (Русская классика: Исследования и материалы; Вып. 4).

¹ См.: Канунова Ф. З., Прозоров Ю. М. В. А. Жуковский в исследованиях и изданиях томской филологической школы // Русская литература. 2008. № 1. С. 263—269.

гуманиста-просветителя, озабоченного судьбами России, ее национальной культуры, и просто доброго, сердечного человека, стремящегося помогать окружающим его людям» (с. 8).

Тема «Жуковский как личность» проходит красной нитью едва ли не через все материалы книги. Н. Д. Кочеткова, анализируя в своей статье (с. 21—28) переводы героиды англичанина А. Попа «Элоиза к Абеляру», сделанные М. Херасковым и В. Жуковским, среди тонких замечаний о переводческом искусстве обоих поэтов, а также об увековеченном этим произведением Андреем Тургеневе, кумире юности Жуковского, не преминула отметить, что и А. Тургенев, и В. Жуковский вдохновлялись человеческим содержанием героиды. Перевод отражал, говоря словами А. Веселовского, «биографию сердца» Жуковского (см. с. 24).

Сопоставление стихотворения Жуковского «К поэзии» с «Поэзией» Карамзина приводит автора другой статьи, О. Б. Кафанову, по сути дела к сходному выводу. Продолжая борьбу Карамзина-поэта с «одическим каноном» классицизма, Жуковский, по ее словам, «„одомашнивает“ каноническую форму, наделяет ее интимными интонациями» (с. 38). Стих из карамзинской «Поэзии», который процитирован в начале статьи, — «Узрев собор красот и чувствуя себя» — отражает ведь не только философию сенсуализма — это подсказка Жуковскому, который в своем стихотворении будет говорить о поэтах — «друзьях души моей».

«Всю эмпирику частного существования Жуковский оставлял дневникам, которые вел на протяжении всей жизни, а этико-эстетический экстракт его, лишенный бытовой детализации и возведенный в символическое достоинство, выносился на суд публики» (с. 57). Это слова из статьи В. С. Киселева «Интимно-дневниковые формы циклизации в „Вестнике Европы“ В. А. Жуковского 1808—1809 гг.» (с. 49—61), написанной на материале журнальной деятельности поэта и подтверждающей мысль о лиризме как принципе его творчества.

Даже на очень частных темах, таких, например, как образы птиц (статья Н. Ж. Ветшевой «„Опять вы, птички, прилетели...“: Орнитологический текст В. А. Жуковского (на материале лирики)», с. 107—117), видно, как тянутся к понятию души, «дематериализуются» (с. 114) в поэзии Жуковского любые образы реальности.

Проф. А. С. Янушкевич подробно прослеживает другую тему — тему гор, горных пейзажей, «горной философии» у Жуковского, Лермонтова и Тютчева (с. 133—161). В этой связи он обращается к понятию «географии русской души», предложенному в свое время Н. Бердяевым. Разумеется, тема гор в русской поэзии не сводится к теме личности. И все-таки горы — это у Жуковского преимущественно, так сказать, ландшафт души — как в «Заратустре» Ф. Ницше.

В блестяще написанном этюде «Жуковский и Гуковский» (с. 203—208) харьковский пушкиновед Л. Г. Фризман предлагает читателю в качестве смыслового зерна следующий вывод Г. А. Гуковского о русском поэте: «...стиль Жуковского в своем психологическом идеализме поставил во главу мира человека, личность — и это была борьба за свободное — хотя бы в идее — человека» (с. 205).

Место Жуковского в русской литературе первой половины XIX века заново пересматривается в статье Л. Н. Киселевой (с. 209—216). Это напрямую связано с ренессансом изучения его наследия, принесенным томской школой, и само по себе свидетельствует о значительности роли поэта в истории русской литературы. И все же с вопросом о религиозности Жуковского, который является частью ревизии прежних взглядов на его творчество, следовало бы обходиться крайне осторожно. Христианство и литература — материя модная и потому таит в себе опасность огрубления тончайшей и интимнейшей духовной стихии. Не стоило бы прикладывать к Жуковскому, словно лекало, «каноны православия», как это, по-видимому, делает автор. Не случайно церковная цензура с подозрением отнеслась к размышлениям поэта на религиозную тему (см. с. 214). Христианская культура часто входит в противоречие с каноном, не утрачивая своего христианского гуманизма. И Жуковский здесь не исключение (при всей его глубокой религиозности).

В разделе «Материалы. Публикации» хотелось бы, среди прочих заслуживающих интереса материалов, отметить публикацию знаменитого сочинения М. Мендельсона «О бессмертии души» в переводе Жуковского (с. 292—318). История и все обстоятельства создания перевода, детально сообщаемые публикатором О. Б. Лебедевой, желательнее было бы дополнить хотя бы кратким историко-философским анализом самого текста. Это помогло бы лучше представить себе, каких глубин философии и психологии коснулись немецко-еврейский философ и его русский христианин-переводчик. Заметим, что обнаружение в оригинале Мендельсона христианских идей кажется не вполне убедительным: это идеи немецкого Просвещения, к христианству имеющие лишь косвенное отношение. Но это частность по сравнению с ценностью публикации.

Возвращаясь к общей задаче сборника, подчеркнем очевидное — речь идет о специфике русского романтизма и о Жуковском как поэте-романтике. Это вторая «линия», пронизывающая всю книгу. На поверхности лежит мысль о национальном своеобразии русского романтизма, независимо даже от того, согласны ли мы принять индивидуальный стиль Жуковского за романтизм. Последнее — позволим себе напомнить — отнюдь не бесспорно. После классической кни-

ги А. Н. Веселовского «Поэзия чувства и „сердечного воображения”» стало явным существенное отличие того, что в России называли романтизмом, от романтизма, например, немецкого. На наш взгляд, различие коренится именно в личности Жуковского, коль скоро он создатель и носитель русского романтического сознания. Философия превратилась у него в богатейший мир эмоций, личных чувств, а романтическое устремление в мир идеала и фантазии раскрыло себя как стремление к счастью. Эту качественную русификацию романтизма, сделавшую обще-

европейское явление настолько национальным, что оно во многом утратило сходство с «прародиной», помогают осознать материалы томского сборника.

Что касается понятия «времени», то совершенно ясно, что речь идет о современности. Можно было бы назвать сборник «Жуковский и наше время», потому что изучение творчества Жуковского в Томске хотелось бы рассматривать как один из симптомов зарождения в современной русской культуре нового интереса к Человеку как наивысшей ценности бытия.

© Т. Г. Иванова

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В СТРАНАХ БАЛТИИ*

Предметом нашей рецензии являются три сборника текстов русского фольклора, подготовленных видным фольклористом, профессором Вильнюсского педагогического университета Ю. А. Новиковым. Книги отражают традиционную духовную культуру русского старожилого населения Литвы и Эстонии. Названные издания, на наш взгляд, очень точно отвечают тем вызовам, как сейчас принято говорить, которые формулирует современная историко-культурная ситуация.

Во-первых, рецензируемые книги в очередной раз, вопреки многочисленным пессимистическим заявлениям, доказывают плодотворность полевой экспедиционной работы во второй половине XX—начале XXI века. Плановая запись русского фольклора на территории современной Литвы, как показал Ю. А. Новиков во вступительных статьях к сборникам «По заветам старины» и «Фольклор старообрядцев Литвы», началась лишь в 1960-е годы, когда в вузовские программы была включена фольклорная практика. Как известно, это уже был период затухания классической фольклорной традиции. Тем не

менее систематическая и целенаправленная работа Вильнюсского университета, которой руководила Н. К. Митропольская, позволила за четверть века зафиксировать более 60 тысяч произведений разных жанров. Фольклорный кружок Вильнюсского педагогического института (ныне Педагогический университет), возглавляемый составителем рассматриваемых книг, также на протяжении многих лет успешно работает в русских деревнях Литвы. С 1996 года ежегодные комплексные экспедиции проводит Ассоциация исследователей старообрядцев Литвы.

Сборник «По заветам старины» сформирован в основном по материалам, собранным в самом конце XX—начале XXI века. Как оказалось, на рубеже второго и третьего тысячелетий, в век интернета и зарождения нанотехнологий, продолжают оставаться актуальными христианские легенды, обряды и запреты, связанные с религиозными воззрениями информантов. Равным образом духовная жизнь русского населения Литвы и в наши дни во многом определяется поверьями и обычаями, отражающими языческие мифологические представления славян. Книга «По заветам старины» включает 572 текста (этнографические репортажи, мифологические рассказы, заговоры, пословицы, загадки), сгруппированных в 15 тематических разделов: «Христос. Богородица. Крестная сила», «Праведники и грешные», «Жизненный путь», «Погребально-поминальные обряды и обычаи», «Загробный мир. Общение с умершими», «Религиозный этикет. Бытовые традиции и поверья», «Магические и целебные средства», «Шептуны (знахари) и волкoviты (колдуны)», «Поверья и былички о „сглазе”», «Нежить и нечистая сила», «Сказания о кладах и кладоскателях», «Поверья и былички о змеях», «Заговоры», «Рукописный сборник заклинаний», «Рассказы о бы-

* По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы / Изд. подг. Ю. А. Новиков. СПб.: Тропа Троянова, 2005. 295 с. (РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Вильнюсский пед. ун-т); Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки / Сост. Ю. А. Новиков. Вильнюс, 2007. 567 с. (Вильнюсский пед. ун-т; Ассоциация исследователей старообрядцев Литвы); Морозова Н., Новиков Ю. Чудное Причудье: Фольклор староверов Эстонии. Тарту, 2007. 336 с. (Общество культуры и развития староверов Эстонии).

товании заговоров». Каждый из разделов открывается краткой квалифицированной заметкой, в которой обращается внимание на основные особенности мифологических представлений русского населения Литвы. Данный подход к фольклорному материалу — на первом месте не жанр, а определенный срез народного мировоззрения — отвечает современным тенденциям в науке, прочно увязывающей сугубо фольклористическую проблематику с этнологической.

Следует отметить, что сборник «По заветам старины» оказывается созвучен тем собирательским установкам, которые еще в 1920-е годы в условиях довоенной Чехословакии утверждал в своей экспедиционной практике П. Г. Богатырев, работавший в Подкарпатье. Выдающийся фольклорист, например, ценил современные объяснения архаичных обычаев, данные самими исполнителями. Разнообразные, порой противоречивые, толкования одного и того же обычая, подчеркивал он, свидетельствуют о постоянной актуализации народных верований. Этот тезис остается верным и для русской традиции Литвы конца XX века. В текстах раздела «Погребально-поминальные обряды и обычаи» читатель найдет, например, разные объяснения обычая опускать гроб на полотенцах. В одних текстах информанты подчеркивают прагматическую основу данного обычая: «На рушниках опускают. Одно, что по рушнику удобней опускать; он широкий, гроб ставится плавно. А верёвка — она и есть верёвка; там всякое такое, скользят» (№ 158); «Видишь, на верёвках, так когда хоронят, дак верёвки бормочут „вр-вр-вр!“, когда опускают гроб. А полотенце — тихенько на полотенце...» (№ 155). В других сообщениях прочитывается знаковая природа полотенца: «Потому что широкая дорожка. Должен мёртвый человек ходить по этой дорожке» (№ 159). «На веревках токо коня опускают! А платенец... На том свете, може, надо, как говоря это, переходить реки, мытарства», — считает другая исполнительница, сохраняя архаическое представление о реке как пути в мир мертвых (№ 149). Еще ряд текстов информирует читателя о распространенном местном обычае отдавать полотенца, на которых спускался гроб, нищим: «Такие нищие были; ну, и рвёшь там по метру, по скоку, режешь и этим даешь... Не пользовался им сам, никогда. Пусть они за его Богу молятся; да, за покойника» (№ 156; ср. № 152).

Продолжая разговор о том, насколько рецензируемые сборники отвечают современной историко-культурной ситуации, укажем на еще одну важную составляющую. Книги Ю. А. Новикова основательно и фундаментально, наряду с проблемой регионального своеобразия, ставят перед фольклористикой задачу изучения этноконфессиональных вариантов общерусской традиции. Этот момент специально подчеркнут во вступительных статьях составителя. В советской науке рели-

гиозный (христианский) компонент крестьянской жизни, как правило, игнорировался. Только с перестройкой «народное православие» стало включаться в фольклористическую проблематику. Постепенно, и пожалуй, еще не до конца, русской наукой осознается необходимость исследования устной культуры отдельных конфессиональных групп, и прежде всего, естественно, тех, кто во второй половине XVII века отвергнул церковные реформы патриарха Никона. Сборники Ю. А. Новикова, как следует из их названий, предлагают богатый материал для понимания духовной жизни русских старообрядцев Прибалтики.

Книга «Фольклор старообрядцев Литвы» открывается добротной статьей Г. Потащенко «Староверы Литвы: веки истории (вторая половина XVII—начало XXI в.)», в которой рассматриваются этапы жизни старообрядческой общины на территории нынешней Литвы: стрелецкий десяток Трофим Иванов, поселившийся в 1679 году в тогдашней Речи Посполитой; массовая эмиграция раскольников в 1710—1720-е годы; распространение к середине XVIII столетия федосеевства (последователи Феодосия Васильева, жившего в 1699—1708 годах близ Невеля, не принявшие священства) и формирование института наставничества; сближение федосеевцев с поморцами в первой четверти XIX века; осквернение старообрядческих святых при Николае I; постепенное улучшение правового положения старообрядцев в царской России; формирование структуры Старообрядческой Поморской Церкви Литвы в межвоенный (1918—1940) период и получение поддержки со стороны государства; репрессии против старообрядческих наставников в послевоенной советской России; постепенное формирование бесконфликтных отношений с советскими властями; активизация религиозной жизни русских старообрядцев в Литовской Республике, получившей независимость.

Сборник Н. Морозовой и Ю. Новикова «Чудное Причудье» содержит материал, записанный на западном берегу Чудского озера, где в конце XVII века появились первые русские старообрядческие поселения. В отличие от старообрядцев Литвы, на протяжении своей истории неоднократно совершавших экспансию вглубь бывшего Великого княжества Литовского, староверы Причудья на протяжении трехсот лет жили компактно и консолидированно. В издании представлены немногочисленные записи 1930-х годов и 1949 года, материалы, собранные в 1960-е годы студентами Тартуского университета, а также результаты экспедиции 2006 года, организованной Союзом старообрядческих общин Эстонии. В последней принимали участие Н. Морозова и Ю. Новиков. Все названные материалы в настоящее время хранятся в Литературном музее им. Ф.-Р. Крейцвальда в Тарту.

Сугубо старообрядческая составляющая духовной культуры Литвы в текстах, опубликованных в сборниках «По заветам старины» и «Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 1: Сказки. Пословицы. Загадки», не является доминирующей. Самый яркий жанр, характеризующий религиозное сознание староверов, — духовные стихи — предполагается представить в следующем томе «Фольклора старообрядцев Литвы». Сборник же «Чудное Причудье» открывается именно этим жанром. Все 30 текстов, опубликованных в разделе «Кому повем печаль мою?», были получены собирателями в 2006 году. Как оказалось, в настоящее время чудские староверы поют духовные стихи почти исключительно по рукописным тетрадкам. В устной памяти хранятся только начала стихов (№ 1—13). Скопированные же из рукописи, принадлежащей А. А. Аганичевой из Муствез, полные тексты репрезентируют репертуар, характерный для разных старообрядческих общин. Здесь представлены в основном поздние, созданные по законам силлабо-тонического стихосложения тексты, духовно окормляющие (и окормляющие) эту конфессиональную группу русского народа («Гора Афон», «Боярыня Морозова», «Стих о последнем времени» и др.). Данный слой старообрядческой лирики еще плохо осознан фольклористикой, и введение в научный оборот нового корпуса текстов несомненно будет способствовать активизации изучения старообрядческого песенного репертуара.

В духе лучших традиций этнологии составители сборника «Чудное Причудье» в разделе «Без Бога ни до порога» приводят ряд репортажей, в которых информанты разъясняли особенности религиозного этикета своей старообрядческой общины. Остальные разделы посвящены семейно-бытовому этикету («Обычай крепче закона»), особенностям хозяйственного уклада («Топор сохе первый помощник»), рыболовному промыслу («Отец рыбак, и сын в воду смотрит»), календарным обрядам («В праздник и у воробья пиво»), родильно-крестильным обычаям («Дай Бог вопить, вскормить и на коня посадить»), свадебным ритуалам и песням («Золото с золотом свивалося»), похоронно-поминальным обрядам («Царство небесное, вечный покой!»). В разделе «Сказка — складка, песня — бль» даются немногочисленные тексты песен, частушек и сказок данного региона, записанных в 1930—1960-е годы. Раздел «Было дело — стена деньги ела...» — легенды, предания, мифологические сказания — представлен в основном качественными записями 2006 года. В книге публикуются также приметы, поверья, материалы по народной медицине, заговоры, рассказы о колдовстве и глазе, пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор. Упокажем, что сборник «Чудное Причудье» богато и со вкусом иллюстрирован художником П. Г. Варуниным, который явно ориентиро-

вался на традицию русской лубочной картинки.

По долгу рецензента выскажу одно замечание, которое касается сборников «По заветам старины» и «Чудное Причудье». Издания имеют традиционные для фольклорных сборников списки исполнителей и мест записи. Однако отнюдь не лишними были бы, на наш взгляд, и указатели, помогающие исследователям при работе над разными темами. Так, нам кажется, книги требуют отдельного предметного индекса, который бы ориентировал читателя в той сфере, которая мифологизируется народным сознанием (заяц, кукушка, паук и т. д.). Хотелось бы иметь список мифологических персонажей (бес, еретик) и имен христианских святых. Возможно, что составитель учтет это замечание при подготовке следующих томов «Фольклора старообрядцев Литвы».

Завершая разговор о сборниках русского фольклора в странах Балтии, обратим внимание на еще одну проблему, которая четко прочитывается в рассматриваемых изданиях. Рецензируемые книги репрезентируют фольклорную традицию русских анклавов, уже несколько столетий проживающих в иноязычном окружении. Для исследователей подобного рода локальные традиции всегда представляли особый интерес. Они позволяют выявлять сложные процессы взаимодействия разноэтнических культур. В сборнике «Фольклор старообрядцев Литвы», в котором представлена сказочная традиция (189 текстов), ученые найдут немало примеров влияния литовской сказки на русскую, на что обращается внимание во вступительной статье Ю. А. Новикова. Ряд сюжетов, записанных у старообрядцев Литвы, не известен по другим русским сказочным сборникам. Так, сказка о ёжке, посмеявшемся над барином, распространенная у литовцев, в русском репертуаре зафиксирована только на территории Литвы (№ 20; сюжет АТ 293 G).¹ Старообрядцы Литвы включили в свой репертуар литовскую сказку «Аленушка и сестрица-рагана» (№ 56; сюжет АТ 451 A). К хрестоматийным литературным обработкам знаменитой литовской сказки о девушке Ели, вышедшей замуж за ужа, восходят тексты № 51, 52, 53 (сюжет АТ 425 M). Квалифицированные комментарии Ю. А. Новикова позволяют читателю быстро найти и другие образцы русских сказок, испытавших на себе влияние литовского фольклора. Во вступительной статье составителя приводятся и обратные примеры, отражающие интерес литовцев к русскому сказочному фольклору («Фольклор старообрядцев Литвы», с. 44—45).

¹ The Types of the Folktales: A Classification and Bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1961. (Folklore Fellows Communication; № 184).

Проблема взаимоотношений русской и прибалтийских фольклорных традиций в настоящее время, когда русское население в странах Балтии во второй раз на протяжении послеоктябрьской истории оказалось оторванным от России и получило в своих государствах статус этнического меньшинства, психологически тяжело переживаемый, приобретает не просто академический характер: она включается в современную политическую ситуацию. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на историко-общественное значение рецензируемых книг. Мы убеждены, что преодоление сиюминутного неве-

рия между народами возможно только на почве сближения культур. На протяжении веков взаимопонимание между русскими и литовцами, русскими и эстонцами устанавливалось прежде всего в сфере культуры. Издание рецензируемых книг, поддержанное Вильнюсским педагогическим университетом, Бюро министра народонаселения Эстонской республики и фондом Eesti Kultuurkapital, является свидетельством готовности образовательных, научных и государственных учреждений стран Прибалтики встать на путь преодоления исторических обид, которые существуют между нашими народами.

СЕМИНАР «СОЦРЕАЛИЗМ СЕГОДНЯ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ТОТАЛИТАРНОЙ ЭСТЕТИКЕ»

С 6 по 8 июня 2007 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН проходило второе заседание цикла семинаров «Стиль в XX веке» на тему «Соцреализм сегодня: новые подходы к тоталитарной эстетике». Первая встреча цикла состоялась в 2005 году и была посвящена русскому литературному авангарду.

Спектр мнений о том, чем является социалистический реализм или что им может быть названо, содержит и классическое признание его основным художественным методом советского искусства, и полное растворение его единства в многообразии индивидуальных стилей. О соцреализме написано много, но можно ли признать, что властный эстетический феномен недавнего прошлого понят? Знаем ли мы, кто был настоящим соцреалистом? Наконец, можно ли считать соцреализм реалией, ушедшей в историю и навсегда потерявшей актуальность? Эти вопросы так или иначе затрагивались в каждом выступлении. Центром дискуссии стали процессы в литературе и критике 1920—1940-х годов.

К началу семинара научным сотрудником музея Пушкинского Дома Е. В. Кочневой была подготовлена выставка «Соцреализм в соцреализме: портреты, книги и документы из собрания Пушкинского Дома», представившая 165 экспонатов эпохи соцреализма.

В кратком вступительном слове организатор и ведущий семинара В. Ю. Вьюгин остановился на некоторых проблемах изучения соцреализма в настоящее время: на противоречивости самого понятия «социалистический реализм» (является ли, к примеру, книга основоположника соцреализма «Жизнь Клима Самгина» соцреалистическим произведением?); на вопросе об эстетической ответственности авангарда и соцреализма, о которой писал Б. Гройс в известной и не потерявшей до сих пор актуальности работе «Gesamtkunstwerk Сталин»; на логических сложностях, которые возникают при попытке осмыслить советскую Россию 1930—1950-х годов как эстетический продукт одного диктатора-демиурга (идея, поддержанная, например, Х. Гюнтером в предисловии к фундаментальному и многоаспектному исследованию «Соцреалистический канон»); на возможности свести соцреалистическое ис-

кусство к единому сюжету («master plot», по Катерине Кларк); на преимуществвах и границах подобного подхода.

В докладе Н. Г. Полтавцевой (Москва) «Соцреализм: „большой стиль” и/или „гламур” своей эпохи?» была предпринята попытка рассмотреть феномен соцреализма как весьма двусмысленное языковое и эстетическое явление с неопределенным объектом означивания и «плавающим» означающим. Докладчица выделила несколько современных стратегий работы с советским дискурсом. Первая, по ее мнению, выражена в книгах и статьях современных западных славистов (К. Кларк, Э. Найман, К. Келли, Евг. Добренко и др.). Советский дискурс и соцреализм трактуются здесь по преимуществу как «большой стиль», подлежащий деконструкции с современных либеральных позиций — по логике структурализма. Вторая ярко представлена в поздних работах Б. Гройса, чей подход состоит в том, чтобы интерпретировать сталинизм и советский проект в целом, как они есть, на поверхности официальной репрезентации, без всяких примесей позднейших разоблачающих и критических дискурсов, что, считает Н. Г. Полтавцева, воспроизводит логику постструктуралистской интерпретации. Напомнив сказанное Славоем Жижекком об отсутствии удовлетворительной теории сталинизма, докладчица проанализировала представления о социалистическом искусстве, сформировавшиеся в леворадикальной традиции в результате развития взглядов Вальтера Беньямина, а также обратилась к пересмотру собственных философских и эстетических воззрений Г. Лукачем (от статей 1935—1936 годов, опубликованных в журнале «Литературный критик», до работы 1964 года «Социалистический реализм сегодня»). Основное внимание Н. Г. Полтавцева уделила таким качествам описываемого феномена, как «целостность и тотальность» (свойства «большого стиля») и «эстетизация действительности» (характерная черта «гламура»). Возвращаясь к названию своего доклада, автор подчеркнула, что отношения между этими двумя сторонами соцреализма вернее передаются союзом «и», а не «или»: «большой стиль» и «гламур». Итог размышлений, сказала докладчица, может быть выражен словами Ж. Бодрийера о принципе симуляции, возобладав-

шем над принципом реальности и принципом удовольствия. А это и было тайной мечтой соцреализма: таков «прекрасный новый мир» по-советски!

Доклад Р. Ходеля (Германия, университет Гамбурга) «Соцреализм как эстетическое новшество? (Мимесис, диегезис, несобственно-прямая речь)» был посвящен эстетическим критериям соцреализма. Автор сконцентрировал внимание на несобственно-прямой речи, представляющей особый интерес для анализа отношений между «есть» и «должно», между идеологией и действительностью, между предписанием и описанием, между диегезисом и мимесисом. Несобственно-прямая речь отражает степень сложности внутреннего мира персонажа и одновременно образует область повышенной нарративной концентрации, в которой сознания персонажа, повествователя, автора и читателя встречаются друг с другом. Если соцреалистический автор стремится соединить идеологию и действительность, такое стремление должно так или иначе отразиться в сознании персонажа, а значит, и в несобственно-прямой речи. С этой точки зрения Р. Ходель исследует роман Н. Островского «Как закалялась сталь», в котором он видит классический пример соцреализма. Несобственно-прямая речь — редкое явление у Н. Островского и возникает в основном там, где говорится об интимной стороне жизни Павла. Другая тематически важная область романа, в которой возникает несобственно-прямая речь, — это его позитивная идеология. Основные принципы употребления несобственно-прямой речи, которые были кратко проиллюстрированы на примере романа Островского, обнаруживают себя и при детальном анализе других соцреалистических произведений. В результате становится ясно, что изображение внутреннего мира персонажей в текстах соцреализма ограничено прежде всего положительными героями. Что же касается внутреннего мира отрицательных персонажей, он передается в сильно редуцированном и селективно отобранном виде. Докладчик делает вывод, что соцреалистический автор создает своих персонажей, и положительных, и отрицательных, следуя априорному о них представлению. Р. Ходель связывает эту антимиметическую тенденцию соцреализма с определенной традицией, начало которой лежит еще в античности. Речь идет о выраженном в «Государстве» Платона тезисе о примате общего и государственного, предполагающем критическое отношение к мимесису. Платон предпочитает диегетическое миметическому, хотя сам осознает, что в эстетическом отношении, т. е. в отношении восприятия, диегетическое проблематично. Очевидно, что платоновскому предпочтению диегезиса в соцреализме соответствует предпочтение аукториальной речи, ориентированной на газетно-публицистическое слово.

Л. Ю. Большухин (Нижний Новгород) в своем докладе «Путь к счастью в творчестве Маяковского» попытался проанализировать творческое движение В. В. Маяковского от крайнего трагизма к попытке счастливого мировосприятия, которое, по мнению докладчика, несет в себе и глубочайшую тайну формирования нового сознания как такового, и загадку творческой и человеческой индивидуальности поэта. Л. Ю. Большухин отметил, что для раннего Маяковского характерна крайняя форма солипсизма; внешний мир — всего лишь проекция собственных представлений о враждебном начале, угрожающем поглотить «я», совлечь его в хаос. Борьба за «я» — определяющая идея, поэтому чужое сознание заведомо не может стать частью лирического воплощения. После революции приемлющее действительность чужое сознание обретает важнейшее место. Это не сам лирический герой (а за ним — поэт), но тот сложный голос, принадлежность которого «другому» является основополагающей. Так, в «Рассказе литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» повторяется намеченная у раннего Маяковского лирическая ситуация, однако увиденное со стороны человеческое счастье — реальность, остающаяся как будто на грани возможного и невозможного для самого поэта. Чужое сознание становится формой инобытия лирического героя, поскольку характерный для поэта трагизм все же ограничивает возможность принять новый мир, в котором будто бы снимаются все противоречия бытия. Модель, созданная Маяковским, в советской лирике 1930-х годов и позднее утрачивается, поскольку исчезает дистанция между позицией героя и тем событийным рядом, который создается основным сюжетом произведения.

Осмеяние, оскорбление характеризуют отношение мира к лирическому герою в раннем творчестве. В 20-е годы Маяковский обретает способность освободиться от чужой оценки, враждебной и разоблачающей. Силу и глубину «Стихов о советском паспорте» определяет тот внутренний конфликт, который, разворачиваясь на протяжении всей ранней лирики Маяковского, получает здесь завершение. Центральная коллизия стихотворения — отторжение и (потенциально) оскорбление человека, принадлежащего к чужому миру. Для гротескного дискурса Маяковского характерен статус лирического героя как существа, возвышающегося над всеми даже физически, своим ростом; его инакость и провоцирует ненависть, но традиционная эмоционально-психологическая коллизия не разворачивается в событие, символический предмет ненависти теперь становится охранной грамотой, дающей право лирическому герою выступать с позиции «мы». Подводя итог сказанному, докладчик приходит к выводу, что многие образы ранней лирики трансформируются, образуя синтагматические связи. Тем самым эти образы

лишаются прежней семантики, включаются в картину новой (счастливой) жизни, предполагающей единство «я» и «другого», индивидуального и коллективного. Литературной практикой соцреализма это единство и будет канонизировано, но уже без трагической подосновы, характерной для Маяковского.

В докладе В. П. Хархун (Украина) «Концепты тоталитарной онтологии (на материале драматургии А. Корнейчука)» говорилось о формировании образа позитивного героя как основного эстетического идеала соцреализма, что предполагало новую онтологию: видоизменение функциональной заданности жизни и смерти. В социалистическом мире человек теряет статус отдельной экзистенции, сливаясь с коллективным «телом». Для новой онтологии и жизнь, и смерть имеют только надындивидуальный смысл, попадая в четко сфокусированную систему ценностей: важно, чему они служат и что изменяют в мире. Идея «смерти нет», применительная для соцреализма, — главная в соцреалистической онтологии А. Корнейчука. Она реализуется в мотиве «жертвенной смерти», связанной с апологией будущего («Гибель эскадры»), мотиве всеисильной памяти, которая побеждает смерть («Фронт»), мотиве преемственности как способе преодоления смерти («Платон Кречет», «Правда», «Богдан Хмельницкий»). Актуализация категории «жизни в смерти» проектирует новое видение истории: бессмертие коллектива реализует идеи коммунизма, символизирует движение, прогресс и собственно будущее («Гибель эскадры»).

Семантику жизни в драматургии А. Корнейчука определяют образы солнца, творческого труда и «прекрасного сада», указывающие на христианские экспликации в эстетике соцреализма. Сама же категория жизни попадает в телеологический контекст, характерный для религиозности тоталитарного мышления. Цель онтологического проекта, репрезентируемого А. Корнейчуком, есть поиск правды — ключевого ценностного ориентира тоталитарного человека. Правда в мире извращенной тоталитарной религиозности соотносится с Абсолютом, что в соцреалистической проекции означает код вождя, или Ленина («Правда»). Причастность к Абсолюту символизирует совершенство тоталитарного человека, его бытичность и онтологическую значимость. Таким образом, по мнению Хархун, основные концепты тоталитарной онтологии предопределяют функциональные роли позитивного героя, моделирующий и прогнозирующий характер которого, в свою очередь, обуславливает специфику эстетики соцреализма.

Доклад М. А. Александровой (Нижний Новгород) назывался «„Капитанская дочка” и советский исторический роман». Исторический роман советской эпохи, по словам Александровой, уже в 30-е годы оказался включен в соцреалистический жанровый канон. Офи-

циальное «возвращение классики» поставило вопрос о пушкинской традиции, ответ же оказался двусмысленным. Пушкин провозглашен первым, кто сумел применить к «передовой» теме «передовой» реалистический метод; в связи с этим и жанровый статус книги настойчиво поднимается до «романа» («роман о народной войне за свободу», «роман о вожде народного восстания» и т. п.). С другой стороны, в 1930—1950-е годы актуальным оказывается одический пафос «Полтавы». Структурно-тематический характер советского романа определяет отнюдь не проблема влияния исторических катаклизмов на судьбы обыкновенных людей, а изображение «исторического подвига». Поэтому литературно-критическая рефлексия на тему пушкинской традиции зачастую осторожна и уклончива. Попыткой возвращения к истокам явилась историческая проза шестидесятников — внутренне полемичная по отношению к соцреалистическому канону при внешнем соответствии «историко-революционной» теме (Давыдов, Окуджава, Кресс).

Длительную дискуссию вызвало выступление Н. А. Гуськова (Санкт-Петербург) на тему «Социалистический реализм как „невыразимое”». Доклад был посвящен правомерности и целесообразности употребления понятия «социалистический реализм» — одного из опорных терминов в современных исследованиях по истории литературы XX века. Докладчик исходил из того, что всякий научный термин должен иметь конкретное наполнение и признаваться значительной частью научного сообщества. Иначе термин избыточен, а его употребление произвольно и мешает продуктивным исследованиям. Предполагается, что смысл понятия «социалистический реализм» не нуждается в разъяснении. Поэтому ни один исследователь не только не дал четкой формулировки сущности словосочетания «социалистический реализм», но и не указал, какой именно материал обозначается данным термином. В результате либо происходят несовпадения выводов исследователей (каждый понимает под «социалистическим реализмом» различные корпуса текстов и выделяет разные признаки направления), либо к «социалистическому реализму» (как и в 30-е годы) относят все официально признанные в СССР тексты и несправедливо наделяют противоположные по эстетическим установкам произведения одинаковыми признаками. В последнем случае ученые сначала выводят признаки, а затем подбирают к ним примеры. Хотя такие концепции особенно эффектны, для филолога вряд ли допустима подтасовка материала в угоду культурологическим установкам и личным идейным предпочтениям. Между тем если считать литературоведение наукой, притом наукой о словесных формах, применение литературоведами термина, не поддающегося словесному истолкованию и рациональному осмыслению, недопустимо. В заклю-

чение докладчик призвал специалистов по истории литературы XX века воздерживаться от употребления терминов неопределенных и довольствоваться более нейтральными и очевидными.

М. Э. Маликова (Санкт-Петербург) в своем докладе «„Организация литературы” по Берковскому как прообраз социалистического реализма» исходила из положения, что соцреализм — явление эстетическое случайное, эклектичное и архаичное (основанное на неомифологических и классицистических идеалах), с чисто политическим генезисом. Разрыв между литературным расцветом середины 1920-х годов (когда была создана, казалось бы, благоприятная ситуация сближения формализма с социологией, а широкий круг писателей эволюционировал к позиции «заодно с правопорядком») и возникновением и воцарением соцреализма трактуется как результат эволюции советского литературного поля (в понимании П. Бурдые) к тотальной гетерономии. Значительную роль в этом сыграли литературные группы 1920-х, предлагавшие власти свои эстетические теории в качестве «цмеса левости» (по Б. Бухштабу), легитимируя при этом собственное властное положение критика-создателя нормативных теорий за счет разрушения противопоставленности автономной и гетерономной позиций в поле литературы. Этот процесс докладчицей рассматривался на примере статей Н. Я. Берковского второй половины 1920-х, включенных им в сборник «Текущая литература». Гетерономная ориентация сборника Берковского, при всем блеске его критических разборов, становится явной при вписывании его в контекст 1929 года — дела Пильняка и Замятина, которые были «первой в истории литературы широко организованной кампанией не против отдельных литературных текстов только, а против литературы в целом и ее автономного от государства существования» (Л. С. Флейшман), поставившей литераторов в ситуацию жесткого выбора между автономной позицией (вплоть до подпольной, как у обэриутов) и сугубо гетерономной, подконтрольной Наркомпросу. Тонкий литературный критик и специалист по немецкой литературе, Берковский несомненно осознавал смысл своей позиции, метафорически выразив ее посредством на первый взгляд неожиданной аналогии с «Валленштейном» Ф. Шиллера. В докладе этот фрагмент вступления к сборнику разбирался как сложная аллегория взаимоотношения с властью.

О. А. Кузнецова (Санкт-Петербург), говоря о советском балете («Советский балет: тенденции тоталитарной эстетики в 1930-е годы»), отметила, что в конце 1920-х — начале 1930-х годов в балетный театр пришло поколение исполнителей — выпускников советских балетных училищ, а новый балет стал необходимым для окончательного вхождения этого рода искусства в строительство социалистической культуры. Одним из образ-

цов стал поставленный в 1934 году «Бахчисарайский фонтан». Выбор в качестве источника сюжета пушкинской поэмы позволял автору либретто Н. Д. Волкову, с одной стороны, перенести действие в иную историческую эпоху, а с другой — затронуть все актуальные проблемы: власть, насилие, новый человек. Он «дописывает» первый «польский» акт, вводя важную для советского государства, находящегося в империалистическом окружении, тему войны. Авторы спектакля позволяют себе и более серьезные коррективы Пушкина, борясь с его «гаремным сознанием» и чуждым духом коллективизма бюрократическим мироощущением. Для композитора Б. В. Асафьева пушкинский романтизм раскрывает рост «нового сознания» через отказ от «деспотически-собственнического» воззрения на женщину. Балетмейстер Р. В. Захаров предложил новый метод работы с балетной труппой, начинающийся с чтения источника и заканчивающийся подробным «оговариванием» образов и смысловых задач каждого танца. Идеи Захарова разделила Галина Уланова. После исполнения партии Марии она отказалась от «Раймонды» и «Спящей красавицы», казавшихся ей теперь предельно условными и не дающими возможности «вдохнуть живую душу в человеческие образы». Таким образом, в 1934 году был создан усилиями либреттиста, композитора, хореографа и исполнителей канон нового балетного спектакля, и по этой схеме были поставлены многочисленные балеты на пушкинские и другие темы.

Доклад Е. В. Кочневой «Советский писатель в зеркале советского изобразительного искусства» явился своеобразным комментарием, пояснением к выставке «Соцреализм в соцреализме: портреты, книги и документы из собрания Пушкинского Дома». Выступление сопровождала демонстрация мультимедийных материалов с экспонатами выставки. Рассказав историю создания данной коллекции, Е. В. Кочнева более подробно остановилась на творчестве художников, выбравших вынужденно или сознательно соцреализм как творческий метод и попытавшихся воплотить в своих произведениях — портретах писателей-современников — нравственный идеал своей эпохи: Иван Радимов, Николай Шлеин, Надежда Шведе-Радлова и Анатолий Яр-Кравченко. В собрании Литературного музея Пушкинского Дома хранятся шесть портретов советских писателей работы Ивана Радимова, выполненных в период с 1927 по 1929 год. Пять из них — портреты А. С. Серафимовича (1927), Демьяна Бедного (1928), Ф. В. Гладкова (1928), Н. Н. Ляшко (1928) и Александра Фадеева (1929) — были созданы специально по заказу Пушкинского Дома. Шестой — Ф. А. Березовского (1929) — передан в ИРЛИ самим Березовским в 1930 году. Особое место среди представленных на выставке портретов занимают произведения одного из самых ярких и талантливых портре-

тистов эпохи соцреализма Анатолия Яр-Кравченко, художника, творчески сформировавшегося именно в 1930-е годы. Е. В. Кочнева с сожалением отметила, что имена художников, о которых шла речь в сообщении, сейчас практически забыты (за исключением Яр-Кравченко), сведения об их жизни и творчестве скупы и разрознены. Между тем их работы, может быть не всегда совершенные с точки зрения качества живописи, дают наглядное представление о сложной и противоречивой эпохе в истории нашей страны.

Кристина Кэр (США) начала свой доклад «Послевоенное творчество Александра Дейнеки: социалистическое тело как пастиш» с провокационного заявления, что послевоенная живопись Александра Дейнеки плохого качества, перейдя затем к объяснению того, почему поздние произведения Дейнеки следует считать плохими. Некоторые специалисты оспаривают то, что Дейнека вообще соцреалистический художник, однако, по мнению докладчицы, его экспериментальная живопись 1930-х годов внесла существенный вклад в формирование визуальной эстетики соцреализма. Более того, его послевоенное творчество является типичным примером соединения живописных и политических проблем зрелого стиля соцреализма. Дейнека был в первую очередь живописцем тела, и можно сказать, пользуясь терминологией С. Жижека, что в ранних картинах Дейнеки советская идеологическая фантазия пролетарского коллектива соединялась с личной фантазией художника о его собственном теле как части этого коллективного тела. После войны Дейнека пытался доказать, что он может писать большие академические картины — любимый жанр соцреализма. Его попытку можно определить как пастиш: Дейнека использует изобразительный язык академизма, который не является его собственным. Видимо, на этом позднем этапе его вера в советскую идеологию стала внешней и автоматизированной. Грубо говоря, Дейнека просто принимает закон партии как данность, и это открывает для него возможность следовать своему подсознательному желанию. В результате прежняя тяга к идеализированному коллективному телу проступает в поздних картинах Дейнеки как «обратная реакция» (бесконечный отказ и в то же время сохранение того, что он пытается подавить).

Е. И. Колесникова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Неоклассические тенденции в творчестве А. Платонова 1930-х годов». В советскую эпоху, когда стремительно создавалась новая социалистическая эстетика, в каждом роде и виде искусства происходили очень интенсивные и разнонаправленные процессы. Можно выявить ряд общих признаков, условно обозначив их как «возрожденческие», имеющие в своей основе некую универсальную модель, возникающую на рубеже смены мировоззренческих эпох. В разное время этот новый стиль получал

разные названия: «социалистический реализм», «советская классика», «сталинский ампир», «сталинский стиль», «сталинский декоративизм», «сталинское барокко», «тоталитарный стиль» и др. Основной советской идеей, восходящей к возрожденческой модели мира, является антропоцентризм и идея «нового человека». В незавершенном романе Платонова «Македонский офицер», писавшемся ориентировочно в 1934 году, действуют два типа персонажей: «старые» (Комьякин, люди из врачающегося ресторана и др.), замкнутые в своей ограниченности, и «новые» (Сарториус, Самбикин, Мульдбауэр, Божко), которых отличает красота «от природы или воодушевления» и необычайная многогранность дарований, стремление творчески познать мир во всех его проявлениях — в науке, производстве, искусстве, любви. «Новые люди» в романе по-возрожденчески имеют в своей энергетике сильную эротическую составляющую. Авторская позиция по отношению к преобразованиям выразилась в признании того факта, что «чуждодейственных» способов изменить мир не существует, есть только тяжелый последовательный труд. Он не видит также способов быстрого рождения «нового» человека. Эликсир жизни, выделяемый Самбикиным в момент смерти, не совершает чуда. «Природа более серьезна», и «надо жить аккуратно».

О связи фольклора и соцреализма говорила Н. Г. Комелина (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о собирании и издании произведений М. С. Крюковой: соцреализм и фольклор». Изучая историю собирания и издания произведений М. С. Крюковой как одной из самых известных фигур советского фольклора, докладчица установила, что публиковалось, а что оставалось за рамками как популярных, так и академических изданий. Отбор текстов для публикации позволил представить иерархию фольклорных жанров в советской фольклористике, а подготовка изданий, способ подачи и интерпретации материала отразили основные тенденции советской науки о народной словесности. В 1934 году состоялась одна из первых встреч с М. Крюковой, во время которой были записаны традиционные фольклорные произведения, но советской тематики в них не было. Однако в том же 1934 году совместно с руководительницей Архангельского народного хора Колотиловой было создано первое произведение М. С. Крюковой о Ленине. История его написания изложена в стихотворной автобиографии М. Крюковой, записанной Э. Г. Бородиной-Морозовой в конце 1930-х годов. Героический эпос становится формой большинства произведений о советском времени, о Ленине, Сталине, Чапаеве, папанинцах. Вскоре с М. С. Крюковой начинает работать профессиональный писатель В. А. Попов, в соавторстве с которым выходят практически все сборники ее новин. Произведения, воспевающие советскую действи-

тельность, активно публикуются на страницах региональной и центральной печати, исполняются перед аудиторией и по радио. Несмотря на популяризацию советского эпоса, этот жанр все же остался в рамках массовой культуры, в виде научного издания не вышло ни одного сборника произведений советского фольклора, в котором были бы собраны и прокомментированы возможные варианты новин (в качестве отдельных глав характеристика новин содержится в книге А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» и в работе «Русский героический эпос» В. Я. Проппа).

Тему фольклора продолжила И. В. Козлова (Санкт-Петербург) докладом «К проблеме жанровой классификации советского эпического фольклора», в котором говорилось о специфике фольклора в советскую эпоху и его активном изучении и собирании в 1930-е годы. К концу 30-х годов уже образовался значительный пласт фольклорных произведений советского содержания, в том числе и эпического характера, и наука попыталась теоретически осмыслить жанровую природу нового эпоса. Одним из первых к этому вопросу обратился М. К. Азадовский. Как собственно новые формы он определил автобиографические сказы и рассказы очевидцев о Гражданской войне и вождя революции, а в качестве примеров трансформации старых жанров привел сказку, былину и причитание. Ю. М. Соколов в учебнике для вузов «Русский фольклор» 1941 года посвящает советскому фольклору отдельный раздел, который делит на главы: «Песни и частушки», «Пословицы и сказки», «Причеты, поэмы, сказы», «Фольклор народов СССР». Здесь же Ю. М. Соколов ставит вопрос о прекращении существования былины как жанра. В отличие от Ю. М. Соколова, А. М. Астахова в 1939 году утверждала, что жанр былины в советскую эпоху существует и развивается. С конца 1950-х годов исследователи совсем потеряли интерес к советскому эпосу, да и сами авторские произведения советских сказителей исчезли из печати. Сложение новин оборвалось с уходом поколения сказителей 30-х годов.

Е. В. Жолнина (Санкт-Петербург) прочитала доклад на тему «„Рассказы о Ленине“. М. Зощенко и соцреализм». Описав отношение Зощенко к соцреализму и революции, докладчица подробно остановилась на «Рассказах о Ленине». Есть все основания утверждать, что в 1920-е годы Зощенко берет на вооружение термин «социальный заказ», но в своем творчестве руководствуется собственным представлением о том, какая литература на данный момент востребована читателем. Несомненно, творчество Зощенко питала постреволюционная действительность. Когда к середине 1930-х годов проблематика и язык его рассказов стали небезопасны, ему необходимо было найти новые тему, форму, язык. И здесь наметились два пути: оппозиция либо работа в рамках социалистического

реализма. В конце декабря 1939 года вышли «Рассказы о Ленине». На первый взгляд, значение «Рассказов о Ленине» в творчестве Зощенко исчерпывается сугубо конъюнктурными соображениями: идеальный человек в различных проявлениях его личности. Здесь нет ни блистательной иронии, ни интересных словесных находок. И все же тот путь, который привел его к написанию типично соцреалистического текста, был выбран им сознательно. В 1920-е годы он поставил себе задачу создания стиля «пролетарского писателя». В 1930-е годы ситуация изменилась, и Зощенко сознательно и добровольно обращается к стилю «соцреалистического писателя».

В основе сообщения И. Е. Лоцилова (Новосибирск) «Поэтика Николая Заболоцкого и социалистический реализм» лежала попытка реконструкции замысла ненаписанной поэмы Николая Заболоцкого, героем которой мог бы стать персонаж по фамилии Лодейников. Известно, что к «лодейниковскому» замыслу примыкает не только «Лодейников в саду», но и стихотворения конца 1940-х годов: «Урал» и «Творцы дорог», а также редко переиздаваемый текст «Преображение степей» («Степь зовет»), почти точно соответствующий требованиям соцреалистического «канона», и родственное ему по поэтике неопубликованное стихотворение «На высокой горе у Тагила». Насколько позволяют судить материалы, относящиеся к замыслу поэмы-мифа, ее сюжет связан с обретением героем своей сущности в новом качестве — скорее «атомарном», по К. Э. Циолковскому, чем «человеческом». Парадокс состоит в том, что вместе с этим обретением сам герой исчезает в качестве «героя», «развоплощается», утрачивает имя, уникальную судьбу и лицо. «Социалистический реализм» и его характерные черты могут быть опознаны в некоторых произведениях Заболоцкого второй половины 1940-х годов (начала «последлагерного» периода), однако и здесь они вписаны в более сложные и объемные мифопоэтические построения, восходящие к миропреобразовательным утопиям первого советского десятилетия.

Доклад Т. А. Кукушкиной (Санкт-Петербург) «От „попутничества“ к „союзничеству“» базировался на материалах архива Ленинградского отделения Всесоюзного союза писателей (1920—1932). Созданное дореволюционными литераторами как профессиональное объединение, Ленинградское отделение руководствовалось в своей деятельности принципами, противоположными официальной литературной политике: сохранение традиций литературы, признание права художника на свободное творчество, организационная автономность, защита юридического статуса писателя. Возглавляли Союз Волынский, Сологуб, Шишков, Слонимский, Козаков. Осенью 1929 года, в ходе провозглашенной партией «социалистической перестройки», «попутнический» Союз был пере-

именован во Всероссийский союз советских писателей и реформирован. Из ленинградского Союза исключено Замятин, избрано новое правление, приняты устав и декларация, провозгласившие иные задачи: «включение в работу по строительству социалистического общества и созданию новой социалистической культуры». Союз пережил перерегистрацию, рапповские проработки, «психическую эпидемию покаяний» в ошибках методологического и идеологического характера, участвовал в официальных разгромных кампаниях, в частности против «действий раскрытой органами ОГПУ контрреволюционной „промпартии“». В результате нескольких перерегистраций, особенно жестких в 1931—1932 годах, из Союза были «вычищены» 223 человека. Одной из форм перевоспитания писателей-«попутчиков» стали литературные ударные бригады, задача которых состояла в отображении в литературе процессов индустриализации, обучения рабочих-ударников основам литературного творчества и формировании нового типа советского писателя-общественника. Для усиления направляющей и контролирующей роли РАПП в состав Союза были введены 30 членов ЛАПП. Руководство Союза постепенно утрачивало самостоятельность; «процесс превращения попутчиков в союзников революции» к концу 1931 года был завершён. На апрельское постановление ЦК ВКП(б) 1932 года Союз откликнулся приветствием, заканчивающимся гимном партии и вождю.

В. Ю. Вьюгин в докладе «Научить реализму? (Эстетика идеологии в советском литературном дискурсе 30-х гг. «Литературная учеба», № 1)» предложил эпистемологический анализ эстетического проекта, который был воплощен в самом первом номере «Литературной учебы» (1930). В. Ю. Вьюгин попытался выделить основные и типичные для номера «эпистемы» и проследить общую ло-

гику их взаимосвязей. По мнению исследователя, изучение этого материала позволяет четче увидеть механизм формирования социалистического канона. В результате анализа был выявлен некий логический «инвариант», или «идеологический сюжет», первого номера «Литературной учебы». Гносеологический вопрос, сказал В. Ю. Вьюгин, видится основополагающим для соцреализма. И дело не в том, что им признана самостоятельность субъекта, а в том, что субъект, т. е. писатель, должен об этом знать. Он вообще должен знать все существенное и главное. Знание, по данной логике, идентично особой форме эстетического выражения, чем, собственно, и занимается в идеале социалистическое искусство. Оно равно использованию развернутых («квази-логически-объясняющих») завершённых нарративов, ассоциирующихся с термином «реализм». Реализм в искусстве предполагает связность и ясность, которые неотрывны от типизации. Типизация же отсылает к возможности универсалий, проблема которых переносится из области философии (или теологии) в более узкую область эстетики. Искусство, порождающее универсалии, признается подлинным, а всякое иное отвергается: натурализм, литература факта, сюрреализм — как стремящиеся фиксировать единичное («случайное», «внезапное», безразличное к вопросу о главном); авангардные формы, тяготеющие к «зауми», — как не способные в силу анарративности (бессвязности) описать универсальное. Эстетически «неверная» форма говорит о том, что писатель не знает правды и лжет, следовательно, аморален. Так создается пресловутый эстетико-этико-политический симбиоз соцреализма.

Доклады сопровождалась прениями и выступлениями участников семинара.

© М. Н. Нечасова

ПЕРВЫЕ АНТОНИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ А. П. БОЧКОВА)

В 2007 году исполнилось 135 лет со дня кончины игумена Антония (в миру Алексей Поликарповича Бочкова, 1803—1872). Бочков — забытый, но весьма интересный литератор 1820—1860-х годов, человек с необычной судьбой. Он не оставил литературных занятий и после того, как принял монашество. Биография его полна загадок, а многообразное и обширное наследие до сих пор не опубликовано.

Идея проведения конференции, посвященной личности Бочкова, родилась на форуме «Православие и русская литература», проходившем в Пушкинском Доме вес-

ной 2007 года, и была реализована 29 октября 2007 года, когда состоялись Первые Антониевские чтения. Они прошли в подмосковном Николо-Угрешском монастыре (ныне г. Дзержинский) — именно там о. Антоний провел последний год своей жизни. Помимо Николо-Угрешского монастыря в качестве организаторов конференции выступили Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и Иоанно-Богословский Черемнецкий монастырь. На ней присутствовали филологи, историки, богословы из российских и зарубежных научных центров.

После литургии в Петропавловской церкви, у стен которой погребен игумен Антоний, на его могиле был установлен крест и отслужена панихида. Конференцию открыл приветственным словом наместник Николо-Угрешского монастыря епископ Люберецкий Вениамин. Он рассказал о том, как готовилась конференция, и отметил основные этапы жизни игумена Антония (Бочкова). С краткими приветственными обращениями выступили доктор исторических наук, секретарь Правления Союза писателей России С. В. Перевезенцев и профессор Московской Духовной академии архимандрит Платон (Игумнов).

В приветственных словах звучала мысль о том, что сегодня мы переходим к более глубококому осмыслению нашей духовной истории. Мы открываем имена, которые были преданы забвению в предшествующую эпоху. К ним относятся и игумен Антоний (Бочков). Задачей конференции является изучение его литературного и эпистолярного наследия. Игумен Антоний прошел удивительный духовный путь. Он жил во многих монастырях: около сорока обителей были местом его подвигов, молитв. Это «очарованный странник» русского монашества, душа, взывающая в земных обителях — обитель небесную. Подвижнику благочестия, много размышлявшему о судьбах России и всего мира, свойственны были и подлинны прозрения. Скорбью о будущем России проникнуты строки его писем: «Что будет с нами, что будет с Россией, которая до сего времени видит землю обетованную во Франции и Иерусалим в Париже?.. Где будет развязка непонятных дел человеческого и действий непостижимых Великого Творца? Вавилоном кто назовется? Лондон ли, или наш Петербург?..»

Профессор Тартуского университета С. Г. Исаков выступил с докладом «О жизненном пути игумена Антония (Бочкова)». Автор первых исследований о Бочкове, проф. Исаков основное внимание сосредоточил на его литературном наследии. Он заметил, что свойственный игумену Антонию дух неудовлетворенности существующим побуждал его резко и нелюбезно критиковать современные ему монастырские порядки, монашеские нравы. Большая часть дошедших до нас произведений писателя относится к 1860-м годам («черемецкому» периоду его жизни). В литературе Бочкову была внутренне близка сатирическая линия: Фонвизин — Грибоедов — Гоголь (позиция для монаха-аскета уникальная и по-своему парадоксальная). Он был горячим поклонником поэзии Некрасова, высоко ставил романы Достоевского о петербургских «бедных углах».

Собственное его творчество обширно и многообразно. Единственная опубликованная книга «Русские поклонники в Иерусалиме» напечатана уже посмертно. Наиболее ценную часть творческого наследия игумена Антония составляют поэтические произведе-

ния (две большие подборки его стихотворений хранятся в настоящее время в РГИА и ИРЛИ). У него почти нет религиозно-философской лирики. Эпические поэмы и стихотворения Бочкова лишены аскетизма, его стихи отличаются душевной веселостью, стремлением увидеть в природе красоту Божественного творения. К числу лучших сатирических произведений поэта относятся поэмы «Ангел-странник» и «Ангел-сборщик». В них содержатся и характерные для Бочкова пророческие размышления о будущем России.

Литературную тему продолжил доклад А. М. Любомудрова (Санкт-Петербург, ИРЛИ) «Проблемы художественного творчества в переписке святителя Игнатия (Брянчанинова) и игумена Антония (Бочкова)». В докладе был затронут вопрос соотношения церковного мировоззрения и художественного творчества, вызывающий до сих пор острую полемику. Проблему природы искусства, понимания творческой личности многосторонне разработал святитель Игнатий (Брянчанинов). Он затрагивал эту тему и в переписке с игуменом Антонием. Примечательно, что оба наделенные литературным даром корреспондента были лицами монашествующими, оба продолжали писать стихи и эссе, будучи уже в монашеском чине. По мысли владыки Игнатия, мирская культура преуспела в изображении зла и страстей и оказалась неспособной адекватно отражать духовные реалии. Воцерковление культуры — это возврат к тому положению, когда художник в слове, краске, звуке выражал не свое, но Божье. Владыка Игнатий намечает пути, на которых только и возможно соединение понятий «христианин» и «художник»: «Когда усвоится таланту евангельский характер, — а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято... Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им».

Святитель Игнатий, не отвергая поэтический дар как таковой, пытался при этом направить своего собеседника на путь большего аскетизма в творчестве. В докладе затронут эпизод из переписки, когда о. Антоний, отзываясь о присланных ему «Аскетических опытах» и не соглашаясь с точкой зрения автора, ставит в пример тому нравственную позицию героя стихотворения Некрасова «Орина, мать солдатская». Отзвуки диалога двух «иноков-литераторов», размышления о поэзии встречаются и в переписке игумена Антония с духовной писательницей инокиней Марией (Шаховой). Антоний готов принять критику со стороны Игнатия: «...я с радостью бы принял из уст Преосвященнейшего и посмеяние, и поругание, чего достоин воистину. От другого, может быть, не потерпел бы».

Главный источник подлинного христианского творчества свят. Игнатий видел в глубочайшем личном покаянии, плаче о своих грехах. И основанием такого творчества должно стать не самовыражение, но самоотвержение. Практически Владыка предлагает культуре и человеку Нового времени «узкий путь» — путь святости. Его убежденность: «Всякая красота, и видимая, и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления».

Член Союза писателей России Е. Н. Егорова (г. Дзержинский) в выступлении «Поэтическое творчество игумена Антония (Бочкова)» подробно проанализировала расшифрованные автографы поэтических произведений игумена Антония, сопроводив свой доклад рядом цитат из стихотворений, находящихся в настоящее время в архивах, — донеся, таким образом, до участников и гостей конференции живое слово поэта. Е. Егорова — автор статьи «Инок-литератор», одной из редких, опубликованных за последние годы, работ, посвященных Бочкову.

Доклад научн. сотр. Рукописного отдела ИРЛИ Е. М. Аксenenko «Об одном неизвестном поэтическом диалоге (по письмам игумена Антония (Бочкова) к монахини Марии (Шаховой))» был построен на материалах личного архива Шаховой, хранящегося в Пушкинском Доме. Громко заявившая о своем таланте несколькими поэтическими сборниками в конце 1830-х—начале 1840-х годов, молодая поэтесса Елизавета Шахова в 1845 году стала послушницей Бородинского монастыря. Ее духовный наставник, будущий святитель Игнатий (Брянчанинов), поддерживал и направлял данной послушнице Елизавете Божий «дар слова». Вскоре после своего отъезда на епископскую кафедру в Ставрополь он поручает Елизавету своему духовному другу — игумену Антонию (Бочкову). Между будущей монахиней и о. Антонием завязывается переписка, длившаяся без малого 10 лет. Анализируя сохранившиеся письма игумена Антония 1860-х годов, докладчица реконструировала историю отношений монахини Марии и игумена Антония, обозначила круг обсуждавшихся ими тем: вопросов богословия, аскетике, литературы, искусства, реалий современной монастырской жизни, событий российской и мировой политики. Особый интерес представляет осмысление ими сущности духовной поэзии и ее исторического развития. Были процитированы фрагменты из поэтического диалога авторов переписки, в котором оба проявили себя незаурядными стихотворцами.

Е. М. Аксenenko подготовила также для конференции выставку автографов писем, стихотворений и рисунков игумена Антония из фондов Рукописного отдела ИРЛИ.

Научн. сотр. Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, настоятель Леушинского подворья в Санкт-Петербурге протоиерей Геннадий Беловолов познакомил

присутствующих с историей многолетних отношений святителя Игнатия (Брянчанинова) и игумена Антония (Бочкова). Доклад был построен на архивных материалах.

По словам докладчика, Антоний (Бочков) — взыскующий небесного града странник, всю жизнь искавший идеальный монастырь. Это «Дон Кихот русского монашества», с его трагизмом и комизмом. Без этой фигуры русское монашество утратило бы важную составляющую. В своих письмах, напоминающих исповедь, Антоний (Бочков) предельно открыт. Он обличает свои немощи так же резко, как и современное ему монашество. Даже в оптинских старцах он не нашел идеала. Он мучился судьбами России, вечными мировыми вопросами. Это, по выражению докладчика, «романтик духа, Алеша Карамазов, вышедший из монастыря».

Одной из самых ярких страниц в жизни Бочкова стала встреча с Игнатием Брянчаниновым. То время, которое Бочков молодым послушником пробыл в Троице-Сергиевой пустыни под духовным окормлением архимандрита Игнатия, стало для него благодатным временем, духовной школой. Но вскоре произошел разрыв. Причина духовного кризиса, постигшего послушника, — его религиозный максимализм: Бочков не простил «неготовности» (с его точки зрения) будущего святителя к «исповедничеству». Разрыв продолжался 20 лет; отношения восстановились лишь после 1857 года, когда архимандрит Игнатий был призван к епископскому служению на Кавказской кафедре. В письмах монахини Марии (Шаховой), написанных игуменом Антонием вскоре после кончины святителя Игнатия, содержится высочайшие оценки его личности.

В личности Антония (Бочкова) сказался конфликт идеального и реального. Будучи максималистом, он требовал от всех, чтобы идеальное было воплощено в реальность, что невозможно по самой природе идеального. Он не боялся ошибиться и обладал особым духовным мужеством — верить, что Господь поймет и простит ошибку. Но считал грехом расчетливую осторожность, бдительность. Антоний (Бочков) являет собой особый духовный тип, обогащающий русскую культуру и духовность.

Доклад «Игумен Антоний (Бочков) и Черемнецкий монастырь» прочел историк, ведущий научн. сотр. Государственного музея истории Санкт-Петербурга, клирик Иоанно-Богословского Черемнецкого монастыря иерей Александр Берташ. Он рассказал о том, как игумен почти десять лет жил и настоятельством в Черемнецком монастыре Санкт-Петербургской епархии. Не случайно его часто называют не по фамилии, а по титулу: «Черемнецкий». В настоящее время обитель возрождается и одной из задач своей деятельности видит увековечение памяти игумена Антония. Иноки изучают его наследие, расшифровывают рукописи, готовят публикации.

На конференции клирик монастыря иеромонах Александр (Пахомов) представил свою фотовыставку, повествующую о сегодняшнем дне Череменца.

В докладе проректора Николо-Угрешской семинарии игумена Иоанна (Рубина) «Петропавловский скит Николо-Угрешского монастыря» говорилось об истории создания, судьбе и настоящем состоянии скита, в котором провел последний год жизни и был погребен игумен Антоний. Доклад сопровождался интересными иллюстративными материалами.

При подведении итогов Чтений было отмечено единство всех докладов, которые вместе составили как бы некую книгу о жизни и духовном наследии замечательного литератора XIX века. Прозвучали предложения опубликовать материалы конференции, подготовить к изданию сборник произведений о. Антония (Бочкова), с тем чтобы привлечь к изучению его творчества широкий круг исследователей.

© А. М. Любюмудров

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЮБИЛЕЯМ В. БЕЛОВА, А. ВАМПИЛОВА И В. РАСПУТИНА

14—15 ноября 2007 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла Международная научная конференция «Писатели русской традиционной школы в контексте современности (к юбилеям В. Белова, А. Вампилова, В. Распутина)». В ней приняли участие литературоведы и преподаватели из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Брянска, Вильнюса, Вологды, Красноярска, Мичуринска, Сургута, Перми, Ульяновска.

Открывая пленарное заседание, зав. Отделом новейшей русской литературы В. П. Муромский сказал, что писатели, творчеству которых посвящена конференция, принадлежат к одному поколению, они близки по духу и по творческим ориентирам. Каждый из них по-своему талантливо выразил национальные особенности мировосприятия русского человека. Главное, что их объединяет, — неутраченная боль и тревога за Россию, за ее судьбу, за те нравственные и духовные ценности, которые составляют ее действительное и неразменное богатство и которые подвергаются сегодня жестокому испытанию. Есть определенное сходство и в том положении, которое занимают эти писатели в современном литературном мире. Белов, Вампилов и Распутин не входят в круг так называемых «модных» писателей. Их принципиальный традиционализм нередко воспринимается как некий ущербный признак, отодвигающий их наследие в прошлое, а нравственный максимализм и бескомпромиссная совестливость — как нечто не вписывающееся в современную российскую эпоху, эпоху поклонения капиталу с ее тяготением скорее к развлекательному, чем глубокому и серьезному искусству.

Из этого, однако, вовсе не следует, что названным писателям и их произведениям уготовано теперь пребывать в тени, уступив место совсем иным, зачастую далеко не лучшим литературным пристрастиям и вкусам. Напомнив слова акад. В. Н. Топорова о том,

что «работа русского самосознания продолжается», В. П. Муромский отметил, что эта работа невозможна без обращения к художественным ценностям таких больших писателей, как Белов, Вампилов и Распутин. Их творчество по-прежнему актуально, оно ничем не заменимо.

Академик Академии образования А. А. Корольков (Санкт-Петербург) в докладе «Культура или культ предков» отметил, что понятие культура предполагает культ предков, следование их вере, их заветам, их традициям. Быть в культуре — значит удерживать преемство национальных ценностей, святынь, идеалов. Для лучших наших писателей, не мнящих себя современными, противоположностью нового, современного является не столько старое, архаичное, сколько Вечное. Вечность же без подлинной Веры не существует. По словам В. Распутина, Вера составляет «дух и лицо нации», определяет ее историческую судьбу.

В слове «деревенщики» усматривается желание принизить масштаб писателей. Уместнее русских писателей этого направления именовать почвенниками, каковыми были Пушкин и Достоевский, Аксаков и Хомяков, Шолохов и Шукшин; ими являются Белов и Распутин. Отрицателей же почвенности следует называть беспочвенниками. Лучшие русские писатели берут на себя ответственность думать о русских темах. Такова публицистика Распутина: писатель четко прочерчивает границу между настоящими интеллигентами (в государственном и нравственном смысле данного понятия) и теми, кто именует себя «элитой». Эта элита, «разросшаяся в элитарщину, грубая, самонадеянная, корыстная, презрела и извратила все прежние идеалы и никому, кроме себя самой, не служит».

В докладе Т. М. Вахитовой (Санкт-Петербург) «Топология пути В. Распутина. Начало» ранние произведения писателя рассматривались как единый текст, обладающий определенными свойствами. Во-первых,

разные миры (мир военного детства, мир деревни и города, мир природы) существуют в одном пространстве, как будто время исчезло. Этот ряд миров не вытягивается по прямой линии, а существует во взаимодействии, притяжении, пересечении. Во-вторых, главной темой писателя становится смерть. Она описана им очень скупой, без включения сознания героя, только через авторское слово и опосредующие детали. Тема смерти не носит экзистенциального характера, а рассматривается как необходимое (или случайное) событие, сопутствующее жизни. В-третьих, герой в раннем творчестве Распутина остается недовоплощенным, не сумевшим высказаться о мире и о себе. Переход к новому этапу творчества начинается у Распутина, как известно, с повести «Последний срок». Старуха Анна — новый тип героини со своей особой точкой зрения на мир. Вся действительность становится элементом самосознания героини. Эта линия будет продолжена писателем и в зрелом творчестве. Для Распутина Анна является идеальной героиней, поскольку обладает необыкновенной мощью духа и в силу этого решительно отвергает все формы стадного существования, всегда верна своему нравственному чувству.

В наиболее известных произведениях Распутина («Живи и помни», «Прощание с Матёрой») в центре оказываются героини подобного типа. Но они умирают не своей смертью, а выбирают самоубийство как протест против истории, интуитивно не принимая все патриархальные и православные нормы поведения.

«Духовная география России: поэтика В. Распутина» — тема доклада А. Ю. Большаковой (Москва). Западная русистика, справедливо отдавая должное «деревенской прозе» как наиболее значительному направлению в русской литературе постсталинского периода, теперь все чаще считает ее беспрецедентным для Запада феноменом. Если рассматривать творчество такого широко переводимого на Западе писателя, как Распутин, в сравнении с общей линией литературного развития — от Мелвилла до Фолкнера и далее, — обнаружатся однотипные мотивы возвращения: к родному дому, к традиции, к родной почве. Проявятся контуры той пространственной русской души, которую, говоря бердяевскими словами, можно назвать «духовной географией России» и которая во многом через ностальгические элгии автора «Прощания с Матёрой» вошла в наш культурный код вместе с мифами и легендами об Атлантиде, граде Китеже, Беловодье, вместе с философскими утопиями европейских мыслителей. Переводя историческое прошлое в ранг национального мифа, Распутин, как и другие представители «деревенской прозы», способствовал сохранению культурной идентичности, сопротивлению идеологии распада и исторического самоотречения.

Выступивший с докладом «На путях русского Возрождения» Г. Н. Ионин (Санкт-Петербург) остановился на трактовке понятия «русское Возрождение», заметив, что на грани столетий в истории русской культуры и литературы имеют место типологически схожие явления: кризис в конце уходящего и пассионарный взрыв новых исканий в начале только что родившегося века. Русский культурный менталитет как будто бы переживает циклы, укладывающиеся в рамки столетия, проходя все стадии от рождения (запас новых сил и надежд) — через кульминацию (когда развитие достигает наибольшей интенсивности, вскрывая и исчерпывая обещанный и желаемый потенциал) — к развязке цикла, кризису и упадку, который, в свою очередь, несет зародыш нового цикла. В таком контексте докладчик предложил свою версию российского литературного постмодернизма и опыта традиционной школы. «Традиционность» в творчестве Белова и Распутина уже несет в себе духовную силу противостояния идеологической догме и — более широко — восстановления лучших традиций русской и советской классики.

Вместе с тем в современном литературном контексте опыт классиков «деревенской прозы» способствует нравственному исцелению народа, тогда как литературный постмодернизм, переживающий сегодня свой кризис, напротив, не предлагает Возрождения и не готов к нему. Литература постмодернизма разрушает недавние и нынешние процессы разрушения и распада. Но постмодернистский бум уже проходит. Вместе с ним отходит в прошлое и эстетика распада. Самое спасительное и живое для будущего России — это опыт любви к тому, что не должно умирать. Именно такую опору дают нам Белов и Распутин.

Пленарное заседание завершил доклад В. М. Акимов (Санкт-Петербург) «Привычное дело народа и человека», в котором отмечалось, что минувшее и наступающее столетия в российской культуре отличаются небывалым словом в самом типе народного и личного существования. Судьба «привычного дела», т. е. традиционного бытия как всего народа, так и отдельных, но возникших из народной «почвы» сословий, каждого человека, стала главным конфликтным сюжетом в отечественной литературе XX—начала XXI века.

Многие века глубинная ментальная общность трех главных жизненных начал в русской истории — Природа, Родины, Народа — оказывалась особенно значимой. XX век унаследовал и пережил эту жизнетворящую общность во всей ее многоликости. В русской литературе минувших столетий судьба этого великого триединства была главным источником осознанных творческих проблем и неиссякаемой духовной энергии, как бы она ни пресекалась всякого рода стереотипами и шаблонами.

Урбанизация привела к распаду крестьянской жизни, создала небывалые перемены

в народной судьбе. В. М. Акимов отметил две резко противоположные тенденции: нарастающую стандартизацию, порождающую духовное обезличивание человека, и противоположное этому явлению личное самотворение, умение вобрать в себя мир природный и народный как высшую истину и условие Бытия. В массовой же литературе народ превращается в структурно-адаптированное население, родина — в утилитарно используемую территорию, а природа — в источник ресурсов обеспечения для этого обезличенного населения.

Работу секции «Традиция в литературе как выражение национальной духовности» открыл доклад В. Е. Кайгородовой (Пермь) «Массовое чтение и проза Валентина Распутина». Выступавшая отметила, что повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» вызвала особый интерес читателей присутствием в тексте элементов нескольких актуальных массовых жанров: детектива, фэнтези, мелодрамы. Каждый из них в той или иной мере уже отмечен в структуре классических произведений Распутина. Периферийная в повести «Деньги для Марии» детективная составляющая, став центральной, изложена лаконично, без характерных примет жанра. Изобразивший цельный мир Матёры, где сосуществуют люди и образы авторской мифологии, Распутин стал одним из предтеч современных фэнтези. Сегодняшний интерес к идеологии жанра выражается в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» в объединяющей главных героев практике народной этимологии, в общем интересе к слову как памятнику истории народа и разгадке его ментальности. Мелодраматический пафос финала этой повести, а также финалов рассказов «Женский разговор» и «В ту же землю», контрастный эффекту обманутого ожидания, характерному для творчества писателя 1970-х годов, — свидетельство поисков контакта с изменившейся аудиторией, ищущей в книгах моральной поддержки, позитивного видения современности.

«Философский камень прозы А. Д. Леонова» — тема доклада Е. В. Лукина (Санкт-Петербург), говорившего о «Сказке о драгоценном камне». В ней высвечены те нравственные идеалы, которые писатель исповедовал как в своем творчестве, так и в жизни. Непосредственными литературными источниками «Сказки о драгоценном камне» являются повесть Гоголя «Портрет», рассказ Лескова «Александрит» и роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Речь идет о тех мистических явлениях, которые играют определенную роль в судьбе художника, обнаруживая его приверженность идеалам духовной красоты и способность к сопоставлению жизненным обстоятельствам. В образе дарительницы Мелодия угадываются черты оперной певицы Л. А. Дельмас, которой Блок посвятил известный стихотворный цикл. Е. В. Лукин обратил внимание на не случайное совпадение трагических цветовых гамм расска-

за Лескова, стихов Блока и сказки Леонова. Однако, в отличие от предшественников, Леонов наделяет упомянутый камень Мелодией чудесными духовными свойствами. В этом смысле его искания отличаются от пресловутого поиска философского камня, долженствующего разрешить индивидуальную проблему ценностей. Писатель следует русской эпической традиции, которая под настоящим богатством понимает духовное золото-серебро. Творческое наследие А. Д. Леонова следует рассматривать через призму именно такого «драгоценного камня».

А. В. Грунтовский (Санкт-Петербург) в сообщении «Русская философия: Н. М. Рубцов и русские писатели-традиционалисты» говорил о русском традиционном богословии и о том, как оно проявилось в литературе XX века. По его мнению, все разговоры о «полифункциональности» искусства должны быть отброшены. Задача творчества одна — выражение национальной идеи литературными средствами. Национальное самосознание не абстрактная самоцель, но средство к спасению, и традиционная литература душепастельна. Изначально данный логос России: «Русская идея это не то, что мы мыслим о России во времени, а то, что Бог промыслил о ней в вечности». Наши традиционалисты выделялись не «деревенской» темой, а своим монизмом, теоцентричной моделью мира. Наиболее целостным выражением народного богословия, по мнению докладчика, явилось творчество Н. Рубцова. Он по праву назван национальным поэтом России. При жизни поэта это не было очевидным. Его творчество явилось той скрепой, что соединила традиционалистов в русле традиционного богословия, указало путь.

И. В. Новожеева (Брянск) в докладе «Ценности крестьянской цивилизации в русской прозе 1970-х годов» говорила о том, как отразилась заявленная проблема в творчестве Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова и В. Распутина. Особенный интерес к нравственной стороне человеческой жизни в литературе 1960—1970-х годов был художественной реакцией на дефицит духовности современного общества, утверждением непреходящего значения народной культуры, животворности духовно-нравственных традиций крестьянского мира. Герои писателей-традиционалистов устремлены в идеальную, духовную сферу бытия. Жизнь человека осмысливается как часть общего процесса. Во главу угла ставится идея ответственности перед предками и потомками. Важнейшими категориями в художественных мирах писателей-традиционалистов выступают память, правда, привязанность человека к земле, природе, родным могилам. Деревенскую прозу отличают дидактизм повествования, поэтика контраста, ситуация нравственного выбора. Прозаики отразили в своих произведениях мировоззрение человека, оторванного от крестьянской цивилизации, но стремящегося стать

преемником ее культурных, духовно-нравственных традиций.

В сообщении Н. С. Цветовой (Санкт-Петербург) «Художественная философия В. Распутина» был проанализирован один из последних рассказов писателя «Видение» (2003), сверхзадачу которого сам автор определил как постижение «непрерывности жизни» и приближение к ее «единому смыслу». Этим произведением, с одной стороны, завершается центральный сюжет тридцатилетнего этапа творческой эволюции писателя, с другой — происходит кристаллизация формы нового распутинского рассказа. Трансформация традиционного для писателя героя, изменения в языке и стиле повествования направлены на решение сверхзадачи — исследование изменений в отношении автора-повествователя к жизни, которая до недавнего времени воспринималась им как «бесконечная даль с бесконечным вкушением радостей», постижение метафизической основы бытия.

В своем выступлении «Истины национального бытия. Образ России в прозе и публицистике В. Г. Распутина» А. А. Дырдин (Ульяновск) сосредоточился на проблеме воплощения в творчестве писателя национальных идеалов. По мнению докладчика, творческие принципы Распутина формируются в русле русской классики, соединившей эстетическое начало с метафизикой национальной жизни. Образный мир Распутина всегда помещен в самосознающее пространство Руси — России. Повести и рассказы Распутина, его публицистика целостно отражают особенности национально-исторического организма в переломную эпоху, когда страна оказалась на грани утраты своих традиций, своей культуры и веры. Содержание образа России проявляется в системе образов-персонажей, где герои возведены к национальному типу, а мир деревни показан как главный феномен национального бытия. Постоянными в творчестве Распутина становятся слова-концепты: «строительство души», «правда памяти», «человек сущий», «святыня», «отеческое духовное скрепление». Устойчивый взгляд на мироустройство, крепость религиозного чувства — наиболее яркие черты народного мировоззрения. Именно они, по словам Распутина, формируют характер русского человека, в чем «нравственным миропорядке добро и зло имеют определенные, раз и навсегда закрепленные места».

В. И. Влащенко (Санкт-Петербург) в докладе «Герои В. Распутина и Ф. Достоевского (повесть «Живи и помни» и роман «Преступление и наказание»)» предпринял попытку сопоставительного анализа двух произведений. Он отметил, что чувством-доминантой в художественном мире Достоевского и во многих произведениях Распутина является пронзительная боль «о страдательской судьбе человека и мира» (Н. Бердяев), а источником этой боли оказывается совесть художника.

В докладе проводились параллели между главными героями — Гуськовым и Раскольниковым, Настеной и Соней. Если общие чувства — «злоба», «одиночество» и «страх» — сближают Гуськова и Раскольникова, то «обида» одного и «идея» другого разводят их на огромное расстояние. В основе преступления идеологического героя Достоевского лежат разные причины: религиозная, философская, нравственная, психологическая, социальная. Главная причина преступления «естественного» героя Распутина в том, что инстинкт продолжения рода побуждает в Гуськове чувство долга перед людьми (потому и дезертировал, чтобы сохранить себя). «Волк» одолевает «человека». Если вера в Бога помогает кроткой Соне все вынести и помочь воскресению Раскольникова, то Настена, выросшая в атеистическом обществе, измученная и обессиленная, исчерпала человеческие возможности и в отчаянии бросилась в воды Ангары.

Работа секции «Национальный образ мира в русской традиционной прозе» началась с доклада Е. Ш. Галимовой (Архангельск) «Мотив памяти в русской прозе 1970-х и в современной литературе Архангельского Севера», говорившей об особом задании, которое получила литература русской провинции, точнее, глубинной России. Оно может быть определено как трепетное бережение и органичное, полнокровное развитие лучших традиций великой русской словесности. Погоня за литературной модой, ориентация на чужеродные тенденции внутренне чужды литературе российской провинции. Основное внимание Е. Ш. Галимова уделила роману Михаила Попова «Свиток» (2006), а также поэзии Елены Кузьминой, Александра Роскова и Александра Логинова.

В. Н. Запезалов (Санкт-Петербург) в докладе «Повесть В. Белова „Привычное дело“: к проблеме интерпретации» обратил внимание на сложность художественной структуры произведения, в котором звучит мотив трагизма жизни послевоенной деревни, когда в аграрной политике государства давали о себе знать волюнтаризм и администрирование, порождавшие многие экономические и нравственные конфликты. Несправедливость, учиненная над героем, беда, обрушившаяся на семью, толкнули его на бунт: он вышел из колхоза и подался в город на заработки. Но разрыв с почвой обернулся трагедией — смертью жены, надорвавшейся на покосе.

Докладчик остановился на полемике вокруг повести. Е. Дорош, Ф. Кузнецов, В. Чалмаев, П. Глинкин увидели в герое «народный характер», другие критики (В. Гусев) считали, что Белов создал «утопию», «пастораль», что нет оснований «для умиления» покорным судьбе главным героем. В. Кожин утверждал, что крестьянство — это не «идеальная», не высшая часть народа, но необходимая почва для постоянного возрождения жизненной силы нации. Характер Ивана

Африкановича противоречив. В нем уживаются покорность, незлобность, доброта и бунтарство. Докладчик не согласился с А. Ю. Большаковой, утверждающей, что в главном герое соединились два типа крестьянского характера — «традиционного праведника» и «вольного человека». Он не то и не другое. Это труженик, это советский крепостной (беспаспортный) крестьянин. Ю. Селезнев назвал «Привычное дело» «положительной программой Белова». Несмотря на горечь фабулы, это светлое произведение, воспринимающееся как протест против одиночества.

Н. В. Ковтун (Красноярск) выступила с докладом «Агиографический канон в повести В. Распутина „Живи и помни“».

Доклад А. А. Горелова (Санкт-Петербург) «О языке Василия Белова» был посвящен проблемам культурной родословной писателя, близкого словопорождающей народной стихии. Докладчик напомнил о лирической повести «Раздумья на родине» (1965—1975). Мастерство использования Беловым богатств народного языка было проиллюстрировано в диапазоне от бытовых «микророманов» («Кольбельная», 1965) до публицистики высокого гражданского накала («Циники и симплициусы», 1994), где насыщенная историческая правдой семантика ведущих терминов-понятий прозы Белова раскрывается как виртуозная и вместе с тем органическая сцепленность всех стиливых элементов и содержания произведений.

В докладе А. Г. Лысова (Вильнюс) «„Прощание с Матёрой“ В. Распутина в контексте произведений о „всемирном потоке“ в русской литературе XX века» была высказана мысль о том, что «Прощание с Матёрой» — это взгляд с другого «затопляемого берега», а еще точнее, из духовных глубин русской Атлантиды — праведного града Китежа. Распутинская повесть — гимн уходящей под воду прекрасной, обжитой многими поколениями земле, реквием по праведной Руси, затопляемой не Светлояр-озером, а мутными хлябями очередных «братских ГЭС». Соответствие библейскому сюжету поддержано сценами переправы на пароме, явно возводимыми к Ноеву ковчегу. Такой переключкой с ветхозаветным источником Распутин придавал гибели Матёры глобальный характер. Докладчик устанавливает немало переключек Распутина с другими писателями в исследуемом сюжете. Это и «Мистерия-буфф» В. Маяковского, и «Уход Хама» Л. Леонова, М. Волошин с градом Китежем, В. Хлебников и Н. Гумилев с их мотвами Атлантиды. Не говоря уже о сценах потоков у Д. Мережковского, разливе реки в «Стране Муравии» А. Твардовского, гипотетическом финале в «Поэме без героя» А. Ахматовой. Это и ассоциации с «Дельфинадой» С. Кирсанова, с апокалиптическим лейтмотивом потока в «Пирамиде» Л. Леонова.

Однако эта повесть представляет собой еще и житие, и высокий гимн старухе Дарье.

Человек чистой души, твердых моральных убеждений, Дарья являет собой классический образ подвижника, известный в древнерусской литературе. Тщетны усилия сына отыскать в тумане и мать свою, и Матёру. Но в этом финале и трагико-просветленное решение библейского сюжета: Дарья и при жизни уже принадлежит «миру и граду невидимому». Подобным финалом Распутин сказал очень многое, и прежде всего то, что и Дарья, и Матёра могут быть спасены только вместе. Очеловечиваемая природа и праведный человек повиты единой судьбой.

Ю. А. Дворяшин (Сургут) в докладе «М. А. Шолохов и русская литературная классика второй половины XX века» отметил, что из-за грани, разделяющей столетия, становятся различимее не только черты явной эстетической самобытности «деревенской прозы», но и ее художественно-методологическая сущность. По всем приметам это литературное течение может быть обозначено как русская литературная классика второй половины XX века. Сегодня стало очевидным, что наиболее значительные художественные результаты этого времени были достигнуты именно этой группой писателей. Следует отметить их последовательную ориентацию и на традиционные ценности народной жизни, и на творческие идеалы классиков XIX века. Наиболее выдающиеся авторы «деревенской прозы» своим творчеством продемонстрировали в новых условиях плодотворность реализма.

Автор «Тихого Дона» стал для русских прозаиков 60—80-х годов творческим ориентиром. Введение опыта Шолохова в историко-литературный контекст современной прозы снимает ощущение внезапности в обращении сегодняшних авторов к морально-этической проблематике, к мотиву исторической памяти народа как основе его духовного мира, к народно-национальным корням.

В докладе А. А. Митрофановой (Санкт-Петербург) «„Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся...“ (художественная парадигма произведений В. Распутина)» был предложен анализ произведений писателя последних лет. Они выводят на первый план идею любви и удостоверяют ее высокий статус в предшествующем творчестве. Смысл рассказа «Новая профессия» в том, что современное меркантильно-эгоистическое общество утратило представление о спасительной роли, которая была «назначена» христианством любви. Однако в самой неосознаваемой жажде любви, владеющей современным человечеством, заключена для него надежда на спасение. Распутин пишет о современной любви, в его произведениях она насыщается христианскими смыслами. Начиная с «Василия и Василисы», через «Пожар» к «Женскому разговору» она осмысливается как супружеская любовь, соединяющая двоих «в едину плоть» — в цельного, обладающего всею полнотой внутренней жизни че-

ловека. Сила любовного чувства героев убеждает, что в «Живи и помни», помимо неколебимой нравственной позиции, с которой судит героев сам крестьянский мир, воплощена и более высокая сострадательная позиция, утверждающая бесценность любой человеческой жизни и обещающая героям прощение: нет такой вины, которая не простилась бы Господом, ибо Бог есть любовь.

В. И. Матушкина (Мичуринск) в докладе «Поэтика вечного» в прозе Л. Леонова и В. Распутина» размышляла о том, какие внутренние скрепы определяют идейно-эстетическое поле современной русской литературы, занятой поисками путей духовного возрождения нации. Посредством создания гротескных ситуаций, искушения соблазном, переосмыслением библейских сюжетов, притч, образов, органически вплетающихся в повествование, утверждается мысль о вечном противостоянии добра и зла. Особый идейно-эмоциональный колорит создают сочетание мифа, мистики и реальности, а также образительно-выразительные средства языка.

Заключительное пленарное заседание открылось докладом В. П. Муромского «А. Вампилов как классик русской драматургии». Сочетание недооцененного при жизни большого таланта, преждевременного трагического ухода в иной мир и посмертной славы — вполне узнаваемая модель жизненной и творческой судьбы многих великих людей русской литературы и культуры. Несомненна и глубокая укорененность творчества Вампилова в русской классике.

Феномен Вампилова более чем убедительно подтвердил представление о провинции как арсенале талантов. С полным основанием он может быть назван, как и его великий предшественник, «драматургом русской провинции». Драматургия Вампилова содержит в себе сложный сплав традиций русской классической литературы. «Дом окнами в поле» определенно соотносится с чеховской традицией, а «История с метранпажем», впоследствии вошедшая в «Провинциальные анекдоты», — с гооголевской. Опыт Гоголя преломляется в творчестве Вампилова не только непосредственно, но и сквозь более поздний опыт русской литературы XX века, в частности М. Булгакова (показательно в этом смысле переработанная в 1968 году комедия «Двадцать минут с ангелом»). Природа таланта Вампилова и Булгакова во многом сходна: для творчества обоих писателей характерны юмор, ирония, озорство, занимательность, парадоксальность. Самая исповедальная пьеса Вампилова «Утиная охота» заставляет вспомнить об отнюдь не чуждой ее автору традиции Достоевского. Сила обобщения, заключенная в образе Зилова, обнаружилась в Вампилове еще один дар, без которого немислим настоящий классик, — дар предвидения. С позиции нынешнего времени загадочная «Утиная охота» воспринимается

как пьеса-предупреждение, пронизательный диагноз писателя. Верность его подтвердилась кризисом всего общества, который развился спустя два десятилетия и последствия которого мы переживаем до сих пор. В основе последней пьесы Вампилова «Прошлым летом в Чулимске» лежит чеховский принцип построения драмы, хотя некоторыми своими сторонами она соприкасается и с горьковской традицией русской драматургии. В каждой своей пьесе, заключил В. П. Муромский, Вампилов раскрывался по-новому, оставаясь при этом самим собой.

Затем прозвучал доклад Ю. К. Руденко (Санкт-Петербург) «Преломление традиций русского исторического романа в творчестве Д. Балашова («Симеон Гордый»)».

В докладе В. И. Конькова (Санкт-Петербург) «Семантика чужой речи в произведениях В. Белова» данная проблема анализируется в аспекте противопоставления речевой партии автора и речевой партии персонажа. Слово берется автором из изображаемой им жизни персонажей. Речь персонажа — часть этой жизни. Но реальное живое слово, попав в текст художественного произведения, меняет свою природу. Оно, с одной стороны, сохраняет предметное значение, которое прямо и непосредственно доступно читателю. С другой стороны, в семантике слова формируется сфера автора, которая в тексте художественного произведения по природе своей концептуальна. Чужое слово становится знаком, получает статус полноценного художественного образа. Созданный образ чужой речи квалифицированным читателем может не только переживаться и восприниматься на наивном уровне, но и истолковываться. Образ речи персонажа русской провинции в произведениях В. Белова, взятых в их совокупности, начинает соотноситься в сознании читателя с нравственными ценностями русской жизни.

В. Н. Бараков (Вологда) в докладе «Н. Рубцов и В. Белов: творческие связи» обратил внимание на то, что они, как ведущие авторы традиционного («почвенного») направления в русской литературе, представленного «тихой» лирикой и «деревенской» прозой, увидели не просто издержки урбанизации, но продолжение трагического процесса «раскрестьянивания». Сквозные темы у Рубцова и Белова — темы земли и России. Общий мотив «умирания» деревни, периодическое «возвращение» в нее, чувство вины перед покинутой «родной стороной» (здесь корни противоречивости и даже раздвоенности характера героя), единое «чувство земли», кровная, «смертная» связь с ней соединяются с мотивами опустошенного дома и храма как символов разрушенной России. Стремление «соединиться с народной почвой» (Ф. Достоевский) проявило себя в виде протеста против отчуждения — как реакция на маргинализацию крестьянства (более того, большинства народа) в России. Все это

явилось следствием общемирового процесса развития цивилизации. «Почвенники», в том числе Рубцов и Белов, стремились сохранить особый тип мышления и культуры со своей системой ценностей. Это, во-первых, отношение к любви как к тайне и как к таинству. Может быть, здесь наблюдаются отголоски православной традиции, в которой важнейшей ценностью в земной жизни является семья (исключительная фигура в этом ряду — мать). Образ матери — один из центральных и эмоционально напряженных во всей «тихой» лирике и «деревенской прозе», напряжимо связанный с мотивом сиротства. Во-вторых, пейзажи у «почвенников» — это единство образов русской природы, деревни и внутреннего состояния души. В-третьих, использование эзопова языка, в частности богатых в этом отношении иносказательных возможностей, образной символики. В-четвертых, «почвенники» одними из первых обратились к православным ценностям. Пытаясь воспроизвести народное мировосприятие, они, естественно, включили в него и фрагменты христианского миропонимания.

В докладе А. М. Любомудрова (Санкт-Петербург) «„На Афоне“ В. Распутина в контексте паломнической литературы XX—начала XXI века» говорилось о возрождении в русской литературе древнего жанра паломнического путешествия. Возникнув в Древней Руси, в Новое время этот жанр претерпел главные изменения, но не исчез, сохраняя главные признаки: описание пути к святым местам, молитва у святыни. Он бытовал в творчестве беллетристов, очеркистов (А. Муравьев, А. Норов, Е. Поселянин, С. Нилус) либо лиц духовных, тогда как классики русской литературы не оставили художественно завершенных произведений этого жанра, хотя и совершали личные паломничества (Н. Гоголь, Ф. Достоевский). В XX веке «хождения к святым местам» встречаются в литературе русского зарубежья, причем в творчестве писателей уже первого ряда — И. Шмелева, Б. Зайцева.

В постсоветскую эпоху паломническая литература возникает вновь благодаря писателям «традиционной школы». «На Афоне» В. Распутина (2004) — классическое произведение паломнического жанра. От «Афона» Б. Зайцева его отличает больший драматизм, обостренная эсхатологичность. Путь воцарения художников «традиционной школы» был разным. Если В. Крупин с начала 1990-х годов свои книги последовательно выстраивал в православной ценностной парадигме (в том числе «Великоросецкая купель», 1990, и «Крестный ход», 1994), то В. Белов долгое время оставался «воинствующим атеистом» и лишь сегодня заявил: «Пока народ не обретет Бога в душе своей, до тех пор не вернется и наш русский лад». В начале XXI века писатели отправляются в паломничества на Святую землю и составляют очерки: Ю. Лощиц («Пасха красная»), А. Сегень

(«Пуп Земли»), С. Лыкошин («Отблески благой вести»), В. Крупин («Незакатный свет»). Их паломнические заметки посвящены судьбам Святой земли в эпоху эсхатологических предчувствий.

«Творчество В. Белова и В. Распутина в восприятии композитора В. Гаврилина» — так назывался доклад П. В. Бекедина (Санкт-Петербург). Книги композитора «О музыке и не только» и «Слушая сердцем» содержат немало фактов, интересных и для литературоведов. Композитор всегда обращался к опыту литературы, прежде всего писателей традиционной школы. П. В. Бекедин проанализировал суждения Гаврилина о произведениях Белова и Распутина. По мнению докладчика, этих писателей роднит с композитором обостренное чувство «малой» родины, уважение к народным традициям и национальной культуре, приверженность к традиционной эстетике, созвучие биографий.

На конференции были представлены стендовые доклады «Онтологическая проблематика пьесы А. Вампилова „Утиная охота“ Т. Н. Садыриной (Красноярск), «Исторический и духовный контекст возрождения традиций православного реализма в творчестве В. Белова шестидесятых годов» Н. М. Коняева (Санкт-Петербург), «Гармония и хаос в художественном мире В. Распутина» Р. Д. Гусева (София), «Вампиловедение на современном этапе: некоторые итоги и перспективы» С. Р. Смирнова (Иркутск), «Казус Сарафанова: специфика конфликтной ситуации в драматургии А. Вампилова» Т. А. Никуновой (Воронеж).

С заключительным словом выступил В. П. Муромский. Он отметил, что творчество В. Белова, А. Вампилова, В. Распутина и наша российская современность, как показала конференция, находятся в весьма сложной взаимосвязи. И если иногда приходится слышать о недостаточной востребованности этих писателей сегодня, то это вовсе не значит, что плоды их талантливого труда перестали быть необходимыми. Конференция привлекла внимание к творческому наследию русской традиционной литературной школы в лице ее выдающихся представителей, показала важность и актуальность этого наследия для развития и укрепления русского национального самосознания, для духовного и нравственного оздоровления общества.

В Большом конференц-зале была развернута выставка архивных материалов из Рукописного отдела ИРЛИ и книжных изданий, посвященная В. Белову, А. Вампилову и В. Распутину. Презентацию выставки провели П. В. Бекедин и А. В. Пантелеев.

В завершение конференции редактор-составитель А. Ю. Большакова представила книгу «Россия и Запад в начале нового тысячелетия» (М.: Наука, 2007).

ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ Ю. В. СТЕННИКА

11 февраля 2008 года исполнилось три года со дня смерти одного из старейших сотрудников Пушкинского Дома Юрия Владимировича Стенника (1935—2005). 14 февраля 2008 года Отдел новой русской литературы ИРЛИ РАН провел научные Чтения, посвященные его памяти.

Открывая Чтения, докт. филол. наук С. А. Кибальник отметил, что Ю. В. Стенник проработал в Пушкинском Доме более сорока лет и большую часть из них в Отделе новой русской литературы. Его отличали широта и разносторонность научных интересов. Достаточно привести такой факт: с разницей в четыре года у него вышли книги «Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма» (Л., 1981) и «Русская сатира XVIII века» (Л., 1985).¹ Для сотрудников Отдела новой русской литературы Ю. В. Стенник особенно дорог и памятен как вдохновенный инициатор и неизменный ответственный редактор коллективного труда «Литература и история». ² Эта проблематика в последние годы жизни исследователя была для него одной из основных: незадолго до смерти он еще успел выпустить в свет свою монографию «Идея „древней“ и „новой“ России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII—начала XIX века» (СПб., 2004).

Собственно научная программа Чтений была представлена докладами Н. П. Генераловой и О. Л. Фетисенко. В докладе «Пореформенная Россия в частной переписке» докт. филол. наук Н. П. Генералова говорила о неопубликованной переписке А. А. Фета с известным государственным деятелем и правоведом, сенатором Н. П. Семеновым (1823—1904). На конкретном примере она показала, что русская литература поистине неотделима от истории России: главной темой частной переписки поэта с Семеновым были экономические последствия для крестьян отмены крепостного права.

Канд. филол. наук О. Л. Фетисенко рассказала об одном из новых исследовательских проектов Отдела новой русской литературы — публикации переписки русских писателей и публицистов славянофильского и

консервативного направлений (И. С. Аксаков, Н. П. Гиляров-Платонов, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, В. В. Розанов, Т. И. Филиппов, С. Ф. Шарапов и др.). Научная же часть ее сообщения была посвящена переписке В. В. Розанова и С. Ф. Шарапова (1893—1910) и конкретнее — наиболее важной из обсуждаемых в ней тем: семейному вопросу, по поводу которого оба корреспондента активно высказывались и полемизировали не только в переписке, но и в своих книгах и статьях.

На «Чтениях» также прозвучал ряд выступлений мемуарного характера. Докт. филол. наук С. А. Фомичев напомнил о непростом детстве Ю. В. Стенника и рассказал о первых годах его работы в Пушкинском Доме. Он отметил, что совсем не случайно Ю. В. Стенник избрал главной сферой своих научных занятий русскую литературу эпохи классицизма, в которой все было четко, размеренно, но это не мешало ему поддерживать самые тесные отношения со многими из сотрудников Института, которые принадлежали к совсем другому типу личности.³ Докт. филол. наук В. Е. Ветловская подчеркнула великую целеустремленность и трудолюбие, любовь к своей семье и патриотизм, окрашивавший научную деятельность исследователя. Докт. филол. наук В. Н. Быстров говорил о том внимании, с которым Ю. В. Стенник относился к своим младшим коллегам по Пушкинскому Дому, и той благодарной памяти, которая осталась у него от общения с Юрием Владимировичем. Докт. филол. наук С. А. Кибальник рассказал о своих первых впечатлениях от знакомства с Ю. В. Стенником и о контактах с ним в 1980-е годы. Он подчеркнул исследовательский темперамент Ю. В. Стенника, азарт, с которым тот относился к предметам своих изысканий, теплоту и эмоциональность в отношениях с коллегами. Докт. филол. наук Н. Д. Кочеткова отметила, что за долгие годы работы в Пушкинском Доме Ю. В. Стенник прошел большой путь в науке, все время расширяя сферу своих научных занятий и претерпевая серьезные изменения как творческая личность.

На Чтениях присутствовали вдова Ю. В. Стенника Валентина Алексеевна Стенник и их дочь Екатерина Юрьевна.

© С. А. Кибальник

¹ Список трудов Ю. В. Стенника см.: XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 323—331.

² Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.). СПб., 1992. 362 с.; Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2. 399 с.; Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.). СПб., 2001. Вып. 3. 524 с.

³ Частичное представление об этом можно составить по мемуарному очерку Ю. В. Стенника, посвященному В. Э. Вацуру. См.: *Стенник Ю. В.* Вспоминая о друге... // В. Э. Вацуру: материалы к биографии. М., 2005. С. 48—54.

Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Ф. Я. Петрова, А. К. Рудзик*
и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Подписано к печати 23.07.08.
Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.8.
Уч.-изд. л. 25.8. Тираж 720 экз. Тип. зак. № 432. С 147

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12